

Ваше время 4-4

Отпечатана и поступила въ продажу
Новая книга:
В. В. РОЗАНОВЪ.
ВОИНА 1914 ГОДА И
РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНІЕ.

ЦѢНА 1 РУБ.

СКЛАДЪ въ книжномъ магазинѣ Т—ва А. С. Суворина — „Новое Время“ высылаетъ иногороднымъ наложеннымъ платежомъ съ первой почтой.

ВЪ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Т-ВА А. С. СУВОРИНА — „НОВОЕ ВРЕМЯ“

(Петроградъ, Невскій пр., д. 40) поступили на СКЛАДЪ нижеслѣдующія

СОЧИНЕНІЯ В. В. РОЗАНОВА:

- 1) Среди художниковъ Съ портретами. Цѣна 3 р. 50 к.
 - 2) Литературные изгнанники. Томъ первый. Съ портрет. Цѣна 3 р. 50 к.
 - 3) Итальянскія впечатлѣнія. — Римъ. Неаполитанскій заливъ. — Флоренція. — Венеція. — Съ рисунками Л. С. Бакста и тремя видами Пестума Ц. 1 р. 50 к.
 - 4) Апокалиптическая секта Хлысты и скопцы Ц. 2 р.
 - 5) Темный лихъ. Метафизика христіанства. Ц. 2 р. 50 к.
 - 6) Люди луннаго свѣта. Метафизика христіанства. Изд. 2-е. Цѣна 2 р. 50 к.
 - 7) Уединенное. Почти на правахъ рукописи. Цѣна 1 р. 50 к.
 - 8) Опавшіе листья. Цѣна 2 р. 50 к.
 - 9) Когда начальство ушло. Очеркъ русскихъ событій 1905—1906 гг. Ц. 2 р.
 - 10) О подразумѣваемомъ смыслѣ нашей монархіи. Цѣна 80 к.
 - 11) Русская Церковь. Духъ — Судьба. — Ничтожество и очарованіе. — Главный вопросъ. Цѣна 40 к.
 - 12) Л. Н. Толстой и русская церковь Цѣна 30 к.
 - 13) Библейская поэзія. Цѣна 50 к.
 - 14) Письма А. С. Суворина къ В. В. Розанову. Съ портретомъ. Цѣна 2 р.
 - 15) Обонятельное и осязательное отношеніе евреевъ къ крови. Цѣна 2 р. 50 к.
 - 16) Въ сосѣдствѣ содома. (истоки Израіля). Цѣна 30 к.
 - 17) „Ангель леговы“ у евреевъ. (истоки Израіля). Ц. 30 к.
 - 18) Европа и евреи. Цѣна 40 к.
 - 19) Въ мѣрѣ неяснаго и не рѣшеннаго. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к.
 - 20) Семейный вопросъ въ Россіи. Два тома. Съ египетскими рисунками. Спб., 1903 г. Цѣна 4 р. 50 к.
 - 21) Легенда о великомъ инквизиторѣ Ф. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія. Съ приложеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Книжные магазины благоволятъ обращаться **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ ЭТОТЪ СКЛАДЪ**. Иногородные могутъ выписывать наложеннымъ платежомъ. 6—1.

*... Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ!*

А. С. Пушкинъ.

Открыта подписка на 1914—1915 г.
НА НАУЧНО - ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВЕШНЯЯ ВОДА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно 9 разъ въ годъ—съ 1-го сентября книгами до **300** страницъ разнообразнѣйшаго содержанія,—съ оригинальными рисунками, иллюстраціями въ текстѣ, стильными виньетками, карикатурами.

Задача журнала:

Отражать на своихъ страницахъ жизнь, думы и творчество Русскаго студенчества.

Въ своемъ служеніи идеаламъ правды и любви, объединять идейно мыслящую молодежь.

Помогать Русскому студенчеству легче дышать, красивѣе жить,—искреннѣе плакать, искреннѣе смѣяться.

Вешняя Вода—не коммерческое предпріятіе. Это журналъ студентовъ и для студентовъ,—для всѣхъ, кто учится, кто хочетъ жить и мыслить...

Вначалѣ **каждаго** учебнаго года **Вешняя Вода** вносятъ въ нѣсколько высшихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній небольшія суммы—отчисленія отъ вырученнаго за годъ капитала на взносъ платы **за право ученія бѣднѣйшихъ** Русскихъ студентовъ и курсистокъ.

Кромѣ того, извѣстный процентъ отчисляется раненымъ, пострадавшимъ на войнѣ въ 1914—1915 годахъ, и осиротѣвшимъ семьямъ, потерявшимъ своего кормильца.

Усталъ я видѣть честь—поверженной во прахъ,
Заслугу—въ рубищѣ, свободу—искаженной,
И бѣдность съ шутовской усмѣшкой на губахъ...
Глушцовъ, гордящихся лавровыми вѣнками,
Опальныхъ мудрецовъ, носящихъ скорбь въ тиши,—
Высокій даръ небесъ, осмѣянный слѣпцами,
И силу, мертвую отъ немощей души!..

Съ сентябрьской книги журнала начались печатаніемъ: романъ **курсистки А. Чемодановой**—„Изъ тихаго омута“; научное изслѣдованіе студента **Вяч. Игнатовича**—„Гармонія мірового ха

592

оса“; литературныя замѣтки **Мих. Спасовскаго**—„О современномъ писательствѣ“.

Журналъ раздѣленъ на семь отдѣловъ.

Въ первомъ помѣщаются **передовицы**, ведется **Дневникъ Отечественной войны 1914 года** съ подробными картами военныхъ дѣйствій и **Студенческiи справочникъ**.

Во **второмъ**—беллетристика: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенiя,—баллады, легенды,—иллюстраціи, рисунки, стильныя виньетки.

Въ **третьемъ**—Публицистическіе и научно-философскіе статьи, рефераты, очерки.

Въ **четвертомъ**—„Музыкальная шкатулка“ (музыка, пѣніе, театр).

Въ **пятомъ**—Живыя искорки (здоровый юморъ, карикатуры, шаржи). Въ **шестомъ**—Анкеты и въ **седьмомъ**—Шахматы.

Подписная цѣна:

Съ доставкой и пересылкой на 1 годъ (9 мѣс.)—4 руб., на 1/2 года (5 мѣс.)—2 руб. 50 коп. За границу—10 руб. Для священниковъ, школьныхъ учителей и учительницъ и учащихся высшихъ и среднихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній при годовой подпискѣ допускается **разсрочка** по рублю въ первые четыре мѣсяца.

Плата за объявленiя: Впередѣ текста за цѣлую страницу—60 руб., 1/2 страницы—40 руб., 1/4 стр.—25 руб., 1/8 стр.—15 руб. Позади текста за цѣлую стр.—40 руб., 1/2 стр.—25 руб., 1/4 стр.—15 руб., 1/8 стр.—10 руб. На обложкѣ (3-я и 4-я стр.) за цѣлую страницу—100 руб., 1/2 стр.—60 руб., 1/4 стр.—40 руб. и 1/8 стр.—25 руб.

Для учащихся, ищущихъ труда, дѣлается **скидка 50%** съ общаго тарифа объявленій послѣ текста; объявленіе, при этомъ, не должно превышать 1/8 страницы.

Журналъ поставленъ широко. Печатается на плотной бѣлой бумагѣ.

ПРИГЛАШАЮТСЯ МОЛОДЫЕ СОТРУДНИКИ И КОРРЕСПОНДЕНТЫ.

Вешнія Воды—единственный въ Россіи большой Русскіи студенческiи научно литературно-художественный журналъ. Продается во **всѣхъ** книжныхъ магазинахъ. Въ отдѣльной продажѣ цѣна № 60 коп. (съ пересылкою—85 коп., можно почтовыми марками).

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!

Подписка и объявленiя принимаются въ Главной Конторѣ и Редакціи журнала „Вешнія Воды“: **Петроградъ, 7-я Рождественская ул., д. 4 кв. 13.** Телефонъ 67-74.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 10-ти до 5-ти часовъ дня.

Редакторъ-Издатель **Мих. Спасовскіи.**

Издательница **курсистка А. Спасовская.**

Подписка на журналъ продолжается въ течение всего года.

Живописецъ
М. ПЕТРОВЪ.

Исполняю всевозможныя живописно-малярныя,
лакировочныя и позолотныя работы.

Пишу вывѣски и дѣлаю стеклянные потолоки.

Эмалированныя Рельефныя буквы и доски соб-
ственнаго производства.

ПЕТРОГРАДЪ,

Греческій пр., уг. 4 Рождественской, д. № 4—9.

Н О В А Я К Н И Г А.

Мих. Спасовскій.

БОЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО.

(Русская литература и еврей).

Петроградъ 1914. Цѣна 50 коп.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“,
Вольфа, Сытина, Башмакова, (г. Казань), Н. И. Федорова,
П. П. Глѣбова Ф. А. Прокофьева, въ кіоскахъ гор. Саратова.

Складъ изданія у автора: Петроградъ, 7-я Рождественская ул.,
д. 4, кв. 13. Тел. 67-74.

Выписывающіе изъ склада (наложеннымъ платежомъ) за пере-
сылку приплачиваютъ 20 коп.

А. В. Жуковскій.

З В Ѣ З Д Ы У Г А С Ш І Я...

Книга 2-ая. Юрьевъ, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Продается въ Главной Конторѣ журнала „Вешнія Воды“: Пет-
роградъ, 7-я Рождественская, 4. Тел. 67-74.

1-й экз.

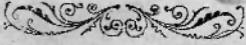
ВЕШНЯЯ ВОДА.

592

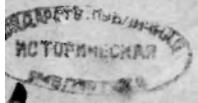
Научно - литературно - художественный
Студенческий журнал.

L v 4

декабрь, 1914г

ПЕТРОГРАДЪ.
Отечественная типографія, Шпалерная, 26.
1914.

Редакція
Научно-Литературно-Художественнаго
журнала
„ВЕШНЯЯ ВОДА“

—
Петроград.
Ул. Воздвижен. ул.,
д. 4.

—
Февр. 7 дня 1915г.

№ 930.

Вз редакцію газети
„Кремль“
— обличною и гуч
отзава.

Москва

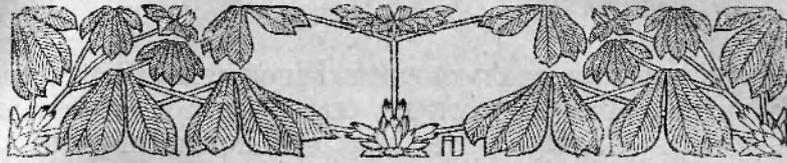
I.

Ориг. рис. В. Леонтьева.

ЛИХАЯ АТАКА.

Собств. *Вешнихъ Водъ.*

Петроградъ, 1-го декабря.

Что имп. Вильгельмъ, толкнувъ на Россію Турцію и неустанно подзуживая противъ насъ Румынію съ Болгаріей,—поставилъ на карту все—и свое существованіе, какъ конституціоннаго императора, и существованіе германскаго государства, что онъ, пускаясь въ явно роковую авантюру, идетъ „ва-банкъ“, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Тотъ подкупъ, который изъ казначейскаго сундука германскаго правительства широкой рѣкою льется явными и тайными тысячами ручейками, наглядно, рѣзко подчеркиваетъ катастрофическое истощеніе духовныхъ силъ пресловутаго Vaterland'a.

Разгорѣвшаяся война полна неожиданностей. Возможно что она продолжится долго, до поздней весны,—возможно, что намъ придется выдержать еще цѣлый рядъ большихъ кровопролитныхъ сраженій,—возможно, что потерявшій разсудокъ врагъ нашъ будетъ биться до послѣдняго своего издыханія, до потери всѣхъ своихъ силъ, всего своего достоянія,—даже того, что онъ могъ бы имѣть при заключеніи мира по договорамъ,—возможно, что такъ широко замахнувшись, господа нѣмцы уже не въ силахъ сами себя сдержать, что выброшенный впередъ кулакъ ихъ оказался тяжелѣе всего тѣла, что онъ перетянулъ, смѣстивъ центръ тяжести, вывелъ изъ равновѣсія ожирѣвшаго культуртрегера. Такъ цирковой гладиаторъ преждевременно падаетъ придавленный не столько колѣ-

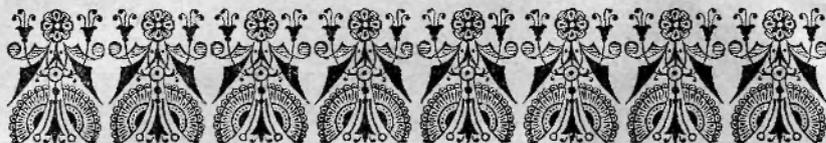
номъ побѣдителя, сколько чрезмѣрной тяжестью собственнаго щита... Что бы тамъ ни было, — мы не будемъ вдаваться ни въ какія гадательныя предположенія, онѣ насъ заведутъ слишкомъ далеко и при этомъ очень мало дадутъ и уму и сердцу. Отъ Германіи намъ почти ничего не нужно, съ ней мы ведемъ войну скорѣе оборонительную, чѣмъ завоевательную. Наша земля и безъ того велика, обильна. У Австро-Венгріи мы взяли то, что намъ искони принадлежитъ, мы взяли свое. То же съ Турціей, — Блистательная Порта, если она, хотя бы на грошъ сохранила въ своемъ ошельмованномъ мозгу понятіе о добропорядочности, *должны* вернуть Россіи, какъ прямой и единственной наслѣдницѣ Византіи, то, что намъ принадлежало еще за-долго до появленія турокъ на горизонтѣ европейской жизни — Царьградъ и Дарданеллы.

Въ сутолокѣ дипломатической игры вопросъ о Царьградѣ рисуется въ довольно смутныхъ очертаніяхъ. Вчера и въ прессѣ и въ обществѣ говорили о томъ, что Царьградъ предполагается сдѣлать нейтральнымъ, международнымъ городомъ. Сегодня круто поворачиваютъ въ сторону и съ восторгомъ рассказываютъ, что Царьградъ будетъ чисто Русскимъ городомъ — третьей столицей Руси Святой. На завтра готовится уже новое „общественное мнѣніе“. И слухи, словно волчокъ, мѣрно качаясь то вправо, то влево, вырисовываютъ довольно пестрый узоръ на фонѣ всевозможныхъ ожиданій. Нѣтъ одной твердой линіи, нѣтъ одной строго опредѣленной директивы, строго опредѣленнаго теченія. Какъ ни странно, — но это такъ. Русское общество должно бы, кажется, мыслить какъ одинъ, чувствовать и понимать „суть“, какъ одинъ, дружно, согласно. А нѣтъ! — оно привычно разстасовывается на партійные лагеря съ вѣчнымъ непониманіемъ другъ друга и ненависти. А между тѣмъ вопросъ о Царьградѣ простъ и ясенъ, какъ Вожій день, — имѣетъ онъ лишь *одно* рѣшеніе: *возвращеніе Царьграда Россіи*. И никакіе разговоры о какомъ-то нейтральномъ городѣ не должны имѣть мѣста ни на страницахъ

Русскихъ газетъ, ни въ частныхъ разговорахъ. *Царьградъ—наше*, никто не смѣетъ посягать на него! Больше стойкости, энергии, больше честнаго, беззавѣтнаго служенія своей Родинѣ. и Царьградъ навсегда останется за Россіи.

Зорко слѣдите за тѣми, кому вообще всегда выгодно очередное униженіе Руси:—отъ насъ будутъ всѣми мѣрами стараться оттянуть Царьградъ. Международныя интриги темныхъ политикановъ еще много зла принесутъ нашей Православной Монархіи. Чтобъ ослабить эти гнусные удары по *внутренней* государственной нашей жизни,—повторяемъ. слѣдите, зорко слѣдите за ними... Вы знаете, за кѣмъ!..

Дневникъ Отечественной войны 1914 года.

Октябрь.

11-го. Русскія войска за Вислой настигаютъ отступающія непріятельскія арміи. Германцы отброшены къ Скерневицамъ. Къ югу отъ Пилицы идетъ серьезный бой.

На рѣкѣ Санѣ и къ югу отъ Перемышля продолжаются упорные бои. Русскіе захватили тысячу плѣнныхъ. Разсыяна колонна, занимавшая Стрый.

Французскія войска продвинулись впередъ въ области Лапгемаркъ, на востокъ отъ Ньюпорта и между Армантьеромъ и Лиллемъ и въ области Вевра.

12-го Русскія войска нанесли поражение германскимъ арьергардамъ. Ловичъ, Скерневицы и Рава взяты атаками въ штыки. На путяхъ къ Радому сраженіе съ австрійцами приняло значительные размѣры. Захвачены плѣнные, пулеметы и пушки.

Попытка австрійцевъ охватить нашъ лѣвый флангъ къ югу отъ Перемышля отражена.

13-го бои на путяхъ къ Петрокову и Рядому развились въ большое сраженіе къ сѣверу отъ Равы. Во время штыковыхъ боевъ германцы понесли большія потери. Захвачены двѣ германскихъ батареи.

Частные успѣхи достигнуты на путяхъ отъ Новой Александрии, гдѣ взяты орудія и много плѣнныхъ.

Къ югу отъ Самбора Русскими захвачены 20 орудій.

Попытки наступленія германцевъ въ Восточной Пруссіи отражены.

14-го Русскія войска отразили атаки германцевъ въ районѣ Бакаларжева.

Въ Гомбинѣ, на берегу Вислы, нами взяты германскій обозъ и плѣнные. Въ направленіи Новой Александрии—Зволенъ одержанъ существенный успѣхъ; взято много плѣнныхъ, пулеметы и орудія.

Къ югу отъ Перемышля Русскія войска съ боемъ достигли желѣзной дороги Старое-Мѣсто—Турки.

Въ районѣ Суассона и Берри-о-Бака французами разрушено нѣсколько германскихъ батарей. Къ востоку отъ Нанси французы перешли въ наступленіе.

15-го. Въ четырехдневномъ сраженіи къ югу отъ Пилицы Русскія войска нанесли германо-австрійскимъ войскамъ существенное пораженіе. Сломлено сопротивленіе двухъ германскихъ корпусовъ. Окружена часть австрійцевъ у Берджежа. Непрiятель отступаетъ.

Въ Галиціи бои на всемъ фронтѣ. Взято въ плѣнъ 10 офицеровъ и 500 нижнихъ чиновъ.

Въ Восточной Пруссiи въ районѣ Бакаларжево отражены атаки германцевъ.

Французскія войска отразили всѣ атаки нѣмцевъ между Ньюпортомъ и Аррасомъ и удержали свои позиціи, продвинулись къ сѣверу и востоку отъ Ипра, между Камбрэномъ, къ юго-западу отъ Лабассэ, и Аррасомъ и отбросили германцевъ на правомъ берегу Эна. Въ Веврѣ продолжалось наступленіе.

На побережьи Бельгiи продолжается ожесточенный бой. Германцы переходили черезъ Изерскiй каналъ послѣдовательно семь разъ. Въ каналѣ образовались мосты изъ труповъ.

16-го Русскія войска сломили сопротивленіе послѣднихъ непріятельскихъ частей къ сѣверу отъ Пилицы. Германскіе и австрійскіе корпуса отступаютъ на всемъ Завислинскомъ фронтѣ. Захвачено нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, орудія, пулеметы и обозы.

На восточно-прусскомъ фронтѣ нѣмцы ведутъ тщетныя атаки въ районѣ Бакаларжева.

Турція начала войну съ Россiей обстрѣломъ Феодосiи и требованіемъ сдачи Новороссiйска.

Германскiй крейсеръ „Эмденъ“ потопилъ Русскiй крейсеръ „Жемчугъ“ и французскiй контръ-миноносець въ Пенангѣ, подойдя къ нимъ подъ видомъ англійскаго судна.

17-го Русскія войска отражаютъ атаки германцевъ въ районѣ Бакаларжева и за Вислой тѣснятъ непріятельскіе аррьергарды на фронтѣ Лодзь—Завихость. Въ районѣ Тарлова австрійцы понесли большія потери.

Французы продвинулись впередъ между Аррасомъ и Альберомъ на берегахъ Эна и Мааса къ сѣверу отъ Вердена.

Союзныя войска отразили атаки нѣмцевъ около Ипра и продолжаютъ свое движеніе впередъ.

18-го на восточно-прусскомъ фронтѣ попытки германцевъ прорвать центръ Русской укрѣпленной позиціи у Бакаларжева терпятъ неудачу.

За Вислой Русскія войска прочно заняли Гостынинь, Ленчицу, Лодзь и Островецъ.

19-го на восточно-прусскомъ фронтѣ Русскія войска продвинулись впередъ въ районѣ Владиславовъ—Роминтенскiй лѣсъ.

За Вислой мы заняли Петроковъ, Опочно, Ожаровъ. На путяхъ къ Опатову взято 400 плѣнныхъ, 6 пулеметовъ и обозъ.

На Санѣ у Лезахова нашъ пѣхотный полкъ овладѣлъ штурмомъ временнымъ фортомъ. Взято въ плѣнъ 500 чел. при 5 офицерахъ и пулеметы.

У Надворной, у Карпатъ, отброшена колонна противника.

Русскій посольскій составъ посольства выѣхалъ изъ столицы Турціи и прибылъ въ Бухарестъ.

Порта вручила паспорта посламъ Великобританіи и Франціи.

20-го Русскія войска на восточно-прусскомъ фронтѣ отбили атаки на Владиславовъ и продвинулись впередъ къ сѣверу отъ Райгродскаго озера.

За Вислой Русскіе продолжали наступленіе, отбросивъ въ районѣ Опатова австріяцевъ. На лѣвомъ берегу Сана наши войска ворвались въ селеніе Ниско и завязали въ этомъ районѣ упорный бой.

Приказомъ по Кавказской армии повелѣно войскамъ перейти границу и атаковать турокъ.

21-го Государь Императоръ отбылъ въ дѣйствующую армію.

За Вислой къ сѣверо-западу отъ Пилицы Русскія войска заняли Шадекъ, Ласкъ и Роспржу. Юго-восточнѣе Кѣлецъ австріяцы отброшены и потеряли 3 орудія, 5 пулеметовъ и 1,500 плѣнныхъ.

На восточно-прусскомъ фронтѣ нѣмцы всюду перешли къ оборонѣ.

Русскія войска продолжаютъ переправляться черезъ рѣку Санъ. Въ районѣ Низко продолжается упорный бой.

Французскія войска вновь заняли переправы черезъ рѣку Изеръ, продвинулись къ сѣверу отъ Лиса и отразили всѣ атаки въ Бельгіи и противъ Арраса, Лигона и Ле-Кенуа. Французы продолжали наступленіе на востокъ отъ Байи и на Понтъ-а-Муссонъ.

22-го Русскія войска, перешедши съ боемъ границу Турціи, захватили рядъ селеній и укрѣпленный пунктъ Зивинъ. Въ Ардосѣ турки бѣжали. Послѣ перехода 80 верстъ въ 30 часовъ разсѣяны курдскіе полки, заняты Діадинъ, взяты славный Баязетъ.

На восточно-прусскомъ фронтѣ Русскія войска взяли Бакаларжево и отбросили правый флангъ германцевъ къ Лыку и Бялѣ. Взята въ плѣнъ цѣлая рота. Нѣмцы отступаютъ.

Австріяцы 21 октября отброшены за Кѣльцы, ихъ арьергарды выбиты изъ Коло и Пржедборжа. Въ Кѣльцахъ захвачены нами 600 плѣнныхъ и пулеметъ. Взяты Сандомиръ.

23-го затонулъ австріяскій крейсеръ въ Циндао „Kaiserin Elisabeth“.

По сообщенію „Echo de Paris“, генералъ фонъ-Клукъ убитъ бомбой, брошенной французскимъ авіаторомъ.

Въ Лондонѣ опубликованъ королевскій указъ о войнѣ Авліи съ Турціей.

По просьбѣ германскаго правительства Румынія возвратила Германіи задержанные 72 вагона съ военными припасами.

24-го Русскія войска очищаютъ занятые районы отъ мелкихъ партій разбитыхъ турецкихъ войскъ. Передъ взятіемъ Баязета были обращены

въ бѣгство турецкія войска у Базыргана. Къ востоку отъ Діадина опрокинуты и разсыяны три полка курдовъ.

Между Диксмюде и рѣкою Лисъ продолжалось сраженіе. Въ Бельгій и сѣверной Франціи германцы производятъ перемѣны въ составѣ силъ. Послѣ ожесточеннаго сраженія въ Аргоннахъ французы заставили германцевъ отступить. Въ Веврѣ отражены атаки неприятеля.

25-го Русскія войска успѣшно наступаютъ въ районѣ Роминтенская роша—Филиппово—Лыкъ; германскія арьергарды, выбиты изъ Млавы, понесъ большія потери.

За Вислой продолжается отступление неприятеля. Произошли столкновения у посада Варта и у Мржава.

На Черномъ морѣ Русскій флотъ обстрѣлялъ портъ Сангулдакъ и потопилъ четыре турецкихъ транспорта.

Къ сѣверо-востоку отъ Кара Килиссы-Алашкертской были отброшены съ большими потерями курдскіе полки, поддержанные пѣхотой низама. Продолжается очищеніе занятыхъ нами районовъ отъ курдовъ и турецкихъ войскъ. На пути къ Эрзеруму заняты Кебри-Кей.

Русскія войска послѣ горячаго боя взяли укрѣпленную позицію турокъ Кебри Кея, прикрывающую путь на Эрзерумъ.

26-го на восточно-прусскомъ фронтѣ Русскія войска выбили германцевъ изъ сильно укрѣпленнаго вержболовскаго района и продвинулись до Сталюпенена.

На лѣвомъ берегу Вислы Русская конница повредила желѣзную дорогу въ предѣлахъ Германіи къ сѣверо-западу отъ Калиша.

На путяхъ къ Кракову Русскія войска атаковали австрійскіе арьергарды на рѣкѣ Нидѣ и Нидзицѣ.

Въ послѣднихъ бояхъ на Санѣ взято въ плѣнъ 125 офицеровъ и 12,000 нижнихъ чиновъ. Захвачены пулеметы и матеріальная часть.

На Изерѣ союзныя войска вновь заняли большое предмостное укрѣпленіе Ньюпорта. Затонула одна германская батарея. Атаки въ районѣ Ипра отражены союзниками.

27-го Государь Императоръ посѣтилъ Холмъ и по пути въ поѣздѣ принялъ доклады командующихъ арміями.

Въ Восточной Пруссіи Русскія войска овладѣли Гольдапомъ. На Млавскомъ направленіи артиллерійскимъ огнемъ было остановлено желѣзнодорожное движеніе къ станціи Сольдау.

За Вислой германцы отошли отъ Влоцлавска къ Нешавѣ и отъ Конина на Слупцы.

Къ югу отъ Перемышля взято 1,000 плѣнныхъ и нѣсколько орудій.

Турецкія суда бомбардировали Поты.

У Кебри-Кейской позиціи обращены въ бѣгство двѣ дивизіи турокъ.

28-го въ Восточной Пруссіи Русскія войска отгѣснили правое крыло неприятеля къ Мазурскимъ озерамъ.

Близъ станціи Мушакенъ Русская конница нанесла пораженіе германскому отряду.

На путяхъ къ Кракову Русскія войска достигли Мѣхова, а въ Галиціи переправляются черезъ Вислоку и занимаютъ Ржешовъ, Дыновъ и Лиско.

У Кепри-Кей турки ввели въ бой новыя войска. Послѣ ожесточеннаго боя Русскіе удержали все ранѣе захваченное.

Командующій арміей обратился къ полякамъ въ Радомской губерніи съ воззваніемъ, въ которомъ благодаритъ за истинно-славянское гостепрѣимство, оказанное Русскимъ войскамъ.

Французскія войска отразили атаки германцевъ къ югу отъ Ипра и между Ипромъ и Армантьеромъ. Британскія войска также отбили всѣ атаки.

Бельгійскія войска продвинулись впередъ въ районѣ Ньюпорта.

29-го на восточно-прусскомъ фронтѣ Русскія войска подошли къ восточнымъ выходамъ изъ района Мазурскихъ озеръ.

Въ районѣ Гольдапъ—Сольдау произошли успѣшныя для Рускихъ столкновения.

Продолжается наступленіе на галиційскомъ фронтѣ.

Нападеніе турокъ на Кепри-Кейской позиціи отбито и обходная колонна врага разбѣяна.

30-го въ Восточной Пруссіи Русскія войска заняли Иоганнисбургъ.

Между Калишемъ и Нешавой за Вислой происходили небольшія боевыя столкновения.

Русскія войска въ Карпатахъ атаковали австрійскіе аррьергарды въ районѣ Санока.

Возстановлена блокада Перемышля.

Атаки турокъ на Кепри-Кейскія позиціи отражены. 27 октября турки были разбиты у Ханэ-Сурскаго перевала.

31-го въ Восточной Пруссіи продолжаются бои въ районѣ Сталупенена и за проходы черезъ восточную цѣпь Мазурскихъ озеръ. Обозначилось наступленіе Германцевъ по обоимъ берегамъ Вислы на Рыпинъ и Влоцлавскъ. Непритель подтянулъ сюда часть войскъ отъ Лыка.

Въ Галиціи при занятіи Кросно Русскими австрійскіи аррьергарды понесъ сильный уронъ.

Ноябрь.

1-го Государь Императоръ въ Высочайшей телеграммѣ на имя московскаго городского головы подтвердилъ свою волю о продолженіи войны до осуществленія Россіи ея историческихъ задачъ.

Государь Императоръ посѣтилъ крѣпость Ивангородъ.

Наши войска взяли близъ Сольдау 5 германскихъ гаубиць.

31 октября наши войска принудили Нѣмцевъ отойти отъ Рыпина.

На краковскомъ направленіи наши войска переправляются черезъ р. Шреняву.

Въ Галиціи наши войска заняли Тарновъ.

Къ югу отъ Каракилисы Алашкертской наша кавалерія опрокинула натискъ многочисленныхъ отрядовъ курдской конницы.

Французскія войска имѣютъ частичный успѣхъ между каналомъ Лабассэ и Аррасомъ.

Наступленіе германцевъ къ востоку и юго-востоку отъ Ипра остановлено.

Въ Аргонахъ идетъ ожесточенный бой.

Наступленіе германцевъ вокругъ Вердена остановлено французской артиллеріей.

Сраженіе подъ Граховымъ закончилось поражениемъ австрійскихъ войскъ Черногорцами.

2-го Государь Императоръ съ Государыней Императрицей и Августѣйшими Дочерьми посѣтилъ Гродну и Двинскъ.

Въ Восточной Пруссіи Русскія войска съ боемъ продвигаются впередъ.

Въ районѣ Сольдау—Нейденбургъ происходятъ бои. Несмотря на сопротивление, Русскія войска здѣсь продвинулись впередъ.

На лѣвомъ берегу Вислы развивается сраженіе на фронтѣ Плоцкъ—р. Варта.

Австрійцы пытаются организовать оборону на р. Дунайцѣ.

Русскія войска продвигаются къ переваламъ черезъ Карпаты.

3-го развиваются бои на фронтѣ Плоцкъ—Ленчица—Унеіовъ.

Въ Восточной Пруссіи непріятель отступилъ, потерпѣвъ неудачу въ районѣ Сталупенень—Посесернь. Продолжаются бои въ районѣ Сольдау—Нейденбургъ.

Продолжается наступленіе Русскихъ войскъ къ Кракову.

Южнѣ Лиско Русскими войсками взято въ плѣнъ 10 офицеровъ и около 1,000 нижнихъ чиновъ.

Русскіе передовые отряды въ Турціи, выяснивъ группировку силъ противника, въ виду значительныхъ подкрѣпленій, подонедшихъ къ туркамъ, отходятъ съ боемъ въ указанные имъ районы.

Японскія войска торжественно вступили въ Циндао.

4-го на фронтѣ между Вислой и Вартой бой принимаетъ характеръ большого сраженія.

Въ Восточной Пруссіи германцы отходятъ на фронтъ Гумбинень—Ангербургъ.

Наши войска атаковали австрійскіе арьергарды въ районѣ Дукла и на перевалѣ Ужокъ.

Наши войска на южномъ фронтѣ разсѣяли курдовъ у Дайяра и нанесли полное пораженіе туркамъ за переваломъ Лычъ-Гядукъ и у Хамура.

На Черноморскомъ побережьѣ турки понесли большія потери при попыткѣ наступленія по береговой дорогѣ у Лимана.

Нападеніе курдовъ на обозъ Русскихъ войскъ и на телеграфистовъ между Хане-Сурскимъ переваломъ и Конешехеномъ—отбито.

5-го Русскія войска между Вислой и Вартой съ боемъ отходятъ въ направленіи на Бзуру.

Въ Восточной Пруссіи Русскія войска продвигаются впередъ на фронтѣ Гумбинень—Ангербургъ. На фронтѣ Мазурскихъ озеръ наши войска достигли линіи проволочныхъ загражденій.

На фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ Русскія войска атакуютъ значительныя силы непріятели. Въ Влодовицѣ противникъ обращенъ въ бѣгство.

4-ноября утромъ германскій отрядъ крейсеровъ и миноносцевъ обстрѣлялъ Либаву.

Русскій черноморскій флотъ обстрѣлялъ турецкіи портъ Трапезундъ.

Въ долинѣ Ольты-чая наша колонна атаквала и опрокинула турокъ.

Русскія войска съ боемъ взяли Дутагъ—важный узелъ путей въ долинѣ Евфрата.

6-го Въ Восточной Пруссіи Русскія войска атакуютъ сильно укрѣпленныя позиціи, часть которыхъ къ востоку отъ Ангербурга захвачена нами. Занятъ проходъ между озерами Бувельно и Тиркло. Взято 19 орудій, 6 пулеметовъ, прожекторъ и нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Въ Западной Галиціи наше наступленіе продолжается.

Развиваются бои на фронтѣ между Вислой и Вартой и на линіи Ченстоховъ—Краковъ.

Въ долинѣ Ольты-чая отброшена къ Бару разбитая турецкая колонна. Продолжаются стычки въ Зачорохскомъ краѣ.

Между Черноморскимъ флотомъ и «Гебеномъ» и «Бреслау» въ 25 миляхъ отъ Херсонскаго маяка произошелъ бой. «Гебенъ» принужденъ былъ уйти въ виду тяжелыхъ поврежденій.

7-го,—германцы прилагаютъ усилія, чтобы прорвать наше расположеніе между Вислой и Вартой.

Къ сѣверо-западу отъ Лодзи Русскія войска захватили германскую тяжелую батарею. Одержаны частичныя успѣхи.

Въ Галиціи Русскими заняты Висничъ, Горлица, Дукла, Ужокъ.

Русскія суда въ Черномъ морѣ бомбардировали Хопу, разрушивъ фортъ, казармы и склады огнестрѣльныхъ припасовъ.

Въ долинѣ Ольты-чая турки отброшены къ Бару.

На эрзерумскомъ направленіи Русская колонна опрокинула турокъ у Юсберана.

8-го,—австрійская армія, по официальнымъ даннымъ, потеряла 900,000 человекъ, т. е. 27% своего состава.

Союзныя войска отразили двѣ непріятельскія атаки въ Голлебекѣ. Въ районѣ Эна и въ Шампаніи отмѣченъ успѣхъ французскихъ батарей надъ германскими. Въ Аргонахъ французы взорвали непріятельскія траншеи.

Въ районѣ Вердена и въ Вогезахъ французы продвинулись впередъ.

Сербы отразили непріятельскія атаки къ юго-востоку отъ Лазаревца и разбили непріятельскую колонну около деревни Брайковицы недалеко отъ Валіева.

Въ различныхъ портахъ Великобританіи усилены миныя загражденія.

Экипажи и офицеры турецкаго флота взбунтовались противъ германскихъ офицеровъ. Крейсеръ «Гамидіе» обстрѣлялъ «Бреслау».

9 го между Вислой и Вартой продолжается упорное сражение. Наши войска достигли нѣкоторыхъ частныхъ успѣховъ.

На фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ наши войска взяли 2 тыс. плѣнныхъ и пулеметы.

Австрійцы очищаютъ Новый Сандецъ въ Галиціи.

Русскіе берега Чернаго моря на протяженіи 20 миль отъ берега мѣстами заминированы.

10-го къ сѣверу отъ Лодзи идетъ упорный бой. Атаки германцевъ были всюду отражены.

Обнаружено появленіе новыхъ непріятельскихъ силъ со стороны Велюня.

Обозначился отходъ нѣмцевъ съ линіи Стрыковъ—Згержъ—Шадекъ—Здунская Воля—Возники.

На фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ наши войска захватили 5,000 австрійцевъ.

Германцы подвергли городъ Ипръ ожесточенной бомбардировкѣ, уничтожившей многія зданія. Подверглись также бомбардировкѣ Реймсъ и Суассонъ.

Въ Аргонахъ происходили жаркіе бои. Атаки нѣмцевъ отражены.

Сербскія войска разбили непріятельскій батальонъ, наступавшій на Міоницу, и обратили его въ бѣгство.

Произошло столкновение датскаго парохода «Anglodane» съ германскимъ миноносцемъ близъ Фальстербо. Миноносецъ затонулъ.

11-го Россія, Англія и Франція сдѣлали предостереженіе Болгаріи, что ея вооруженіе протавъ Сербіи будетъ признано актомъ враждебнымъ тройственному согласію.

Лодзинское сраженіе продолжается, нашей конницей захвачены тяжелья орудія.

На фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ сраженіе развивается успѣшно для насъ, за 9-е ноября взято свыше 6,000 плѣнныхъ.

На эрзерумскомъ направленіи противникъ, опрокинутый на всемъ фронтѣ, отступаетъ энергично преслѣдуемый нашими войсками.

12-го наши войска тѣснятъ со всѣхъ сторонъ германцевъ, прорвавшихся въ районѣ Стрыковъ—Брезинъ—Колюшки—Раговъ—Тушинъ и старающихся пробиться къ сѣверу. Захвачены плѣнные, тяжелья и легкія орудія.

Въ сраженіи Ченстоховъ—Краковъ перевѣсъ на сторонѣ нашихъ войскъ.

13 го. Лодзинское сраженіе развивается благопріятно для нашихъ войскъ. Германцы стремятся обезпечить отступленіе своихъ корпусовъ къ Стрыкову.

На австрійскомъ фронтѣ наши войска захватили въ плѣнъ 8,000 австрійцевъ.

На эрзерумскомъ направленіи преслѣдованіе разбитаго противника закончено.

Произошелъ рядъ столкновеній къ югу отъ Алашкертской долины. Нашими войсками разбѣяны значительныя силы курдовъ.

14-го германская подводная лодка потопила английское судно «Molochite» и пароходъ «Thran».

Английская печать выражаетъ восхищеніе смѣлости и искусству Русскаго высшаго командованія и великолѣпному воинскому духу въ Русской арміи.

15-го наши войска одержали рѣшительный успѣхъ на фронтѣ Прошовице—Бржеско Старе—Бохнѣя—Висничъ. Захвачено 7 тысячъ плѣнныхъ, 30 орудій и 20 пулеметовъ.

Въ Лодзинскомъ сраженіи наши войска продвинулись на нѣкоторыхъ участкахъ.

Въ Карпатахъ наши войска атакуютъ значительныя силы австрийцевъ.

Черногорцы отбросили австрийскую колонну, атаковавшую позиціи черногорцевъ у Вышеграда.

Франко-английская эскадра продолжаетъ блокировать Адриатическое море и Дарданеллы и охраняетъ побережье Египта и Суэцкій каналъ.

16-го Русскія войска овладѣли съ боя фронтomъ Гловно—Бѣявы—Собота. Упорные бои велись въ районѣ Стрыкова и Згержа. Захвачены плѣнные, орудія и пулеметы.

Австрийская армія, разбитая Русскими войсками 13 ноября, оттѣснена въ районъ крѣпости Кракова.

Въ Карпатахъ Русскія войска взяли въ плѣнъ 1,200 австрийцевъ. Черновицы вновь заняты нами.

Въ районѣ Мазурскихъ озеръ наши войска вытѣснили германцевъ съ нѣкоторыхъ ихъ укрѣпленныхъ позицій.

17-го Государь Императоръ отбылъ изъ Царскаго Села въ дѣйствующую армію.

Наступленіе нашихъ войскъ къ сѣверу отъ Ловича имѣло успѣхъ. Въ районѣ Лодзи боевыя дѣйствія ограничились артиллерійскимъ огнемъ.

Германцы повели наступленіе отъ Сѣрадзя. Авангарды вступили въ упорный бой.

Нашими войсками послѣ боя заняты Щерцовъ. Бригада прусской пѣхоты отступаетъ въ безпорядкѣ.

Въ Плоцкѣ захвачены 5 германскихъ пароходовъ и баржа съ патронами.

Въ Буковинѣ захвачены подвижной составъ 3 поѣздовъ.

18-го въ районѣ Ловича бои продолжались съ меньшимъ напряженіемъ. Наши войска отбили атаку германцевъ къ сѣверу отъ Лодзи.

Наши войска вступили въ Величку къ югу отъ Кракова.

На фронтѣ Торнъ—Краковъ германская гвардія, наступавшая на фронтѣ Тржбиць—Огомиловъ, потерпѣла полную неудачу.

19-го Государь Императоръ изволилъ останавливаться въ Смоленскѣ и посѣтилъ госпитали и лазареты.

Въ районѣ Ловича на нѣкоторыхъ участкахъ продолжаются бои. Значительныя германскія силы вели 19 ноября наступленіе въ районѣ Лютомерскъ—Щерцовъ.

При взятіи Бартфельда въ Карпатахъ наши войска захватили въ плѣнь 8 офицеровъ и 1,200 нижнихъ чиновъ.

Въ Эльзасѣ французы овладѣли Верхнимъ и Нижнимъ Аспахами. 21-го Государь Императоръ изволилъ посѣтить Тулу и осматривать заводъ.

Идутъ упорные бои на лѣвомъ берегу Вислы на фронтѣ Илово—Ловичъ и на путяхъ съ запада къ Лодзи и Петрокову.

Въ Бельгии происходила сильная артиллерійская перестрѣлка у Ньюпорта и къ югу отъ Ипра. Наводненіе распространяется къ югу отъ Диксмюде. Германцы подвергли ожесточенной бомбардировкѣ Эксъ-Нулетъ.

Въ Ливерпулѣ приведенъ въ качествѣ приза норвежскій пароходъ „Ran“.

22-го Государь Императоръ посѣтилъ раненыхъ воиновъ въ городахъ Орлѣ и Курскѣ.

Продолжаются упорные бои въ районѣ Лодзи и на путяхъ къ Петрокову.

Русскіе бронированные автомобили въ бою 21 ноября на шоссе Пабянице—Лаакъ нанесли большой уронъ непріятельской колоннѣ.

Русскія войска заняли съ боя Сарай и Башкала на путяхъ отъ Дильмана и Хоя.

Французскія войска заняли на правомъ берегу рѣки Мозеля Лемениль, и Синваль де-Ксонъ.

Французскія войска двигаются впередъ въ направленіи Альткирха.

Въ Эльзасѣ французы заняли станцію Бурнгауптъ.

Въ Вогезахъ французы заняли концевое укрѣпленіе германской укрѣпленной линіи.

Французскіе аэропланы совершили удачное нападеніе на заводы Круша въ Эссенѣ.

23-го Государь Императоръ прибылъ въ Харьковъ и посѣтилъ раненыхъ.

Союзныя войска къ сѣверу отъ рѣки Лисъ завладѣли однимъ ударомъ двумя линіями непріятельскихъ траншей.

Въ Аргоннахъ французскія войска отразили атаки пѣхоты, направленной на сѣверо-западную часть Грюрійскаго лѣса.

Союзными войсками была остановлена попытка германцевъ переправиться черезъ затопленное пространство рѣки Изера на плотяхъ, изъ которыхъ нѣсколько было потоплено.

24-го получивъ подкрѣпленія, германцы пытались перейти въ наступленіе отъ Млавы, но были отбиты.

Къ югу отъ Кракова обваружился обходъ нашихъ силъ съ лѣваго фланга. Одинъ изъ нашихъ полковъ, обнаруживъ разрушеніе моста на Дунайцѣ, перешелъ рѣку въ бродъ, взялъ приступомъ высоты и обезпечилъ переправу другихъ войскъ.

Въ Аргоннахъ продолжаютъ бои въ траншеяхъ. Въ области Варенъ и въ Аргоннахъ французы медленно продвигаются впередъ.

25-го. Развиваются бои въ районѣ Прасныша и Цѣханова; въ петроковскомъ районѣ Русскими войсками одержаны частные успѣхи.

Русскія войска нанесли жестокии ударъ германскимъ войскамъ въ долину рѣчки Лососины къ югу-востоку отъ Кракова. Подбиты тяжелыя германскія орудія, взято нѣсколько орудій. Наша артиллерія заставила замолчать пять полевыхъ батарей.

26-го Государь Императоръ прибылъ въ Тифлисъ, восторженно встрѣченный населеніемъ.

На Млавскомъ направленіи бои пріобрѣли менѣе напряженный характеръ.

На лѣвомъ берегу Вислы наступленіе германцевъ на всемъ фронтѣ Иловъ—Гловно было отбито. 25 ноября бои на фронтѣ между Ловичемъ и Иловомъ продолжались безуспѣшно для врага.

Къ югу отъ Кракова продолжается сраженіе съ большимъ упорствомъ; двѣ попытки германцевъ прорвать нашъ фронтъ были отбиты съ большими потерями.

У Севастополя утромъ 26 ноября появился крейсеръ «Бреслау». Атакованный Русскими военными летчиками, крейсеръ удалился.

27-го Государь Императоръ изволилъ совершить путешествіе по Кавказу, восторженно встрѣчаемый населеніемъ. Пребываніе въ Тифлисѣ ознаменовано рядомъ проявленій преданности со стороны населенія.

Попытки германцевъ перейти въ наступленіе въ районѣ Цѣхановъ—Праснышъ были безуспѣшны.

Въ районѣ переваловъ Вышковъ и Бескидъ во время атаки позиціи австрійцевъ наши войска взяли 4 орудія, больше 300 плѣнныхъ и много повозокъ.

28-го наши войска отбили съ успѣхомъ энергичныя атаки нѣмцевъ на млавскомъ направленіи и мѣстами перешли въ наступленіе.

Въ районѣ къ сѣверу отъ Ловича непріятель въ ночь съ 26 на 27 также велъ энергичныя атаки, которыя были отбиты съ громаднымъ урономъ для нѣмцевъ. Всего было отбито 7 атакъ германцевъ.

Въ районѣ къ югу отъ Кракова продолжалось успѣшное наступленіе нашихъ войскъ, причемъ захвачено нѣсколько орудій и пулеметовъ и до 2,000 плѣнныхъ.

29-го на фронтѣ Иловъ—Ловичъ шли ожесточенныя атаки германцевъ, отбитыя съ громаднымъ урономъ нашими войсками.

Къ югу отъ Кракова наши войска взяли четыре орудія, семь пулеметовъ и до четырехъ тысячъ плѣнныхъ.

Въ Карпатахъ на перевалахъ отъ рѣки Дунаецъ до Балигорода, обнаружены значительныя силы австрійцевъ.

Союзныя войска отразили яростныя атаки германцевъ въ области Ипра.

30-го наши войска овладѣли непріятельской позиціей въ районѣ Праснышъ—Цѣхановъ. На фронтѣ Ловичъ—Иловъ, нанеся крупный уронъ германцамъ, мы заняли новыя позиціи къ сѣверу отъ Бзуры.

На Кавказѣ турки отброшены нами по всему фронту за Евфратъ.

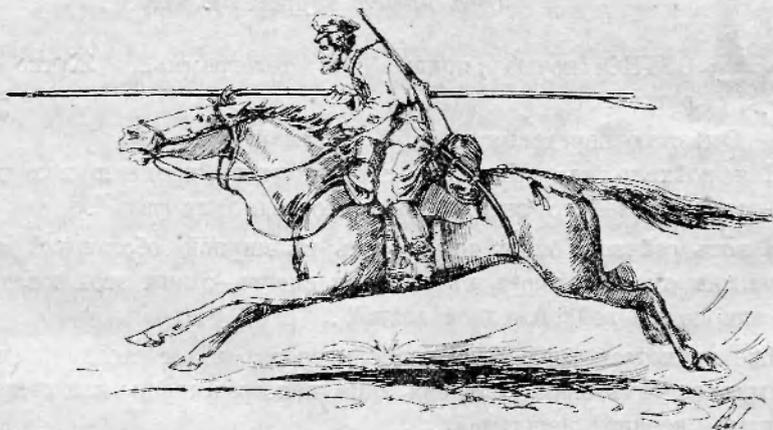
Крейсеръ «Гёбень» въ сопровожденіи крейсера «Берки-Сответъ» пытался обстрѣливать Батумъ, но обстрѣлянный самъ фортами поспѣшно удалился.

Западный фронтъ.

(Отъ нашего корреспондента).

Лондонъ. 18-ХІ. Только сегодня доѣхалъ до Лондона, мѣшали бури и мины. Приходилось выжидать, но, слава Богу, добрался. Здѣсь ожидаютъ нападенія. Вечеромъ довольно темно въ городѣ. Очень радуются побѣдамъ Русскихъ въ Польшѣ. Опишу подробно.

W. Neal.

Собств. *Вешнихъ Водъ.*

Въ Варшаву.

(Изъ личныхъ впечатлѣній).

Отъ нашего корреспондента.

ОДНО ночью пришла эта телеграмма... Жутко - короткая.

— Выѣзжаю передовыя позиціи пріѣзжай.

И я поѣхала въ крѣпость,—гдѣ до этого времени находился мужъ,—повидаться—кто знаетъ, не въ послѣдній-ли разъ?!

И вотъ сейчасъ, опять дома, опять въ мирной обстановкѣ, какъ въ калейдоскопѣ, мелькаютъ въ сознаниі сцены—этапы этой поѣздки... И всё они полны войной, одной войной..

Уже въ поѣздѣ нашей Сѣверной дороги, въ постоянной смѣнѣ дорожныхъ встрѣчъ, сразу нашлись лица, непосредственно или косвенно затронутыя „военной непогодой“...

Весь 2-ой классъ заполненъ оригинальными фигурами въ вязаныхъ—красныхъ, синихъ, зеленыхъ будто дамскихъ тужуркахъ.

Самоувѣренно попыхивая изъ короткихъ трубочекъ, они не обращаютъ вниманія на вопросительные взоры другихъ пассажировъ. Какъ выяснилось изъ неизбежныхъ вагонныхъ разговоровъ, это компанія русскихъ рабочихъ, „американцевъ“, возвращающихся на родину изъ Новаго Свѣта: одни, благодаря настоящему сокращенію фабричнаго производства, другіе—изъ-за воинскаго призыва. Ъхали они, своеобразно „американизированные“, дѣловыя, скопившіе деньги, — на пароходѣ „Двинскъ“, черезъ Архангельскъ—Морскимъ Сѣвернымъ путемъ.

Нашъ поѣздъ сильно опаздывалъ, подолгу стоялъ, пропуская санитарные и воинскіе вагоны... Темнѣло...

Но—никто не ропталъ...

Брестскій—Александровскій вокзалъ,—московскій центръ *военныхъ* сообщеній: проводовъ *туда* и встрѣчь *оттуда*,—встрѣчь пока-что, лишь подъ знаменемъ Краснаго Креста и бѣлыхъ повязокъ...

Поѣздъ биткомъ набить, тѣснятся во всѣхъ проходахъ. Что это за публика? Кто они, мои случайные спутники—съ измученными и озабоченными лицами?...

— Все наши „бѣженцы“, люди, согнанные войной съ родныхъ мѣстъ, (для опредѣленія которыхъ Русскій языкъ обогатился даже этимъ *новымъ* словомъ)...

Они ѣдутъ—въ Ковно, Гродно, Варшаву,—гдѣ еще недавно гремѣла канонада.

Уѣзжая, бросили все, что было—что-то найдутъ теперь?!..

Другой разрядъ пассажировъ нашего переполненнаго вагона—женщины, жены, вродѣ меня.. ѣдущія—прощаться съ здоровыми, навѣщать больныхъ, искать, можетъ быть, убитыхъ... И, наконецъ, третій элементъ—*сами* военные: возвращающіеся въ строй раненые; вновь назначенные; военные доктора...

Вотъ молодой врачъ экстреннаго выпуска, ѣдетъ на позиціи и—доволенъ... съ улыбкой говорить о предстоящихъ опасностяхъ и лишенияхъ.

Блѣдно-сѣрое лицо, „Георгій“ въ петличкѣ—молоденькій прапорщикъ изъ кавалеристовъ... Произведенъ за атаку; оправившись отъ раны (въ ногу), — возвращается въ свою часть, — что не такъ-то легко:

— Гдѣ она, эта часть?.. что съ ней?..

Вынимаетъ изъ ноженъ длинную отточенную пашку; на свѣтломъ лезвіи—зловѣщія темно-бурыя пятна...

— Почему вы не смоете?!—вырывается у меня.

— Зачѣмъ-же? она нѣмцевъ видѣла...—Офицеръ вѣжливо уступаетъ мѣсто вошедшей дамѣ.

Да,—война рождаетъ *свою* психику, по своему, можетъ быть, логичную, цѣльную

Ночи безъ сна, въ уголкѣ дивана... Приѣхали!

Не опоздала-ли ужь я?!...

Еврей—извозчикъ повезъ меня мимо полотна желѣзной дороги, нагруженнаго вагонами—простыми, санитарными и платформами съ пушками—нашими и „ихними“, плѣнными, золотистаго цвѣта—къ городу... Безконечные заборы, изрѣдка небольшіе магазины.

За городомъ—ровное, обсаженное деревьями шоссе...

Еще платформы съ золотистыми плѣнницами—пушками; ангаръ для аэростатовъ; валъ, ворота—все то, что въ моемъ представленіи сливается съ именемъ крѣпости и что—по существу—не существенно для современныхъ укрѣпленій.

Въ полутемномъ корридорѣ управленія много народа...

— Прапорщикъ Л., прапорщикъ Л!...—передаютъ гдѣ-то въ сосѣдней комнатѣ:—къ вамъ, прапорщикъ Л...!

Счастливый!—говоритъ какой-то отдѣльный голосъ.

А я только одно могу сознавать и чувствовать: нашла!.. Застала!

— Сейчасъ увижу!

Мы сидимъ въ офицерской крѣпостной квартиркѣ и говоримъ. говоримъ... Больше, конечно, говорятъ они, уфзжающіе, а я слушаю.. Они хотятъ ѣхать... Чего-же сидѣть въ тылу, когда...

Ночью, сидя въ землянкѣ, во время дежурства на фортахъ, былъ слышенъ грохотъ орудій—за 150 верстъ...

Одинъ раненый, тоже изъ запаса, заѣхавшій въ крѣпость изъ лазарета, рассказываетъ, какъ видавшій виды, бывалый... Наша артиллерія хороша; австрійская шрапнель рвется слишкомъ высоко и потому мало приноситъ убыли... Нѣмецкая—поражаетъ точностью прицѣла. Онъ самъ былъ очевидцемъ одной *счастливой случайности*. (Сколько ихъ, этихъ случайностей—счастливыхъ и несчастныхъ... На войнѣ! Жутко замираетъ сердце..).

Германцы (никто здѣсь не говоритъ по старому „нѣмцы“) узнали о прохожденіи въ одномъ пунктѣ нашего воинскаго поѣзда и заранее опредѣлили прицѣлъ для своей, скрытой въ нѣкоторомъ разстояніи батареи.

Благодаря какой-то неисправности въ пути, поѣздъ нашъ въ опредѣленное время прошелъ роковое мѣсто *заднимъ ходомъ* и, такимъ образомъ, дымокъ паровоза, служившій сигналомъ для непріятельскаго выстрѣла, взвился надъ насыпью лишь тогда, когда путь былъ свободенъ... вагоны прокатились уже... нѣмецкій зарядъ весь легъ на пустое полотно.

На слѣдующій день я уже уѣзжала. Мужъ долженъ былъ находиться на фортѣ для срѣзныхъ приготовленій къ отъѣзду. Простились какъ-то не по настоящему,—точно на срѣхъ, не надолго...

Изъ крѣпости я направлялась дальше на западъ,—въ Варшаву, только-что пережившую свою „осаду“.

Опять поѣздъ набитъ „бѣженцами“, разоренными войной,—и просто—бѣглецами, оставлявшими окраину на всяки случай, въ виду опасности. Къ первымъ я отношу старушку изъ подѣ Ново-Георгиевска, выселенную „въ чемъ есть“, польскую семью изъ Лодзи... Ко вторымъ—учителя Варшавскаго городского училища, франтоватаго судейскаго, возвращающихся на мѣсто службы въ ожившую Варшаву.

— Хорошо вамъ разсуждать!—точно оправдываются они:—бѣгство было, правда, иной разъ и некрасивое... съ тюфьями, со всѣмъ скарбомъ... Но вѣдь намъ то *въ случать чего* не поздоровилось бы, какъ призывному возрасту: нѣмцы взяли-бы *въ наборъ* къ себѣ—какъ въ Калишѣ...

Трудно, дѣйствительно, вообразить *себя* въ подобномъ положеніи...

Вмѣстѣ со мной въ поѣздъ сѣли военный летчикъ съ „крылышками“ на погонахъ и молоденькій прапорщикъ—съ солдатскимъ „Георгіемъ“.

(Какъ внимательно отношусь я теперь ко всѣмъ этимъ чуждымъ раньше военнымъ значкамъ)...

„Георгіевскій кавалеръ“ раненъ въ руку, кое-какъ поправился и возвращается назадъ—въ бой. И такъ бережно участливо весь вагонъ относится къ этому мальчику—герою, слушаютъ его рассказы,—рассказы дѣйствующаго лица! Ему уступаютъ спальное мѣсто... И онъ, конфузясь, лѣзетъ на верхъ, придерживая больную руку.

Летчикъ—аэростатный—разсказываетъ, что на аэростатахъ—развѣдчикахъ устанавливается иногда теперь пулеметь, и изъ него осыпаютъ непріятеля смертоноснымъ мѣднымъ дождемъ...

Раненый нашъ свѣшиваетъ голову съ блестящими глазами.

— Слушайте, поручикъ... Нельзя мнѣ попасть?.. Я вѣдь былъ какъ разъ въ пулеметной ротѣ—на землѣ. Я хорошо знаю...

Они тихо разговариваютъ, летчикъ даетъ указанія, адреса.

Съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ смотрю я на молодого такого скромнаго на видъ пулеметчика съ Георгіемъ...

Поѣздъ опять стоитъ... Пережидаетъ воинскій...

Темно. Свистящая польская рѣчь съ безконечнымъ „проше пана“... *По русски* предупредительно понимаютъ, слышны попытки говорить.

Кавалеристъ съ отнятой ногой, которую онъ жалѣетъ, потому что — „больше ужъ мнѣ не биться!.. а въ атакѣ — то — у — хъ весело!“ — И измученные сѣрое лицо мѣняется.

— Болѣе легкіе больные — послѣ перевязки — бодры, оживленны.. Читаютъ газеты, охотно разговариваютъ, — какъ и у насъ въ лазаретахъ „глубины Россіи“. Какъ разъ при мнѣ ждало ихъ еще одно не совсѣмъ обычное развлеченіе: въ Варшаву пріѣхалъ на концертъ въ пользу пострадавшихъ отъ войны жителей Царства Польскаго Ф. И. Шалапинъ и заболѣлъ; концертъ отложили. Пользуясь свободнымъ временемъ, его спутники — известный вокальный квартетъ — братья К., теноръ Ч — вѣ и С. — предприняли *турнэ по лазаретамъ* Варшавы.

Какой это былъ фуроръ!.. И совсѣмъ особенное настроеніе.

Въ обширной столовой госпиталя звенѣли родные напѣвы — „Эй, ухнемъ“, „Пѣсня про семерыхъ зятьевъ“ и торжественный славянскій гимнъ...

А вокругъ — больничные халаты, бѣлыя повязки, забинтованныя руки, головы... Кто въ креслѣ, кто лежа на больничной колясочкѣ... Слышны шутки, остроты, — на которыя такъ способенъ Русскій солдатъ даже въ самые тяжелые моменты...

— Э-эхъ, аплодировалъ-бы, да одной стукалки не хватаетъ! — говоритъ больной — *безъ руки*...

— Кому автомобили, а кому и дроги! смѣется другой, — котораго сестры везутъ лежачаго на коляскѣ по окончаніи концерта и отъѣзда дорогихъ гостей.

Изъ „дома страданій“ я поднимаюсь по „Смольной“ на „Новый Свѣтъ“, „Іерусалимскую аллею“ „Моршалковскую“ — нарядныя варшавскія улицы — съ нарядной оживленной толпой на троттуарахъ, въ кофейняхъ, въ красивыхъ паркахъ... Дни невзгодъ уже забыты... Слѣды разрушенія отъ воздушныхъ бомбометателей прибраны.

Вотъ, развѣ—исковерканная рѣшетка у Вѣнскаго вокзала, павшіяся стекла оконъ гостиницы „Полонія“...

Здѣсь толпа еще гуще, оживленнѣе...

А подѣ Варшавой, въ 15—16 верстахъ—Прушково... то Прушково, гдѣ шелъ бой, ревѣли пушки... Жуткіе страшные трупы убраны.. Валявшіяся въ изобиліи пули, винтовки, стаканы шрапнелей—унесены⁷ окрестными жителями и пріѣзжими любителями.. Одинъ изъ послѣднихъ показываетъ даже „кайзерову шапку“—нѣмецкую каску.

Изуродованный бомбардировкой вокзалъ... Костелъ... Окопы.. Сѣрѣющія въ надвигающемся сумракѣ канавы...

Здѣсь былъ бой...

Что-то бѣлѣется въ сторонѣ...—Крестикъ... Одинъ, другой... Рядъ могилъ... Кто-то карандашемъ нарисовалъ имена тѣхъ, кто спитъ здѣсь вѣчнымъ сномъ...

Полустертая уже дождемъ буква...

— Небольшой лѣсокъ... У одного дерева послѣ ухода нѣмцевъ,—разсказываетъ мой спутникъ,—стоялъ прислоненный трупъ съ *польской* надписью на груди: „не иду на брата“.

Нѣмцы разстрѣляли этого неизвѣстнаго поляка, вѣрнаго идеѣ славянства. И неизвѣстные-же друзья отмѣтили, уходя, эту смерть...

Второе мѣсто, куда хлынула успокоившаяся Варшава—посмотрѣть на кровавое поле, поклониться ему,—Пясечная...

Опять окопы... опять неотвязная мысль: „Здѣсь... Здѣсь“...

Изъ Варшавы я уѣзжала въ теплый и тихій осенній день.

Зеленѣла еще трава: сквозь туманную мглу надвигающагося вечера блестѣли огоньки, вырисовывались темные силуэты костеловъ.

Быстрѣе мелькаютъ знакомыя станціи... Все дальше и дальше уѣзжаемъ мы отъ войны. Но она все еще съ нами, здѣсь—въ неизмѣнныхъ разговорахъ, въ бѣлыхъ повязкахъ раненыхъ, ѣдущихъ въ Москву...

— Казаки наши страшны въ атакѣ!—разсказываетъ, слышу я, одинъ изъ нихъ съ забинтованной головой:—какъ гикнуть! налетятъ!..

Скоре Москва... Брестскій вокзалъ. И осталось далеко позади, тамъ на западъ—то, что одно теперь влечетъ, одно приковываетъ внимание, не даетъ забыть себя—война.

Октябрь 1914 года.

Вѣра В.

Собств. *Вешнилъ-Водъ.*

ВОЙНА.

Война! война!—волной нежданной
Такия вѣсти пронеслись
По всей Руси. На подвигъ бранный
Знамена Русскія взвились.

И Русь съ горячею молитвой
И вѣрой въ добрый часъ побѣды
Ведетъ полки на поле битвы
И рать за ратью имъ во слѣдъ.

А на устахъ—аккордъ созвучій
Любви и братской и святой,
Вѣнчаетъ онъ волной могучей
Весь край Россіи дорогой...

В. Будрикъ.

Послѣ боя.

Изрытая кровавая земля
Глядитъ въ упоръ безсмысленно и тупо.
Нѣмы вокругъ печальныя поля.
Безжизненны тѣла и груды труповъ.

Случайный воронъ, каркая уныло,
Сзывая стаю вороновъ другихъ,
Съ тревогой вѣется надъ нѣмой могилой
Героевъ павшихъ—воиновъ святыхъ.

Старушка—мать какая-то блуждаетъ,
Какъ силуэтъ скользящаго креста.
Во взорахъ свѣтъ послѣдній догораеть,
Увидѣть трущъ—послѣдняя мечта.

Изрытая кровавая земля,
И груды тѣлъ, истерзанные трупы,
Печальныя, унылыя поля
Глядятъ въ упоръ безсмысленно и тупо...

В. Будрикъ.

Пятигорскъ.

Пророчество святаго Андрея Христа ради юродиваго о судьбѣ Царьграда.

Въ 1907—8 году на Аѳонѣ одинъ изъ подвижниковъ аѳонскихъ нашель въ нѣкоторыхъ пророчествахъ указаніе на бывшую японскую войну и раскрыль и нѣкоторыя другія пророчества, въ коихъ предвѣщалось близкое паденіе турецкаго владычества, близость всемірной войны и др. Эти толкованія пророчествъ заинтересовали аѳонское населеніе. Вспомнили сохранившіяся по преданію пророчества одного изъ новомучениковъ, который пострадалъ въ прошломъ столѣтіи. Когда его вели на казнь онъ сказалъ туркамъ, что конецъ ихъ владычества близокъ, и своимъ ученикамъ сказалъ, что началомъ окончательнаго освобожденія христіанъ отъ турокъ будетъ война съ латинянами понимай съ итальянцами, а предъ самымъ паденіемъ Царьграда упразднится австрійская имперія. Вспомнили тогда на Аѳонѣ и знаменитое пророчество Андрея Христа ради юродиваго о судьбѣ Царьграда, которое было даже извѣстно туркамъ, ибо въ первой половинѣ этого пророчества говорилось о томъ, что Агаряне завладѣютъ Царьградомъ, что и сбылось; во второй же половинѣ говорилось объ изгнаніи Агарянъ изъ Царьграда, почему турки истребляли это пророчество тамъ, гдѣ его находили и разыскивали, когда узнавали, что таковое гдѣ-либо находится, почему оно на Аѳонѣ передавалось только изъ устъ въ уста и ни въ одной монастырской библіотекѣ не имѣлось въ рукописи. Только передавали старцы, что списокъ сего пророчества есть у одного подвижника Котлomuшскаго скита Серба схимника Харлампія.

Андреевскій скитъ, заинтересовавшись этимъ пророчествомъ, добылъ копію съ рукописи отъ этого старца и поручилъ сдѣлать переводъ этой рукописи двумъ монахамъ: Русскому и Греку, подъ мопмъ руководствомъ и редакціей. Это было исполнено, и въ немъ оказалась слѣдующее весьма близко относящееся къ нынѣшнему времени:

„Однажды наединѣ спросилъ преподобнаго отца нашего Андрея ученикъ его Эпифаній: Скажи мнѣ, отче, прошу тебя, какой конецъ предстоить этому нашему городу Новому Іерусалиму съ его чудными храмами? (Происходило это въ VIII столѣтіи). На этотъ вопросъ блаженный отвѣчалъ: Имѣется пророческое слово, что завладѣтъ имъ родъ агарянскій и большія множества падуть отъ ихъ меча, я же присовокупляю, что войдетъ и родъ русскій, имя котораго будетъ изображаться 17 буквой изъ 24 (то есть по греческому алфавиту буквой «Р»). Но взойдутъ и тѣлами нечестивыхъ устелятъ землю. Горе, горе имъ отъ двухъ копій *), коихъ мечи воздушные и подобные серпу огненному, пожинающему жатву, и такъ, чтобы не было возможности обратиться вспять.

Міръ въ великомъ будетъ страхѣ, по реченному Даниломъ пророкомъ.

И когда подымутся русскіе народы отъ востока и запада, и сойдутся Агаряне и завяжутъ войну, и русскій народъ побѣдитъ ихъ, и они падутъ, какъ колосья.

И флотъ тьмочисленный подвигнется противъ нихъ.

И соберутся на Семи Холмахъ (т.-е. въ Семихолмномъ Царьградѣ).

И будетъ великая война на сушѣ и на морѣ.

И черезъ Кондаскаліонъ взойдутъ въ Семихолмскій.

И сокрушатъ измаильтянина.

Посемъ побѣдители учинятъ споръ между собою, кому главенствовать.

И произойдетъ великая брань. И изсѣкутъ другъ друга. И исполнятся долины кровію, и весь Семихолмскій, такъ что трехгодовалому тельцу можно было бы потонуть въ крови.

Тогда раздастся гласъ съ неба, какъ громъ проговорить: «Стойте добре, стойте со страхомъ. Довлѣтъ сего отмщенія», и тотчасъ прекратится сѣча.

*) Понимай двухъ армій.

И явятся два бллоризца. И возсіяетъ свѣтъ.

Оставшіися же народъ Божіи устремится къ святому своему царю, котораго обращуть исполненнаго печали изъ-за того, что и онъ оказался участникомъ въ сей сѣчи“.

И проповѣдникъ воскликнетъ трижды: „Сей есть и примите его, какъ царя. И войдетъ царь во Святую Софію и прославить Бога. Три же ангела (понимай три патріарха) увѣнчаютъ царя, а четвертый, имѣя скипетръ честный—Всечестное Животворящее Древо Креста, и мечъ, вручитьъ ему со словами: „Симъ побѣждай враговъ твоихъ“.

Тогда царь укротитъ русые народы и примиритъ западныя страны, и посемъ изгонитъ измаильянина рукою крѣпкою и мышцею высокою, и уничтожитъ ихъ въ конецъ. Будетъ гнать языковъ въ теченіе трехъ лѣтъ, и побѣждая посѣчетъ тьмы.

И обратится царь въ Святой Сіонъ.

И во время возвращенія его откроются сокровища земли. И вознаградитъ царь каждаго по заслугамъ его. И дастъ и земля плодъ свой, и будетъ радость всему міру. Будетъ царствовать тридцать два года. 12 годовъ не будетъ брать виссона и дани. И возстановитъ сокрушенные Жертвенники Госноду, и Храмы Святымъ пострѣитъ. И будетъ имѣть великую ревность о Господѣ. И будетъ гнать іудеевъ и измаильянина, и измаильяне не обрѣтутся болѣе въ градѣ семъ“.

Таково пророчество св. Андрея въ той его части, которая носится повидимому до насъ.

Дальше въ пророчествѣ слѣдуютъ предсказанія о послѣдующихъ судьбахъ Царьграда и наконецъ о погруженіи его на дно морское вслѣдствіе великаго землетрясенія. Въ концѣ пророчества говорится и объ Антихристѣ. Между прочимъ говорится и о томъ, что нѣкогда придетъ въ Царьградъ и нѣкій благочестивый эѳіонскій царь, который процарствуетъ 12 лѣтъ. Замѣчательно, что точь-въ-точь такое же пророчество существуетъ и въ Абиссиніи, причемъ и тамъ ожидаютъ этого благого царя, имѣющаго завоевать Іерусалимъ и процарствовать 12 лѣтъ, причемъ въ абиссинскихъ пророчествахъ именуется и имя его — „Ѳеодоръ“—и поэтому знать не смѣетъ давать своимъ дѣтямъ это имя, боясь того, чтобы ихъ не заподозрили въ проискахъ на абиссинскій престолъ,—до такой степени живо это пророчество въ сознаниі народномъ.

Я не имѣлъ возможности удостовѣриться въ степени неповрежденности этой рукописи, ни сравнить ее съ другими подобными ей.

Можетъ быть существуютъ гдѣ-нибудь болѣе совершенные списки, но такъ какъ это пророчество весьма замѣчательно для нынѣшняго времени, то я и счелъ долгомъ обнародовать его. И на самомъ дѣлѣ: хотя и наказуетъ Богъ родъ христіанскій такой великой всемірной войной, ибо многъ грѣхъ нашъ передъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, но въ то же время это—„отомщеніе“ за грѣхи Господь имѣетъ обратити къ вящей славѣ—„Благочестиваго Царя“—къ торжеству—„Народа Божіаго“—и кто усумнится, что такъ именуется тотъ „Русскій Родъ“, котораго имя начинается буквою „Р“?—къ торжеству христіанства надъ агарянствомъ, къ освобожденію всѣхъ христіанъ изъ-подъ турецкаго ига, къ восстановленію древнихъ поруганныхъ святынь, и къ славѣ Своего Всесвятаго Имени. Ей, буди. Аминь.

Иеросхимонахъ Антоній.

(Н. Вр.).

Ориг. рис. худ. *В. Леонтьева.*

Передъ боемъ.

Тускнѣетъ золото осенняго заката,
И пурпуръ облаковъ смѣняется свинцомъ.
Стоитъ задумчиво покинутая хата,
И песь сторожевой не лаетъ подъ крыльцомъ.

Вокругъ—тревожное безмолвье гробовое.
Не шепчется трава, не дышитъ вѣтерокъ.
Все ждетъ къ себѣ врага, все замерло предъ боемъ:
Не дремлетъ лютый врагъ; часъ битвы не далекъ.

В. Будрикъ.

Подвигъ священника.

Въ Галицію шли съ упорнымъ боемъ,
Когда отецъ твоя святое,
Безъ сабли, пули и штыка,
Могучимъ словомъ убѣжденія
Славянъ-враговъ привелъ въ плѣненье.
Ничья не дрогнула рука,
Не поднялась на храбреца.
Штыки на землю опустили,
И съ вѣрой въ Бога и Творца
Враги недавніе молились.

В. Будрикъ.

Студенческій Справочникъ.

Объявление.

Пріемъ прошеній для поступления въ студенты Казанскаго Ветеринарнаго Института будетъ производиться передъ началомъ академическаго года съ 15 юля по 20 августа. При прошеніи о пріемѣ на имя Директора Института должны быть приложены слѣдующіе подлинныя документы вмѣстѣ съ копіями ихъ на простой бумагѣ, собственноручно написанными: а) свидѣтельство по крайней мѣрѣ за шесть классовъ гимназіи или объ окончаніи полного курса духовныхъ семинарій или реальныхъ училищъ съ дополнительнымъ классомъ, а также кадетскихъ корпусовъ, среднихъ сельско-хозяйственныхъ и земледѣльческихъ училищъ (окончившихъ по первому разряду); въ сихъ послѣднихъ случаяхъ необходимо представить также свидѣтельство гимназіи или прогимназіи о знаніи латинскаго языка за 4 класса прежнихъ гимназическихъ требованій или за 6 кл. новыхъ; никакихъ отсрочекъ въ представленіи означеннаго свидѣтельства не допускается; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи; лица не христіанскихъ исповѣданій должны представить свидѣтельство о рожденіи съ точнымъ засвидѣтельствованнымъ переводомъ его на Русскій языкъ; в) актъ о состояніи, т. е. протоколъ дворянскаго депутатскаго собранія, аттестатъ или послужной списокъ родителя; г) свидѣтельство мѣстнаго присутствія о припискѣ къ призывному участку по отбыванію воинской повинности, а лица, достигшія возраста, установленнаго для отбыванія воинской повинности, обязаны представить и свидѣтельство о явкѣ къ исполненію этой повинности; кромѣ того, д) три фотографическія карточки, снятыя въ годъ подачи прошенія, съ собственноручной подписью просителя на каждой и е) деньги 25 руб. за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи. По зачисленіи въ студенты Института, внесенная плата не возвращается.

Примѣчаніе: 1) Лица, поступающія въ Институтъ, должны представить, кромѣ исчисленныхъ документовъ, и свидѣтельство о благонадежности за время пребыванія въ учебнаго заведенія, если они покинули послѣднее раньше мая мѣсяца текущаго года. 2) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го юня 1887 г. Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія для пріема на первый курсъ установленъ комплектъ. 3) Пріемъ по конкурсу аттестатовъ и свидѣтельствъ. 4) Прошенія безъ подлинныхъ документовъ и безъ свидѣтельства о благонадежности не разсматриваются. 5) Обращающихся съ запросами просятъ прилагать на отвѣтъ почтовыя марки или писать на открыткахъ съ уплаченнымъ отвѣтомъ. 6) Надѣяться на пріемъ могутъ только съ законченнымъ среднимъ образованіемъ.

Правила пріема слушательницъ на Высшіе Женскіе Курсы въ Кіевѣ.

1. Пріемъ прошеній отъ поступающихъ на Высшіе Женскіе Курсы будетъ производиться съ 20 юля по 1 сентября.

2. Высшіе Женскіе Курсы подраздѣляются на четыре отдѣленія: историко-филологическое (отдѣлы: славяно-русскія, германо-романскій и историческій), физико-математическое (отдѣлы: математическій и естественно - историческій), юридическое и экономическо-коммерческое.

3. Всѣ отдѣленія организованы въ полномъ соотвѣтствіи съ факультетами Россійскихъ университетовъ. Экономическо-коммерческое отдѣленіе организовано по типу специальныхъ высшихъ коммерческихъ школъ и институтовъ.

4. Полный курсъ—четырёхлѣтній. На каждомъ отдѣленіи открыты всѣ че-

тыре курса. Условія зачисления слушательницъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній опредѣляются отдѣлениями.

5. При подачѣ прошенія требуется представить въ подлинникахъ слѣдующіе документы: а) свидѣтельство объ окончаніи 7 классовъ женскихъ правительственныхъ или пользующихся правами правительственныхъ гимназій или равносильныхъ имъ учебныхъ заведеній; вышеупомянутое свидѣтельство можетъ быть замѣнено аттестатомъ или свидѣтельствомъ зрѣлости; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи; в) документъ о званіи (паспортъ или формулярный списокъ о службѣ отца, а для замужнихъ—брачное свидѣтельство); г) свидѣтельство о благонадежности (если со дня окончанія курса средняго учебнаго заведенія до дня подачи прошенія о приѣмѣ на курсы прошло болѣе 6 мѣсяцевъ); д) согласие родителей или опекуновъ, если желающія поступить на курсы не имѣютъ 21 года; е) двѣ фотографическія карточки съ собственноручной подписью, свидѣльствованныя полицей.

Примѣчаніе. Согласно разъясненію Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 30 іюня 1914 г. за № 33144, представленіе свидѣтельства на званіе домашней учительницы или наставницы, которое требовалось прежде, согласно 5 п. правилъ о приѣмѣ, отъ поступающихъ на историко-филологическое и физико-математическое отдѣленія Курсовъ, признано необязательнымъ.

6. Прошенія лицъ, не представившихъ подлинныхъ документовъ и не внесшихъ платы, не разсматриваются.

7. Подающія прошенія должны указывать отдѣленіе и отдѣлъ, на которые онѣ желаютъ поступить. Возможно указывать и нѣсколько отдѣленій и отдѣловъ въ порядкѣ ихъ желательности для подающихъ прошеніе.

8. Прошенія подаются на имя Директора Высшихъ Женскихъ Курсовъ (канцелярѣя в. Ж. К., уголъ Чеховскаго пр., Столыпинской и Святославской ул.). Если окажется, что число прошеній превыситъ число свободныхъ мѣстъ, то будетъ приниматься во вниманіе достоинство аттестатовъ. Никакія испытанія при приѣмѣ на курсы не производятся.

9. Плата за годичный курсъ установлена въ 100 руб., за исключеніемъ слушательницъ естественно-историческаго отдѣла Физико-Математическаго отдѣленія, для которыхъ назначена плата въ 120 руб. въ годъ. Плата вносится въ два срока по полугодіямъ. Поступающія на Курсы обязаны внести плату за первое полугодіе при прошеніи.

10. Каждая слушательница при поступленіи на Курсы даетъ подписку въ томъ, что она обязывается исполнять правила Курсовъ.

11. На основаніи циркуляра Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 21 марта 1913 года за № 13122 слушательницы Кіевскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ допускаются къ испытанію въ комиссіяхъ непосредственно предсѣдателями ихъ, безъ особаго на то разрѣшенія Министерства, согласно примѣчанію къ ст. 7-й Правилъ 19 Декабря 1911 года, т. е. на тѣхъ же основаніяхъ, что и лица, получившія выпускное отъ университетовъ свидѣтельство, съ распространеніемъ на нихъ всѣхъ распоряженій, касающихся примѣненія правилъ 1911 г. объ испытаніяхъ въ университетскихъ комиссіяхъ.

Директоръ Курсовъ Г. Суцловъ.

Условія приѣма на Высшіе Женскіе Курсы въ гор. Юрьевъ.

(Юрьевъ, Лифл. губ., Рижская ул., здание женской гимназій А. С. Пушкина).

Открытые осенью 1908 года, съ разрѣшенія Министерств Народнаго Просвѣщенія, профессорами и преподавателями Императорскаго Юрьевскаго университета, въ составѣ пока лишь одного историко-филологическаго факультета, Высшіе Женскіе Курсы, состоя въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ ближайшемъ вѣдѣніи Попечителя Рижскаго Учебнаго Округа, имѣютъ цѣлью давать женщинамъ высшее образованіе университетскаго характера и въ частности готовить ихъ къ преподавательской и педагогической дѣятель-

ности. Продолжительность учения на Курсах—четыре года. Типъ и объемъ преподаванія соответствуютъ установленнымъ въ Императорскомъ Юрьерскомъ Университетѣ.

На историко-филологическомъ факультетѣ положены каѳедры: 1) философія (исторія философіи, логика, психологія); 2) педагогика, 3) классическая филологія; 4) общее и сравнительное языкознаніе; 5) Русскій и древне-церковно-славянскій языки; 6) исторія Русской литературы; 7) славянскія нарѣчія и литературы; 8) исторія западно-европейской литературы; 9) всеобщая (древняя, средняя и новая) исторія; 10) Русская исторія; 11) исторія славянскихъ народовъ; 12) исторія церкви; 13) исторія искусствъ.

Кромѣ того, на факультетѣ преподаются: 1) латинскій языкъ; 2) новые языки.

Въ слушательницы Курсовъ принимаются лица, окончившія курсъ: 1) восьми классовъ женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія; 2) женскихъ гимназій Императрицы Маріи; 3) общеобразовательныхъ и специальныхъ классовъ женскихъ институтовъ; 4) спархіальныхъ училищъ; 6) коммерческихъ училищъ и другихъ женскихъ учебныхъ заведеній, предоставляющихъ окончившимъ курсъ право домашней наставницы или домашней учительницы; семи классовъ женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія и частныхъ учебныхъ заведеній съ правами казенныхъ.

Примѣчаніе Свидѣтельство на званіе домашней учительницы, приобрѣтенное посредствомъ specialнаго испытанія, не даетъ права на поступленіе на Курсы.

Кромѣ слушательницъ, принимаются на Курсы вольнослушательницы, имѣющія аттестаты объ окончаніи курса въ среднемъ учебномъ заведеніи.

Лица, имѣющія аттестаты объ окончаніи курса женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и не имѣющія въ виду приобрѣтенія какихъ либо правъ, могутъ записываться на отдѣльные курсы съ уплатой по 10 руб. за каждый семестральный курсъ.

При прошеніи должны быть представлены подлинныя документы: 1) метрическое свидѣтельство, 2) документъ объ окончаніи курса женскаго средняго учебнаго заведенія, а равно а) не засвидѣтельствованныя копіи съ означенныхъ выше документовъ; б) свидѣтельство о политической благонадежности, если просительница поступаетъ не въ годъ окончанія курса; в) двѣ фотографическія карточки. Въ прошеніи долженъ быть указанъ точный адресъ просительницы, а также должны быть приложены двѣ семикопѣчныя марки для отвѣта.

Плата за слушаніе лекцій—по 50 рублей за полугодіе, а всего 100 рублей въ годъ.

Прошенія о поступленіи подаются на имя Директора Курсовъ не позже 15 сентября въ осеннемъ полугодіи и не позже 15 Февраля въ весеннемъ полугодіи.

Прошенія о поступленіи принимаются въ канцеляріи Курсовъ или высылаются по почтѣ на имя Директора Курсовъ (Юрьевъ, Рижская улица, домъ № 121 а).

Совѣту Курсовъ предоставлено право выдавать слушательницамъ удостовѣренія о прохожденіи курса.

Въ силу Циркуляра г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 21 марта 1913 г. за № 13122, лицамъ, окончившимъ курсъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ г. Юрьевѣ, на основаніи ст. ст. 2 и 7 Правиль 19 декабря 1911 года „объ испытаніи лицъ женскаго пола въ знаніи курса высшихъ учебныхъ заведеній и о порядкѣ приобрѣтенія ими ученыхъ степеней и званія учительницы среднихъ учебныхъ заведеній“ *предоставлено право*—быть допускаемыми къ испытаніямъ въ университетскихъ испытательныхъ государственныхъ комиссіяхъ непосредственно председателями ихъ, безъ особаго разрѣшенія Министерства, по всѣмъ предметамъ, которые, согласно уставу подлежащихъ высшихъ учебныхъ заведеній, входятъ въ составъ курса того учебнаго заведенія, факультета или отдѣленія, который избранъ лицомъ, подвергающимся испытанію.

ПАМЯТИ СТУДЕНТА ГОЛУБЕВА.

6-го октября въ бою за честь Руси Великой палъ славной смертью героя студентъ Кіевскаго университета Владиміръ Голубевъ.

Нѣтъ больше Владиміра Степановича Голубева. Нѣтъ больше свѣтлаго, доблестнаго борца за Русь, за Вѣру, за Царя.

Въ славномъ бою склонилась, столь дорогая для многихъ голова его.

Съ мечомъ въ рукѣ погибъ на полѣ брани, погибъ за честь, за славу Родины Святой.

Такихъ людей, какъ Владиміръ Степановичъ, посвятившихъ жизнь свою безкорыстному служенію Родинѣ, такихъ людей, въ наше время почти нѣтъ.

Глубоко вѣруя въ торжество своихъ свѣтлыхъ идеаловъ, онъ шель съ желѣзной твердостью къ намѣченной цѣли.

Въ упорной, каторжной работѣ онъ видѣлъ счастье жизни. Въ работѣ жизнь его короткая прошла.

Впередъ шель онъ безъ страха и упрека.

Впередъ!... Къ желанной цѣли, къ борьбѣ во имя славы, счастья Родины Святой, звалъ Русь младую за собой.

И шли за нимъ. Шли смѣло, сознавая, что Русь Велика и крѣпка въ Державѣ Батюшки Царя, да Вѣрой Православной.

Впередъ!.. гремитъ еще его призывъ среди равнинъ Руси Червонной, средь рева пушекъ и гранатъ, но жизнь его уже погасла для Отчизны дорогой.

Его ужъ нѣтъ между живыми.

Его потеря столь безутѣшна и тяжка для насъ, что нѣтъ и словъ, чтобъ выразить ее. Перо изъ рукъ валится и слезы катятся изъ глазъ...

Такъ *Двуглавый Орелъ* оплакиваетъ преждевременную кончину своего вождя. Кому неизвѣстно было въ Россіи имя Голубева? Какими только прозвищами не клеймили этого Русскаго студента, и все за то, что онъ до конца былъ вѣренъ своимъ идеаламъ,—и все за то, что до послѣдняго вздоха дерзалъ онъ высоко и гордо нести знамя своей Родины.

Мы не будемъ вдаваться въ его дѣятельность, не будемъ касаться его политическихъ убѣждений. Пусть онъ былъ крайнимъ,—пусть онъ былъ грѣшенъ въ такомъ тяжкомъ современномъ грѣхѣ, какъ въ недостаткѣ прогрессивно-радикальныхъ, «передовыхъ» идей. Пусть... Студентъ Голубевъ

заслуживаетъ, чтобы память о немъ чтили: онъ не только ходилъ по улицамъ и пѣлъ гимны, онъ не только строчилъ статьи и произносилъ зажигательныя рѣчи, онъ не только говорилъ о любви къ своей Родинѣ, — *онъ умеръ за нее!*

Умереть за Отчизну, — да вѣдь это такое счастье! Умереть на полѣ битвы, — что можетъ быть выше и краше?

Хулителей Россіи среди Россійскаго студенчества было много. Еще весною этого года въ стѣнахъ многихъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній гремѣли митинговыя дерзкія рѣчи.. И очень многіе шли за этими глашатаями свободъ, — шли разрушать, разрушать и разрушать. — шли, чтобы черезъ три-четыре мѣсяца стать на колѣни передъ Зимнимъ Дворцомъ и восторженно пѣть: — „**Боже, Царя храни!**..“

Всѣ, — и тѣ, кто издавна считалъ честью называть себя вѣрнымъ сыномъ Руси Сятой, и тѣ, которые съ пѣной у рта изрыгали хулу и поклепъ и неприличную брань по адресу Державы Православной, — всѣ сошлись нынѣ на одномъ полѣ, — всѣ стоятъ нынѣ плечомъ къ плечу, — всѣ знаютъ, что пришли умирать и всѣ свято умираютъ.....

Студентъ Голубевъ умеръ за того, кому *всегда* былъ вѣренъ, — путь его былъ прямой.

Миръ его праху.

Ему не пришлось сжигать того, чему онъ поклонялся, — онъ поклонялся Тому, Кому поклоняются нынѣ всѣ, видящіе въ Немъ верховнаго носителя великой идеи великаго всеславянскаго царства.

Студентъ П — нко.

Свѣтлой и славной памяти студента-офицера, Голубева, павшаго въ бою 6 окт. 1914 г.

Если даже не назовемъ имени Голубева, не скажемъ, что это Владимиръ Степановичъ Голубевъ, всѣ хорошо поймутъ, о комъ идетъ рѣчь. Голубева знаютъ всѣ, знаютъ и приверженцы и противники, а благодаря послѣднимъ, узнала и вся Россія. Но теперь когда Голубевъ палъ въ бою на передовыхъ позиціяхъ великихъ Галиційскихъ битвъ, его память уже и не забудется!

Что же это за человекъ былъ? Это человекъ сложнаго склада, особеннаго нравственнаго состава, еще не вполне раскрывшійся (ему было всего 23 года), Это былъ *душевный* человекъ, говоря народнымъ стилемъ. Душевность натуры сказалась вполне ясно, хотя и не во всѣхъ своихъ границахъ — по молодости лѣтъ носителя этой психической цѣнности.

Внѣшняя исторія разбираемой маленькой, но *крупной фигуры* — проста и не многосложна. Сынъ профессора духовной академіи и уни-

верситета, окончивъ гимназію, вступилъ въ Кіевскій университетъ, но не воспользовался обычной льготной отсрочкой, а отбылъ воинскую повинность рядовымъ въ срокъ, затѣмъ, исполнивъ необходимыя условія, сталъ офицеромъ запаса. Уже въ ранней юности проявилъ склонность къ политической дѣятельности, утвердилъ академическую партію въ родномъ университетѣ, основалъ Патріотическое общество молодежи «Двуглавый Орелъ», проявившее оригинальную народно-патріотическую дѣятельность, сблизился съ сѣрымъ людомъ и сталъ *народникомъ* въ строгомъ смыслѣ слова.

Голубевъ зналъ природу Русскаго народа, любилъ народныя массы, глубоко раздѣлялъ ихъ чувства, ихъ стремленія и завѣты,—былъ плотью отъ плоти и костью отъ кости своего народа, говоря фигурально. Скоро Голубевъ сталъ руководителемъ учащагося академическаго юношества, предводителемъ народныхъ массъ, организаторомъ и главой патріотическихъ манифестацій въ Кіевѣ и провинціи. Онъ шелъ чисто практической дорогой дѣятеля, а не путемъ проповѣдника или пропагандиста. Этой своеобразной дѣятельностью онъ вызвалъ противъ себя бурю протестовъ, раздраженія, негодованія, ошибочныхъ и преувеличенныхъ сужденій и легендъ—особенно въ нѣкоторой части прессы, подъ перомъ людей боязливыхъ и торопливыхъ. Но Голубева ничто не остановило, онъ все шелъ впередъ по избранному пути, возбуждая любовь однихъ, раздраженіе, ожесточеніе и нападки другихъ. Предъ нимъ преклонялись одни, ненавидѣли и боялись другіе, преувеличивая его значеніе и силу. Но глубокая сущность вещей состояла въ томъ, что Голубевъ былъ честнѣйшій и нравственно чистый человекъ, скромный, но сильный духомъ, готовый итти хоть на смерть за истину, за правду, которую онъ умѣлъ толко оцѣнивать на химическихъ вѣсахъ своей чуткой совѣсти. вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ *человекъ дѣла*, исполненія, осуществленія, а не *человекъ слова*, предположенія, плановъ. Обладая сильной волей, онъ носилъ въ груди нѣжнѣйшее рыцарское сердце. Кто понималъ это, тѣ перѣдко называли его нѣжнымъ, отечески-ласковымъ: *Володя-Володинька*, вмѣсто Владиміръ Степановичъ. Не всѣ, однакожъ, проникали въ эту сложную натуру: Голубевъ точно созданъ былъ для того, чтобы одни его уразумѣвали, цѣнили и шли за нимъ, а другіе ошибались, спотыкались на немъ и падали, обнаруживая тѣмъ глубину своего непониманія. Сильная воля давала Голубеву возможность управлять *однимъ*, она же, эта сильная воля, подавляла *другихъ*, вызывая тѣмъ неосновательный и суевѣрный страхъ и гнѣвъ.

Но Голубевъ былъ понятенъ и безконечно дорогъ Русскому народу, какъ живое отраженіе *внутренней* народной *правды* съ ея глубокими свойствами и завѣтными стремленіями. Не вдумавшись въ это взаимоотношеніе, противники Голубева называли его погромщикомъ, воображали отсталымъ и невѣждою, опаснымъ демагогомъ и т. под. Это были чаще всего неразборчивыя газетныя выходки людей, растерявшихся отъ гнѣва и страха. Но извѣстность и репутація созданы Голубеву въ значительной степени именно этими нервноторопливыми и безпокойными людьми,

которые стремились распропагандировать свои заключения изъ кievскаго муравейника по всей Россіи, не пропуская ни малѣйшаго случая изъ дѣятельности своего противника. Они достигли своихъ цѣлей, разславивъ Голубева, не предвидя, что изъ этого выйдетъ. Но замѣтивъ дѣйствительную силу и вліяніе на массы этого сухощаваго и сильнаго духомъ студента, всюду являвшагося на сходкахъ, на собраніяхъ, они испугались и стали преувеличивать его силу. Они вообразили, что Голубевъ, подобно казаку, можетъ налетѣть, опрокинуть, забрать въ плѣнъ. Создали не мало легендъ. Но не таковъ былъ Голубевъ. Обладая вліяніемъ на массы, на молодежь, даже на властей, Голубевъ былъ надѣленъ безспорнымъ нравственнымъ цензомъ, могъ задержать всякое насиліе, остановить всякій беспорядокъ, и это дѣлалъ. Тутъ, въ этой роли, онъ былъ безгранично мужественъ: выслушивая рѣзкія нотации администратора, онъ сказалъ однажды: «Вы на меня кричите, ваше — ство, я на васъ стану кричать, а важное общественное дѣло останется безъ движенія, и кто же будетъ въ отвѣтъ за это?». Ему всѣ повиновались, какъ голосу правды, которую онъ носилъ въ себѣ. Этому идеалисту повиновались единомышленники, повиновались студенты, когда онъ пытался остановить насиліе въ университетѣ: за нимъ беззавѣтно слѣдовали солдаты въ бою, около него на перерывъ группировались ряды охотниковъ, когда онъ дѣлалъ свои смѣлыя и рискованныя военныя развѣдки; его жадно слушали народныя массы въ городахъ и провинціи, плѣняясь его искренностью, простотой и правдой, которая окружала его очевиднымъ для всѣхъ ореоломъ.

Какъ сынъ своего народа, онъ дѣлилъ съ народомъ его патриотизмъ. Слушатели упивались его рѣчами, его убѣжденностью, его патриотизмомъ. Но именно здѣсь, въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, лежалъ для многихъ камень преткновенія. Русскій патриотизмъ не всѣми допускался, не всѣми признавался. Въ сущности, противники Голубева сами были яркими патриотами и націоналистами—каждый по своему этническому департаменту и даже поддерживали другъ друга, составивъ для этого молчаливый блокъ, но Русскій национализмъ отвергался ими единодушно. Русскій патриотизмъ они отрицали, и Голубевъ и его кружокъ подвергался глумленію въ нѣкоторыхъ органахъ печати въ Кіевѣ. Особенно непріемлемымъ показалось этимъ органамъ употребленное Голубевымъ наименованіе открытаго имъ общества «Патриотическимъ обществомъ молодежи «Двуглавый Орелъ». Слова «Двуглавый Орелъ», «Двуглавыя», какъ и слово «орлы, Голубевцы» были жупельными терминами на кievской почвѣ. Теперь «Двуглавый Орелъ» дѣлаетъ себѣ міровую карьеру, побѣждая милитаристовъ, борясь за свободу славянъ и за право трудовой культуры малыхъ народовъ, а осмѣиваемый патриотизмъ, обратился въ военный подвигъ, въ боевую доблесть. Теперь какъ день ясно стало, что не ослѣпленнымъ былъ Голубевъ, но зрячимъ и проницательнымъ, избирая въ патроны своему обществу эмблему «Двуглаваго Орла». И эту проницательность, это національное ясновидѣніе онъ патриотически проявилъ гораздо раньше другихъ. Теперь уже по мужественному при-

мѣру Голубева не страшно быть націоналистомъ, не позоренъ Двуглавый Орелъ, не позоренъ и Русскій патриотизмъ. Покается ли въ своихъ ошибкахъ та часть кievской прессы, которая пыталась замѣнить Русскій націонализмъ интернаціонализмомъ, вытравляя въ Россіи законный плодъ ея этнической эволюціи?

Въ свою короткую политическую жизнь Голубевъ совершилъ много! Въ свою кратчайшую жизнь Русскаго солдата и офицера онъ также успѣлъ сдѣлать много; раненый, на полѣ брани, почувявъ приближеніе смерти, онъ собралъ послѣднія силы и умеръ мужественно, съ величіемъ духа, какъ Русскій воинъ, подобно образцамъ, списаннымъ съ натуры Пироговымъ и Драгомировымъ.

— Я умираю,—сказалъ онъ, скрестивъ руки на груди,—а вы спасайте Родину!

Достойна увѣковѣченія память этого человѣка! Но не однимъ описаніями и стипендіями должно помянуть его. Необходимъ памятникъ на перекресткѣ или площади, чтобы народъ не забывалъ, что это за человѣкъ былъ!

Профессоръ И. А. Сикорскій.

(„Кіевъ“).

Правда ли?

(Письмо въ „Новое Время“).

(Заявленіе профессоровъ медицинскаго факультета Императорскаго Московскаго университета).

Въ „Новомъ Времени“ отъ 4 ноября сего года появилась статья „Въ странѣ чудесъ“, гл. XIX. „О Юрьевскомъ университетѣ. Высота нѣмецкой науки. Ich verstehe nicht.“

Въ этой статьѣ исторически излагается, что нѣмцы разсматриваютъ Юрьевскій университетъ, какъ главную опору русскихъ нѣмцевъ для непрерывной связи съ Германіей. Собрано много фактовъ, относящихся преимущественно до 1881 года, подтверждающихъ это положеніе.

Казалось бы, что съ тѣхъ поръ, какъ Дерптскій университетъ переименованъ въ Юрьевскій и въ составъ его профессоровъ вошло много Русскихъ, такое нѣмецкое засилье должно было бы окончиться. Несмотря на все это, къ несчастью, этого не случилось и, какъ указываетъ статья, «въ хирургической клиникѣ *недавно* произошло крупное недорозумѣніе на почвѣ Русскаго языка между студентами и ассистентомъ Мантейфеля Цедельманомъ. Дѣло въ томъ, что въ хирургической клиникѣ при благосклонномъ покровительствѣ Мантейфеля господствующимъ языкомъ всегда считался нѣмецкій. Надписи вездѣ нѣмецкія. И когда одинъ изъ Русскихъ студентовъ обратился по-русски за справкой къ одной изъ служащихъ «сестеръ», то та твердо отвѣтила: „Ich verstehe nicht“.

Среди студентов поднялось возмущение. Они справедливо задали вопрос Цедельману: где собственно находится университет, в России или в Германии? Но Цедельманъ сталъ на сторону сидѣлки, которая „versteht nicht“, а профессоръ Мантейфель прислалъ телеграмму: „Пріѣду—разберу самъ. Прошу студентовъ глупостями не заниматься“.

Въ результатѣ студенты рѣшили бойкотировать Цедельмана.

Мы, нижеподписавшіеся преподаватели старѣйшаго Московскаго университета, также возмущены этимъ фактомъ и желаемъ знать, правда ли это? И если разслѣдованіе покажетъ, что это—правда, то мы, возмущенные этой гнусностью, логически полагаемъ, что подобные порядки должны быть искоренены, а гг. профессора и ихъ ассистенты, позволяющие себѣ оскорблять національныя чувства и понятія Русской учащейся молодежи, не должны быть терпимы на службѣ въ Русскихъ университетахъ.

Заслуженный орд. проф. В. Снегерева, засл. орд. проф. А. Губарева, засл. орд. проф. А. Поспѣлова, орд. проф. Голубова, засл. орд. проф. Д. Зернова, орд. проф. Н. Савельева, засл. орд. проф. Н. Корникова, засл. орд. проф. В. Тихомирова, засл. орд. проф. В. Зынова, орд. проф. И. Зеленева, экстра-орд. проф. Р. І. Венгловенія, орд. проф. С. Головиня, орд. проф. К. Вагнера, орд. проф. П. Попова, экстра-орд. проф. Левъ Мороховецъ, экстра-орд. проф. Н. Митропольскаго, орд. проф. С. Чирвинскаго, экстра-орд. проф. С. Березовскаго, орд. проф. Г. Сахарова, экстра-орд. проф. Ф. Рыбакова, экстра-орд. проф. А. Иванова, экстра-орд. проф. М. Райскаго, экстра-орд. проф. В. Недровскаго, орд. проф. П. Карузина, экстра-орд. проф. С. Орлова, экстра-орд. проф. В. Полякова, экстра-орд. проф. Побѣдинскаго, экстра-орд. проф. Вл. Карпова, экстра-ордин. проф. Г. Писемскаго, экстра-ордин. проф. А. Мамлакова, экстра-орд. проф. А. А. Корнилова, экстра-орд. проф. Статкевича, экстра-орд. профессоръ М. Я. Членова, экстра-орд. профессоръ Н. Струева.

Протестъ профессоровъ.

Профессорская коллегія университета св. Владимира выступаетъ съ протестомъ противъ извѣстнаго выступленія нѣмецкихъ профессоровъ, оправдывавшихъ способы веденія войны Германией. Составленъ текстъ этого протеста, въ которомъ указывается на варварство германцевъ, нарушившихъ божескіе и человѣческіе законы, поправшихъ считавшіеся неизблемыми законы международнаго права и въ войнѣ допускающихъ приемы, отодвигающіе насъ на много лѣтъ назадъ. Въ протестѣ далѣе выражается рѣзкое порицаніе нѣмецкимъ ученымъ, своимъ авторитетомъ оправдывающимъ недостойные приемы войны, направленной не къ отстаиванію началъ культуры, а къ поспранію ихъ. Подъ протестомъ подписалось до 70 профессоровъ.

Протестъ университета.

Недавнимъ совѣщаніемъ профессоровъ Петроградскаго университета выработанъ протестъ противъ своеобразнаго воззванія германскихъ ученыхъ къ нейтральнымъ державамъ съ цѣлью оправданія пачатія войны Вильгельмомъ II и звѣрскихъ жестокостей, совершае-

мыхъ германской арміей въ занятыхъ ею чужихъ мѣстностяхъ. Въ совѣщаніи участвовало до семидесяти профессоровъ, безъ различія политическихъ направленій, единогласно одобрившихъ предложенный имъ текстъ протеста, въ который внесены лишь незначительныя редакціонныя исправленія. Текстъ гласитъ слѣдующее:

Представители германской науки обратились съ воззваніемъ къ культурному міру. Они рѣшаются отвергать предъявляемая Германіи обвиненія въ звѣрскихъ способахъ веденія начатой ею войны. Въ этихъ обвиненіяхъ они не хотятъ слышать вопль культурнаго человѣчества предъ открывшеюся внезапно бездною варварства; ихъ совѣсть не влечетъ ихъ къ тому, чтобы спокойно провѣрить справедливость обвиненій, отыскать истину, исповѣдать велѣнія гуманности и служить одной правдѣ.

Германскіе ученые утверждаютъ, что Вильгельмъ II не былъ виновникомъ войны. Они утверждаютъ, что Германія начала воевать лишь послѣ того, какъ на нее напали. Но кто же нарушилъ ея границы? И кто первый вторгся въ чужіе предѣлы?

Германскіе ученые утверждаютъ, будто бы не Германія преступно нарушила нейтралитетъ Бельгіи, и будто бы Франція и Англія уже ранѣе условились съ самою Бельгіею нарушить его. Однако всѣ знаютъ, что фактически нарушила нейтралитетъ Бельгіи именно Германія послѣ отказа Бельгіи пропустить германскія войска для нападенія на Францію.

Германскіе ученые утверждаютъ, что германскіе солдаты не посягали на жизнь и имущество бельгійскихъ гражданъ, когда того властно не требовала самозащита. Не можетъ тому повѣрить тотъ, кто знаетъ, какія звѣрства совершали германскія войска при вторженіи въ Россію, въ беззащитномъ Калишѣ и въ другихъ мѣстахъ Русской Польши.

Германскіе ученые утверждаютъ, что германскія войска не свирѣпствовали въ занятыхъ мѣстностяхъ; они горделиво указываютъ на то, что Лувенскую ратушу германскіе же солдаты охраняли отъ пламени. Германскіе ученые забыли упомянуть объ оскверненіи храмовъ въ Россіи, о разрушеніи и разграбленіи университета и библиотеки въ Лувенѣ, о неоднократной бомбардировкѣ Реймскаго собора, о бросаніи бомбъ въ соборъ Парижской Богоматери. И послѣ этихъ актовъ вандализма германскіе ученые все еще осмѣливаются завѣрять культурный міръ въ любви и уваженіи германцевъ къ искусству!

Германскіе ученые утверждаютъ, что Германія ведетъ войну согласно требованіямъ международнаго права, что германскія войска не знаютъ разнузданной жестокости. А обстрѣлъ незащищенныхъ городовъ, а обращеніе женщинъ и дѣтей въ заслонъ противъ войскъ противника, а уродованіе и избіеніе раненыхъ и тому подобныя факты. Развѣ это не грубая разнузданность, не гнусная жестокость?

Германскіе ученые утверждаютъ, что борьба противъ германскаго милитаризма есть борьба противъ нѣмецкой культуры, что германскій милитаризмъ—опора нѣмецкой культуры и что безъ него эта куль

тура давно была бы стерта съ лица земли. Цѣнное признаніе! До сихъ поръ мы были болѣе высокаго мнѣнія о сущности и силѣ нѣмецкой культуры и полагали, что она могуча своей духовной мощью, а не пушками, дредноутами и пепелинами.

Германскіе ученые вычеркиваютъ насъ, Русскихъ, изъ числа защитниковъ европейской цивилизаци. Презрѣніе людей, отождествляющихъ культуру съ бронированнымъ кулакомъ, насъ не пятнаетъ, и мы рады тому, что они не равняютъ насъ съ собою. Мы служимъ по своему разумѣнію гуманнымъ принципамъ права и правды и никогда не признаемъ правоты современной Германіи въ ея настоящей борьбѣ съ европейскими націями.

Въ ручательство того, что представители германской науки вѣщаютъ одну только правду, они ссылаются на свои имена и честь. Что же касается насъ, то нашу честь мы видимъ въ горячемъ протестѣ противъ германскаго милитаризма и въ защитѣ поправленной правды.

Въ настоящее время среди академическихъ и профессорскихъ круговъ Петрограда собираются подписи подъ протестомъ противъ неправомернаго и возмутительнаго способа веденія войны союзными Германіей и Австро-Венгріей. Протестъ этотъ находитъ живой откликъ среди петроградскихъ представителей науки, безъ различія направленій. Инициаторы надѣются, что къ протесту присоединятся и профессора университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ другихъ городахъ нашей Родины. Въ эти города предполагается послать экземпляры протеста для подписи.

Въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ.

6 ноября на засѣданіи совѣта профессоровъ института гражданскихъ инженеровъ императора Николая I на кафедре архитектурнаго проектированія избранъ (изъ 5 лицъ) профессоръ С. П. Голенцовскій. За невзносъ платы за ученіе постановлено уволить около 100 студентовъ. Окончательно рѣшено, что студенты послѣдняго курса заграничныхъ институтовъ не будутъ допущены въ экзаменамъ на званіе гражданскихъ инженеровъ, такъ какъ министерство внутреннихъ дѣлъ согласилось съ этимъ рѣшеніемъ, вынесеннымъ совѣтомъ профессоровъ.

Въ технологическомъ институтѣ.

Студенты заграничныхъ технологическихъ институтовъ, подавшіе прошеніе о желаніи подвергнуться въ качествѣ экстерновъ экзаменамъ на званіе инженеръ-технолога и получившіе разрѣшеніе на это, приглашались явиться въ Петроградской технологическій институтъ къ 2 час. дня 8 ноября.

Въ университетѣ.

6 ноября на засѣданіи правленія Петроградскаго университета утверждена смѣта расходовъ по содержанию университета на 1915 годъ. Общая сумма расходовъ равняется 316,100 руб., по сравненію со смѣтой текущаго года (339,500 руб.), сокращеній произведено въ виду военнаго времени на 23,400 руб.

Въ Горномъ институтѣ.

3 ноября состоялось засѣданіе совѣта профессоровъ петроградскаго Горнаго института. Инспекторъ института проф. П. П. фонъ-Веймарнъ доложилъ совѣту о томъ, что 103 студента Горнаго института ушли добровольцами въ военныя училища. Совѣтъ единогласно постановилъ сохранить за ними все ихъ права, зачислить все сданные ими экзамены и зачеты и принять ихъ обратно по возвращеніи съ театра военныхъ дѣйствій безъ всякихъ формальностей. Далѣе разсматривался вопросъ объ увольненіи студентовъ за невзносъ платы. На основаніи устава, совѣту профессоровъ пришлось уволить (до взноса платы) 425 человекъ. Такимъ образомъ, изъ Горнаго института вышло 528 студентовъ (425 уволены, 103 ушли) что составляетъ болѣе 50% общаго числа студентовъ.

Письмо въ редакцію.

Въ своей статьѣ я преслѣдовалъ одну цѣль — дать почувствовать Русскому обществу, что оно призвано на великую миссію — освобожденіе угнетенныхъ народовъ*).

Вопросъ о гонорарѣ не заслуживаетъ даже малѣйшаго вниманія. Мнѣ лично кажется, что студенту стыдно брать вознагражденіе съ товарищей, преслѣдующихъ такую, давножданную цѣль.

Мнѣ вспоминается прошлое время великой студенческой жизни, когда къ ея голосу прислушивалось культурное общество и цѣнило ея молодые, могучіе идеалы. Теперь студенчество не то; никто не станетъ отрицать, что оно пало и пало низко. Сильныхъ, могучихъ натуръ мало. Дуализмъ духа и безжизненное прозябаніе — характерныя черты его существованія.

... Хотѣлось уйти изъ университета, чтобы не видѣть этого паденія, опошленія молодыхъ силъ.

Когда я прочелъ Ваше объявленіе — непонятная радость, невыразимое чувство охватило мою душу — и я сталъ другимъ, — возродилась и вѣра и надежды на новую жизнь и работу студенчества.

*) Авторъ этого письма — студентъ Леонидъ Батай, прислалъ въ редакцію *Вешнихъ Водъ* свою статью — „Герценъ и Австрія“, которая будетъ помѣщена въ январской книгѣ журнала. Ред.

Да, пора соединить нашу молодежь в цѣлую семью. Вы первый открыто начали и потому отъ души привѣтствую Васъ и Вашихъ товарищей, кладущихъ свои силы на благородную идею — объединенія студенчества въ единую культурную среду!..

Леонидъ Батай.

Новозыбковъ. 30 ноября 1914 г.

Л. А. Кассо.

(Некрологъ).

26 ноября скончался министръ народнаго просвѣщенія, докторъ гражданскаго права *Левъ Аристидовичъ Кассо*. Онъ былъ приглашенъ на министерскій постъ покойнымъ председателемъ Совѣта Министровъ П. А. Столыпинымъ въ ноябрѣ 1910 г. и въ теченіе четырехъ лѣтъ умѣло и твердо руководилъ дѣятельностью министерства, сохранивъ министерскій портфель при гр. В. Н. Коковцовѣ и И. Л. Горемыкинѣ. Чуждый лично какого бы то ни было политиканства, покойный старался всячески освободить школу, особенно высшую, отъ увлеченій политическими занятіями, — и въ этомъ его великая заслуга передъ Россіей. Онъ обратилъ особенное вниманіе на засиліе въ университетахъ еврейско-кадетской партіи, на гнетъ всего, что не согласовалось съ узко-тенденціозными взглядами этой партіи, и направилъ свою энергію къ умиротворенію университетской жизни, выдвинувъ научныя занятія на первой планѣ. Университетъ для науки!.. Все, что мѣшало его стремленіямъ освободить школу отъ политики, было ему враждебно и устранялось имъ съ рѣдкимъ постоянствомъ. Такая его министерская дѣятельность не могла нравиться многимъ; специфически „оппозиціонная“ печать дружно ополчилась противъ него, и покойному, какъ министру, пришлось пережить множество упрековъ, укоризнъ и довольно некрасивыхъ, гнусныхъ инсинуацій. Но это мало трогало его, онъ твердо шелъ намѣченной имъ дорогой, не уклоняясь въ сторону отъ враждебныхъ выпадовъ, не избѣгая ихъ.

При Кассо въ послѣдніе четыре года дѣло народнаго просвѣщенія значительно улучшилось. Низшее образование быстро развивалось путемъ открытія множества новыхъ школъ и замѣтно приблизилось къ тому, чтобы сдѣлаться всеобщимъ. Среднія школы не только увеличились количественно, но многія изъ нихъ обогатились собственными помѣщеніями, приспособленными къ учебнымъ нуждамъ. Было обращено вниманіе на повышение вознагражденія учительскаго труда, на матеріальное и качественное улучшеніе учрежденій научнаго характера: публичныхъ библиотекъ, Румянцевскаго музея и др.

Л. А. — потомственный дворянинъ Бессарабской губерніи, гдѣ онъ имѣлъ крупную земельную собственность. Онъ родился въ Парижѣ 8 іюня 1865 г., учился въ Парижскомъ лицей Сопдорат, слушалъ лекціи

въ парижской Ecole de droit и на юридических факультетахъ Гейдельбергскаго и Берлинскаго университетовъ. Въ берлинскомъ семинаріи римскаго права покойный провелъ два года и получилъ въ 1889 г. отъ Берлинскаго университета степень доктора правъ. Вернувшись въ Россію, Л. А. выдержалъ въ Юрьевскомъ университетѣ въ 1892 г. магистерскій экзаменъ по гражданскому праву и былъ назначенъ исправлять должность доцента по кафедрѣ церковнаго права. Черезъ годъ онъ исполнялъ должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ мѣстнаго остзейскаго гражданскаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской. Въ это время имъ изданъ „Обзоръ остзейскаго гражданскаго права“. Въ 1895 г. покойный блестяще защитилъ въ университетѣ св. Владиміра диссертацию на степень магистра гражданскаго права: „Преемство наследника въ обязательствахъ наследователя“ и былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Харьковскаго университета по кафедрѣ гражданскаго права и судопроизводства. Въ 1899 г. онъ защитилъ въ университетѣ св. Владиміра диссертацию: „Понятіе о залогѣ въ современномъ правѣ“ на степень доктора гражданскаго права и былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета по гражданскому праву. Кафедру эту занималъ до своего назначенія управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1910 г. Одновременно онъ былъ инспекторомъ лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ и, когда директоръ лицея Л. А. Георгіевскій былъ призванъ на постъ товарища министра народнаго просвѣщенія, онъ явился его преемникомъ по должности директора лицея. Съ 1900 г. Л. А. ежегодно назначался членомъ государственной юридической испытательной комиссіи при Московскомъ университетѣ. Въ 1901 г. онъ сдѣлалъ по порученію министерства народнаго просвѣщенія весьма удачный и оригинальный разборъ проекта статей объ авторскомъ правѣ. Будучи профессоромъ Московскаго университета, Кассо упорно чуждался занятію политикой, всецѣло посвящая себя своему научному предмету и практическимъ занятіямъ въ руководимомъ имъ семинаріи. Гражданское право онъ читалъ талантливо, увлекательно, горячо,—и дѣлательно заботился о пріобрѣтеніи студентами знаній по его специальности. Какъ человекъ, онъ отличался безупречной корректностью, аристократической выдержкой и большимъ остроуміемъ.

Покойный министръ имѣлъ всѣ ордена и знаки отличія до Св. Анны 1 степ. включительно, а также нѣкоторые иностранные ордена.

Л. А. Кассо состоялъ почетнымъ членомъ Императорскихъ археологическихъ институтовъ въ Петроградѣ и Москвѣ, почетнымъ членомъ Императорскаго московскаго и Румянцовскаго музеевъ, Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, Императорской Публичной библіотеки и общества классической филологіи и педагогики. Л. А. Кассо, кромѣ того, былъ почетнымъ мировымъ судьей сорокскаго округа и почетнымъ гражданиномъ города Сорокъ.

A propos.

Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія отмѣчаемъ тотъ интересъ, который вызвалъ въ Русскомъ обществѣ журналъ „Вешнія Воды“. Наши труды не пропали, не пропадаютъ даромъ: редакція получаетъ много сочувственныхъ писемъ и отъ студентовъ, и отъ курсистокъ, и отъ „большихъ“ Русскихъ людей.

Основная мысль привѣтствій одна—„Вешнія Воды“ нужны.—отражая на своихъ страницахъ *жизнь, думы, и творчество* учащагося міра они наглядно характеризуютъ душу, психологію подростоющей Россіи,—что есть налицо, чего можно ждать, на что надѣяться. Полнѣе освѣщайте жизнь Русскаго студенчества,—подробнѣ знайте насъ, о чемъ думаетъ оно, о чемъ грезить, чего ищетъ, чѣмъ мучается...

Великое спасибо за доброе слово, за теплое пожатіе руки. А было такъ одиноко-жутко...

И глубже вздохнули мы, и поступь стала бодрѣе. „Когда я бываю съ другомъ, я не одинъ и насъ не двое“.

ВЕШНІЯ ВОДЫ имѣются во всѣхъ бесплатныхъ городскихъ читальняхъ Россійской Имперіи, въ бібліотекахъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

Въ случаѣ ненахожденія нашего журнала гдѣ-либо изъ вышеуказанныхъ мѣстъ просимъ извѣстить Главную Контору, и изданіе будетъ высылаться туда съ ближайшаго № совершенно бесплатно.

Настоящая декабрьская книга „**ВЕШНИХЪ ВОДЪ**“ отпечатана въ утроенномъ количествѣ экземпляровъ, чѣмъ отчасти и объясняется задержка при ея выходѣ въ свѣтъ.

Издатель М. М. Спасовскій принимаетъ по понедѣльникамъ и четвергамъ только отъ 7 час. до 8 час. веч. Тел. 67—74.

Лица присылающихъ деньги, письма и рукописи для „Вешнихъ Водъ“, покорнѣйше просятъ адресовать таковыя не на имя отдѣльныхъ лицъ принадлежащихъ къ составу редакціи, а **исключительно въ редакцію „Вешнихъ Водъ“**.

* * *

Контора журнала „Вешнія Воды“, увѣдомляя г. г. подписчиковъ по разсрочкѣ, что срокъ 2-го **рублеваго** взноса истекаетъ въ **ноябрѣ**, имѣетъ честь покорнѣйше просить о высылкѣ слѣдующихъ денегъ.

* * *

При всякихъ запросахъ на отвѣтъ необходимо прилагать почтовые марки.

„*Вешнія Воды*“—журналъ студентовъ и для студентовъ, для той подростяющей Россіи, на долю которой выпадаетъ высокая честь охранять славу и мощь своей великой Родины.

* * *

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на статью **В. В. Розанова**—„Изъ жизни, исканій и наблюденій студенчества“.

II.

Изъ тихаго омута.

(Романъ).

Алексѣй и Зина переживали счастливые дни... Лучше этихъ дней, первыхъ дней полной близости, обладанія другъ другомъ, не омраченныхъ никакими сомнѣніями, никакими заботами, едва-ли что есть на свѣтѣ.

За нѣсколько дней передъ свадьбой, когда это наступившее такъ неожиданно и быстро счастье казалось ему чѣмъ-то призрачнымъ, очень далекимъ, почти неосуществимымъ, они мечтали о этихъ первыхъ дняхъ совместной жизни нѣсколько иначе.

Мы будемъ одни... совсѣмъ одни... только вдвоемъ... мечталъ часто вслухъ Алексѣй.

Случилось же такъ, что первые дни медоваго мѣсяца имъ пришлось провести въ семьѣ Зарубиныхъ, гдѣ, конечно, нельзя было быть «совсѣмъ однимъ». Да и не тяготило какъ-то присутствіе родныхъ. Особенно чувствовала это Зина. Когда они съ Алексѣемъ рѣшили, повѣнчавшись, явиться къ его родителямъ, она согласилась на это не безъ тайной тревоги.

— Какъ-то примутъ? Тоже, вѣдь, вродѣ моихъ старики-то...

Холоднаго, но корректнаго приѣма она не боялась...

Тутъ-то ужъ она бы сумѣла ориентироваться, а вотъ если закричать «вонъ»!..

Она представляла себѣ разсерженное лицо и гнѣвную фигуру Николая Егорыча, но почему-то вмѣсто Зарубина въ воображеніи рисовался не онъ, а ея отецъ, Сергѣй Дмитріевичъ Игнатьевъ.

— Что? Зинаида?! Гони ее вонь! — вспоминаются эти гнѣвно брошенные знакомымъ голосомъ слова... его побагровѣвшее лицо... Какъ сильно билось тогда ея сердце!.. Что-то клубкомъ подкатило къ горлу... Ноги дрожали... Страшнаго труда стоило пѣдавить въ себѣ нахлыпувшія чувства и сказать хоть нѣсколько словъ спокойно и ровно...

И теперь, казалось, повторится именно эта сцена...

Зина входила въ семью мужа смѣло и гордо, готовая уйти при первомъ же грубомъ словѣ...

Неожиданная ласковость Николая Егорыча и смутила и растрогала ее. Завоевать расположеніе и сердечность этого добраго человѣка было легко. Въ глазахъ Наташи она сразу прочла восхищеніе по своему адресу, и Шурѣ, казалось, она была симпатична... Только Марья Яковлевна заставляла ее немного задуматься. Весь вечеръ ихъ свадьбы и послѣдующіе дни она суетилась, предлагала, угощала ни на кого не глядя, то и дѣло отирая въ сторонкѣ заплаканные глаза. Раза два Зина замѣтила, какъ грустно смотритъ она на Алексѣя.. на невѣстку же она точно боялась смотрѣть. Зина положительно терялась.

— Какъ завоевать эту неприступную ни съ какой стороны крѣпость? А завоевать, думалось Зинѣ, нужно непременно.

Алексѣю же теперь, въ угарѣ страсти, первой любви и неиспытаннаго еще счастья обладанія любимой женщиной, конечно, все это казалось пустяками. Когда, идя вѣнчаться, горестно говорила ему Зина, что могутъ очень сурово принять ее, что ей трудно, тяжело, непривычно унижаться, что если не сможетъ она завоевать расположенія его родныхъ, то это охладитъ его къ ней...— какъ горячо умолялъ онъ ее отбросить всѣ эти сомнѣнья и думы...

— Тебя? Мою жену, жену повѣнчанную не признають? Милая! Повѣрь, ужъ я сумѣю поставить тебя, какъ должно, въ своей семьѣ.. А не сумѣю, такъ это будетъ моя вина и я за нее буду расплачиваться...

Вѣдь, у меня будетъ своя семья... собственная! Зина, Зина! Вѣдь, ты — весь міръ для меня. . Развѣ что-нибудь можетъ сравниться для меня съ твоей любовью...

Горделиво улыбаясь, слушала Зина влюбленные рѣчи жениха.. Увѣренно и спокойно ступала она на коврикъ передъ аналоемъ... Обѣщала сама, слышала его обѣщанья и вѣрила имъ.

И теперь, послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ вмѣстѣ, она еще больше увѣровала въ силу любви и страсти его, въ силу власти своей надъ нимъ. Она уже не прерывала его добровольныхъ клятвъ словами сомнѣнья. Поклоненіе его, его восторгъ не смущали ее больше... Съ той же горделивой улыбкой, съ какой выслушивала она страстные признанья его, отдавала она его иоцѣдуямъ свои ноги... свои маленькія узкія бѣленькія ножки...

Въ порывѣ восторга, страстнаго и неудержимаго, падалъ онъ на колѣни передъ ней... И она не старалась больше поднять его, не смущалась, не негодовала... Только перебирала своими тонкими пальцами его русыя кудри, эти безотвѣтныя кудри ея раба и ея властелина.

Счастье, счастье! Немногихъ, не часто и ненадолго посѣщаешь ты... Но разставшись съ тобой... не забыть тебя.

* * *

Словно во снѣ промелькнули эти недѣли, проведенныя молодыми въ тихомъ родномъ городкѣ. Отпраздновали масленицу и поѣхали въ Петроградъ.

Наташа плакала, разставаясь съ Зиной, съ которой уже успѣла подружиться. Плакали сбѣ матери, провожая одна—дочь, другая—сына. И Зарубинъ съ Игнатьевымъ грустно смотрѣли на уѣзжающихъ молодыхъ, мысленно благословляя ихъ на новую жизнь.. Только сами виновники этихъ слезъ были веселы и беззаботны, и страннымъ казалось имъ горе провожающихъ.

— Чего же ты плачешь-то, мама? Буду я ужъ теперь не одинъ, съ Зиной вдвоемъ. И устраиваться будемъ вмѣстѣ-лучше... Теперь ужъ не поселимся въ сырой комнатѣ, какъ жилъ я раньше...—говорилъ Алексѣй матери и мысленно добавилъ:—Теперь ужъ и разлучаться не будемъ больше... Все вмѣстѣ... всегда...

— Не забывай, Алешенька... совсѣмъ-то; хоть изрѣдка вспомни,—напиши два слова матери.

Что то больно рѣзнуло по сердцу Алексѣя:

— Что вы, мамочка милая, не надо такъ говорить. Какъ писалъ, такъ и буду писать, какъ раньше помнилъ, такъ и теперь... Ничего, вѣдь, не измѣнилось!

— Все измѣнилось, Алеша, и ты измѣнился...

Вспомнилъ невольно Алексѣй, какъ съ дѣтства любила и берегла его почему-то больше, чѣмъ другихъ дѣтей, мать,—и до сихъ поръ эта особенно сильная любовь къ нему—ея первенцу, сказывалась во всемъ... Даже въ ихъ скромномъ домашнемъ меню она больше всего считалась съ его вкусомъ, съ его желаніями и привычками. Онъ родился и росъ, когда семья еще не оперилась, не обжилась... По вечерамъ мать, тогда еще молодая и красивая, долго, бывало, сидѣла, зачинивая свое старое платье или передѣлывая единственное выходное платье, штопала чулки. А у него, у Алеша всегда было и чистенькое бѣлье, и сапожки были начищены и чулочки крѣпкіе и голубая сатиновая рубашечка къ празднику... Торопливо зачесавъ свои, тогда еще густые и пышные волосы, спѣшила она расчесывать русые кудряшки своего любимца...

Для мысли нѣтъ ни пространства, ни времени. Въ одинъ мигъ развернула она передъ Алексѣемъ широкую панораму милыхъ дорогихъ картинъ незабвеннаго дѣтства... Порывисто обнялъ онъ старушку, прижался губами къ родному лицу...

— Прости родная, за все... И неблагодарность мою прости.

— Господь съ тобой. Алешенька, что ты!—уже растроганная говорила она, крестя и цѣлуя его.

А на площадкѣ стояла Зина, свѣжая, улыбающаяся, что-то говорила съ Наташей, покачивая головой,—колыхалось эспри на по-модному

отогнутой шляпкѣ... Только глаза не смѣялись... нетерпѣливо, ревниво устремились они на Алексѣя... Раздался второй звонокъ.

— Алеша, скорѣе!

— Прощайте, папа, мама, Николай Егорычъ, Наточка, Шура...

Быстро остаются позади родныя мѣста. Что-то тяжело на сердцѣ у Алексѣя. Осенью, когда ѣхалъ онъ въ Петроградъ, ѣхалъ одинъ, въ первый разъ, было, пожалуй, легче..

— Зина!

И она стоитъ у окна, грустно глядя на убѣгающія поля и окрестности тихаго роднаго города и тоже вспоминаетъ... Три года назадъ уѣзжала тоже вдвоемъ, больше—почти втроемъ... Лицо Зины заливаешь краска, глаза подергиваются влагой. Винаватымъ взглядомъ смотритъ она на Алексѣя.

— Милый! Какъ онъ ее любить! Заслуживаетъ-ли она такую любовь?

Вспомнилось, какъ сегодня утромъ отецъ позвалъ ее и ея мужа къ себѣ и далъ имъ, или вѣрнѣе ему, Алексѣю, конвертъ...

— Вотъ, это вамъ... Все, что имѣю... Да мнѣ на старость...

Алексѣй вспыхнулъ и передалъ конвертъ Зинѣ.—Это ей, а не мнѣ!—отвѣтилъ онъ.

— Обоимъ вамъ!—отвѣтилъ старикъ.

— Ну, Зинаида... Вотъ тебѣ мое благословенье... Объ одномъ старайся, чтобы никогда онъ не раскаялся, что на тебѣ женился... Да побольше сердцемъ живи... Ты все умомъ, а онъ—сердечный...

Почему то Зину обидѣли первыя слова отца. Прислонилась она на плечо Алексѣя и заплакала.

— Ничего, пусть поплачетъ... Пусть почаще такъ вотъ, у васъ на плечѣ выплакивается...—сказалъ Сергѣй Димитріевичъ смутившемуся немного Алексѣю.

— Милый, какъ онъ любить ее! Какъ онъ ласковъ, деликатенъ, нѣженъ съ ней... Мало такихъ...

Зина вздрогнула.

Быстро мчится поѣздъ, еще быстрѣе летитъ время... Два дня и они уже въ Петроградѣ... ищутъ квартиру, устраниваются...

* * *

За нѣсколько дней, проведенныхъ въ Петроградѣ, вполнѣ понялъ и опѣнилъ Алексѣй умѣнье Зины жить, устраиваться, сходитьсь съ людьми. И квартиру она нашла удобную, хорошую и недорогую, да еще съ большой скидкой, оплачивающей цѣлый мѣсяць,—дѣло въ томъ, что удалось переснять квартиру у уѣзжающаго по дѣлу службы изъ столицы чиновника, не дожившаго до конца контракта болѣе полугода.

И обстановку купила она замѣчательно дешево,—частью у того же чиновника, частью въ Александровскомъ рынкѣ, о существованіи котораго Алексѣй даже не зналъ до сихъ поръ.

Накупила Зина массу всевозможныхъ, необходимыхъ, по ея мнѣнію, предметовъ: и ковры, и плюшевыя портьеры и арматуру... Рыскала два

дня по всевозможнымъ объявленіямъ о продажѣ вещей въ частныхъ квартирахъ, суетилась и ѣздила до упада. Особеннаго труда стоило ей приобрести зеркальный шкапъ. Она ни за что не хотѣла мириться съ его отсутствіемъ. Наконецъ, нашла гдѣ-то за Нарвской заставой у какого то очень спѣшно выѣзжающаго изъ окрестностей Петрограда господина именно такой, какой ей хотѣлось, шкапъ. Алексѣй, ничего не понимавшій въ такихъ вещахъ, не сумѣлъ оцѣнить этой, столькихъ хлопотъ стоящей Зинѣ покупки.

— Сколько ты заплатила за него, Зина?

— Пятьдесятъ рублей... отвѣчала она, довольно оглядывая покупку.

— Да ты съ ума сошла!

— Въ чемъ дѣло?

— Зачѣмъ ты покупаешь такія дорогія вещи?

— Глупый! Ничего то ты не понимаешь. Вѣдь, этотъ шкапъ полтора ста рублей стоитъ! Ты посмотри, вѣдь, зеркало во весь шкапъ! Каждая полка выдвигается! И ящикъ внизу... у всѣхъ шкаповъ прямо наружу бываетъ, а у этого за зеркальной дверью... Вѣдь, ты въ этомъ зеркалѣ всего себя видишь, съ ногъ до головы. Знаешь, я видѣла у одной маникюрши, она уѣзжаетъ въ Одессу,—я еще у ней кровати купила... Ну, такъ вотъ, у ней туалетъ продается... Ахъ, какой туалетъ! Ну, знаешь, она за него и проситъ... сто двадцать рублей. А онъ много стоитъ! Очень хотѣлось купить. Но куда же! Все-таки дорого...

— Господи! Какія у тебя замашки широкія, Зина. Ну къ чему тебѣ такой туалетъ! У тебя такое хорошее большое зеркало, поставь его опять на столикъ, кисейкой обтяни, какъ это у тебя было дома...

— Да! Придется, что-жъ дѣлать. Туалетъ подождетъ.

Наконецъ, квартира была приведена въ порядокъ. Повѣшены портьеры, предварительно вытертыя, по настоявію Алексѣя, щеткой, смоченной въ бензинѣ. Этой же манипуляціи подвергались и ковры и даже модныя креслица, обитыя плюшемъ. Кровати и матрацы Алексѣй собственноручно вытеръ карболовымъ растворомъ.

— Чортъ знаетъ, кто спалъ на этихъ никкелированныхъ кроватяхъ,—ворчалъ онъ.

Зина хохотала.

— Да ужъ, навѣрное не хуже, чѣмъ тѣ, которые живутъ въ такихъ комнатахъ, какую ты занималъ раньше... Ты и тамъ такъ же мылъ все карболкой?

— Нѣтъ, мнѣ этого тамъ и въ голову не приходило... Знаю, почти навѣрное, что жилъ тутъ до меня такой же какъ я, студіозусъ... Чистотой не сверкалъ и никого не ослѣплялъ, а все же и неряхой не былъ. Разъ въ недѣлю въ баньку ходилъ... А тутъ! Богъ знаетъ, съ какихъ только концовъ собрала ты всю эту «шикарную» мебель? Можетъ, она въ сколькихъ рукахъ перебывала! Богъ знаетъ, какого безобразія навидалась...

— Ну, вотъ ужъ!—обидѣлась Зина.—По твоему, если человѣкъ прилично обставится...

Но Алексѣи не далъ ей договорить, со смѣхомъ покрывая поцѣлуями милое лицо.

Понемногу устроилось все, Зина поступила мастерицей въ тотъ самый магазинъ, гдѣ прежде училась дѣлать шляпы. Хозяйка приняла ее радушно, предложила сразу же хорошее жалованье. Двѣ комнаты въ квартирѣ были уже сланы, двѣ другія заняли сами Зарубины. Сняла обѣ комнаты какая-то знакомая Зины, бывшая мастерица, теперь удачно попавшая на содержаніе немолодому уже инженеру. Прежде чѣмъ договориться съ ней окончательно, Зина долго обдумывала это одна и совѣщалась съ Алексѣемъ.

— Право, не знаю, Алеша, пустить ее намъ или нѣтъ. Она пятьдесятъ предлагаетъ и прислуга у ней своя... Мѣста въ кухнѣ много, мы все равно не возьмемъ пока прислуги, а она и намъ будетъ ставить самоваръ и все такое. И потомъ она ужь—жилица на круглый годъ, не то, что студенты—до мая.

— Тогда, конечно, пусть поселится у насъ... соглашался Алексѣй,—выгоднѣе не найдешь.

Марья Ефремовна Конкина переѣхала къ Зарубинымъ. Комнатами она была очень довольна.

— Главное—что входъ. А то господа инженеры, вѣдь, не любятъ, когда входъ плохой. И окна на улицу!

Марья Ефремовна была очень недуренькая женщина лѣтъ 27—8. Худенькая, немного блѣдная. Волосы у ней были свѣтло—свѣтло русые, заплетала она ихъ въ одну толстую длинную косу, одѣвалась пока еще очень просто.

Алексѣй, ожидавшій встрѣтить типичную содержанку изъ среднихъ, заплывшую жиромъ, съ папирской во рту, удивился и даже сконфузился, увидя ее. Въ темненькомъ платьицѣ, стройненькая, худенькая, она казалась на первый взглядъ дѣвочкой, хрупкой и нѣжной. Особую прелесть придавали ей заплетенные косою волосы. И глаза оказались чистыми голубыми, такъ простодушно глядящими на Божій міръ изъ-подъ наивно подведенныхъ бровей.

* * *

— Что съ тобой, моя голубка?... Почему ты грустна... Не буду больше куда пускать тебя одну... Милая моя! Ну, подыми же на меня свои славные глазки, ну дай поцѣловать тебя... Только не грусти, слышишь, не грусти, родная... Не смотри такъ печально.

Блѣдная и грустная сидитъ Зина. Передъ ней недопитая чашка. Машинально наливаетъ она чай мужу.

Въ передней раздается рѣзкій звонокъ. Безучастное, грустное выраженіе на лицѣ Зины смѣняется удивленіемъ и ожиданіемъ.

— Марья Ефремовна Конкина дома?—спрашиваетъ сильный и звучный мужской голосъ.

Зина уже прильнула къ двери и смотритъ туда. Она вся вниманіе...

— Я тебѣ, дуся, пенюаръ розовый привезъ,—по прежнему громко, повидимому совершенно забывая, что онъ не въ своей отдѣльной квартирѣ, говорилъ голосъ.—Примѣрь-ка! Снимай, снимай свой монашескiй костюмъ-то!

Въ отвѣтъ послышался серебристый застѣнчивый смѣхъ Марьи Ефремовны. Раздался довольно звучный поцѣлуй, а потомъ сдержанный шопотъ.

— Какая ты, однако, любопытная, Зина!—замѣтилъ недовольно Алексѣй—Закрой, пожалуйста, дверь. Чортъ знаетъ! Все слышно!..

— Ну, что жъ, тебѣ это мѣшаетъ? Миѣ такъ очень интересно, что и какъ...

— А ну тебя,—засмѣялся Алексѣй, поцѣловалъ ее и пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Подъ кабинетъ и спальню было отведена довольно большая комната раздѣленная пополамъ невысокой ширмой.

Въ спальнѣ помѣщались двѣ кровати, зеркальный шкафъ, маленькiй туалетикъ Зины: въ кабинетѣ, кромѣ рабочаго стола и книжнаго шкапа былъ удобный диванъ, гдѣ очень любили сидѣть Алексѣй и Зина. И теперь Алексѣй сѣлъ сюда, дожидаясь ее. Наконецъ, и она съ нимъ. Обвила рукой его шею, шепчетъ что-то, смѣется... и по любимой привычкѣ опять треплетъ послушныя, безотвѣтныя кольца его кудрей.

— Ну, скажи, гдѣ ты была сегодня, Зинушка?

Точно вспомнила что то грустное, печальное. Безпомощно упали руки.

— Милый, не надо, потомъ...

— Зина! Да что? Скажи не мучь! Что еще за тайна завелась тамъ у тебя? Ну, скажи же. Я могу, вѣдь, Богъ знаетъ что подумать!..

— Да скрывать - то нечего... Я была въ приютѣ.

— Въ какомъ, зачѣмъ?

— Въ... да не все ли равно... Дочку свою навѣщала. Ну да, дочку! чего жъ ты вскочилъ? Не зналъ, что ли?

— Дочку? Господи! Не зналъ, Зина... Ничего не зналъ.

Зина рыдала, уткнувшись въ подушку дивана Алексѣй молча стоялъ надъ ней... Странныя мысли волновали его...

— И ты... ты только сегодня пошла къ ней?!

— Да... Некогда же, вѣдь, было... знаешь... —всхлипывала она.

— Не понимаю...

Онъ пожалъ плечами.

Почему-то хотѣлось уйти... Куда - нибудь уйти отъ нея, этой женщины, дорогой, любимой, но... непонятной ему.

* * *

«Дорогой папа... Сообщаю тебѣ еще одну новость. У меня есть дочь. То есть, вѣрнѣе, у насъ есть дочь. Не удивляйся и не сердись, что сообщаю тебѣ это только теперь... Я самъ только теперь узналъ это. Тебѣ, конечно, все это покажется невѣроятнымъ, но, прошу тебя, отнесись спокойнѣе ко всему, взгляни на вещи проще.

Маленькая Зойка шлетъ тебѣ привѣтъ. Ей скоро четыре года и она уже кой-что понимаетъ. Когда я сказалъ ей, что у нея есть добрый— добрый дѣдушка, она даже не повѣрила такому счастью. Она пока еще не живетъ у насъ, но и это скоро устроится. Прощай. Скажи все это мамѣ и Игнатьевымъ. Зина имъ писать ничего не хочетъ, а мнѣ какъ-то неловко. Ты, отецъ, все поймешь.

Твой Алексѣй».

Письмо это написалъ Алексѣй второпяхъ, точно въ горячкѣ... Ужасное эти дни было настроеніе... Онъ не могъ найти себѣ мѣста и успокоился лишь тогда, когда отъ отца пришла телеграмма.

«Одумайся Алексѣй—будетъ тяжело. Ярмо берешь непосильное. Подумай. Отецъ».

Эта телеграмма точно рѣшила что то.

Ярмо! Какое же это ярмо взять къ себѣ дѣвочку изъ ужасной пріютской обстановки, растить какъ свою дочь, вернуть ей мать, отца замѣнить... воспитать ее съ своими дѣтьми.

— Вѣдь у насъ будутъ дѣти, Зина?—Счастливыми, влюбленными глазами смотреть онъ на жену.

Она задумчива, даже грустна.

— Я устала, Алеша! Сегодня у меня случилось много работы, милый... Но ты, почему ты такъ развеселился, получивъ эту телеграмму? Что въ ней? Разрѣшеніе отъ твоей маменьки? Не правда ли, вѣдь безъ ея разрѣшенія ты бы не рѣшился взять Зойку...

— Зина! Ну почему опять этотъ обидный тонъ... Какое то разрѣшеніе маменьки... Ты знаешь, что я никогда не ломаю комедіи и не спрашиваю разрѣшенія на то, что признаетъ правильнымъ мое нравственное чувство.

— Что же въ этой телеграммѣ?—по прежнему настойчиво и ревниво допрашивала она.

— Прочти!—Онъ подалъ ей бережно сложенный листокъ и ушелъ.

Зачѣмъ она оскорбляетъ его... Постоянно... Стараются задѣть самыя заѣтныя струны... Точно ревнуетъ къ матери, къ матери, которой онъ такъ много долженъ и никогда не заплатитъ. Можетъ ли она за все ея заботы, любовь, заплатить такими же.

А Зина? Заняла все его сердце, весь разумъ, переплела какъ тонкими паутинами своими чарами, своими ласками... Что говорилъ онъ ей въ эти безумно влюбленные ночи... Кому... Никому въ цѣломъ свѣтѣ не сможетъ сказать... Зина! Всю душу отдалъ ей. А ей все мало... Все ревнуетъ его... Къ кому? Къ чему?

— Значитъ ты передумалъ? О чемъ ты задумался?

Зину обезпечила его слишкомъ ужъ понуренная поза, опущенная на нервно сжатыхъ руки голова.

— Что, передумалъ?

Поднялъ голову Алексѣй.

— Взять Зойку... Да, знаешь, и лучше.

— Ничего подобнаго! Откуда ты взяла? Почему лучше?— снова удивился Алексѣй.

— Да телеграмма!

— Эхъ Зина, Зина! Ты думаешь, отецъ не совѣтуетъ, такъ я сразу и передумаль... Да и въ телеграммѣ сквозь строки совсѣмъ другое прочель, чѣмъ въ строкахъ.

— Н...не знаю... я между строкъ читать не умѣю... Онъ не совѣтуетъ братъ Зойку... Почему не послушать его совѣта... Онъ старъ, опытенъ... И впрямь, подумай: ну, ты усыновишь ее. Будетъ звать тебя папой... А твои знакомые... Всѣ будутъ знать, что твоя жена «съ прошлымъ», говорить будутъ.

— Ужъ это то мнѣ рѣшительно все равно, что обо мнѣ будутъ говорить. По крайней мѣрѣ относительно моихъ семейныхъ дѣлъ. Вѣдь я то самъ, пойми, всегда буду помнить, никогда не забуду, что ты, моя жена «съ прошлымъ», Прости, Зина, Бога ради прости за это грубое выраженіе... Не нашель другого въ эту минуту...

— Ничего! Это все равно! Вѣдь правда... Только... Только вѣдь еще больше напоминать то будетъ...—Проговорила въ раздумьи Зина.

— А легче бы было, если бы я зналъ, что отнялъ тебя, мать, у твоего ребенка? Она на тебя больше правъ имѣеть, чѣмъ я. И ты бы стремилась къ ней... Это понятно, но мнѣ то, пойми, было бы горько, что часть твоего сердца внѣ моей семьи... У насъ будутъ дѣти, Зойка будетъ старшая... И ты будешь вся въ семьѣ, въ моей семьѣ, и никуда не будешь уходить и возвращаться грустная и думать о чемъ то, забывая обо мнѣ.

— Ну, куда же мы помѣстимъ ее? Право мы такъ хорошо, уютно устроились и тутъ вдругъ...—Недовольно говорила Зина.

— Куда помѣстимъ? Да вотъ хоть на диванъ! Она не такая ужъ маленькая. Подумай! Если бы у насъ родился ребенокъ, онъ стѣснилъ бы насъ гораздо больше, чѣмъ маленькая Зойка.

— Еще ребенокъ!—Зина брезгливо повела плечами.—Храни Богъ! Слушай.. Подождемъ до будущей осени... Право теперь будетъ неудобно.

— Зина, Зина! И тебѣ не стыдно! И не жаль говорить такъ, ты не замѣтила, какая тщедушная и блѣдная твоя Зойка. Нѣтъ, возьмемъ скорѣе! Эхъ ты, мать...

* * *

Эля Феберъ только что вернулась съ курсовъ усталая, съ тупой головной болью. Было часовъ шесть. Еще совсѣмъ свѣтло,

Эля сегодня читала зачетный рефератъ по литературѣ, готовится къ нему пришлось на спѣхъ. Работу задерживали лекции, собранья кружка, участвовавшая за послѣднее время, а главное—постоянныя поѣздки съ Махлинымъ то за Нарвскую, то за Невскую заставу. Кромѣ того, нужно было исподволь готовится и къ весеннимъ экзаменамъ.

Послѣднія ночи Эля почти не спала. Зато рефератъ сошелъ блестяще. Честолюбивую по натурѣ Феберъ сегодня однако не радовало ни

одобрение профессора, онъ даже руку пожалъ ей благодаря, что такъ чутко поняла тему,—ни похвалы товарищей курсистокъ. Усталая, апатичная сошла она съ каюды, нервничала и злилась, когда пришлось долго задержаться со сдачей книгъ въ библіотекѣ. Потомъ пошла домой. Съ трудомъ поднялась въ пятый этажъ. Каждая ступенька точно молотомъ отдавала въ головѣ. Эля почти не помнитъ, какъ она позвонила. Когда вошла, одно желанье мучило... скорѣе, скорѣе лечь, броситься не раздѣваясь въ постель. Принудила себя, однако, выдержать до конца. Умылась, переодѣлась какъ всегда въ легкое домашнее платье, легла и задумалась. О чемъ думала? Страшная усталость сковывала, замыкала мысли, обрывала ихъ на половинѣ. Утомили эти безконечныя поѣздки, тряска въ конкахъ и паровикахъ, разговоры съ людьми, такъ плохо ее понимавшими.

Зачѣмъ она ѣздила туда? Она несла туда слова свободы, любви и правды... такъ говорилъ Махлинъ. Она ѣхала агитировать мятежь и бунтъ, озлоблять и безъ того озлобленныхъ подчеркивая несправедливость. сгущая краски и безъ того темныхъ картинъ дѣйствительности—такъ подсказывала усталая, недоувѣрчивая мысль.

— Что же дальше? Что дальше будетъ? Теперь гнететъ зло, гнететъ неправда, а тамъ за обрывомъ... Что ждетъ тамъ? Махлинъ такъ красиво описывалъ это будущее... Какъ оно свѣтло и прекрасно! Почему же не вѣрилось ей, именно ей, когда другіе вѣрятъ безусловно. Почему это она, Феберъ, не можетъ быть такой же идеалисткой горячее и искренней, какъ, на примѣръ, Махлинъ. Вѣдь она моложе его... а чѣмъ моложе, тѣмъ и сильнѣе должна бы поддаваться гипнозу этого *молодого* идеализма.

Третьяго дня она заговорила объ этомъ съ Махлинымъ. Онъ должно быть не разслышалъ ея, совсѣмъ не такъ понялъ. Принялся увѣрять, что ей ея *молодой* жизни и не грозитъ рѣшительно никакая опасность... Что на ней ничѣмъ не отразятся всѣ эти надвигающіеся грозные дни.

— Вы будете только вдохновлять. Жрецы не берутъ метлы и не метутъ улицъ! На это есть...

Онъ не договорилъ. Полными ужаса и негодованія глазами смотрѣла на него Феберъ.

— Пушечное мясо, толпа! Не такъ ли?—Закончила она дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ...—Боже, какую пошлую подлую роль предложили вы мнѣ... Теперь агитировать, звать на кровь, на безстрашную борьбу, а самой укрыться въ критическій моментъ и беречь свою драгоценную жизнь...

Махлинъ что то долго говорилъ ей, просилъ простить, забыть его слова.

— Я не понималъ васъ, я не зналъ васъ, Елена! Поймите! Вы казались мнѣ другимъ, гораздо меньшимъ, чѣмъ вы оказались... Я и такой боготворилъ васъ, а теперь, теперь! Мой богъ сошелъ на землю, мой богъ хочетъ пострадать, можетъ быть принять позорную смерть.—Такіе, какъ вы, рѣдки... какъ золото, какъ червонное золото...—Должно быть не при-

думалъ лучшаго сравненія. Сейчасъ передъ Феберъ пронеслась вся эта сцена, и послѣднія слова, тогда почти незамѣченныя, такъ и звучали въ ухахъ:

«Ты мое сердце
и душа,
«Ты какъ червонецъ
хороша...»

Это она такъ часто слышала дома. Внизу, подъ ихъ квартирой жилъ еврей часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Онъ постоянно напѣвалъ эти слова красивымъ сильнымъ теноркомъ... Ей нравились тембръ его голоса, мотивъ маленькаго двустинія, но смѣшили слова.

Разъ она занесла въ его мастерскую поправить свои часики, еще наслѣдство покойной матери.

Молодой часовщикъ, при видѣ этихъ маленькихъ золотыхъ съ брилліантовой монограммой и гербомъ часиковъ, почти припрыгнулъ.

— Ай, ай! какая, прелесть!

— Какъ червонецъ!—усмѣхнулась въ отвѣтъ ему Елена.

— Ай, лучше! Червонецъ безъ брилліантовъ...

— Лучше червонца!—уже съ откровеннымъ презрѣніемъ бросила она, уходя.

Махлинъ этимъ сравненіемъ почему то страшно напомнилъ эту сцену и часовщика еврея. Чѣмъ больше и ярче припоминался тотъ, тѣмъ болѣе обрисовывалось какое то страшное сходство.

Странно, что общаго? Тотъ малъ ростомъ, курчавъ, какъ баранъ, до некрасиваго курчавъ. Уши на оттопырь, глаза выпуклые, жадные и губы точно распухшія. Носъ громадный, рулемъ, а ужъ юркій, юркій.

А этотъ? Словно изъ тумана выдѣлилась странная высокая фигура Махлина... Глаза черные, немного дерзкіе, непроницаемые, но красивые...

Въ комнату постучали. Оказалось,—г-нъ Махлинъ просить къ телефону.

Эля поднялась съ трудомъ, одѣлась—нужно было перейти черезъ дворъ на парадную лѣстницу—и вышла; шелъ дождь, по двору разлились громадныя лужи. Эля была безъ галошъ и старалась обойти или перепрыгнуть ихъ.

Голоса Махлина она сначала даже не узнала.

Говорилъ онъ взволнованно, торопясь, просилъ въ чемъ то помочь, выручить и, если только есть какая нибудь возможность, пріѣхать къ нему сейчасъ же...

Елена съ трудомъ улавливала смыслъ его словъ, голова ныла болѣла. Эля чувствовала, что промочила ноги и неприятный холодокъ охватившій ее на улицѣ переходитъ въ лихорадочную дрожь.

— Хорошо, Левъ Марковичъ, успокойтесь! Сейчасъ пріѣду. Не буду даже заходить домой... Да будетъ вамъ, сейчасъ увидимся и скажете все лично... Здѣсь ждутъ телефона.

Дала отбой и уже повернулась чтобы извиниться передъ стоящимъ позади господиномъ и застыла въ изумленіи... Передъ ней былъ Алексѣй Зарубинъ. Краска бросилась въ лицо Феберъ...

Зачѣмъ онъ стоялъ здѣсь и слушалъ?..

— Здравствуйте, Елена Викентьевна,—говорилъ Алексѣй протягивая ей руку.— Я тутъ къ своему товарищу Дернову иду, а васъ ждалъ, поздороваться съ вами, видѣть васъ хотѣлъ...

— Здравствуйте Алексѣй Николаевичъ... Я слышала какъ вы вошли и остановилась, рѣшила что это телефона ждетъ кто нибудь изъ здѣшнихъ квартирантовъ... Но, простите, я спѣшу—говорила, чтобъ хоть что нибудь говорить, Феберъ—Прощайте!

— Досвиданья, Елена Викентьевна...

Весна, слншкомъ ранняя, походила скорѣе на осень. Вѣтеръ дулъ какой-то остервенѣлый, дождь мелкій и пронизывающій продолжалъ сыпать. Эля въ трамваѣ лишь замѣтила, что она безъ галошъ, въ легонькомъ платьицѣ безъ кашне, несмотря на открытый воротъ, что волосы не заколоты на головѣ, а спущены косою, какъ она ходила только дома.

Махлина она застала въ кабинетѣ разговаривающимъ съ кѣмъ то по телефону. Онъ привѣтливо кивнулъ ей, жестомъ приглашая присѣсть и, какъ бы извиняясь, продолжалъ начатый по телефону разговоръ.

Элю знобило, въ ухахъ раздавался какой то странный шумъ.

Голосъ Махлина звучалъ, казалось ей, гдѣ то далеко... говорилъ онъ на какомъ то совсѣмъ не знакомомъ ей языкѣ. Эля забылась,—даже глаза закрыла.

Очнулась лишь тогда, когда Махлинъ, окончивши переговоры, подошелъ и наклонился къ ней.

— Елена Викентьевна!

Съ трудомъ оправилась, отвѣтила на рукопожатіе.

— Ну, я пришла, какъ видите.

— Вижу,—смѣялся онъ,—снимите же ваше пальто, шляпу.

— Нѣтъ, мнѣ холодно... Я тороплюсь домой.—Зачѣмъ вы меня звали? Покончимъ скорѣй съ дѣломъ и я уйду... Я очень устала...

— Бѣдная моя! Какъ же мнѣ васъ жаль! Вѣдь и побезпокоилъ то васъ, оказывается даромъ! Сейчасъ все это уже разъяснилось... Вотъ сейчасъ по телефону мнѣ сообщили... Мнѣ нуженъ былъ на нѣсколько дней вашъ паспортъ... Но оставимъ это, теперь онъ уже не нуженъ.

Онъ снялъ съ нея пальто, шляпу. Она почти не замѣтила.

— Какъ хорошо! Вы такая милая въ свѣтломъ платьицѣ, съ распущенной косою.. Какіе у васъ волосы!.. А галоши?..

Онъ наклонился, чтобъ снять галоши и замѣтилъ что она въ тонкихъ комнатныхъ туфелькахъ.

— Вы промочили ноги? Да, да! Конечно, промочили! Боже мой! снимите же скорѣе чулки... Вы простудитесь.

— Да! Я... меня знобитъ... словно сквозь сонъ жаловалась она,— мнѣ что то очень не по себѣ.

Зубы у ней стучали, всю трясло, блѣднымъ, блѣднымъ стало лицо.

Махлинъ быстро уже не спрашивая позволенія снявъ съ нея чулки, пододвинулъ подъ ноги мягкую скамеечку. Потомъ затопилъ каминъ и прикатилъ къ нему ея кресло.

— Елена Викентьевна! Выпейте немного вина... Одинъ глотокъ! Онъ поднесъ къ ея губамъ стаканъ. Стуча о стекло зубами, принудила себя сдѣлать два-три глотка. Странно пріятная теплота разлилась по всему тѣлу.

На щекахъ заигралъ румянецъ. Елена подбодрилась.

— Спасибо, Левъ Марковичъ! Ваше вино помогло мнѣ... Только какъ же высушить все это? Право, мнѣ такъ неловко!..

— О, что за пустяки, дорогой товарищъ! Сейчасъ мы все это устроимъ... вотъ такъ... Черезъ пять минутъ вы можете одѣтъ... Теперь какъ ваши ноги? Согрѣлись?

Эля поймала его взглядъ, странный, алчный взглядъ на своихъ ногахъ. Что то вздрогнуло въ душѣ... толкнулъ кто... Надо уходить!

— Выпейте еще вина, Эля! Маленькій глоточекъ? Ну, почему вы отказываетесь?

— Вотъ угощаетъ то! Смѣясь, взяла стаканъ изъ его рукъ и потянулась, чтобы поставить его на столъ. Неожиданно въ то же время почувствовала его губы на своей ногѣ...

— Ну, Махлинъ! Это ужъ совсѣмъ не по товарищески,—запротестовала она... Онъ уже держалъ въ своихъ выхолненныхъ, но сильныхъ рукахъ обѣ ея красивыя узкія ножки и страстно прижался къ нимъ лицомъ.

Эля молчала минуту. Тихо щемило сердце; что то мѣшало протестовать.

— Милыя, милыя маленькія ноженки... шепталъ онъ, покрывая ихъ поцѣлуями.

Поднялъ голову. Заглянулъ въ глаза своими большими горячими смѣлыми глазами. Взялъ руку, цѣлуетъ, больше, дальше, до локтя... А она все молчитъ, силится встать и не можетъ.

И онъ забылся, покрываетъ поцѣлуями уже и лицо, лобъ, глаза, шею... Осторожно точно крадучись легко касается ея губъ своими и вдругъ прикается одуряющимъ жаркимъ поцѣлуемъ...

Кружится голова... совсѣмъ потухло сознание въ головѣ Эли.

Онъ снова у ногъ ея, прикается къ нимъ вкрадчиво, мягко.

— Ты моя? Вѣдь моя же! Прекрасная моя... Золотая...

Откуда взялась трезвая мысль въ опьяненномъ мозгу Елены... Вскочила порывисто смотреть гнѣвно... съ стыдомъ и ужасомъ оправляетъ смятое имъ платье.

— Не смѣйте!—кричитъ.—Какъ вы смѣете!..

— Что съ тобой? Что съ вами, Елена?..

— Ничего, идите прочь, слышите! Прочь!—Въ голосѣ слышится почти рыданіе... А поцѣлуй его, эти нечистые поцѣлуй его яркихъ

влажныхъ губъ такъ и горять на щекахъ, на рукахъ, на босыхъ ножкахъ.

Махлинъ оторопѣлъ.

А Эля поспѣшно, кое какъ натягиваетъ на ноги еще непросохшіе чулки... одѣла туфли.

— Пропустите, Левъ Марковичъ!

— Что съ вами, ради Бога!

— Ничего! Вино ваше должно быть перестало дѣйствовать.

— Пустите же!

— Не пушу!—Онъ увѣрялъ ее въ чемъ то... Твердилъ что она уйдетъ такой—какой пришла... Что то еще... Испарилось изъ памяти что, только скверный осадокъ чего то подлаго, гадкаго остался въ душѣ.

Если бы онъ молилъ ее остаться, объясняя страстью, любовью жажду свою, она бы .. осталась... Вѣдь она такъ хотѣла любви... Такъ рвалась къ ней своимъ чистымъ честнымъ сердцемъ... Въ жертву ей принесла кажется все...

Но онъ заранѣе увѣрялъ ее, что его наслажденіе не повлечетъ за собою жертвы съ ея стороны, что она останется какъ и была... Ей было больно и стыдно почти до физической тошноты.

Оттолкнула его, прошла въ переднюю, почти на ощупь одѣла пальто и шляпу и вышла на лѣстницу.

— Елена Викентьевна! Вернитесь! Простите! Я не хотѣлъ... Я не могъ... увлекся... вы такъ хороши.

Елена смѣрила его взглядомъ.

— Стыдитесь... не вашего порыва и увлеченія, стыдитесь вашихъ послѣднихъ словъ, вашихъ мерзкихъ предложеніи.

Она ушла...

Махлинъ понять не могъ, какъ она ушла.

— Какъ я пустилъ ее? Она одна... Развѣ не сильнѣе я ее вдвое!— Вспомнилось съ какой силой оттолкнула она его...— И все же, вѣдь она женщина... Вѣдь онъ могъ бы наконецъ закрыть дверь...

Да она бы и не ушла, если бы онъ, Махлинъ, не оскорбилъ ее своимъ «великодушнымъ» предложеніемъ...

* * *

Эля оправлялась медленно. Потерянная въ короткое время силы упорно не хотѣли возвращаться... Стойко боролся съ болѣзнью молодой организмъ и понемногу отстаивалъ эту борьбу.

Лежала Эля не въ больницѣ, а въ своей прежней комнатѣ, устроенной чѣй то заботливой рукой вполне удобно для лѣченія. Лишняя мебель была вынесена въ корридоръ. Въ комнатѣ кромѣ кровати, столика и стульевъ осталась лишь кушетка, но и она была обтянута простыней; полъ въ комнатѣ каждый день протирался мокрой тряпкой, даже лекарствами пахло... Словомъ комната не шутя напоминала больничную обстановку... Около Эли то и дѣло дежурили смѣняясь двѣ курсистки, товарищи по кружку. Лечилъ сначала курсовой докторъ, а на третій

день болѣзни его смѣнилъ Викентіи Кипріяновичъ Феберъ, выѣхавшій въ Петроградъ немедленно послѣ полученія телеграммы о болѣзни дочери.

Первые дни по пріѣздѣ онъ почти не выходилъ изъ комнаты дочери... Ничего не ѣлъ, то и дѣло посылалъ въ аптеку и просиживалъ цѣлыми часами около постели больной, опустивъ на руки голову, когда находили минуты отчаянія. когда казалось, что дочь не вынесетъ тяжелой болѣзни.

Ничего нельзя было прочесть въ его словно окаменѣвшемъ лицѣ, и глаза словно потухли подъ сдвинутыми сѣдыми бровями.

Хозяйка входила предлагая то чаю, то пообѣдать—онъ только рукой махалъ—потомъ!

Курсистки Смирнова и Налетова точно не существовали для него. Безучастно, почти не глядя на нихъ, какъ сестры милосердія приказывалъ имъ что-нибудь, посылалъ достать лекарства, просилъ помочь поставить компрессъ. Обѣ онѣ вполне понимали его горе и охотно прошали. У Эли было сильное воспаленіе легкихъ.

Но вотъ, понемногу дѣло пошло на поправку, миновалъ кризисъ, у больной началъ появляться аппетитъ, здоровый сонъ, сознательныя мысли.

— Папа! Папка милый! Какъ ты очутился здѣсь? Откуда ты взялся? Поцѣлуй меня скорѣе! Ахъ! Я не могу подняться, видишь не могу! Знаешь! Перекрести меня! Seriously же перекрести! Ты никогда... устала!

— Молчи, Элочка! Тихе! не подымайся, ты еще больна, слаба...

— Да! Я помню, все помню.. Тогда я слегла... Дарья Семеновна пошла за докторомъ и встрѣтила Алексѣя и еще разсердилась на него... А онъ перекрестилъ меня и ушелъ... Странно! Правда, Папа?

Да, да! выпей воды и молчи.

Жадно прильнула губами къ краю стакана, глаза горять снова лихорадочнымъ блескомъ.

— И когда мы уѣзжали, знаешь? Онъ тоже перекрестилъ меня.. Ахъ, зачѣмъ и я не перекрестила его! Все ты виноватъ!— Упрекъ звучитъ въ слабомъ голосѣ.

Примолкла, забылась? Нѣтъ, спать, хорошимъ, здоровымъ сномъ, щеки горять, даже улыбка на губахъ, только брови сдвинуты. Никогда то не расходятся эти густыя сросшіяся какъ у отца брови. Точно о постоянной, о тайной говорятъ печали... тѣнь и на свѣтлые глаза бросаютъ... Никогда не смѣются глаза Эли.

Засмотрѣлся старый докторъ на личико сиящей дочери и задумался. Вся его многотрудная жизнь проходитъ передъ нимъ въ быстро смѣняющихся мысляхъ картинахъ. Много пережито и радостнаго и грустнаго. Студенческіе годы. Манифестаціи у Казанскаго собора. Какъ это все тогда было близко, тѣсно связано съ жизнью. И жизнь была полна идеями, вѣрилось въ чудо, въ счастье... Потомъ нѣсколько лѣтъ высылки на поруки къ роднымъ, потомъ опять прежняя жизнь, беззаботная сту-

денческая жизнь, сходки, собранья, дежурства въ театры на галерку. Какъ часто вспоминались потомъ эти годы, какъ самые яркіе, свѣтлые въ жизни. . Первая встрѣча съ любимой дѣвушкой, годы счастья полного прекраснаго счастья. Только недолгіе годы. А потомъ опять одиночество. Онъ, да Эля, маленькая еще тогда дѣвчурка, да двѣ дорогія могилы на холмистомъ кладбищѣ. Эля растеть, вотъ и выросла, выравнялась въ стройную серьезную дѣвушку, уѣхала въ Петроградъ на курсы... Отчего она заболѣла? Ясно, что помимо злѣйшей простуды и нервы у ней разстроены, что чѣмъ то выбита она изъ колеи, что пережила много за послѣдніе передъ болѣзнью дни.

Вспоминался бредъ ея больной, мучительный, должно быть, бредъ... То гнала кого то, то звала, то жаловалась, кому, на кого?

— Прочь, пустите меня! Слышите прочь!..

Старалась тогда сорваться, стремилась куда то, но не могла, силъ не было.

— Ахъ, я все это понимаю! Какъ все это хорошо, что вы говорите... Я понимаю.

... Нѣтъ,—какъ не вѣрить, я вѣрю... Но я не могу оправдать цѣлью... Цѣли не вижу...

Тоскливо ломала руки въ бреду, точно оправдывалась передъ кѣмъ то:

— Да нѣтъ же! Какія традиции! Нѣтъ... Мамы я не помню, а отецъ.. онъ тоже нашъ...

Жадно ловилъ Викентій Кипріановичъ эти безсвязныя слова, съ трудомъ, скорѣе чуткимъ сердцемъ между строкъ угадывалъ ихъ смыслъ. Теперь припоминалъ ихъ, стараясь связать съ видѣннымъ и слышаннымъ здѣсь.

Пріѣхавъ сюда съ Николаевского вокзала, онъ засталъ въ комнатѣ дочери какого то молоденькаго студента въ пальто, съ фуражкой въ рукахъ и двухъ барышень курсистокъ, дежурившихъ у постели больной.

Студентъ откомендовался Зарубинимъ: телеграмма о болѣзни дочери была подписана тоже Зарубинимъ. Значить это одно и то же лицо. Феберъ вспомнилъ, что онъ еще даже и не поблагодарилъ студента.

Потомъ студентъ ушелъ, съ нимъ исчезла одна изъ курсистокъ, другая осталась съ Викентіемъ Кипріановичемъ, послѣ обѣда ее смѣнила первая и пробыла до вечера. А вечеромъ со второй явились третья; еще не знакомая ему барышня. Она откомендовалась ему Лией Гельманъ, поцѣловала въ лобъ лежавшую въ полузабытѣ Элю и отойдя къ подругамъ, заговорила что то тихо настойчиво, точно отчеканивая слова. До разсѣяннаго слуха Феберъ долетѣли обрывки ея рѣчи.

— Необходимо... Понимаете... Могутъ нагрянуть, а она больна и нельзя поручиться... Вчера у Зориной и Яковлевой были ..

Потомъ онъ что то искали въ выставленныхъ на корридоръ Элиныхъ шкапу и письменномъ столѣ.

Докторъ слышалъ, какъ сначала запротестовала хозяйка.

— Помилуйте! Нельзя... Не могу позволить. Безъ Елены Викентьевны никакъ не могу.

Ей возражали что то тихо, но должно быть убѣдительно, потому что она замолчала.

На прощанье Гельманъ говорила:

— Левъ Марковичъ поручилъ обязательно! И знаете, лучше. Она вѣдь, можетъ безсознательно...

Курсистки соглашались и охотно поддакивали.

Вечеромъ того же дня пришелъ студентъ Зарубинъ. Доктору онъ только поклонился, понималъ, повидимому, что тому не до разговоровъ.

Поговорилъ о чемъ то со Смирновой полушопотомъ у окна, потохъ нерѣшительно подошелъ къ постели больной. Эля, никого, даже отца, еще не узнававшая, почему то вдругъ улыбнулась ему ясной счастливой улыбкой, а потомъ опять заметалась и забилась въ какомъ то кошмарѣ.

Какія между ними отношенія? Въ бреду она никогда не называла Зарубина, а имени его Викентіи Кипріяновичъ не зналъ... Можетъ она звала его по имени. Можетъ быть это и есть тотъ самый Алексѣй, который ее когда то тамъ перекрестилъ.

Удивляла эта странная фантазія больной.

Сентиментальности въ Элѣ онъ раньше никогда не замѣчалъ. Онъ одинъ воспитывалъ Элю. Хотѣлъ вырастить ее внѣ *предразсудковъ*, внѣ святыхъ упованій на которыхъ выросъ самъ и жилъ ими пока не обманулся въ нихъ и не разстался съ ними навсегда. Хотѣлъ хоть ее, любимую дочь предохранить отъ этихъ разочарованій... и вотъ сейчасъ въ бреду, едва узнавъ его, она бросила упрекъ... «Все ты виноватъ».

Ужели и правда виноватъ онъ, виноватъ, что не училъ ее вѣрить въ то, во что извѣрился самъ... И было ли бы это правдиво, если бы онъ поступилъ иначе?..

Пришла съ лекарствами Смирнова, запыхавшаяся, раздумывавшаяся отъ быстрой ходьбы.

— Ну вотъ и готовы всѣ ваши медикаменты, — говорила она. — Сейчасъ звонили по телефону, справлялись о здоровьи Елены... Даже рада, что, наконецъ, могла дать утѣшительный отвѣтъ.

— Скажите, барышня, имени вашего не знаю, повидимому вы подруга Эли по курсамъ? — обратился къ ней съ вопросомъ Викентіи Кипріяновичъ.

— Да, и по курсамъ, а вѣрнѣе по кружку.

— По какому кружку?

— По нашему студенческому кружку самообразованія.

— Ахъ вотъ что! Не можете ли вы мнѣ сказать, какъ заболѣла Эля. Отчего?

Я такъ недавно получалъ отъ нея письма, гдѣ она писала, что готовить къ сдачѣ большой рефератъ, много работаетъ... И вдругъ телеграмма о ея болѣзни...

— Да... Это вамъ Зарубинъ телеграфировалъ... Онъ совѣмъ слу-

чайно узналъ о болѣзни Эли... Онъ раньше часто бывалъ здѣсь, и Дарья Семеновна его хорошо знаетъ. Она пошла сказать дворнику, что жилица, де моль, заболѣла, надо въ больницу везти, и встрѣтила Зарубина. Разсказала ему, а онъ сейчасъ же все это рѣшилъ по своему... Далъ вамъ телеграмму, посадилъ около Эли свою жену, позвалъ доктора, и убѣдилъ хозяйку оставить Элю здѣсь же. Потомъ сообщилъ мнѣ и Налетовой. Жена его гдѣ то служить и не можетъ быть здѣсь днемъ. Обѣщала притти въ воскресенье... Я думаю однако же, что Эля встанетъ къ воскресенью. Ахъ время теперь горячее... Экзамены близятся.— Смирнова даже вздохнула.

— Да ужъ Элѣ не придется сдавать экзаменовъ... Въ раздумьи говориль, выслушавъ руладу курсистки, докторъ,—увезу домой. Тамъ на Уралѣ дивно... подышеть!

— Нѣтъ ужъ, папочка, мерси! Домой до экзаменовъ не поѣду!— Прозвучалъ вдругъ смѣющійся голосъ Эли.

— Проснулась моя больная! Отлично! Какъ разъ пора измѣрять температуру... да и порошокъ принять не мѣшаетъ...

— Да я совсѣмъ не для того проснулась, чтобы температуру мѣрять... шутливо протестовала Эля.

* * *

Въ воскресенье утромъ солнышко взшло ясное, радостное... Разогнало куда то грозно свинцовыя тучи... Засіяла голубая лазурь. Все заулыбалось и высокія каменные глыбы—дома зарумянились, просвѣтлѣли на солнышкѣ и заблестѣли безчисленными глазами-окнами...

Отражается щедро веселое доброе солнышко хоть маленькой блестящей въ каждой лужѣ, въ каждой капелькѣ влаги, поднимающейся съ высыхающей земли.

Маленькая Зойка проснулась на своей широкой мягкой постели. Солнышко разбудило... Сначала забралось на подушку, заиграло веселыми зайчиками на золотистыхъ, мягкихъ кудряшкахъ, потомъ принялось припекать маленькій лобикъ, перебралось на глазенки на носикъ. Зачихала дѣвчурка и проснулась. потянулась сладко, сладко, зѣвнула, да такъ громко, что за ширмой услышалъ папа.

— Зойка! выпалась? Ну такъ иди же будить свою маму... Ласково смѣется его звучный голосъ.

— Не надо, не надо! Не смѣй ходить сюда, Зойка,—весело протестуетъ мать.—Мама сама проснулась!

Зойка слышитъ, какъ мама подымается на кровати, смѣется, шепчетъ что то...

Потомъ она придетъ сюда, поцѣлуетъ приласкаетъ и ее, Зойку. Припрыгиваетъ на постели и даже взвизгиваетъ отъ радости, думая объ этомъ дѣвчурка.

Какъ рѣзко все измѣнилось вдругъ, куда-то пропали, точно ихъ и не было никогда сѣрыя стѣны пріюта, замазанныя окна, жесткія постели, сѣрыя платья.

На стулѣ передъ Зойкой новенькое бѣленькое платьице. Вчера вечеромъ его дошивала мама. Сегодня одѣнетъ его Зойкѣ, ленточкой голубой завяжетъ пучокъ волосенокъ надо лбомъ, и Зойка пойдетъ смотрѣться въ большое папино зеркало. Долго будетъ смотрѣть большими голубыми удивленными глазами, точно не вѣря что это она... Припрыгнетъ, взвизгнетъ отъ восторга и побѣжитъ къ папѣ на колѣни пить кофе. Онъ ужъ и булочку ей приготовилъ и кофе налилъ на блюдечко, чтобы остыло. Чашечка у Зойки маленькая, хорошенькая съ киской... это папа ей купилъ.

Мама сегодня тоже нарядная и веселая, розовая такая... Тоже ласково посмотреть на Зойку.

— Мы сегодня гулять пойдемъ!—Говоритъ она.

Зойкѣ опять хочется радостно взвизгнуть, но она сдерживается—мама не любитъ этого...

Какъ хорошо, какъ ослѣпительно свѣтло на улицѣ! Солнышко заглянуло въ глаза Зины, какъ ни пряталась отъ него, нѣтъ разыскало подъ шляпкой зрачки и засіяло оттуда свѣтлыми, радостными лучами.

— Милый, какъ хорошо! Какъ хороша весна, какъ я тебя люблю... шепчетъ, прижалась къ нему и смотритъ въ его глаза своими мерцающими, ласкающими.

— Купимъ фіалокъ для больной,—говоритъ Алексѣй, увидя мальчишку съ цвѣтами.

— Купимъ!

Останавливаются, покупаютъ цвѣточки. Зойка топчется на маленькихъ ножонкахъ въ новенькихъ блестящихъ калошахъ, жмурится отъ яркаго солнышка и отъ яркихъ цвѣтовъ.

Навстрѣчу попадаютъ бабы съ громадными пестрыми букетами искусственныхъ дешевыхъ цвѣтовъ. Тутъ и розы, и хризантемы. Мальчишки съ пучками вербы и желтыми восковыми херувимами, какія то вертушки, свистульки... Вербная недѣля не началась, но торговцамъ всей этой пестростой, повидимому, не терпѣлось.

* * *

Эля сегодня чувствовала себя значительно лучше. Одѣла чулки, туфельки, легонькое платьице. Косу заложила кругомъ головы... Сквозь окна, уже освобожденныя отъ зимнихъ рамъ, въ комнату доносился шумъ улицы,—гдѣ то далеко на набережной раздавались звонки трамваевъ,—со двора неслись переклички дворниковъ съ кухарками—и, въ довершеніе всего, завизжала, застопала, зарыдала и запѣла старая, разстроенная шарманка.

Курсистка Таня Налетова, сидѣвшая у Эли, моментально впала въ меланхолическій тонъ и принялась поддѣввать неумѣло, наивно:

Пой, ласточка, пой...

— Теперь на улицахъ вѣроятно уже продаютъ живые цвѣты,—задумчиво проговорила Эля.

— Да, много цвѣтовъ... Особенно фіалокъ,—подхватила Таня и поспѣшила къ двери выглянуть, кто пришелъ.

— Батюшки!.. Зарубинъ съ цвѣтами, съ цѣлымъ семействомъ,— вскрикнула она удивленно.

— Навѣститъ васъ пришелъ съ женой и дочерью,—ласково пожимая Элѣ руку, проговорилъ Алексѣй,—позвольте познакомить: Зоя Алексѣвна Зарубина, а это—тетя Эля... Прощу любить да жаловать...

Эля съ восхищеніемъ смотрѣла на крохотную дѣвочку, а та большими-большими удивленными глазами устремилась на нее, потомъ быстро повернулась, повидимому, ища мать, и успокоилась, увидя ея смѣющееся лицо.

— Я должно быть не понравилась ей... Меня почему-то не любятъ дѣти,—проговорила Эля.

Въ ея голосѣ послышалась какая-то грустная нотка.

— Вѣроятно, и вы ихъ не очень то любите,—засмѣялась Зина.

— Нѣтъ, люблю, Зинаида Сергѣевна, но не умѣю съ ними обращаться,—ни занять, ни поговорить. Дѣти со мной скучаютъ... Ужасно грустно.

Пришелъ докторъ. Принесъ цѣлую кучу свертковъ. Елена принялась угощать Зойку. Та сначала недовѣрчиво подошла къ ней, а потомъ понемногу развеселилась.

Эля быстро утомилась и снова легла. Разговоръ велся исключительно около вопроса, какъ быть,—оставаться ли до конца учебнаго года въ Петроградѣ или же уѣхать съ отцомъ на Уралъ.

— Подумай, папа,—вѣдь я уже почти готова къ экзаменамъ... Если я не сдамъ ихъ теперь, то должна буду все лѣто отводить имъ время,—а мнѣ нужно къ осени, кромѣ того, готовить еще философію...

Докторъ протестовалъ, говорилъ, что здоровье дороже хотя-бы даже цѣлаго пропущеннаго учебнаго года...

Усердно поддерживала его Зина. Зато Налетова приняла сторону Елены. Обѣщала Викентію Киприановичу строго слѣдить за Элей и, чуть только она поблѣднѣетъ, измѣнится къ худшему, тотчасъ же гнать ее домой.

А за окномъ снова рыдала и стонала шарманка. Надломленные, больные звуки жадно врывались въ окно.

Зина наполовину высунулась въ раскрытое окно, держась за подоконникъ крѣпкими красивыми руками, розовѣвшими подъ тонкой бѣленькой кофточкой,—бросила шарманщику завернутый въ бумажку пятакъ и чему-то смѣялась.

Алексѣй подошелъ къ женѣ, тоже потянувшись къ окну и, наклонясь надъ ней, засмѣялся и что-то шепнулъ ей на ухо; затѣмъ, едва прикоснувшись губами къ щекѣ, поправилъ сбившуюся прядь ея волосъ.

— Счастливые голубки,—подумалъ Феберъ.

Хотѣлъ шепнуть это дочери... Она и такъ смотрѣла на нихъ. Какъ всегда.—сдвинуты брови, и страданье, страданье на сжатыхъ губахъ.

Что-то толкнуло въ сердце. Что-то стало понятно...

* * *

— Ну, Зина, теперь ты хорошо познакомилась со всѣмъ нашимъ кружкомъ... Знаешь всѣхъ моихъ знакомыхъ,—поняла какую жизнь живемъ мы всѣ. Скажи же мнѣ что-нибудь обо всѣхъ насъ,—все, что

понемногу накопилось у тебя отъ всѣхъ этихъ встрѣчъ... Что ты скажешь о нашемъ кружкѣ, объ отдѣльныхъ его членахъ?

— Да какъ тебѣ сказать... Ничего! Всѣ славные... такъ себѣ... Махлинъ, пожалуй, самый интересный и воспитанный.

— Это потому, что онъ тебѣ руку цѣлуетъ всегда? — засмѣялся Алексѣй.

— Да, отчасти и потому, — больше то вѣдь ни одинъ не догадался!.. Что за народъ! Окурки на подносъ и въ цвѣты суютъ, въ ру башкахъ ходятъ... А кружокъ? Въ кружкѣ было бы очень весело, если бы не читали такъ подолгу этого несчастнаго Маркса, да поменьше бы спорили... Впрочемъ, споры тоже бываютъ интересные... Калугинъ, ну какъ вулканъ, изрыгаетъ пѣну, а Штриховъ, бѣгаетъ какъ заводная игрушка, и локтями размахиваетъ... А въ концѣ концовъ все-таки всѣ соглашаются и за ужиномъ пьютъ за «общее дѣло» и «общую идею»... Чего же тогда спорить? Не правда ли?..

Курсистка А. Чемоданова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КУБАНЕЦЪ.

Собств. *Вешнихъ Водъ*.

Нашимъ героямъ.

Вамъ нѣтъ преградъ, безсмертные герои!
Подъ говоръ пуль и рѣзкіи свистъ шрапнели,
И вой гранатъ вы двигаетесь съ боемъ
Впередъ, впередъ къ конечной славной цѣли.

Ударъ штыка, могучій взмахъ приклада
Вѣнчаютъ бой заслуженной побѣдой...
Несется вѣсть въ чертоги Петрограда,
Во всѣ концы Руси—оттуда слѣдомъ.

Ликуетъ Русь и братскія молитвы
Творить за васъ, безсмертные герои!
Вамъ нѣтъ преградъ;—въ пылу упорной битвы
Вновь блещетъ штыкъ и лезвіе стальное.

В. Будрикъ.

Для новыхъ бурь.

Если плачетъ цвѣтокъ умирающій,
Если въ безднѣ погибнетъ страдающій,
Если давятъ туманы усталые,
Если меркнуть лучи запоздалые,
Если въ душу ворвется рыданіе,
Если сердце забудетъ желаніе,
Если муки и слезы безсилья
Оборвутъ твои властныя крылья,—
Уходи, уходи утомленный
И отдайся мечтѣ полусонной,
Отдохни въ перезвонахъ Нирваны,
Чтобы вновь полюбить ураганы.

Студентъ Александръ Жуковскій.

Тихо. Долгая бессонная ночь. Тяжело, грустно. Видѣнія прошлаго цѣлымъ роємъ устремляются на разгоряченную голову. Томительно сладостное и остро-обидное чувство.

Вчера, только вчера посѣщаль незабвенные памятники дорогого былого... Ушелъ весь въ міръ поэтически-красивыхъ иллюзій, очарованій, а сегодня уже здѣсь въ нашемъ Вавилонѣ, захватившему меня своими пестрыми интересами, городской жизнью. Гремятъ трамваи, маршируютъ солдаты, газетчики торопливо выкрикиваютъ послѣднія извѣстія, всѣ суетятся, волнуются, захватывая нервнымъ настроеніемъ дѣловаго движенія... И незамѣтно совсѣмъ какъ самъ несешься вмѣстѣ съ бѣшенымъ темпомъ современнаго Молоха.

Случайный разговоръ съ другомъ пробудилъ инныя, уснувшія впечатлѣнія и вотъ съ наступленіемъ ночи всецѣло во власти надвинувшихся картинъ минувшаго.

Я былъ счастливъ. «Счастливъ» какъ-то странно, пронически звучитъ всегда маленькое скромное слово, полное вѣчнаго глубокаго смысла, но тогда дѣйствительность являлась для меня въ другихъ болѣе красивыхъ краскахъ, душа наполнилась дивными переживаніями: я люблю ее всѣмъ существомъ, каждымъ нервомъ, сливаясь мыслями, чувствами въ одно

нравственное цѣлое, горя всѣми фибрами однимъ страстнымъ напруженнымъ стремленіемъ.

Лучшіе дни жизни! Развѣ можно забыть тѣ мгновенія, когда въ первый разъ обнимаешь любимую дѣвушку, первый взаимный поцѣлуй стыдливо-нѣжно прильнувшихъ, зовущихъ и робкихъ губъ, когда задыхаешься отъ блаженства, плачешь хорошими искренними слезами. А дальше!

Эти идиллическія прогулки вдвоемъ, прикосновеніе любящей руки, простыя трогательныя и цѣломудренныя дѣвичьи ласки, мечты о будущемъ, обѣщанія, жертвы, увѣренія, клятвы—словомъ упоительная мелодія любви, сыгранная на лучшихъ тончайшихъ струнахъ человѣческаго сердца, даже безъ заключительнаго аккорда разочарованія, для котораго не нашлось отклика въ чудной гармоніи.

Мелодія не оборвалась... Просто—замерла, какъ звуки упавшей лиры.

Надо было познакомиться съ отцомъ. Выбрали день. Поѣхали. Шумно, нарядно—принужденно весело. Звуки музыки, шелестъ платьевъ—балъ. Обстановка шикарная, тонкая, совершенно чуждая лѣсной сказкѣ.

Представился. Нѣсколько небрежно-брошенныхъ словъ, холодный пристальный взглядъ. Я не люблю танцевъ, потому отошелъ въ сторону и лишь смотрѣлъ, какъ порхала вдали моя фея, изрѣдка подбѣгавшая сюда.

Внутри же между тѣмъ что-то заняло, заболѣло. Ожиданіе сквернаго, зловѣщаго наростало въ сознаніи все яснѣе, яснѣе...

«Не понравился». Почему, отчего?.. Во всякомъ случаѣ роковой фактъ совершился: чувство долга взяло верхъ въ ея еще неустановившейся натурѣ—разрывъ сталъ неизбеженъ! На порогѣ новаго свѣтлага, у цѣли своихъ идеальныхъ желаній, пришлось отказаться отъ осуществленія дорогой мечты.

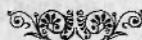
Маленькій незамѣтный ужасъ заглянулъ въ мое «я», заставилъ содрогнуться. Перенести, осмыслить превышало силы. Оставалось зажмуриться, уйти въ себя, какъ-то застыть въ нравственномъ замерзаніи, хотя гдѣ-то въ глубинѣ неудержимо, судорожно клетотало, рыдало слѣпое негодованіе.

Протекли многіе годы, пока смогла затлѣть слабая искра надежды.

А теперь! Сколько этихъ гигантскихъ, уже примелькавшихся, ужасовъ. Вереницы ихъ давятъ, душатъ... Груды убитыхъ, изнасилованныя женщины, миллионы разбитыхъ жизней и мало привлекаютъ вниманіе, скользятъ, не останавливаясь, мимо, мимо. . Лютяся потоки крови, разрушаютъ незамѣнимыя сокровища искусства, попираются лучшія священнѣйшія чувства, гибнутъ молодя, не расцвѣтшія силы! Все забыто, растерзано въ кровавой дикой вакханаліи.

Пройдетъ мрачное время исчезнуть призраки зла! Еще ярче засіяетъ заря правды, добра на потемнѣвшемъ міровомъ небосклонѣ.

Студентъ Юри Чуткій (Эттингеръ).

Пѣсни осени.

На лугахъ — предосенняя тишь,
На листахъ разлилась позолота,
Вянетъ блѣднозеленый камышъ,
Журавли улетаютъ съ болота.
На верандѣ темно... Балюстрада колоннъ
Закрываетъ закатныя дали,
Отблескъ солнца лучится въ изломахъ оконъ.
Осыпаются тихо миндали...
И осеннимъ огнемъ залиты тополя,
Надъ болотомъ поднялся туманъ...
Солнце сѣло... Вдали лиловѣютъ поля...

* * *

Хмуря скалы на темный заливъ надвигаются,
Небо затянуто сѣрой, какъ дымъ, пеленой,
Темныя сосны въ свинцовой водѣ отражаются,
Дождикъ надъ моремъ суровымъ повисъ бахромой.
Тамъ, гдѣ тяжелое небо съ водою сливается,
Какъ привидѣніе, тихо идетъ пароходъ,
Чайки съ томительнымъ крикомъ со скалъ поднимаются.
...Сумракъ вечерній окуталъ сырой небосводъ...
Тѣни погаслыя скорбно ко мнѣ приближаются,
Грустный, усталый, какъ вечеръ, иду я домой...
...Темныя сосны въ свинцовой водѣ отражаются,
Дождикъ надъ моремъ вечернимъ повисъ бахромой...

Студентъ І. Руссень.

Осенніе сумерки.

Меркнуть послѣдніе вспышки огня...
Сумерки пали на землю,
Бѣлымъ туманомъ покрылись поля,
Лѣсъ не шелохнется:—дремлетъ...

Листъ пожелтѣвшій порой закружится,
Кто-то заплачетъ въ глуши
Скорбно, призывно. . А сердцу чудится
Будто то пѣсня души...

Все, чего ждала она одинокая
Въ сладкой тревогѣ весной,
Все, о чемъ плачетъ тотъ голосъ далекин,
Жило лишь въ мысли больной!

Пусто и холодно... лѣсомъ иду я;
Сказокъ въ немъ прежнихъ ищю;
Знаю, что тщетно, что ихъ не найду я,
Знаю и... все же ищю.

Н. Тхоржевскіи.

* * *

Какъ много насъ. И всѣ мы одиноки,
И каждый врозь проклятiе влачить.
И каждому порознь кошмаръ стоокій
Объ ужасѣ безсилія кричить.
И не сойдемся никогда мы,
Блуждая въ жизни бокъ-о-бокъ,—
Насъ въ одиночество. какъ въ рамы,
Съ насмѣшкой злостной втиснулъ рокъ...

Студентъ Гр. Ш—нко.

Изъ дневника незамѣтной личности.

(Посвящено забытой жизни).

Въ одномъ изъ ящичковъ стараго комода, въ сданной мнѣ комнатѣ, я нашелъ синенькую тетрадку съ поразившей меня надписью: «Дневникъ незамѣтной личности». Глубоко заинтересованный я принялся читать его, а потомъ постарался разузнать кое-что у хозяйки. Но къ сожалѣнiю удалось узнать слишкомъ мало. Хозяйка сообщила мнѣ, что квартировавшая до меня дѣвушка была тихая, скромная и невзрачная, каждый день бѣгала на службу. Неожиданно заявила, что оставляетъ квартиру и переезжаетъ, куда—не сказала. А при прощанiи какъ то жалко усмѣхнувшись, добавила:—„на новую жизнь иду“. На вопросъ же хозяйки:—„Ужъ не замужъ ли она собралась“, только рукой махнула въ отвѣтъ. Больше ничего не могъ узнать.. Привожу болѣе характерныя странички этого дневника.

Гдѣ та „незамѣтная личность“, писавшая его! Жива ли? Что съ ней?..

* * *

Я—бѣдная, одинокая дѣвушка. Служу въ библиотекѣ. Жизнь моя трудовая, сѣрая, однообразная и однотонная, словно мрачныя стѣны этой библиотеки. Все та же жизнь ожидаетъ меня впереди. Я это знаю и мнѣ грустно. Часто тяжело бываетъ на душѣ, хочется подѣлиться съ кѣмъ нибудь, а не съ кѣмъ, вотъ и хочу писать дневникъ. Долго думала—какъ озаглавить его: «дневникъ библиотечарши».. какъ то смѣшно, нѣтъ вотъ назову такъ: «дневникъ незамѣтной личности». Да! Такъ хорошо. Я—«незамѣтная личность»... Уныло и тихо ползетъ моя жизнь. Нѣтъ красокъ. А я молода, мнѣ 20 лѣтъ. Я хочу жизни яркой, захватывающей.. Пусть неудачи, борьба, а не это вялое прозябанiе. Я не хочу биться изъ-за куска хлѣба, вѣдь есть же тысячи дѣвушекъ, которыя хотя работаютъ, но и пользуются нѣкоторыми благами жизни. Почему же я не могу? Это «почему», мучаетъ меня жестоко, въ сотый разъ задаю себѣ этотъ вопросъ и не нахожу отвѣта. Долгия темныя ночи—вы

однѣ свидѣтели моихъ слезъ... Говорятъ, сладокъ заработанный кусокъ хлѣба. Иронія. Мнѣ онъ кажется часто горькимъ. Иногда я глухо рыдаю въ подушку, чтобы не слыхала хозяйка черезъ тонкую досчатую перегородку... проклиная судьбу.

Вторникъ.

Осень близится къ концу. Куда дѣлась красота ея убранства,—гдѣ темно красные, оранжевые и буровато-желтые листья кленъ, березъ и тополей, гдѣ вся прелесть златокудрой осени? Порывы вѣтра божалостно растоптали, уничтожили ея пестрый нарядъ. Голо, пусто кругомъ, какъ пусто и тоскливо на душѣ у меня. Какъ то понурившись, точно стыдясь своей наготы, стоятъ низко опустивъ свои тонкія вздрагивающія вѣточки березы. Сейчасъ я стою у окна и думаю, много думаю. О чемъ—хорошо и сама не знаю, такъ мысли какія то оборванные и неясныя... А за окномъ сѣтъ осенній мелкій дождь... тихо вздрагиваютъ тонкія вѣточки. Вонъ одиноко вертится, готовый ежеминутно оторваться подъ сильнымъ напоромъ вѣтра, маленькіи побурѣвшіи листикъ березы. Какой онъ жалкіи, некрасивый, оторваться бы ему и погибнуть, а онъ борется, цѣпляется зачѣмъ то. Глупый! Это-какъ я. Ну что хорошаго, веселаго у меня въ жизни,—ничего. Что представляю изъ себя,—нуль. А туда же люблю жизнь, цѣпляюсь за нее!.. Пойду погляжу въ зеркало, оно хотя и плохое, но скажетъ мнѣ правду. Нѣтъ, лучше бы не смотрѣть, вотъ уже надолго испортила себѣ настроеніе. Стыдно признаться, но иногда я представляю себя хорошенькой, и въ такія минуты, живя въ мірѣ грезъ и образовъ, созданныхъ мною же, я почти счастлива. Печальная дѣйствительность! Зеркало отразило маленькое существо, съ узкимъ блѣднымъ незначительнымъ лицомъ, обрамленное жидкими волосенками цвѣта мочалы, маленькимъ узломъ, заложенымъ на затылкѣ. А глаза! Глаза не дурны, говорятъ: «въ нихъ много внутренней жизни», утѣшила меня разъ покойная мама. Это правда, какъ же бы иначе, вѣдь маленькая, незамѣтная Маруся много думаетъ... много страдаетъ. Никто не знаетъ, что всегда тихая и покорная на людяхъ, она часто одна въ своей убогой комнаткѣ, злобно скрежещетъ зубами, рыдаетъ въ отчаяніи, грозить и упрекаетъ кого то невидимаго.. Кто виновать? Почему природа лишила меня всего, другимъ дала все, а мнѣ... ничего. Ни красоты, ни таланта, ни богатства, ничего. Всѣмъ раздала свои дары Фортуна, а... меня обошла. Ахъ, нѣтъ! Я забыла, она дала мнѣ ненасытную жажду къ жизни, жажду ко всему прекрасному, любовь къ природѣ. И мучить меня эта жажда неутолима, я не могу утолить ее... Нечѣмъ. И глубоко страдаю... Почему другіе мирятся, а я не могу. Я жить хочу, а не прозябать... полной, захватывающей яркой жизни хочу ..

Среда.

Боже! какъ дорога мнѣ стала эта синяя тетрабочка, какъ люблю я ее, вѣдь это мой другъ, молчаливый и покорный. Я никогда не буду перечитывать написаннаго, иначе брошу писать, устыжусь того, что вырва-

лось изъ глубины души. Сейчасъ 12 час. ночи. Я только что пришла изъ театра. Да! изъ театра. Стыдно, но признаюсь, что 1-й только разъ была тамъ, и это въ нашъ то просвѣщенный 20-й вѣкъ. Это роскошь. А я не могу позволять себѣ ее. И такъ за 30 к. далеко, далеко, въ послѣднемъ ярусѣ была въ театрѣ. Какъ чудно, хорошо было. Я забыла и себя и все на свѣтѣ, — я наслаждалась, я была счастлива. Въ антрактахъ любовалась блескомъ и роскошью, сверкавшей внизу, въ партерѣ и ложахъ, гдѣ сидѣла аристократія. Роскошные туалеты, море брилліантовъ, бескъ электричества, возбужденныя красивыя лица, шелестъ платьевъ, запахъ духовъ... Кажется, отдала бы жизнь, чтобы минутку пожить такъ какъ, какъ они. Опять чувствую, какъ изъ глубины души поднимаются проклятые вопросы: «Отчего-почему», отгоняю ихъ и.. замираю. Довольно мучиться, ломать голову надъ разными вопросами, пора примириться, я падчерица жизни—«незамѣтная личность». Сиди себѣ тихо, въ сторонѣ отъ жизни, пробивайся со дня на день и главное молчи... молчи... въ этомъ твое счастье»,—говорю я себѣ каждый день, но это лишь умъ и языкъ говорить, а кто-то другой изъ глубины моего существа дерзко кричитъ, кричитъ громко, протестуетъ. Невольно прислушиваюсь, и опять рождаются новые и новые вопросы; они нагромождаются одинъ на другой, давятъ меня... Тяжело. Почему природа, лишивъ меня всего, надѣлила способностью все анализировать и глубоко чувствовать. Зачѣмъ?

Понедѣльникъ.

Вотъ ужъ нѣсколько дней не писала. Не хотѣлось. Уныло тянулись дни. Съ утра дождь противный и нудный, туманъ надъ Волгой. Сыро, холодно. Какая то апатія напала. Какъ машина, жила это время, ничего не думала, работала машинально, по привычкѣ только. А сегодня разступилась сѣрая пелена, окутывающая небо и проглянуло солнышко. Сегодня въ библиотеку пришла барышня. Высокая, стройная, изящно одѣтая, съ большими темными глазами на матово-блѣдномъ лицѣ. Я такъ залюбовалась ею, что не слышала № книги, которую она спросила, ей пришлось повторить. Видѣла, что всѣ смотрѣли на нее съ восхищеньемъ, а я... благоговѣла передъ нею въ эту минуту. Знакомое чувство зависти и жалость къ себѣ опять начали прокрадываться и обволакивать, точно липкой паутиной, мою душу и понемногу легла какая то тяжелая глыба, которая мучила цѣлый день... Я обожаю красоту, я эстетъ въ душѣ. Все равно въ чемъ проявляется красота, я безумно люблю ее, люблю до самозабвенія...

Суббота.

Живу я далеко за Волгой. Каждый день, чтобы отправиться на службу, переѣзжаю рѣку на пароходѣ. Иногда это пріятно, особенно въ хорошую погоду. Люблю я Волгу: тихая и величавая катитъ она свои волны, голубоокая красавица. Тамъ, гдѣ я живу, напоминаетъ не то деревню, не то уѣздный городокъ, и рада когда попадаю въ городъ. Его шумъ охва

тывает меня, заставляет сильнее биться сердце. Эти звонки трамваевъ, шлепаніе извозчиковъ, спѣшная толпа, крикъ разносчиковъ, весь этотъ уличный шумъ я люблю, тогда я сливаюсь толпой, съ уличною жизнью и забываю себя. Сегодня выдался хорошій осенній день. Отдежурила полъ-дня, но не поѣхала домой. Зачѣмъ—тамъ такъ скучно и одиноко. Долго гуляла. Бульваръ стоялъ чистый, задумчивый и немного строгій. Уже облетѣли всѣ листья и давно были убраны съ дорожекъ, лишь кое-гдѣ на влажномъ пескѣ точно янтарные, блестящіе на солнцѣ запоздалые упавшіе листья. Осеннее солнце, точно прощаясь, пригрѣвало на послѣднокъ... между деревьями голубѣло небо, звонко чирикали воробьи. Напоминало раннюю весну, если бы не свѣжій осенній воздухъ, который бодрилъ и сообщалъ своеобразное осеннее настроеніе.

Я сѣла на скамейку и по обыкновенію наблюдала прохожихъ. Мимо шли веселыя, нарядныя барышни, студенты. Шикарныя дамы съ дорогими перьями на шляпахъ. Мнѣ казалось, что всѣ веселы и жизнерадостны, и невольное сравненіе съ собой напрашивалось на языкъ. Вотъ прошла блѣдая дѣвушка, въ платочкѣ, но недурненькая, здоровая, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ. А я! Всегда блѣдная, съ землистымъ оттѣнкомъ, въ старомодномъ пальтишкѣ, въ собственноручно связанной шляпенкѣ... жалкая фигура. Точно въ отвѣтъ на мои мысли, проходящая компанія студентовъ, взглянувъ въ мою сторону, отчего то громко расхохоталась. Конечно, надо мной. Я почувствовала, какъ кровь прилила къ лицу, и мысленно начала бранить себя, подымаясь, униженная и оскорбленная съ лавки. «Навѣрно и носъ покраснѣлъ, — вѣдь свѣжо, и такъ ужъ красива», — говорю я себѣ съ злой ироніей, «а носъ покраснѣетъ... тогда!.. и чего разсѣлась, вообразила себя хорошенькой и привлекательной... несчастная уродина...» И стискиваю зубы, чтобы не расплакаться, не закричать отъ душевной боли и обиды. Сворачиваю на боковую дорожку и тихо бреду, ни на кого не глядя. Знакомый мракъ обволакиваетъ душу... Тяжело. Понемногу это чувство проходить.

Я долго брожу по городу. А когда заблестали огни магазиновъ, по-долгу простаиваю у каждой витрины, любясь роскошными матеріями, вкусными прелестями гастрономическаго магазина, и, какъ всегда, незамѣтно для себя вся ухожу въ область мечты и грезы! Да, теперь записывая эти строки признаюсь... я мечтала, грезила чуть ли не на яву, но тогда я этого не замѣтила. Но развѣ я не имѣю права мечтать? Конечно, да! Ну, вотъ я представляла себя высокой, стройной, красивой, богатой барышней, идущей за покупками, и такъ живо, что совершенно перевоплотилась въ нее, должно быть и шла не какъ всегда, можетъ быть гордо выступала, склонивъ на бокъ голову... навѣрно такъ, и это при моей то фигурѣ. Какой то мальчишка крикнулъ мнѣ въ лицо; «Вишь,—точно пава выступаетъ, цапля ободранная». Этими словами онъ вернулъ меня къ дѣйствительности... Что же, онъ правъ. «Цапля ободранная». Господи что за привычка такъ перевоплощаться въ другое лицо, придуманное мною же. Собралась итти домой. Уже стало поздно. Вижу запираютъ магазины. Почему такъ рано? Да! завтра воскресенье. И точно напо-

миная мнѣ это, густой благовѣсть широкой волной раздался съ ближайшей колокольни и разнесся по городу. Потянуло въ церковь. Давно не была я тамъ, съ тѣхъ поръ, какъ ожесточилась противъ Того, Кто далъ мнѣ жизнь. Съ благоговѣйнымъ трепетомъ вошла подъ мрачные своды старинной церкви. Въ ней было пусто и темно. Сторожъ возился у оконъ приготавливая зажигать свѣчи, на клиросѣ разговаривали вполголоса диаконъ съ псаломщикомъ.

Несмѣло постукивая каблуками по каменному полу прошла впередъ къ иконамъ и молча, не отдавая себѣ отчета, опустилась на колѣни передъ большой иконой Божіей Матери, освѣщенной лишь трепетнымъ желтоватымъ огонькомъ тоненькой свѣчки. Я долго стояла, не смѣя поднять глазъ на образъ,—я боялась. Когда взглянула, мнѣ показалось, что большіе кроткіе глаза Пречистой ласково, съ чуть замѣтной укоризной грустно смотрѣли на меня. «Зачѣмъ»,—какъ всегда этотъ невольный вопросъ готовъ былъ сорваться съ губъ, но онъ замеръ не высказанный, вмѣсто того—слезы горечи, обиды и душевной муки закатили въ груди и полились. Я жарко молилась. «Прости... прости меня... я не вольна въ себѣ...»

Мнѣ казалось, что взглядъ Богоматери ласкалъ и успокаивалъ. И стало легче. Служба уже началась. Сходились богомольцы, церковь сияла огнями, стройное пѣніе несло съ клироса. Настроение прошло. Примиренная, съ размягченной душой, я встала съ колѣнъ и вышла изъ церкви. Темный октябрьскій вечеръ принялъ меня въ свои объятія. Уже замерла уличная жизнь. Но мнѣ было хорошо, легко. Сейчасъ допишу эти строки и пойду спать.

Среда.

Сегодня день тянулся утомительно долго. Зоя просила дежурить за нее, такъ что безвыходно просидѣла до 8 ч. вечера въ библиотекѣ. Но не раскаиваюсь. Пришелъ студентъ, молодой, красивый, глаза добрые добрые, голосъ пріятный. Спросилъ книгу, такъ вѣжливо, и ласково взглянулъ на меня. Я замерла. Вѣдь никто не смотритъ на меня такъ, всегда точно къ пустому мѣсту обращались со своими требованіями. А этотъ! Полѣзла на лѣстницу за нужной книжкой, но какъ ни старалась не могла найти ее. Онъ видя мои усилія тихо сказалъ: «Не беспокойтесь m-me, дайте какуюнибудь все равно». Я подала ему цѣлую кипу. И пока онъ разбирался въ ней, я любовалась имъ, машинально записывая поступающія книги. Выбралъ книгу, поклонился и опять пристально взглянувъ на меня, вышелъ. Я почти счастлива была. Милый, хорошій, какъ къ человѣку отнесся, точно въ душу мою заглянулъ и согрѣлъ. Спасибо.

На улицахъ опять грязь и слякоть. Шелъ мелкій дождь, тускло горѣли фонари, ярко блестѣли витрины магазиновъ. Но сегодня я не завидовала и ничего не хотѣла. Я была удовлетворена. Бываютъ же хорошія люди!

Пятница.

Теперь я часто засыпаю и просыпаюсь съ мыслью—«увиджу ли я его, того добраго милаго человѣка»? Нѣтъ, вотъ уже нѣсколько дней прошло, я его ни разу не видала. Жалко. Такъ хочется вернуть то чудное мгновеніе.

Воскресеніе.

Выпалъ первый снѣгъ. Когда проснулась сегодня утромъ и поглядѣла въ единственное крохотное оконце, я замерла отъ восторга. Все было бѣло. Гордо сіяло солнце, и молодой снѣгъ искрился, горя и переливаясь разноцвѣтными огнями. Деревья передъ домомъ принарядились. Ослѣпительно-бѣлыя, застыли они, сплошь покрытыя тонкими иголочками инея и пушистымъ снѣгомъ. «Зима, зима, какъ хорошо». Скорѣй выйти на улицу. Поспѣшно одѣваюсь и выхожу. Крѣпкіи морозный воздухъ охватилъ меня. Слава Богу, прошла эта дождливая ненастная осень... Сегодня я опять много думала. О чемъ? О разномъ. И пришла къ тому заключенію, что, хотя обижена судьбой и природой, все же должна быть благодарна за то, что могу любоваться природой и пользоваться жизнію...

Среда.

Какъ жестоки иногда бываютъ сны. Я видѣла сонъ—красивый, поэтичный. Это было ранней весной должно быть потому, что деревья въ лѣсу были покрыты маленькими клейкими листочками, пробивалась молодая травка, и откосы и бугры точно зеленымъ ковромъ разстилались передъ глазами. Я увидала себя красивой изящной, въ бѣломъ платьѣ, рвушей подснежники. Да полно! я ли это! Та ли Маруся, жалкая и незамѣтная? Да я, мнѣ ли не узнать эти грустные глаза,—они остались тѣ же, остальное все измѣнилось. Всюду, куда ни гляну, синева-лиловые подснежники протягиваютъ мнѣ свои головки, и я рву ихъ, рву безъ конца. У меня ихъ уже много и у корсажа, и въ черныхъ волосахъ, я прижимаю цвѣты къ своему воздушному бѣлому платью не боясь запачкать его. Я счастлива, мнѣ весело, я чувствую, что люблю. Да! люблю, но кого? «Да того, кому я рву эти цвѣты». Я оглядываюсь. Изъ-за кupy деревьевъ выходитъ онъ, молодой красивый. Кто онъ? Мой любимый. Онъ ласково смотритъ на меня, я смѣюсь и даю ему цвѣты, онъ улыбается, беретъ ихъ,—и мы идемъ дальше. Кого напоминаетъ онъ мнѣ? Ахъ да! Это тотъ студентъ. Куда же идемъ мы? Онъ улыбается таинственно бѣлые зубы блестятъ, весь—сила, увѣренность въ себѣ.

«Развѣ не знаешь моя дорогая, мы выходимъ на дорогу жизни, впередъ же, скорѣй мы завоюемъ свое счастье... вѣдь мы любимъ другъ друга»...

Да, да.—говорю я и... просыпаюсь.

Жалкая дѣйствительность,—какая жестокость! Убогая комнатка, скучно смотреть начинающійся день сквозь разрисованное до половины морозомъ оконце. А я то, неужели—прежняя?! Бѣгу къ зеркалу. Да, все по-прежнему, и, бросившись на кровать, рыдаю, зарывшись въ подушку. И только стукъ хозяйки въ стѣну напоминаетъ мнѣ о службѣ. Я встаю и привычно принимаюсь за трудовой день.

Апрѣль.

Давно, давно не писала. Но не стану перечитывать дневникъ. Незачѣмъ.
Весна. Я не могу больше жить такъ, какъ жила. Я порываю все.
Тянетъ куда-то. Куда? Не знаю. Соберу свой бѣдный скарбъ и уйду,
тетрадку оставлю, брошу въ ящикъ комода, пусть лежитъ, пока не
сожгутъ, какъ ненужный хламъ, а можетъ кто найдетъ ее, прочтетъ и
посмѣется надъ мыслями и переживаніями «незамѣтной личности», а
можетъ и пожалѣетъ. Мнѣ все равно. Что будетъ со мной не знаю.
Пойду, куда глаза глядятъ.
За счастьемъ пойду!..

Октябрь 1914 г.

Наталя Несытова.

Рождество Христово.

Изъ пѣсенъ крестьянина.

Посвящаю дорогой и глубокоуважаемой Любозі Михайловнѣ Воробьевой.

1.

И не плакаль бы.

И не плакаль бы, не рыдалъ бы я,
А смѣялся-бъ все надъ лихой судьбой,—
Да ужъ очень жизнь тяжела моя,
Тяжела она, трудень жребій мой!

Сиротливо я въ деревушкѣ росъ,
Голодалъ порой, нагиномъ ходилъ,
Много горя снесъ, много пролилъ слезъ
Ни пригрѣтъ никѣмъ, ни обласканъ былъ.

Съ десяти годовъ въ батраки пошелъ,
Не видалъ, не зналъ счастья, волюшки,
Съ десяти годовъ спину гнулъ, какъ воль,
Проклиная жизнь, злую долюшку.

И теперь, мой другъ, все бѣда съ нуждой,
А помочь никто мнѣ не хватится,
Иногда не въ мочь совладать съ собой,
Слезы горькія такъ и катятся.

Хочешь весель бытъ, самъ себя сдержать,
Грусть тоску прогнать все стараешься,
Но нѣтъ силъ терпѣть, тяжело молчать...—
И расплачешься, разрыдаешься...

2.

Ночью темною.

Ночью темною и глубокою
Загорѣлася звѣзда чистая,
Загорѣлася свѣтлоокая,
Свѣтлоокая и лучистая.

Ты пришла ко мнѣ богоданная
Какъ та звѣздочка въ ночь глубокую,
Освѣтила жизнь безталанную,
Сиротливую, одинокую.

Захотѣлось мнѣ свѣтлой волюшки,
Душа счастьемъ озарилася,
Какъ соловушка изъ неволюшки
На свободушку запросилася...

О, красавица свѣтлоокая,
Моя звѣздочка богоданная,
Войди въ жизнь мою одинокую,
Одинокую, безталанную!

Приласкай меня,—буду счастливъ я,—
Приласкай меня, освѣти мой путь,
И шепни:—твоя я, навѣкъ твоя...
И склониться дай на твою мнѣ грудь!

Дер. Лихачи.

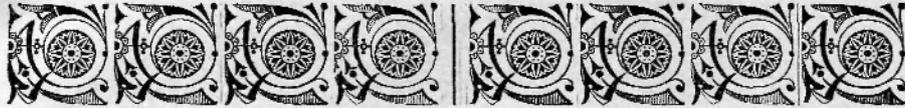
Петръ Горемыка.

ЖИЗНЬ.

Жизнь есть вѣчности мгновенье,
Жалкій атомъ мірозданья,
Жизни этой назначенье:
Горе, радость смѣхъ, рыданье..

Н. Дунинъ-Борковскій.

На нарахъ.

Разсказъ арестанта.

УСКЛЮ горѣли семилнейныя лампочки, блѣдно освѣщая за-
копченныя стѣны общей камеры губернской тюрьмы.

Недавно кончилась перекличка, прошедшая благополучно: всѣ были на-лицо и по своимъ мѣстамъ. Арестанты отлично знали, что по смѣнѣ надзирателей пора уже ложиться, но не-одинаково слѣдовали такому установленному времени: обычно какая-нибудь партія засиживалась нерѣдко за полночь.

Многіе годы, проведенные вмѣстѣ, до того сплотили здѣсь всѣхъ въ тѣсную семью, что они чувствовали между собою какую-то уже духовную связь: характеръ, наклонность, самый далекій уголокъ интимной жизни каждаго становились почти общеизвѣстны; казалось, будто они съ самаго дѣтства находятся подъ одной опекой, однимъ наблюденіемъ...

Различныя преступленія, послужившія главной причиной этой совмѣстной жизни, не новостью уже были чуть-ли не на другой день прихода новичка: вошло въ обыкновеніе, что какъ только послѣдній осмотрится, освоится съ новой обстановкой и отдохнетъ отъ тяжелаго перехода, не откладывая долженъ разсказать свое злодѣйство.

Не всѣ слушали съ интересомъ, да и большинство пожалуй если и слушали, то только отъ нечего дѣлать. Новаго никто не надѣялся услышать: все было старо и такъ обыденно для всѣхъ. Слушали лѣнливо, зѣвая, непрерывно дымя махоркой, а подъ конецъ кто нибудь острить:

— Иди, братъ, въ энтотъ уголь, тамъ тебѣ есть товарищъ. Только ты говоришь, что обухомъ хватилъ, а онъ такъ самымъ востріемъ. Ну, да ничего, поладите!

И всѣ расходились совершенно равнодушные, апатичные, а виновникъ собранія, какъ бы повинувшись совѣту, шелъ въ „энтотъ уголь“ и долго сидя дремалъ тамъ, пока не приходилъ хозяинъ нары и не гналъ его.

Такъ расположились и въ этотъ вечеръ. Только слушателей было значительно больше обыкновеннаго и слушали всѣ не потому—что дѣлать

нечего, а потому, что дѣло было особенное, какъ объявилъ одинъ изъ обитателей камеры.

Всѣ расположились кружкомъ на нарахъ, въ самомъ дальнемъ углу отъ входной двери. Были здѣсь и старики — „отцы“, какъ ихъ называли надзиратели, были и молодые. Безъ того блѣдные, они при слабомъ освѣщеніи семимиллинеекъ, затянутые густымъ облакомъ табачнаго дыма, совсѣмъ походили на сидячихъ мертвецовъ.

Центромъ вниманія слушающихъ, былъ старикъ лѣтъ 53 съ умнымъ интеллигентнымъ лицомъ, окаймленнымъ серебристой сѣдиной. Его быстрый, еще живой взглядъ, благородныя черты лица, далеко не гармони ровали съ окружающей обстановкой и въ особенности съ сѣрымъ халатомъ.

Это былъ еще не такъ давно на свободѣ врачъ Н—скаго земства.

Всего только три года, какъ онъ разстался съ свободой, съ своимъ дорогимъ и полезнымъ дѣломъ. Все, что онъ старательно добился, затративъ не мало лѣтъ своей молодости, пришлось оставить тамъ, — далеко на свободѣ и подчиниться закону правосудія.

Сегодня ровно исполнилось три года, какъ первый разъ вошелъ онъ въ эти мрачныя стѣны тюрьмы. Что пережилъ онъ за это время, что испыталъ, перенесъ, — знало только его сердце. Тамъ въ глубинѣ схоронены были всѣ мученія, вся боль и тяжесть этихъ трехъ лѣтъ. Не дѣлился онъ ни съ кѣмъ своимъ горемъ: всѣ были ему чужды, далеки. Среди этихъ зачерствѣлыхъ людей, потерявшихъ, казалось, послѣднюю каплю сожалѣнія, готовыхъ иногда занести ножъ чуть ли не надъ родной матерью, развѣ между ними нашлось бы мягкое сердце, способное воспринять больныя стоны его души?.. Развѣ откликнулся бы кто нибудь изъ этой темной массы на его крикъ, мольбу о дружескомъ участіи и взаимномъ раздѣлѣ безотраднаго горя? И онъ молчалъ.

Какъ улитка, въ непогодъ спрятавшись въ раковину, ждетъ теплага луча солнца, такъ и онъ, все болѣе и болѣе углубляясь въ себя, старался остаться наединѣ съ своимъ больнымъ, измученнымъ сердцемъ.

Всѣ, разумѣется, видѣли, знали, что онъ мучится одиночествомъ какъ никто, но хоть сколько нибудь облегчить его страданія не рѣшались. Какъ то не могли приблизиться.

— Не нашего полета птица, — разсуждали арестанты.

Такъ шло время. Но вотъ видимо молчаніе стало невыносимо, — и врачъ, наконецъ, рѣшилъ заговорить, — облегчить себя, хотя высказавшись

— Стояла осень, — началъ онъ. Своими туманами, какъ безпросвѣтной пеленой, она окутывала въ беспорядкѣ разбросанныя убогія избы Бѣльскаго села. Времени туманъ разсѣивался, но тогда начинался тотъ мелкій надоедливый дождь, который особенно зарождаеть въ каждомъ живомъ существѣ тоску, уныніе, и разбиваетъ всю иллюзію недавно минувшихъ лѣтнихъ дней. Въ это время Бѣльское приноси-

мало видѣ совсѣмъ какъ бы мертваго поселка: кругомъ безмолвіе и пустота. Порой тѣвкнетъ дворняжка, но, словно испугавшись своего же голоса, трусливо замолчить и только глубже зароется въ солому. Холодно, да и нѣтъ причины тревожиться.. Вотъ такіе то сѣрые, скучные, но въ тоже время и радостные лично для меня дни, тянулись длинной вереницей, пока не пришелъ одинъ изъ нихъ,—тотъ страшный, ужасный день, который никогда не забудется мною.

Разсказывающій на минуту замолчалъ.

Всѣ окружающіе его безшумно пододвинулись ближе и, словно отъ холода кутаясь въ свои арестантскіе халаты, стали ждать продолженія.

Кое гдѣ изъ за угловъ раздавался мирный храпъ уже спавшихъ арестантовъ, да по временамъ нарушалъ тишину лязгъ кандаловъ прибывшихъ съ послѣднимъ этапомъ новичковъ.

— Я не знаю господа,—началъ врачъ снова,—вамъ едва ли извѣстно то чувство, которое испытываешь, оставшись совершенно одинокимъ, да еще на чужой сторонѣ: ни родныхъ ни знакомыхъ, ни даже равнаго тебѣ по духовному развитію; одинъ, какъ перстъ, среди нищенской деревушки... Тяжело и мучительно такое одиночество и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что я рѣшился, несмотря на свои сорокъ слишкомъ лѣтъ, искать убѣжища отъ него и тоски въ сельской школѣ, въ обществѣ единственной учительницы.

Просидѣвъ въ своей квартирѣ безвыходно больше недѣли, я дольше не могъ переносить подобнаго прозябанія и рѣшилъ въ ближайшій же воскресный день отправиться къ ней.

Не знаю, насколько рада была мнѣ хозяйка школы, но помню, принять я былъ очень хорошо. Какъ будто съ неподдѣльной искренностью она вошла въ мое положеніе, и такъ непринужденно исполняла роль хозяйки, заботясь о гостѣ, что я послѣ первыхъ же минутъ почувствовалъ себя болѣе развязно въ разговорѣ.

Я буду кратокъ въ описаніи ея...

Она была очень хороша собой. Даже больше того,—она была прекрасна. Ея тѣло, молодое, гибкое, гармоничное, какъ аккордъ, созданный настоящимъ волею чуда художникомъ, было насквозь проникнуто чистотою и, чуялось, что она понимаетъ только чистое и святое. Былъ ли ей знакомъ грѣхъ? Едва ли.

Продолжить первый визитъ сверхъ установленнаго свѣтомъ времени я не рѣшился и, получивъ на прощаніе сердечное—„заходите чаще“, съ самымъ лучшимъ настроеніемъ вернулся къ себѣ.

Не припомню, какъ я анализировалъ часы досуга, проводимые въ ея обществѣ, знаю лишь, что ложился всегда съ мыслью о завтрашнемъ вечерѣ, часахъ, которые долженъ провести съ ней.

Я ее полюбилъ, и полюбилъ не грязною любовью, которую привыкли сейчасъ видѣть, а той,—святой, чистой, рѣдко встрѣчающейся даже въ сердцахъ юношѣ.

Я сталъ мечтать только объ одномъ,—о ней, какъ о женѣ своей, какъ о миломъ, дорогомъ спутникѣ въ жизни...

Вы простите меня, господа, я самого то главного вамъ и не сказалъ...

Будучи еще студентомъ, я на двадцать первомъ году женился. Чрезъ годъ я отъ этого брака имѣлъ уже ребенка—дочь. Не прошло, однако, и полгода послѣ ея рожденія, какъ я, по волѣ судьбы, долженъ былъ разстаться съ этимъ любимымъ ребенкомъ и еще болѣе дорогой женой.

Не оформившійся гибкій характеръ жены, взаимно различные взгляды на жизнь, погубили ее и меня... Мы развелись формально. По своей юности, увлекающейся натурѣ, она оставила меня и, захвативъ ребенка, ушла за другимъ, неизвѣстнымъ мнѣ, по тому же скользкому, ложному пути, по которому шла и ко мнѣ.

Обѣихъ ихъ я похоронилъ навсегда въ своемъ сердцѣ...

Ну, а теперь я опять вернусь къ прежнему.

Я уже говорилъ, что въ мечтахъ видѣлъ Евгенію (такъ звали ее), своимъ самымъ близкимъ и дорогимъ другомъ—женою. Хотѣлось этого, главнымъ образомъ.

Я былъ почти увѣренъ, что Евгенія не откажетъ мнѣ.

Вѣдь не такимъ я еще старикомъ выглядѣлъ тогда, при томъ, извѣстное все-таки положеніе занималъ; обеспеченъ прилично, да плюсъ ко всему,—я зналъ, что она дочь чиновника, съ которымъ мать ея разошлась лѣтъ пять назадъ, что жила мать въ Петроградѣ и, за неимѣніемъ средствъ, навѣщала дочь рѣдко; по словамъ Евгеніи, послѣдній разъ была два года назадъ. Въ общемъ, какъ мать, такъ и дочь, были бѣдны,—на кого же она могла рассчитывать въ этомъ медвѣжьемъ углу?

Однимъ словомъ, взвѣсивъ все, я рѣшилъ при удобномъ случаѣ сдѣлать предложеніе, а пока что, понаблюдать и поизучать болѣе глубоко ея міръ.

Встрѣчались мы ежедневно. Чаще всего я сидѣлъ у нея по вечерамъ за стаканомъ чая и что нибудь читалъ или рассказывалъ изъ своей жизни и медицинской практики.

Время шло и брало свое. Я привязывался все сильнѣе и сильнѣе. Переимѣнилась и она. Какъ видно, она боролась съ чѣмъ то внутреннимъ и, оставаясь безсильной въ этой борьбѣ, старалась скрыть свой недостатокъ, но маска была не къ лицу и я началъ понимать, въ чемъ дѣло.

Помню, было праздничное утро, или вѣрнѣе, предъобѣденное уже время. Я пришелъ къ ней.

Она была за работой: съ маленькой лейкой въ рукахъ, заботливо возилась надъ цвѣтами.

Она поливала ихъ, брызжа на зеленые кудри прозрачной серебряной струею,—вся прекрасная, радостная, чистая, какъ сама струя жизни, которую она расточала своей щедрой, нѣжной рукой.

Какъ она была прекрасна въ это время!...

Я на минуту забылъ долгъ вѣжливости и, не поздоровавшись, стоялъ молча, любовался ею.

Тут только я рѣшился сказать ей все, сказать одну голую правду, которая давно уже рвалась наружу изъ моего скрытаго недовѣрчиваго сердца.

— Евгенія Александровна, — началъ я, — отвѣтите мнѣ такъ же прямо и правдиво на мой вопросъ, какъ задаю его и я... Моя случайная встрѣча съ вами здѣсь, — въ этомъ заброшенномъ углу, не прошла и не можетъ пройти для меня безслѣдно. Я не увлекся вами какъ молодой, не видѣвшій жизни юнецъ, а полюбилъ васъ такъ, какъ можетъ любить пожившее уже сердце. Я старъ предъ вами лѣтами, но все же могу еще дать столько счастья, сколько потребуетъ его ваша молодая душа. Будьте моей любящей женой и вы не раскаетесь... Согласны ли вы?

И я жадно сталъ слѣдить за ней, ожидая своего приговора.

А она казалось, совершенно равнодушно продолжала поливать цвѣты, брызжа и играя живительной струей.

— Не мучьте меня, Евгенія Александровна, — скажите, что говорить вамъ сердце? — Снова взмолился я.

— Нѣтъ, Николай Павловичъ, на это я не согласна, слышите?... Не-со-гла-сна, нѣтъ! — и какъ бы вдумываясь въ сказанное, отставивъ лейку, она замолчала низко опустивъ голову.

Словно тяжелый молотъ упалъ на меня и, не помня себя, я стоялъ предъ ней, смущенный, уничтоженный ея отвѣтомъ; слово „нѣтъ“ раздавалось гнетущимъ эхомъ въ моемъ раненомъ сердцѣ... Но то была лишь минута: медленно, ровно, какъ весенній лучъ солнца крадется вамъ въ окно, подошла она ко мнѣ и также робко, словно боясь своего же движенія, тихо проговорила:

— Николай Павловичъ, милый! развѣ вы не видите, что я не менѣе вашего успѣла полюбить васъ... Чего же вы испугались? Вѣдь вы первый, кому я такъ говорю...

Пораженный, я вѣжно обнялъ ее, и долгіе, жгучіе поцѣлуи были заключительнымъ аккордомъ въ минуты признанія.

— И все таки, Коля, къ вѣнцу я съ тобой не пойду пока. — начала она потомъ, — ты выслушай и пойми меня... Я люблю тебя, люблю такъ, какъ позволяютъ это мои силы вижу и твое ко мнѣ отношеніе, но пойми, дорогой мой — можемъ ли мы все-таки, несмотря на все это, поручиться за себя, за свои чувства?

Ты же, Коля, тѣмъ болѣе, самъ испыталъ много въ жизни, самъ пережилъ случай — свою ошибку. Вспомни свой бракъ. Не вини одну жену, и ты виноватъ не менѣе: въ такихъ случаяхъ — больше осмотрительности и меньше поспѣшности. Мы такъ еще мало знаемъ другъ друга такъ можемъ ошибиться. Я думаю, ты согласенъ со мной, что повѣнчавшись, спустя нѣкоторое время только нарушимъ и осквернимъ клятву предъ алтаремъ, то есть разойдемся своими дорогами. Она замолчала.

Я понималъ, чего она боялась. Мнѣ такъ ясно тогда представился мой первый бракъ, моя жена, и, съ щемящей въ тоской сердцѣ, я подумалъ: — почему она не разсуждала такъ?

— Коля! Можетъ быть тебя возьметъ сомнѣніе въ моемъ къ тебѣ отношеніи — снова начала Евгенія. — Не буду говорить о будущемъ, выслушай только настоящее, — если можетъ ждать тебя несчастье, то всячески нужно стараться предупредить его. Если послѣднее не возможно, не въ твоихъ силахъ, ты долженъ его до нѣкоторой степени ослабить. Этому слѣдую я, мой другъ. Я чиста и невинна и останусь такой же все время, пока не выйду за тебя. Торопиться не слѣдуетъ, милый, узнаемъ ближе другъ друга, узнаемъ настолько, насколько это необходимо для святого алтаря, а тамъ, съ Божьимъ благословеніемъ, смѣлые, увѣренные, повѣнчаемся. Вѣдь ты не осудишь меня, мое счастье — ты понимаешь меня, понимаешь, чего я боюсь?..

Я понималъ и сталъ ждать

Прошло больше года того счастливаго, незабвеннаго для меня тогда, и теперь ужаснаго времени.

Настала та тоскливая осень, которую я описалъ вамъ съ первыхъ словъ своего разсказа.

Мы рѣшили вѣнчаться... Евгенія была уже на третьемъ мѣсяцѣ беременности.

Дней за десять до вѣнчанія я долженъ былъ по своимъ дѣламъ отлучиться въ уѣздный городъ, гдѣ пришлось задержаться около недѣли. Потомъ я вернулся къ себѣ.

Евгенія, какъ и всегда, любовно встрѣтила меня и кромѣ того она сообщила новость, — что ея матушка, которую она предупредила письмомъ, только что пріѣхала, желая лично благословить родную дочь на путь новой жизни.

На вопросъ: — гдѣ же она — Евгенія отвѣтила, что пошла къ батюшкѣ переговорить о вѣнчаніи.

— Знаешь, Коля, когда я описала тебя, какъ могла, мамѣ, то она словно осталась недовольна моимъ выборомъ, а когда я въ заключеніе показала твою карточку и сказала фамилию, она вся перемѣнилась: поблѣднѣла и какъ то испуганно заторопилась вдругъ къ батюшкѣ. Такъ я и не поняла, въ чемъ дѣло. Ну, придетъ, увидитъ тебя лично и раскается въ своей поспѣшности.

— Да что это ея такъ долго нѣтъ? — начала волноваться, спустя нѣкоторое время Евгенія, — ужъ скоро два часа какъ ушла, развѣ...

Но ей не дали закончить: четверо крестьянъ внесли мокрый отъ дождя трупъ пожилой женщины и, молча положивъ среди комнаты, не спѣша снявъ шапки, набожно перекрестились.

— Вотъ значитъ это мы ее самую только сейчасъ сняли тамъ, — на опушкѣ лѣса съ сучка, — проговорилъ одинъ изъ нихъ, запинаясь, и тутъ же всѣ молча вышли.

Евгенія какъ пласть повалилась на грудь мертвой и только могла произнести одно слово:

— Мама!

Это было ея послѣднее слово въ жизни...

Предо мной лежала мертвая мать Евгеніи,—моя первая разведенная жена, а на груди ея, безъ чувствъ, Евгенія—моя родная дочь...

Я стоялъ надъ ними и, вглядываясь въ черты лица мертвой, старался что то сообразить.

Потомъ, вспомнивъ, не спѣша вынулъ револьверъ, еле касаясь поцѣловалъ Женю и, приставивъ ей къ виску холодное дуло, далъ выстрѣлъ.

Затѣмъ снова, словно сомнамбулъ, также не спѣша, перекрестился, ощупалъ у себя сердце и, направивъ тоже дуло, опять нажалъ собачку.

Вотъ я кто... Тяжело мнѣ. Великій я грѣшникъ.. Не захотѣлъ Богъ моей смерти,—не далъ умереть вмѣстѣ съ любимымъ и роднымъ, словно проклять я на безсмертіе: револьверъ далъ осѣчку, а потомъ я упалъ безъ чувствъ и меня арестовали.

Поднять руку на родную дочь, Господи, кто это можетъ?.. Какъ тяжело мнѣ!

А что я могъ сдѣлать другого? Если бы я раньше зналъ это... Вѣдь мнѣ только было извѣстно, что она дочь чиновника, фамилію котораго и носила, а что онъ мужъ моей бывшей жены,—не могло притти мнѣ въ голову. Евгенія же даже не знала, что ея мать за вторымъ; отъ нея скрыта была правда..

Что же я могъ сдѣлать? Ну, посудите сами.

Эхъ. Женя, Женя!..

И старикъ залился горькимъ плачемъ.

Сѣрыя фигуры слушателей медленно разбрелись по своимъ нарамъ, словно ночные призраки, испугавшись перваго утренняго свѣта.

Издалека откуда то долетѣлъ пронзительный свистъ караульнаго сигнала, но, не дождавшись отвѣтнаго,—замеръ.

Жуткая, мертвая тишина царила въ камерѣ.

А тамъ, въ самомъ заднемъ углу отъ входной двери, утомленный духъ, не въ мѣру натруженный и какъ бы умирающій подъ тяжестью расплывшихъ его ударовъ, припадая къ самымъ нарамъ, арестантъ—врачъ оплакивалъ свою Женю, себя и судьбу...

Николай Аф. Пospѣловъ.

1914 г.

...Сквозь розовую мглу твоихъ противорѣчій...
А. Альвинг.

Безконечно родной, безконечно любимый,
Все равно, что мы—жители разныхъ планетъ,
Все равно, что такой же, какъ я, нетерпимый,
Ты всегда говоришь безпокойное:—нѣтъ.

Все равно, что насъ разные призраки мучать,
Все равно, что ты къ правдѣ стремишься иной—
Жажда боли насъ къ тѣмъ же паденьямъ приучить,
И мы прокляты будемъ одною судьбой.

Такъ зачѣмъ же искать рокового сближенья?
Къ красотѣ призываетъ глухая борьба.
Развѣ жизнь — не торжественный гимнъ восхищенья
Дисгармоніей вѣчной, слѣпой, какъ судьба?

А. А.—това.

* * *

Тамъ, гдѣ нѣтъ этой пыли и шума,
Раскаленныхъ камней съ духотой,
И домовъ, такъ глядящихъ угрюмо, —
Точно вновь оживаешь душой.
Тамъ свободнѣе солнце сияетъ,
Вѣтерокъ пролетаетъ живой,
И высокая рожь пробѣгаетъ,
Изгибаясь красивой волной.
Предлагаетъ свой отдыхъ безпечный
Свѣжей травки душистый коверъ,
И бѣжитъ по нему безконечный
Изъ цвѣтовъ разноцвѣтныхъ узоръ.
Подъ журчанье ручья молодого,
Подъ задумчивый шелестъ березъ
Хочешь въ жизни чего-то иного,
Отдаешься волнѣ сладкихъ грезъ...
Забываются скорби мірскія
И томленье безсильныхъ заботъ,
Забываются слезы людскія
И сомнѣній мучительныхъ гнетъ.
Замѣняетъ всѣ жгучія думы
Лишь восторгъ предъ картиной такой,
И звучать всѣ душевныя струны
Только гимномъ природѣ живой.

Студентъ Александръ Жуковский.

Коверъ изъ листьевъ.

Элегія.

Опали листья. Цвѣты увяли.
Коверъ изъ листьевъ глубокъ и мшистъ.
Тоску осеннихъ дней печали
Мнѣ шепчетъ желтый упавшій листъ.

Настало время. И смерть и тлѣнье,
Подъ мягкимъ снѣгомъ покой могиль,
Подъ мягкимъ снѣгомъ покой забвенья,
Покой забвенья предсмертно-милъ.

Осенней грусти печально-милый,
Какъ взоръ, молитвенный мотивъ,
А небо хмуро, и видъ унылый
Вѣтвей забытыхъ плакучихъ ивъ.

Забуть о солнцѣ, о краскахъ лѣта,
О томъ, что есть и что прошло!
Нѣтъ больше звука .. Нѣтъ больше свѣта...
Лежать такъ мягко, такъ хорошо...

Студентъ Зиновій Березанскій.

Свадебное шествіе розъ.

умираль... Вокругъ моего ложа не было ни души... Въ сумрачной комнатѣ, едва озаренной свѣчей, носились видѣнія, изрѣдка вспыхиваль ярки свѣтъ, ослѣпляя мои затуманенные глаза.

Все, что я видѣлъ, было покрыто какою то дымкой, какъ пеленою, на нитяхъ которой вырисовывались знакомые силуэты и лица.

Мнѣ было страшно... Я одиноко встрѣчалъ смерть,—покинутый всѣми и чувствовалъ, что она здѣсь, сзади меня... Неумолимая, холодная, загадочная...

Я чувствовалъ, какъ съ каждой минутой сердце мое билось все тише, все медленнѣе, какъ холодъ сковываль мои руки, какъ языкъ цепѣнѣлъ и не слушался моей воли.

Глаза все время слипались и я дѣлаль усилія, чтобъ не закрыть ихъ. Я хотѣлъ до послѣдней минуты видѣть свѣтъ, видѣть себя, распростертаго и неподвижнаго, видѣть ее, смерть... Какая она?

Почему никто не пришелъ? Даже она—моя золотая мечта, моя свѣтлая радость, моя волшебная сказка...

Развѣ она испугалась?

Но почему такъ плохо горитъ свѣча?

Ахъ! Хотѣ бы пришелъ сейчасъ кто нибудь, зажегъ всѣ огни... Свѣту-бы мнѣ хотѣлось, побольше свѣту, сіянія огней, лучезарнаго солнца, молодой зарницы... Только не луны! Она мертвая, свѣтитъ сквозь мракъ, тусклая, холодная.

Но почему потушили свѣчу? Кто это?

Глаза мои закрылись... Я не могу поднять ихъ болѣе... Ничего не вижу...

Вотъ онъ—конецъ!

Нѣтъ!.. Опять какъ будто свѣтлѣеть.

Но кто здѣсь? Это ты? Ты все-же пришла? Какъ я радъ, какъ я радъ, но почему ты смѣешься? Почему такая веселая?

Въ бѣломъ платѣѣ, съ цвѣтами, но погоди... Это вѣнчальные цвѣты, жесмины! Почему они на тебѣ?

Я больной,—я умираю! А на тебѣ вѣнецъ... Но онъ къ тебѣ идетъ весь нарядъ къ тебѣ очень идетъ, ты въ немъ такая красивая! Вонъ черныя кудри переплелись съ тафтой, сіяютъ восторгомъ глаза, губы смѣются и румянецъ твой...

На тебѣ бѣлая тафта, покрываетъ тебя всю, а на мнѣ-бѣлый саванъ!..

Какъ же это такъ? Вѣнчанье и смерть... Или я живу?

Но погоди же, не уходи! Куда ты идешь и почему я пересталъ тебя видѣть?

Погоди... Вѣдь это не ты! Это цвѣты, роза... Ты—роза!

Ты не одна; здѣсь много!

Куда вы всѣ идете? Зачѣмъ уходите отъ меня?

А вотъ и музыка; только очень тихо играетъ, но красиво, печально печально; мнѣ хочется плакать, потому что я съ тобой опять, потому что я слышу печальную музыку, потому что здѣсь все же тихо.

Мнѣ хочется любить тебя и теперь больше чѣмъ когда либо; хочется обнять тебя, раствориться въ тебѣ. Ты же знаешь какъ я люблю тебя, отчего же ты молчишь? Развѣ забыла меня?

Я слышу пѣніе невидимыхъ голосовъ... Цѣлый хоръ, но не могу понять о чемъ поютъ.

Становится свѣтлѣе, зажигаютъ люстры, они заискрились разноцвѣтными огнями, отражаясь въ хрустальныхъ подвѣскахъ. Много люстръ... Всѣ горятъ ослѣпительно и торжественно, какъ будто здѣсь великое празднество, великій пиръ.

Удивительно! Пиръ и—смерть! Рядомъ!

Я вижу ряды мраморныхъ колонъ, высокихъ и красивыхъ. Они блестятъ подъ огнями люстръ, отражаютъ ихъ, какъ зеркала и усиливаютъ свѣтъ. Тамъ въ глубинѣ колонады бѣлыя мраморныя ступени ведутъ куда то вверхъ, откуда льется такой ослѣпительный свѣтъ, что больно глазамъ.

Слышишь, я хочу туда, но меня что-то держитъ, не пускаетъ... Ну ладно буду лежать, если и ты мнѣ не хочешь помочь, не хочешь взять съ собой туда. Только и ты не уходи, а то я могу умереть безъ тебя и ты меня больше не увидишь.

Объясни мнѣ, почему ты все смѣешься, почему сегодня такая веселая, что у тебя за радость? На твоемъ лицѣ торжество и счастье... И я хочу счастья, и я хочу торжества; хочу раздѣлить все то, что радуешь тебя, что наполняетъ тебя весельемъ, хочу по тому, что у меня все болитъ, мнѣ больно и холодно. Вѣроятно гдѣ-то открыты окна!..

Теперь я совсѣмъ не узнаю тебя! Ты—розовый кустъ, а вокругъ тебя все тоже розы и вы идете куда то.

Теперь музыка громче заиграла; сразу раздались мощные звуки марша.

А! Узнаю. Это свадебный маршъ! Торжественный свадебный маршъ!

И пѣніе стало громче; все женскіе голоса, но какіе громкіе и красивые, какъ будто тысячи людей поютъ, въ одномъ стройномъ хорѣ.

Весело и торжественно звучать голоса, разносятся подь самые хрустальные своды, а они высоки—высоки.

Люстры еще ослѣпительнѣе зажглись, колонны удлинились и стали тоньше красивѣе. Я не разглядѣлъ тогда, а теперь вижу, что они изумрудныя, изъ настоящихъ камней. Оттого такъ и блестятъ, и играютъ въ нихъ искры, красивыя зеленыя искры.

Бѣлыя мраморныя ступени стали еще выше.

Но гдѣ же ты? Ты ушла? Вокругъ меня тишина.

Мнѣ скучно одному, очень скучно... Я боюсь, что умру и не увижу тебя болѣе, родную мою, вѣчно любимую.

А музыка играетъ еще звучнѣе, еще красивѣе... Хоръ поетъ еще торжественнѣе, еще громче... огни залили сводъ и колонны еще ярче и пышнѣе...

Вотъ раздался звонъ. Я вздрогнулъ.

Забили колокола и колокольчики, залились серебрянымъ перезвономъ... Сразу ударили въ набатъ почему то; загромыхали колокола и слились въ одну мелодію бурную, величественную и торжественную.

Вотъ и ты, но не одна; васъ много идетъ издали.

Красивыя розы всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ; но бѣлая роза одна! Это ты, ты... Я узнаю тебя. Но почему у нихъ у всѣхъ въ рукахъ зажженныя свѣчи? Развѣ при свадебныхъ шествіяхъ въ рукахъ бываютъ онѣ?..

Все ближе идутъ; медленно спускаются съ мраморныхъ ступеней и поютъ...

Впереди всѣхъ она; всѣхъ чище, всѣхъ красивѣе! Граціозно идетъ и легко, какъ воздушная добрая фея. И голосъ ея выдѣляется,—я ясно слышу его среди гармоничныхъ звуковъ музыки, пѣнія и звона. И свѣча ея горитъ всѣхъ ярче и не бѣлымъ свѣтомъ а краснымъ, пунцовымъ огнемъ и онъ далеко бросаетъ лучи озаряя и румяня ея идеально бѣлое лицо.

— Стойте! Стойте! Дайте послушать! Какая дивная музыка! Перестали звонить, перестали пѣть... Какъ хорошо!

Торжественный свадебный маршъ смѣнился маршемъ печали, таинственной грустью. Удивительно онъ звучитъ, какая нѣжная мелодія; но почему мнѣ такъ скучно стало, такъ тоскливо?..

Опять измѣняются звуки, становятся игривѣе; опять переливаются колокола и колокольчики и вдругъ грянулъ хоръ голосовъ прежнюю торжественную пѣсню. Я слышу тотъ же свадебный маршъ мощный и торжественный.

Розы двинулись мнѣ навстрѣчу... Заколыхались ихъ лепестки и блестящіе огоньки ихъ свѣчь. Все зашевелилось живой волной въ полномъ сіяніи идутъ, идутъ сюда. Все ближе подвигаются нестройной рѣдкой толпой. Я начинаю различать слова ихъ пѣсень, но только не могу понять, не могу уяснить...

Что это? У меня уже нѣтъ мыслей, ощущенія слабнуть, только чувства остались и охватили меня... Я не сознаю себя и мнѣ легко, сво-

бодно... Неужели я больше не существую и если это такъ, то умирать вовсе не страшно!..

Они уже рядомъ со мной, сейчасъ пойдутъ мимо и я ихъ всѣхъ узнаю.

И она проходитъ мимо... Зачѣмъ не остановится возлѣ меня?

— Остановись, милая, погоди! И я хочу съ тобой и меня не удерживаетъ больше ничто... Я пойду съ тобой, пусть насъ вѣнчаютъ! Это наше свадебное шествіе... Ты не отвѣчаешь... Лицо твое больше не смѣется, оно серьезно и печально; дай твою руку! Мы должны идти вмѣстѣ.

И я буду печалень, разъ ты печальна, и я буду держать свѣчу съ краснымъ огнемъ.

Сзади насъ все мощнѣе гудитъ органъ. Наростають волшебные звуки и смѣшиваются съ пѣніемъ розъ. Ты печальна... Ты печальна и грустна... Зачѣмъ? Неужели потому, что вѣнчаешь меня со смертью? Полно же! Мнѣ не страшно умереть, мнѣ только горько разставаться съ тобой, жалко... Не смотри на меня съ укоромъ! Я не виноватъ, что люблю тебя, и что ты меня любишь...

Я теперь понимаю все. Понимаю почему ты и всѣ другія со свѣчами; почему всѣ такъ печальны... Я узналъ куда мы идемъ, узналъ, что вы поете, что дѣлаете.

Вы вѣнчаете меня со смертью.

Какъ хорошо, что ты во время пришла! Мы еще немного времени проведемъ вмѣстѣ и это ужъ послѣдній разъ.

Помнишь ли ты наши дни, наши ночи? Какъ они сверкали своей чистотой и поэзіей... Какъ было красиво тогда...

Помнишь лазурное утро въ сіяніи стыдливыхъ лучей румяной зари, когда мы были зачарованы нашей сказкой затуманены нашимъ чувствомъ и свѣтомъ волшебной любви...

Зачѣмъ я тебѣ говорю это? Теперь не время!

Ты закроешь меня бѣлымъ саваномъ, осыпешь меня цвѣтами, о которыхъ я много тебѣ говорилъ и простишь меня.

Но куда идемъ мы? Тамъ вдали темно!

Неужели сейчасъ конецъ всему?

Я не слышу болѣе музыки... Она какъ то вдругъ смолкла!

Не слышу болѣе пѣнія... Отчего они не поютъ больше?

Огни стали меркнуть! Люстры тухнутъ одна за другой, и не отражается больше ихъ свѣтъ въ изумрудныхъ колоннахъ. Но куда же исчезли мраморныя ступени и сводъ хрустальный?

Съ каждой секундой становится все темнѣе!

Гдѣ ты? Гдѣ же ты?

Я слышу, что здѣсь кто-то пришелъ и кто-то плачетъ. Да! Я знаю кто это... Это ты!

Ну, что же—плачь быть можетъ хоть это облегчитъ твои страданья...

Но какъ мнѣ жалко, какъ жалко, что ты плачешь.

Отчего я не могу шевельнуться, чтобы сказать тебѣ, что я еще живъ, что слышу твои рыданья, чувствую, что голова твоя лежитъ на моей рукѣ, сознаю, что я уже умеръ, что все же люблю тебя сейчасъ, послѣ смерти и что по моей рукѣ бѣгутъ твои слезинки...

Ред. Шмаиловъ

ВЪ ТЮРЬМѢ.

Я въ тюрьмѣ, но въ моей кельѣ
Нѣтъ рѣшетокъ на окнѣ,
И ворчливый, старый сторожъ
Не прислуживаетъ мнѣ.

Нѣтъ на мнѣ цѣней тяжелыхъ,
Не прикованъ я къ стѣнѣ,
Но въ тюрьмѣ до самой смерти
Жить всегда придется мнѣ.

Та тюрьма—моя святыня—
Я прикованъ сердцемъ къ ней,
Та тюрьма—мои желанья,
А я рабъ своихъ страстей.

Н. Дунинъ-Барковский.

Жапывы лютни.

Шотландская мелодія.

Соколь, раненый соколь въ предсмертной агоніи борется съ наступающей смертью во мглѣ.

И тоскливо на сердцѣ и думы въ душѣ о несбыточномъ, а ужъ голову клонить къ землѣ.

Небо солнечно яркое, жгучее, степь безпредѣльная растилается съ моря до горъ.

Не летать уже соколу въ высь поднебесную свѣтлую. И во взорѣ печаль и укоръ.

Студентъ **Зиновіи Березанскіи.**

Въ Бельгіи.

Мой мальчикъ! Найду ли тебя я живымъ?..

Спускается ночи покровъ...

По мирнымъ долинамъ, по скатамъ сырмъ

Все трупы, все трупы и кровь.—

Страданье и слезы съ собой принесли

Враги, нашу землю губя:

И нашу родную деревню сожгли

И храмъ, гдѣ крестили тебя.

О, Матерь Святая! Въ застывшемъ дыму,

Въ локутьяхъ кровавыхъ одеждъ

Мнѣ чудится—смерть наклонилась къ нему,

Касааясь трепещущихъ вѣждъ.—

Все дальше бреду я по мертвымъ лугамъ

При свѣтѣ пожарныхъ огней,—

И съ трепетомъ въ лица смотрю мертвецамъ—

Не встрѣчу ли милыхъ очей?!—

Никол. Горинъ.

Вѣгство изъ нѣмецкаго плѣна.

(Фактъ).

Съ объявленіемъ Германіей войны Россіи, во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ крупнымъ шрифтомъ было напечатано воззваніе къ народу объ оказаніи помощи правительству въ поимкѣ шпионовъ, заплонившихъ многіе центральные города Германіи.

Въ ресторанахъ, кофейняхъ, пивныхъ и на всѣхъ перекресткахъ Лейпцига газеты раскупались на расхватъ.

Нѣмцы съ жадностью прочитывали напечатанное и совершенно обезумѣвъ отъ озлобленія, принялись чуть ли не каждого считать за шпиона или измѣнника.

Такъ, проѣзжая по улицѣ Лейпцига, на автомобилѣ, былъ застрѣленъ нѣмецъ—докторъ, показавшійся кому-то изъ толпы подозрительнымъ.

Въ одномъ изъ богатыхъ ресторановъ сидѣлъ за отдѣльнымъ столомъ нѣмецкій офицеръ, просматривавшій русскую газету, какъ вдругъ набросилась на него толпа нѣмцевъ, принявшихъ офицера за переодѣтаго шпиона и до того избива его, что почти полумертваго офицера отправили въ больницу, гдѣ послѣдній оказался сыномъ извѣстнаго нѣмецкаго генерала и вскорѣ умеръ отъ перенесенныхъ побоевъ.

Всюду и вездѣ нѣмцы находили мнимыхъ шпионовъ и убивали на смерть другъ друга, пока германское правительство, сознавъ свою ошибку и видя печальные результаты «поимки шпионовъ», поспѣшило напечатать отбой, которымъ жители Лейпцига увѣдомлялись, что всѣ шпионы переловлены и населенію предлагается успокоиться.

Въ разгаръ этихъ событій, въ числѣ не успѣвшихъ выѣхать изъ Лейпцига, оказались довѣренный извѣстной московской фирмы—Н. Бауловъ и содержатель типографіи и переплетной въ Москвѣ—А. Шваркинъ.

Послѣдній торопился вернуться изъ Дрездена въ Лейпцигъ со своей женой, надѣясь на всемирной выставкѣ печатнаго дѣла съ кѣмъ-либо встрѣтиться и совмѣстно какъ нибудь пробраться въ Россію.

Такъ какъ Бауловъ по дѣламъ службы находился все время на выставкѣ, то ему и пришлось застрять на нѣсколько лишнихъ дней, совпавшихъ съ объявленіемъ мобилизаціи во всей Германіи.

Встрѣтившись съ Шваркиными, Бауловъ сталъ придумывать средства къ выходу изъ застигнутаго положенія, какъ на другой день въ гостиницу явилась полиція и арестовала всѣхъ троихъ какъ русско подданныхъ, объявивъ ихъ военноплѣнными.

Чемоданы и вещи были тщательно осмотрѣны плѣнцами, послѣ чего арестованныхъ намѣревались куда-то отправить, какъ Баулову пришла счастливая мысль испросить разрѣшенія свидѣться съ владѣльцемъ машиностроительнаго завода, тайнымъ совѣтникомъ Кигельманомъ, съ которымъ московская фирма имѣла крупныя коммерческія сношенія.

Разрѣшеніе на свиданіе съ Кигельманомъ, къ счастью, удалось получить.

И въ то время, какъ Бауловъ отправился на заводъ, Шваркинъ съ женой оставались въ видѣ заложниковъ.

По прибытіи Кигельмана, послѣднему было задано нѣсколько вопросовъ, послѣ которыхъ предлагалось подписать бумагу о томъ, что онъ ручается всѣмъ своимъ достояніемъ и положеніемъ за благонадежность арестованныхъ лицъ, которыхъ онъ беретъ подъ свое покровительство до свободнаго проѣзда за границу.

Прочитавъ предъявленный текстъ поручительства, Кигельманъ долго колебался и раздумывалъ, прежде чѣмъ рѣшиться и подписать, но, взглянувъ на арестованныхъ, ронявшихъ слезы и умолявшихъ выручить ихъ изъ бѣды, рѣшился, наконецъ, и освободилъ военно плѣнныхъ, взявъ ихъ подъ свое покровительство.

Прошло двѣ недѣли томительнаго ожиданія утѣшительныхъ вѣстей.

Затворники не находили ни минуты покоя и всегда съ тревогою поглядывали на дверь.

— Долго ли мы будемъ здѣсь сидѣть?—заговорилъ Бауловъ, которому надоѣло ежедневно слышать стоны и рыданія своихъ соотечественниковъ.

— Куда же мы пойдѣмъ?—сквозь слезы задалъ вопросъ толстякъ Шваркинъ, ровно двѣ недѣли не рѣшавшійся выглянуть изъ предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе роскошныхъ комнатъ покойнаго владѣльца завода.

Послѣ частыхъ такихъ вспышекъ среди злоплучныхъ путешественниковъ, снова наставало тягостное молчаніе, во время котораго затворники начинали нервничать, расхаживать по комнатамъ, читали, отдыхали и были рады, когда къ нимъ заглядывалъ Кигельманъ, старавшійся ободрять своихъ постояльцевъ и предлагавшій свой садъ для прогулокъ.

Но слѣдовало Кигельману скрыться за порогомъ, какъ снова наставало уныніе и тоска.

— Съ вами совсѣмъ пропадешь!—выходя изъ себя, замѣчалъ Бауловъ. — Вмѣсто хныканья надо подумать, какъ выбраться отсюда.

— Прощу не оскорблять мою жену... и такъ много страдаемъ... а вы еще насѣдаете...

— Я и не думаю оскорблять, но повторяю, что слезами горю не поможешь... Впрочемъ, какъ вамъ угодно, но я рискну удрать одинъ...

— Конечно, теперь можете и бросить насъ, когда мы на краю пропасти находимся!—ворчалъ Шваркинъ.

— Поймите же, наконецъ, что надо подумать, какъ бы скорѣе выбраться отсюда!—старался Бауловъ уговорить перепуганнаго Шваркина.

— Попробуйте выбраться, если жизнь вамъ не надоѣла! хныкалъ Шваркинъ.

Положеніе становилось съ каждымъ днемъ все болѣе отчаяннымъ.

Надо было на что либо рѣшиться, а тутъ, какъ на грѣхъ, раскисшій тучный Шваркинъ и его, обезумѣвшая отъ страха супруга, лишили возможности собраться съ мыслями.

Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и пререканій, соотечественники пришли къ соглашенію отправиться на курортъ въ г. Засстницъ, гдѣ надѣялись вмѣстѣ съ Русскими выбраться изъ предѣловъ Германіи.

Узнавъ объ этомъ, Кигельманъ посѣщилъ Баулова снабдить деньгами и, проводивъ своихъ затворниковъ до вокзала, пожелалъ имъ благополучной поѣздки.

Мѣста въ вагонахъ брали съ боя и не было свободнаго уголка, гдѣ можно было бы прислониться.

Въ продолженіе всего пути слѣдованія, никого не выпускали изъ вагоновъ.

Женщины и дѣти, расположились на полу вагона, плакали, кричали, прося воды и пропуска по естественнымъ надобностямъ, но стража, разставленная у входовъ была неумолима.

Духота, стонъ и крики несчастныхъ представляли картину полнаго отчаянія.

Подѣзжая къ станціи, поѣздъ встрѣтилъ нарядъ нѣмецкихъ солдатъ, которые какъ то насторожились и стали шептаться: «казакенъ! казакенъ!» направляя дула своихъ ружей на выходы изъ вагоновъ.

Но вмѣсто казаковъ, на порогъ показались дѣти, выдвинутыя впередъ ихъ родителями. Смущенные появленіемъ группы маленькихъ ребятишекъ, нѣмцы стали озираться вокругъ, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ и спрашивая другъ друга: «гдѣ же казаки, о которыхъ говорили!»..

Появъ пущенную кѣмъ то шутку, стража вскорѣ успокоилась.

Приѣхавъ въ Засстницъ, наши путешественники вмѣстѣ съ другими были объявлены бургомистромъ военноплѣнными, съ предупрежденіемъ, что если обнаружены будутъ попытки кого либо изъ нихъ къ бѣгству, то виновныхъ немедленно разстрѣляютъ.

Прошло нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ нашимъ соотечественникамъ, обладавшимъ къ счастью, хорошо нѣмецкимъ языкомъ, удалось познакомиться съ офицерами приставленной къ нимъ военной стражи какъ и полицейскими чинами.

Часто при встрѣчахъ, завязывался разговоръ на тему о военныхъ дѣйствіяхъ, о Русскихъ варварахъ и доблестныхъ побѣдахъ германскаго войска и, угощая своихъ собесѣдниковъ папиросами, настолько расположили ихъ въ свою сторону, что спустя два дня, получили разрѣшеніе, въ сопровожденіи нѣмецкаго солдата, привезти свои вещи съ вокзала.

Въ то время, какъ конвоирь стоилъ у входа въ вокзалъ съ Шваркинымъ и его женой, Бауловъ, повернувшись къ нимъ спиной, улучилъ минуту и сунулъ въ руку солдата пять марокъ, что дало возможность отлучиться на нѣсколько минутъ.

Отправивъ вещи въ ближайшую гостиницу, плѣнные пошли вдоль берега и, замѣтивъ стоящее у пристани шведское судно, испросили разрѣшеніе переговорить съ капитаномъ.

Шваркинъ съ женой заняли вниманіе солдата разспросами о семейной жизни и проч., а Бауловъ, войдя на судно, повелъ такой съ капитаномъ разговоръ:

— Позвольте узнать, вы говорите по-нѣмецки?

— Да, говорю.

— Скажите, пожалуйста: могли бы вы—насъ Русскихъ подданныхъ, перевести въ Швецію?

— А сколько васъ?

— Трое: двое мужчинъ и одна дама.

— Могу, но только вамъ не удастся приобрести билеты, а безъ билетовъ я взять не имѣю права.

— А если намъ удастся добыть билеты?

Тогда можете рассчитывать на мою помощь.

— Когда отходить пароходъ?

— Черезъ недѣлю!—отвѣтилъ капитанъ и разговоръ на этомъ прикончился.

Придя въ гостиницу, Бауловъ подѣлился со своими спутниками сдѣланными успѣхами рискованнаго предпріятія и сталъ просить Шваркина возможно ближе сойтись съ полицейскимъ чиновомъ, который пользуется свободнымъ проходомъ черезъ охрану стражи.

Пришлось снова прибѣгнуть къ хитрости и обратиться къ любезности офицера отпустить съ Бауловымъ солдата къ вокзалу взять забытый имъ чемоданъ.

— Приказывать солдатамъ я немогу, но если найдутся охотники сопроводить васъ—ничего не буду противъ этого имѣть!—отвѣтилъ офицеръ.

— Я очень васъ прошу объ этомъ... помогите, пожалуйста... я щедро заплачу солдату!—настаивалъ прослезившійся Бауловъ.

— Кто изъ васъ желаетъ заработать на пиво,—крикнулъ солдатамъ офицеръ,—тотъ можетъ пойти съ военноплѣннымъ на вокзалъ.

Вскорѣ выступилъ впередъ одинъ изъ солдатъ.

По дорогѣ, солдатъ получилъ отъ Баулова коробку съ папиросами и десять марокъ, что давало возможность Баулову безпрепятственно подойти къ кассѣ и попросить три билета для проѣзда въ Швецію.

— Имѣете ли вы разрѣшеніе ѣхать въ Швецію?—былъ неожиданно заданъ вопросъ кассиромъ.

— Если бы не было у меня разрѣшенія, то я бы и не сталъ васъ беспокоить!—тажъ же неожиданно огорашивая кассира, самоувѣренно отвѣчалъ Бауловъ.

Билеты были приобрѣтены и заплачено девяносто марокъ.

Подѣла было исполнено и на радостяхъ, Бауловъ отправился къ бургомистру и заявилъ, что билеты ему удалось купить и что они могутъ выѣхать въ Швецію.

— Какъ выѣхать? А кто вамъ разрѣшитъ? Если вы осмѣлитесь тронуться съ мѣста, я прикажу васъ немедленно разстрѣлять!—вскричалъ бургомистръ на опѣшившихъ военно-плѣнныхъ, которые теперь только поняли о сдѣланномъ ими непростительномъ промахѣ.

— Какже намъ быть? Помогите, ради Бога, ради нашей семьи, дѣтей, которыя остались на произволь судьбы! Войдите въ наше положеніе, сжальтесь надъ нами!—со слезами просили бургомистра, но послѣдній, схвативъ бумагу, началъ имъ говорить:

— Вотъ бумага отъ правительства, предписывающая мнѣ никого не отпускать, а провинившихся разстрѣливать! Что же вы хотите, чтобы я подъ судъ пошелъ и отвѣтилъ за васъ своей головой?—не унимался, волнуясь и жестикулируя бургомистръ.

— Все же мы въ вашей власти и, при желаніи, вы могли бы помочь намъ и найти выходъ изъ такого отчаяннаго положенія!—продолжали просить вонно-плѣнные.

Видя настойчивыя просьбы и какъ бы на что то рѣшаясь, бургомистръ началъ ходить по комнатѣ, размахивая руками и крича во все горло:

— Я уже вамъ сказалъ, что сдѣлать ничего не могу, а тамъ поступайте, какъ хотите; но помните, что если обнаружимъ ваше бѣгство, то сейчасъ же дадимъ знать по телеграфу и васъ вернуть изъ Стокгольма и еще дальше... Если вы все это взвѣсили и все же хотите поступить по своему, то все остальное меня не касается и если васъ поймутъ, то разстрѣляютъ, какъ куропатокъ.

По выходѣ отъ бургомистра, военно-плѣнные были не мало озадачены такимъ поворотомъ дѣла, но мысль о бѣгствѣ не покидала ихъ ни на минуту.

— Рискъ — благородное дѣло! Свобода или пуля въ лобъ!—замѣтилъ Бауловъ и сейчасъ же занялся подготовкой полицейскаго къ своему, бѣгству.

Купленные билеты сохраняли силу въ теченіе десяти дней, а потому надо было торопиться.

На другой же день выпалъ благопріятный случай—переговорить съ полицейскимъ, который, долго отказывая въ помощи, рѣшился высказать слѣдующее:

— Трудно, очень трудно пробраться. Главное, если не удастся то насъ всѣхъ не пошадятъ!

— Почему не удастся? Намъ только пройти мимо стражи, а тамъ мы найдемъ дорогу!—не унимался уговаривать полицейскаго Бауловъ.

— Сразу рѣшить этого никакъ не могу.. Надо хорошенько обдумать планъ!—качая головой, отвѣчалъ полицейскій.

— Подумайте, и помните, что хорошо можете заработать... Выбравшись отсюда, мы вамъ еще вышлемъ денегъ!—сказалъ на прощанье Бауловъ.

Прошло три томительныхъ дня.

Военно плѣнные потеряли всякую надежду на свое освобожденіе, какъ вдругъ вечеромъ къ нимъ зашелъ полицейскій и предложилъ свои услуги.

— Я берусь проводить васъ до парохода, но при условіи, чтобы съ вами не было совершенно никакихъ вещей.

— А наши чемоданы! Наши вещи! Что съ ними дѣлать? Неужели бросать?! Это невозможно!—вскричали супруги Шваркины, со слезами, на глазахъ вспоминая о тѣ дешевыхъ приобретеніяхъ, какія успѣли они сдѣлать въ заграничномъ путешествіи.

— Тутъ шкуру надо спасать, а не вещи! Вспомните, что еще вчера говорили объ этомъ, а сегодня уже плачете при разставаніи со своими тряпками!—рѣзко оборвалъ Бауловъ и, не обращая вниманія на неудовольствіе своихъ соотечественниковъ, обратился къ полицейскому съ вопросомъ:

— Когда же вы намъ устроите свободный пропускъ?

— Завтра, ровно въ 4 часа дня, я буду проходить мимо вашихъ оконъ и вы не прозвѣвайте момента—выйти на улицу и слѣдовать за мной вплоть до остановки и открытія мною портфеля.

Опасный шагъ, но надо было торопиться, чтобы использовать его для благополучнаго исхода тяжелыхъ мытарствъ.

Но чемоданы! Что дѣлать съ чемоданами, съ которыми низачто не пожелала разстаться злополучная чета.

Но и здѣсь Бауловъ нашелъ выходъ.

Справившись о томъ, нѣтъ ли въ гостиницѣ приѣзжаго, отправляющагося завтра въ 5 час. веч. на пароходъ въ Швецію выяснилось,

что на томъ же пароходѣ уѣзжаетъ молодая дама—шведка, съ вещами которой и удалось отправить вещи военно-плѣнныхъ услужливымъ слугою гостиницы, получившимъ приличное за это вознагражденіе.

Такимъ образомъ, судьба во всемъ благопріятствовала бѣглецамъ, но пережитые ими дни подѣ страхомъ ежеминутно быть арестованными и разстрѣленными, — усѣяло ихъ головы массою сѣдыхъ волосъ.

Но вотъ насталъ желанный часъ.

Мимо оконъ прошелъ полицейскій чинъ и трое, измученные ожиданіемъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и душою, направились вслѣдъ шествовавшему впереди нѣмцу, не задаваясь мыслью, что могло ожидать ихъ впереди.

Дойдя до стоянки военнаго патруля, бѣглецы потеряли всякое самообладаніе и блѣдные, съ трясущимися отъ страха ногами, еле переводили дыханіе, какъ голосъ полицейскаго, обращавшагося къ офицеру съ просьбой пропустить «этихъ господъ по нужному дѣлу», сразу отрезвиль ихъ.

Перейдя цѣнь стражи, бѣглецы нѣсколько облегченно вздохнули, но сердце еще сильнѣе забилося при одной мысли, что дѣло только начинается, и что всѣ его послѣдствія покрыты мракомъ неизвѣстности.

Прошли дальше.

Полицейскій остановился, вытащилъ изъ портфеля бумаги, раскрылъ ихъ передъ Шваркиными, тыкалъ въ нихъ пальцами, жестикировалъ и тутъ же шепталъ Баулову:

— Спѣшите на пароходъ вмѣстѣ съ супругою Шваркина, а вы оставайтесь со мною и принимайте видъ человѣка, какъ будто выслушивающаго со вниманіемъ мои замѣчанія... За нами наблюдаютъ... Мнѣ необходимо выиграть время и дожидаться момента смѣны караула... время приближается и мы скоро у цѣли...

Дѣйствительно, спустя нѣсколько минутъ патруль смѣнился и полицейскій, вмѣстѣ съ Шваркинымъ смѣло направились къ шведскому пароходу.

Въ виду многолюдности и сутолоки на пароходѣ, никакъ нельзя было вручить полицейскому обѣщаннаго вознагражденія, но когда бѣглецы устроились въ каютахъ, розыскавъ свои чемоданы, Шваркинъ замѣтилъ, что представитель нѣмецкой полицейской власти стоитъ спиной къ опустившимся занавѣскамъ каютъ.

Сейчасъ же онъ поспѣшилъ къ окну и сунулъ въ руку полицейскаго сто марокъ.

Зажавъ кредитныя бумажки, вкормивъ нѣмецъ исчезъ въ толпѣ, а пароходъ ровно въ 5 часовъ отчалилъ отъ берега.

Забравшись въ уголокъ каюты, бѣглецы были заняты однимъ вопросомъ:

— А вдругъ спохватятся и на границѣ насъ арестуютъ?

Но къ счастью, этого не случилось и, въ продолженіе всего пути слѣдованія въ Россію, путешественниковъ болѣе никто не беспокоилъ и они благополучно добрались до русской границы и тогда лишь свободно

и облегченно вздохнули полною, грудью, когда увидѣли предъ собою Русскаго жандарма.

Такъ дешево отдѣлались наши соотечественники отъ нѣмецкихъ разстрѣловъ, благодаря великодушю тайнаго совѣтника Кигельмана и подкупа нѣмецкаго полицейскаго чина.

Г. Шило.

Собств. журнала *Вешня Воды*.

Утро въ деревнѣ.

Какъ ярко сегодня горячее солнце!
Какъ пахнетъ душистой травой!
И воздухъ въ избушку сквозь щели оконца
Врывается теплой струей.
Пойти, развѣ, въ поле, гдѣ тихо и плавно
Колосья какъ будто нлвуть,
Гдѣ дышется груди легко и отраднo,
Гдѣ синіе глазки такъ манятъ, зовуть?..
 Утро. Кругомъ еще дремлютъ безмолвно
 Мокрые листья и вѣтви деревъ.
 Слышно, какъ каркають вороны сонно,
 Слышится утреннй крикъ пѣтуховъ.
Вотъ оно—поле. Красивое, знойное
Золотомъ, словно, горитъ;
Все напоенное лаской привольною
Душу мою веселитъ.
Синіе глазки лукаво и нѣжно
Смотрятъ изъ-подъ золотистыхъ рѣсницъ,
Манятъ къ себѣ мотыльковъ бѣлоснѣжныхъ
Манятъ людей, насѣкомыхъ и птицъ.
Рву васильки и жестокой рукою
Мну ихъ, сплетая въ вѣнокъ.
Вижу, какъ плачетъ кристальной слезою
Смятый небесный цвѣтокъ.
Дальше иду я—лугъ предо мною
Раскинутъ, какъ пестрый коверъ,
Вѣтеръ по немъ пробѣгаетъ волною,
Тихій съ цвѣтами ведетъ разговоръ.
Много здѣсь яркой гвоздики и кашки,
Всюду одни лишь цвѣты!

Вѣтеръ головки стыдливой ромашки
Клонить до самой земли.
Трава подо мною блеститъ и искрится,
Мочить мнѣ ноги росой,
Гдѣ-то въ дали ручеекъ серебрится,
Плещется легкой волной.
Хочется влагой прозрачной и нѣжной
Тѣло свое освѣжить,
Хочется небомъ любуясь безбрежнымъ,
Тихо вдоль берега плыть.
Волны ласкаютъ мнѣ тѣло горячее,
Воды уносятъ меня,
Тихо, какъ будто бы лапкой кошачю
Ноги щекочетъ трава.
Небо одно лишь глубокое, знойное
Видитъ и грѣетъ меня,
Всѣмъ существомъ своимъ къ солнцу привольному
Жадно ласкаюся я.

Ярославль.

Марина Несытова.

Вдохновеніе.

Спятъ сѣдя безбрежныя дали
За моимъ потемнѣвшимъ окномъ,
И знакомая пѣсня печали
Ужъ слагается въ сердцѣ моемъ.
Тихо, тихо, обвивая крылами,
Свѣтлый гений слетаетъ ко мнѣ,—
Весь въ какомъ-то небесномъ сіяніи,
Съ златострунную лирой въ рукѣ...
И помимо меня, торопливо
Зарождаются въ сердцѣ слова..
Струны нѣжно звенятъ, и пугливо
Вторитъ имъ эта пѣсня моя..
Въ этотъ мигъ мнѣ такъ чудно, такъ вольно.
Такъ экстазъ опьяняетъ меня!
Вдругъ внезапно, мучительна больно
Мое сердце сжимаетъ тоска..
Почему?—Не могу дать отвѣта --
Потому ль, что кругомъ меня тьма,
Потому ли, что жаждетъ просвѣта
И участія больная душа?—
Я не знаю, но съ этой тоскою,
Обуявшею всю меня вдругъ,
Просыпается въ сердцѣ порою
Мой живительный сладкій недугъ
Вдохновенья. Я съ нимъ неразлучна,
Хоть не знаю годами порой,
Но во мнѣ онъ живетъ. И какъ туча
Прорывается робкой слезой,
Такъ и въ сердцѣ въ минуты ненастья,

Въ темный мигъ безпричинной тоски,
Прорывается облако счастьемъ,—
Тихой пѣсней, пѣсней души...
И въ тѣхъ звукахъ рожденныхъ внезапно
Изъ груди наболѣвшей моей,
Въ тѣхъ созвучьяхъ, мнѣ лишь понятныхъ,
Вижу смыслъ всей жизни своей.
И безъ нихъ, безъ тѣхъ краткихъ мгновений,
Когда мысль царить въ небесахъ,
Когда сердце полно вдохновенія,
Я считала бы жизньъ въ потьмахъ.

Марина Несытова.

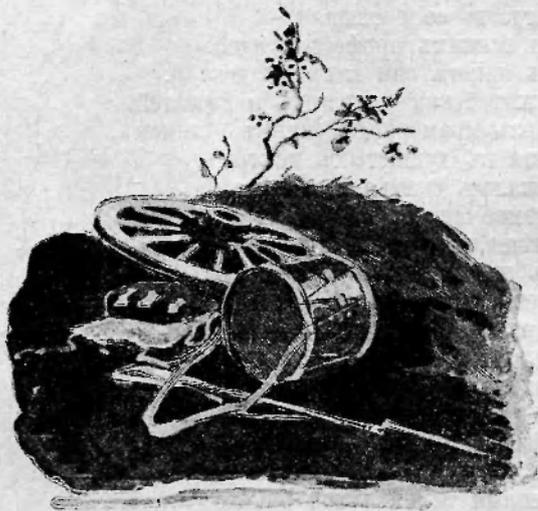
Забытая скамья.

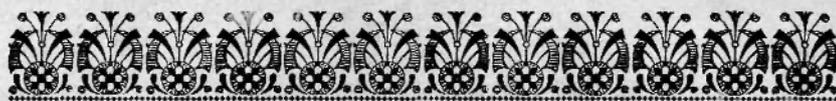
Надъ обрывомъ, гдѣ,—то замирая,
То клокоча, змѣится рѣка,
Живописно плющемъ увитая
Съ давнихъ поръ прютилась скамья.
Одинокая, всѣми забытая
Здѣсь стоитъ она много вѣковъ,
Вся столѣтнею пылью покрытая
И сухими листьями деревъ.
А когда-то ее посѣщали
Люди всякихъ профессій, идей.
Здѣсь пріютъ они какъ бы искали,
Отъ житейскихъ невзгодъ и страстей.
Вся изъ мрамора, съ синимъ отливомъ,
Утопая въ душистыхъ цвѣтахъ,
Отражалась скамья горделиво
Въ темно-синихъ глубокихъ водахъ.
И сѣшили къ ней всѣ: одиноко
Здѣсь паломникъ когда-то сидѣлъ,
Съ безысходною грустью глубокой
Онъ на бурныя волны смотрѣлъ.
Здѣсь когда то рѣзвились дѣти,
Отдыхала здѣсь старость порой,
И не разъ растилалъ свои сѣти
Загорѣлый рыбакъ молодой.
Здѣсь нерѣдко мелькали двѣ тѣни,
Озаренныя тихой луной
И подъ шопотъ душистой сирени
Здѣсь звучалъ поцѣлуй молодой
Гдѣ то дальнее время родное?—

Не вернется оно никогда:
Какъ все въ мірѣ забылось бывшее,
Такъ забылась и эта скамья,—
И теперь одиноко, забытая
Приютилась въ сторонкѣ она
Паутиной и пылью покрытая
И, какъ вечеръ осенній, темна.
И рѣка не бушуетъ, какъ прежде,
А струится и тихо журчитъ,
Только вѣтеръ осенній мятежный
Все по-прежнему злобно гудитъ.
И никто на скамью не заглянетъ,
Лишь пастухъ, да и то иногда
Невеселую пѣсню затянетъ
Про людскія страданья..
И несется та пѣсня уныло,
И летитъ къ присмирѣвшей рѣкѣ,
Гдѣ ей внемлетъ сосна, сиротливо
Прислонившись къ забытой скамьѣ...

Ярославль.

Марина Несытова.

ИЗЪ ЖИЗНИ.

(Фантазія).

Пѣвцомъ земли и радостей ея хотѣлъ бы быть.
Быть правды глашатаемъ: пѣть гимны красотѣ,
Чтобъ жизнь горѣла: что-бъ быть природы властелиномъ,
Что-бъ славить солнца красоту...

— Такимъ хотѣлъ бы быть, такимъ—и умереть, дорогу давъ
другимъ.—

Но жизнь проклятая!.. Гдѣ радости твои?! гдѣ правда?!.. гдѣ
солнце?!.. красота?!!

Рукой безжалостной ты злобно и солнцу съ правдою и радость
унесла.

И задыхаясь въ тьмѣ, ты бросила меня на грудь тѣль.— Они
стремились, какъ и я—все выше, выше.. А сама, оскаливъ зубы, ты
молча лишь ждала.—

И вотъ .. ужъ солнце!—

Его лучамъ я грудь измученну подставилъ, и точно звѣрь, рыча,
впиваясь въ горло братьевъ, я путь пройденный ихъ тѣлами устилалъ...

Когда-жъ достигъ я высоты и уха моего ужъ достигалъ волшебный
звукъ свободы поднебесья...—

Тогда-жъ.. тогда.. О, боги!!!.—

— Какъ жалкіи червь, я съ хохотомъ низринуть былъ опять во
мглу...

Студентъ Южный.

Затворилися двери моей кельи печальной,
И слышался тихій, грустный звонъ погребальный.

Я сижу въ непонятной тоскѣ...

И мнѣ вспомнилось время, когда я съ нимъ сидѣла,
И тогда я все счастья еще больше хотѣла,

И гадала о немъ на цвѣткѣ:

— «Любить или не любить?» я въ боязни шептала,
Лепесточки ромашки на дорогу роняла,

Онъ глядѣлъ, улыбаяся мнѣ.
А кругомъ вся природа такъ цвѣла и звенѣла!
Пара бабочекъ легкихъ мимо насъ пролетѣла,
И сказалъ онъ, какъ будто во снѣ:
— «Эти бабочки знаютъ нашу тайну съ тобою.
И онѣ тоже любятъ веселиться весною,
Погадай, посмотрѣвши на нихъ!»
Знать тогда я не знала, не повѣрила бь даже,
Что въ послѣдній разъ слышу эти рѣчи Тогда же
Я не знала, что счастье—мигъ.—
Тихо въ келью пробрался лучъ свѣтила могучий...
«Любить, или не любить?»—вдругъ сорвался горючий
Вдохъ, и хлынули слезы изъ глазъ:
Въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ крылья мнѣ показались
Пары бабочекъ легкихъ—и въ пространство умчались.
Лучъ сверкающій медленно гасъ...
Постучалися тихо въ двери кельи печальной,
И послышался громче скучный звонъ погребальный,
Призывающій къ клиросу гласъ.

Студентъ Меласъ.

Пресвятая Богородица.

Покоряйся вельньямъ Судьбы.

Если Жизнь есть арена борьбы
На горячемъ кровавомъ пескѣ,
Покоряйся вельньямъ Судьбы!
Но не жди ихъ въ безмолвной тоскѣ!

Гладиаторы или рабы
Изъ далекихъ невѣдомыхъ странъ,
Покоряйтесь вельньямъ Судьбы.
Погибая отъ муки и ранъ.

Безъ рыданья, безъ стона мольбы,
Съ окровавленной сталью въ рукахъ,
Покоряйтесь вельньямъ Судьбы,
Безъ проклятiя въ сжатыхъ устахъ...

Если Жизнь есть арена борьбы
Въ раскаленномъ кровавомъ пескѣ,
Покоряйся вельньямъ Судьбы,
Но не жди ихъ въ безсильной тоскѣ!

Зиновiи Березанскiй.

Старо, какъ міръ.

Пошлость, о пошлость людская!
Кто тебя создалъ безсмертной?
Мысль безконечно—тупая?
Богъ или первый же смертный?

Нѣтъ, ты родилась, конечно.
Вмѣстѣ съ людскою толпой.
Тупость твоя безконечна.
Грязь твоя всюду съ тобой.

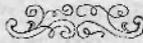
Богъ сотворилъ человѣка
Въ день мірозданья шестой;
Пошлость, о пошлость! Отъ вѣка
Жизнь породнилась съ тобой.

Зиновій Березанскій.

Вѣрочка.

Вѣра никогда не отличалась особенной веселостью, а теперь она болѣе чѣмъ когда либо грустна. Не блестятъ ея черные глаза вишенки. Злая кручина забралась въ ея сердце и мутитъ духъ. И какъ не грустить! Чѣмъ она—Вѣра—очень способная, смѣшленная дѣвица—хуже своихъ подругъ? Почему многія изъ этихъ подругъ, во многомъ ей уступающія, ѣдутъ, счастливыя, учиться на курсы а она должно остаться въ противномъ, захолустномъ, давно ей надѣвшемъ городишкѣ? Развѣ только по причинѣ одного изъ ихъ преимуществъ; именно того, что онѣ со средствами, а Вѣра бѣдна. Ей нужно прожить самой и поднять на ноги маленькаго братишку. Она сирота. Благодаря тому, что Фортуна со своимъ золотымъ колесомъ случайно не замѣтила ее и прокатилась мимо, она должна теперь остаться безъ вышаго образованія и занять должность учительницы въ маленькой школѣ. А она такъ не любитъ учительствованія; въ ней нѣтъ ни капли призванія къ этой благословенной работѣ. Такова судьба!

Тяжело Вѣрочкѣ. Какой то твердый комокъ подкатывается къ горлу; что то тяжелое давить на грудь; невольныя слезы заволакиваютъ глаза; ея небольшая, стройная фигурка вздрагиваетъ...

— Да, да. Должна остаться. Такова судьба! Ничего,—за меня братъ будетъ учиться.

При мысли о братѣ Вѣрочка оживляется. Она такъ любитъ его! Вѣрочка встаетъ съ подоконника, на которомъ сидѣла у открытаго окна, подходитъ къ брату-славному, веселому, бойкому девятилѣтнему мальчугану—обнимаетъ его и крѣпко цѣлуетъ.

— Коля, ты хорошо будешь учиться?—спрашиваетъ она его, заглядывая въ лукавые глаза.

— Да.—отвѣчаетъ увѣренно Коля,—я выдержалъ экзаменъ въ гимназію и буду учиться всегда первымъ.

— Молодецъ. Ты будешь учиться, а я, на тебя глядя, радоваться.

Коля какъ будто не понялъ словъ сестры; да ему и не до нихъ было: онъ замѣтилъ въ открытое окно товарища, дѣлавшаго ему таинственные знаки, и поспѣшилъ выбраться на улицу, сказавъ сестрѣ, что пойдетъ къ знакомому мальчику за очень интересной книжкой. Вѣрочка, улыбувшись, потрепала его по щекѣ.

Когда ушелъ Коля, Вѣрочка подошла къ этажеркѣ съ книгами, выбрала одну изъ нихъ и поставила ее на корешокъ: книга сама открылась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежала карточка Миши. Миша тоже какъ и Вѣра, окончилъ въ этомъ году гимназію; теперь онъ уже «студентъ-медикъ», какъ значится на его визитныхъ карточкахъ. Вѣра долго смотрѣла на карточку. Одно мгновеніе въ ней было появилось желаніе поцѣловать ее; но потомъ раздумала и снова положила на старое мѣсто.

Спрятавъ карточку, Вѣра стала одѣваться.

Немного подумавъ, она достала бѣлое платье, которое такъ шло къ ней и которое такъ любитъ Миша за его простоту. Вѣра въ своемъ бѣломъ платьѣ, въ соломенной шляпѣ съ скромнымъ украшеніемъ, была положительно красива. Захвативъ зонтикъ и перчатки, Вѣрочка вышла своей свободной походкой на улицу и направилась къ городскому саду, гдѣ должна была встрѣтиться сегодня съ Мишей. На ея невысокомъ, крутомъ лобикѣ появилась морщинка. Она задумалась. Снова начали перебѣгать въ головѣ одна за другой невеселыя мысли.

Ей такъ хочется уйти въ жизнь, шумную, подвижную, а не оставаться въ этой дырѣ... Но какъ, какъ это сдѣлать? Нужны деньги, а ихъ нѣтъ. Остается одна маленькая надежда на Мишу. Но вѣдь онъ самъ бѣдный, ему самому нужно перебиваться по крайней мѣрѣ два года, чтобы немного оправиться. Какъ быть, какъ быть? Страшный вопросъ который не могла разрѣшить ея маленькая головка....

* * *

Вѣрочка вошла въ садъ и направилась въ самый дальній и уютный уголь. Миша уже сидѣлъ тамъ на скамейкѣ, о чемъ-то крѣпко задумавшись. Заслышавъ шаги, онъ поднялъ голову и, узнавъ Вѣру, поднялся ей навстрѣчу.

— Ты уже здѣсь Миша? Здравствуй!

Вѣрочка протянула ему руку, съ которой за минуту передъ тѣмъ сняла перчатку, такъ какъ знала, что Миша ее поцѣлуетъ, а она не хотѣла, чтобы онъ цѣловалъ перчатку.

— Да, уже съ полчаса дорогая Вѣрусенька, поджидаю тебя.— Миша взялъ ея ручку, съ блестящими и остриженными клинышками ноготками; она свободно помѣстилась въ его широкой рукѣ.

— Извини, что запоздала.

— Нѣтъ, не извиняю; изволь мнѣ заплатить штрафомъ.— Миша привлекъ ее къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ.

— А насъ не увидятъ?

— Кто насъ можетъ увидѣть, Вѣрочка, въ такой часъ да еще въ такомъ укромномъ мѣстечкѣ?

Миша досталъ часы и посмотрѣлъ время.

— А знаешь, Вѣра, я съ тебя штрафъ взялъ напрасно: ты пришла во время.

— Ахъ, гадкій обманщикъ, — притворно разсердилась Вѣра, — изволь немедленно возвратить взятое обратно.

— Съ глубокимъ прискорбіемъ подчиняюсь приказанію начальства. Снова послѣдовалъ долгій поцѣлуй.

Вѣра и Миша усѣлись на густо разросшуюся, высокую траву.

— Итакъ, Миша, ты завтра уѣзжаешь?

— Да, Вѣрочка, завтра я долженъ уѣхать.

— Какъ я завидую тебѣ Миша; да и не только тебѣ, а и всѣмъ ѣдущимъ. Счастливые, всѣ ѣдутъ учиться. Увидятъ столицу, шумъ, жизнь...

— Нѣтъ, Вѣруся, ты немножко не такъ разсуждаешь. Тѣ, которые ѣдутъ учиться, врядъ ли станутъ тратить золотое время на то, чтобы посмотреть жизнь, шумъ въ томъ ихъ плохомъ смыслѣ, какъ многіе понимаютъ. То не шумъ, не жизнь, а грязь, развратъ. А чтобы это увидѣть не нужно ѣздить въ столицу: этого вездѣ много.

— Да, но въ столицѣ театры, музеи, картинныя галереи и мало ли еще чего интереснаго.

— Это уже искусство, культура, наука; то именно, что сильно меня прельщаетъ въ столицѣ, а шумъ, сутолока, постоянное движеніе сильно меня пугаютъ, — это все отвлекаетъ отъ работы, мѣшаетъ.

— Съ какой-бы охотой я поѣхала учиться!

— Подожди, Вѣрусенька, придетъ и на нашу улицу праздникъ. Учиться никогда не поздно. Пройдетъ года два-три; я буду имѣть постоянный заработокъ; а тамъ и ты станешь учиться...

Миша началъ развивать передъ Вѣрой широкіе планы будущей жизни. Должно быть планы эти сильно его занимали. Онъ и раньше не разъ говорилъ съ Вѣрой о будущемъ. Теперь же въ его словахъ и голосѣ слышалась какая-то особенная увѣренность. Видимо, онъ вполне опредѣленно созналъ важность и отвѣтственность будущаго и рѣшилъ дѣйствовать по строго выработанной программѣ. Вѣра слушала его и — она сама себя стыдилась сознаться въ этомъ — ей порой становилось скучно и хотѣлось зѣвать; но она сдерживалась, боясь обидѣть Мишу. Она знала, что все будетъ такъ, какъ говорилъ Миша, ибо знала его упрямство въ достиженіи намѣченной цѣли. Но только того, о чемъ говорилъ Миша, ей было мало. Все время трудъ, наука, работа... Это скучно, прозаично. А она хочетъ жизни — той, которую Миша назвалъ «грязью», «развратомъ»; хотя можетъ быть и не совсѣмъ той, но похожей на нее.

Было уже темно, когда Вѣра просталась съ Мишей у воротъ своего дома.

— Смотри-же, Миша, не забывай! Пиши съ дороги; пиши, когда пріѣдешь, какъ устроишься, какія впечатлѣнія, словомъ обо всемъ. Слышишь!

— Конечно, Вѣруся. Но надѣюсь, что и ты не будешь молчать и возможно чаще и аккуратнѣе отвѣчать на письма. А?..

— Ну, конечно.

— Такъ то-то же: а то я буду сердиться.

— Пожалуйста, — безъ глупостей. Ты не вздумай завтра на меня сердиться, что я не приду на вокзалъ.

— Завтра я не буду сердиться, ибо знаю причину.

— Ну, а теперь до свиданія.—Вѣра быстро обняла и поцѣловала Мишу.—Поѣзжай съ Богомъ. Дай Богъ тебѣ счастья и успѣха во всемъ.

Вѣра скрылась за калиткой. Миша посмотрѣлъ ей вслѣдъ, повернулся и понуря голову, направился домой. Мишѣ было слишкомъ тяжело разставаться съ Вѣрой: крѣпка была его привязанность къ ней.

Не прошелъ онъ и десяти шаговъ, какъ услышалъ дорогой голосокъ, произносившій его имя:

— Миша!

Онъ обернулся. Вѣра быстро подошла къ нему, перекрестила его, поцѣловала и снова упорхнула за калитку.

— Теперь уже на долго, на восемь мѣсяцевъ—подумалъ Миша, смотря на калитку, за которой была теперь Вѣра.

* * *

Прошло два мѣсяца со времени послѣдняго свиданія Вѣры и Миши въ городскомъ саду. На другой день послѣ свиданія Миша, какъ и собирался, уѣхалъ. Вѣра не ходила провожать его на вокзалъ, такъ какъ не хотѣла, чтобы кто нибудь могъ подумать о ихъ близкихъ отношеніяхъ. Настроеніе ея въ день отъѣзда Миши было тяжелое. Ее мучило сознание того, что она что-то въ этотъ день теряетъ; любимый ею человекъ еще здѣсь въ городѣ, а его уже какъ будто и нѣтъ; она еще можетъ его увидѣть, но уже не увидитъ. Временами у нея появлялось непреодолимое желаніе пойти вызвать его, поговорить еще въ послѣдніи разъ. Вѣра уже бралась не разъ за шляпу, но, подумавъ минуту, откладывала ее и оставалась дома.

Наконецъ, за полчаса до отхода поѣзда она, рѣшившись твердо, одѣлась и пошла на вокзалъ. Однако, почти въ самомъ вокзалѣ въ ней снова стали бороться какія то двѣ силы и... она вернулась домой, не увидавъ Миши.

Черезъ двѣ недѣли у Вѣры начались занятія въ школѣ. Къ первымъ урокамъ она усиленно готовилась: писала конспекты, заучивала, читала различныя пособія. На урокахъ страшно волновалась; и не такъ на урокахъ, какъ передъ уроками. Первое время она не знала, какъ войти въ классъ, гдѣ на нее съ любопытствомъ, какъ на новую учительницу, уставятся десятки глазъ; ей казалось, что она должна вотъ-вотъ «срѣзаться», запутаться въ объясненіи; мучилась тѣмъ, что ученики могутъ ее не понять.

Однако, все это довольно скоро прошло,—и къ серединѣ второго мѣсяца она уже перестала готовиться къ урокамъ и писать конспекты; на урокъ шла увѣренно, безъ всякой подготовки.

Когда были различныя тревоженія,—конспекты и прочее, Вѣра еще сравнительно не замѣчала времени; когда же эти тревоженія улеглись и свободного времени стало больше, оно какъ то и пошло скучнѣе. Дѣлать было нечего. Мало интересная для нея работа не занимала ее и она все чаще и чаще задумывалась о болѣе интересной жизни, которая въ перспективѣ хотя и весьма отдаленной, все таки ей улыбалась. Попробовала Вѣра заняться изученіемъ языковъ. Купила пособія, учебники. Дня три-четыре была аккуратна, занималась, учила слова, задавала сама себѣ уроки, а черезъ недѣлю забросила: утомительно, нудно, тяжело и скучно.

Письма отъ Миши она получала часто. Писалъ онъ ей обо всемъ: о своемъ путешествіи, о первыхъ, пока еще поверхностныхъ на блюдаеніяхъ, описывалъ въ комическомъ духѣ процессъ наниманія квартиры, первыя знакомства, писалъ и о многомъ другомъ. Письма всѣ были хорошія; вѣяло отъ нихъ живой мыслью, видно было желаніе работать, чувствовалась энергія, сила бодрости. Мишины письма поддерживали ея настроеніе. Послѣ полученія каждаго изъ нихъ она шла на урокъ съ большою охотой; это была работа, «а работа ведетъ къ благу»,—писалъ ей Миша И все-таки, не смотря на эти временные подъемы духа и настроенія, все-таки было скучно. Тоска, одиночество заѣдали Вѣру. Это одиночество заставило Вѣру сойтись съ ея помощницей по школѣ, младшей учительницей—Софией Михайловной.

Софія Михайловна была любопытное существо. Не пройдя педагогическаго класса гимназіи, она какъ-то умудрилась попасть въ учительницы. Въ учительницы шла она не по призванію, а такъ, лишь бы только куда нибудь пристроиться. Особа она была способностей ограниченныхъ; довольно много о себѣ мнила; на видъ скромна, однако считалась многими въ городѣ дѣвицей довольно шаловливаго поведенія; обладала милостивой фізіономіей и очень видной, хотя немного плоской, фигуркой; всегда выглядѣла свѣжей; искусно подводила брови. Школьными дѣлами совершенно не интересовалась или, во всякомъ случаѣ, очень мало,—по столыку, по сколько это являлось крайней необходимостью. Время проводила весело. Была ярой поклонницей заграничнаго; сравнительно часто ее можно было видѣть развѣзжающей или гуляющей съ компаніей нѣмцевъ (близъ города была фабрика, гдѣ было не мало нѣмцевъ). Однако чего-нибудь неприличнаго не дѣлала: вела себя корректно, по крайней мѣрѣ при посторонней публикѣ.

Вѣра сначала была съ Софией Михайловной холодна. Она ей не нравилась по какимъ то такимъ причинамъ, которыя никакъ, при всемъ желаніи, не истолкуешь. Есть такія черты въ характерѣ людей; иной всѣмъ хорошъ: симпатиченъ, остроуменъ, добръ. Казалось бы его только и полюбить. Такъ нѣтъ, есть что-то такое скрытое, страшно непріятное, отталкивающее, а что это такое—не назовешь. Такая особенность была и

въ характерѣ, а можетъ быть и во внѣшности Софіи Михайловны. Постороннему очень часто становилось жаль ее.

Сближеніе между Вѣрой и Софіей Михайловной произошло благодаря совѣмъ пустяшному случаю. Пришла одинъ разъ Софія Михайловна въ школу въ новый кофть, очень оригинальнаго покроя. Кофта понравилась Вѣрѣ. Въ одну изъ перемѣнъ Вѣра подошла къ Софьѣ Михайловнѣ.

— Скажите пожалуйста, Софія Михайловна, вы сами сшили кофточку?

Софіи Михайловнѣ польстило, что Вѣра—„гордячка“, какъ она ее про себя называла, заговорила съ ней сама о дѣлѣ совершенно постороннемъ. Она поспѣшила отвѣтить:

— Да, Вѣра Николаевна, сама. Правда, оригинальный покрой? И она очень удобна...

— Мнѣ ваша кофточка очень нравится.

— Ее такъ просто кроить. У меня сохранились еще выкройки. Хотите, я вамъ занесу ихъ?

— Ахъ, пожалуйста, если это не будетъ вамъ трудно. Я буду вамъ очень благодарна. У меня кстати есть и матерія. Я недавно купила.

Вечеромъ того же дня Софія Михайловна занесла къ Вѣрѣ выкройки. Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого вечера Вѣра называла Софію Михайловну просто Соней, а та ее—Вѣрой и уже были на „ты“.

* * *

Приближался декабрь. Въ томъ городишкѣ, гдѣ жила Вѣра, съ давнихъ поръ, изъ года въ годъ было заведено устраивать на третій день Рождества балъ-маскарадъ. Почему онъ устраивался обязательно на третій, а не на четвертый или второй день; почему именно маскарадъ, а не просто вечеръ? На это пожалуй никто изъ жителей всего города не отвѣтилъ бы. Такъ привыкли. Неотмѣнной, также изстари заведенной принадлежностью этого бала маскарада являлись призы: полдюжины чайныхъ серебряныхъ ложекъ, подстаканникъ, часы и еще что нибудь въ этомъ родѣ. Къ балу всегда, какъ оно и должно быть, усиленно готовились. Готовилась на этотъ разъ и Вѣрочка. Когда она была гимназисткой, она не имѣла права бывать на маскарадѣ; ну, а теперь она—человѣкъ взрослый, самостоятельный; доступъ вездѣ открытъ.

Забѣгала къ ней очень часто Соня посовѣтоваться относительно костюма. Приносила ей рисунки, выкройки.

— Ахъ, Вѣра,—начала въ одно изъ своихъ посѣщеній Соня, едва переступивъ порогъ—какой чудесный костюмъ я для тебя придумала. Онъ хотя и старинный, извѣстный, но къ тебѣ очень подойдетъ. Знаешь что: одѣться принцемъ. Ботинки съ высокими каблуками, шпагу, длинные чулки, коротенькія штанишки въ обтяжку. Прямо прелесть! Всѣхъ мужчинъ заворозишь!

Вѣру немного покоробили послѣднія слова Сони.

— Костюмъ принца, конечно, хорошъ; но зачѣмъ же я буду показывать свои обтянутыя ноги мужчинамъ?—подумала она про себя, а Соня отвѣтила, немного смутившись:—Да, это хорошии костюмъ. Я сама думала; но его трудно достать, а шить—дорого.

— Ну, вотъ глупости. Всегда достанемъ, а если и нѣтъ, то, я думаю, можно разъ въ годъ потратить нѣсколько рублей на удовольствіе.

— А вѣдь она права,—подумала Вѣра,—почему я должна себѣ во всемъ отказывать? Миша тоже, какъ ни нуждается, а въ театръ ходитъ. Конечно, я себѣ доставлю это удовольствіе.

— Для тебя,—продолжала Соня,—онъ положительно будетъ прелестенъ. У тебя очень стройныя ноги; талія превосходна, даже безъ корсета.

Вѣрѣ было непріятно слушать подобнаго рода разсужденія Сони. Соня ей въ эту минуту не нравилась.

— Итакъ, Вѣра, я на этихъ дняхъ достану рисунки, а можетъ быть даже и выкройки и мы примемся за твой костюмъ. Мой уже почти готовъ. Я тебѣ его потомъ покажу. А сейчасъ я спѣшу домой.

— Я чувствую, Вѣра, остановилась Соня въ дверяхъ, что на вечерѣ будетъ расчудесно... Будемъ танцовать, бѣситься. Я тебя познакомлю съ моими нѣмцами. Вотъ нахохочешься! Ну, до свиданія. Совсѣмъ заболтались!..

Соня ушла. Вѣра начала было прибирать въ комнатѣ, но вспомнила, что у нея еще не провѣрены тетради учениковъ. Съ тоской она принялась за скучную работу,

Работа съ тетрадями какъ то не клеится и Вѣра ее скоро бросаетъ. Дѣлать нечего, а безъ дѣла скучно.

Вѣра пришла къ столику, достала изъ ящика Мишины письма и начала ихъ перечитывать. Ей, собственно, хотѣлось прочитать одно изъ его послѣднихъ писемъ. Вѣра его быстро отыскала.

„Я тебѣ говорилъ какъ то мелькомъ,—писалъ Миша,—что по всей вѣроятности изберу своей специальностью венерическія болѣзни. Эти болѣзни не страшны, какъ таковыя, по существу, хотя о нихъ и говорятъ много. Страшны только ихъ послѣдствія: прогрессивный параличъ, сумасшествіе, слѣпорожденныя дѣти и т. д. При всемъ томъ эти болѣзни очень заразительны. Достаточно того, чтобы незначительная доля крови больного человѣка попала въ кровь здороваго и здоровый становится больнымъ. Я, какъ врачъ долженъ буду приходиться въ соприкосновеніе съ больными. Простая случайность—и я болѣнъ. Я посвятилъ себя этому дѣлу: я не буду раскаиваться, если заражусь. Но, скажи мнѣ, какое я имѣю право переносить заразу въ мою семью? Чтобы меня проклинали? Я этого не хочу. Слышишь, Вѣра, не хочу! И говорю тебѣ заранѣе, что всегда свободна въ своемъ выборѣ“...

Припомнился Вѣрѣ и ея отвѣтъ на это письмо. „Я вполне согласна съ тобой, Миша, что твоя работа крайне опасна; но я за себя не боюсь.

Гдѣ будешь ты, тамъ и я съ тобой. Спасибо тебѣ, что не связываешь меня ничѣмъ. Однако этого мнѣ не нужно. Я много думала надъ

твоимъ письмомъ и твердо рѣшила, что буду твоей или ничьей. Ты не смѣй и думать, что я тебя упрекну въ чемъ либо. Я рѣшилась добровольно. (Вѣдь ты меня не принуждаешь къ этому, а наоборотъ — даешь полную свободу) и повѣрь мнѣ, — я не заставлю тебя раскаиваться. А ты, если только любишь меня, обязанъ принять мою жертву“.

Вѣра сидѣла, задумавшись. Въ комнату вошелъ ее братъ.

— Вѣрочка, ты сегодня не пойдешь гулять на вокзалъ?

Вѣра очнулась.

— Что? На вокзалъ? А развѣ еще не поздно?

— Нѣтъ, еще только семь часовъ.

— Я вижу, — тебѣ очень хочется пойти на вокзалъ? А?

Коля молчалъ.

— Ну, если не поздно, то одѣвайся и пойдемъ.

— Нѣтъ, Вѣра, я сегодня на вокзалъ не пойду, потому что у меня еще не сдѣлана одна задача.

— А—а! Ну въ такомъ случаѣ я тебя и не возьму. Изволь рѣшать задачу. Къ моему приходу, чтобы была рѣшена.

Поездъ уже прибылъ, когда Вѣра вошла въ вокзалъ. Черезъ буфетъ второго класса она направилась на перронъ чтобы посмотрѣть проезжающую публику. При выходѣ она встрѣтилась съ Соней, за которой слѣдовалъ какой-то господинъ Вѣра раскланялась, съ Соней и прошла своей дорогой.

— Если не ошибаюсь, — замѣтилъ Сонѣ сопровождающій ее, — это ваше начальство.

— Да это наша старшая учительница. Правда интересная?

— Да, достаточно, чтобы заинтересовать собой кого либо

— Напримѣръ васъ? Хотите я познакомлю. Надѣюсь — раскаиваться не станете.

— Я съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ, если вы будете настолько добры.

— Ну, тутъ особенной моей доброты не нужно. А вотъ, кстати, и она — Вѣра, Вѣра! — Позвала ее Соня, на одну минуту. — Соня пошла навстрѣчу къ Вѣрѣ. Господинъ что то ей сказалъ, а можетъ быть и нѣтъ, но во всякомъ случаѣ она вернулась снова къ нему. Въ это время приблизилась и Вѣра.

— Ты меня звала, Соня?

— Да, я что то хотѣла у тебя спросить, однако вотъ этотъ пренесносный человекъ перебилъ меня и я забыла. — Проговорила Соня, указывая на своего собесѣдника.

— Почему же, Софія Михайловна, я пренесносный? Я готовъ обидѣться.

— Сколько хотите. Однако, вы незнакомы господа? Знакомтесь. Это мое начальство Вѣра Николаевна.

— Стебель Федоръ Васильевичъ, отрекомендовался господинъ ловко расшаркавшись. — Вѣру Николаевну я имѣлъ счастье и раньше знать.

Вѣра посмотрѣла на него, протягивая руку. Передъ ней стоялъ стройный мужчина, лѣтъ подь тридцать: брюнетъ; съ черными глазами и довольно большими синяками подь глазами (видно отъ бессонницы или другой какой причины), блѣдный. На первый взглядъ онъ ей показался довольно интересный. Не понравилось ей выраженіе глазъ: было въ нихъ что то наглое.

— А мнѣ кажется,—отвѣтила Вѣра,—что я васъ въ первый разъ вижу. Хотя можетъ быть и видѣла гдѣ нибудь, но, право не помню.

— Я видѣлъ васъ на лекціи. Можетъ быть помните, читалъ заѣзжій лекторъ.

— Это въ прошломъ мѣсяцѣ? Да помню.

Вѣра снова посмотрѣла на Стебеля и, странно, наглость въ его взглядѣ, которая ей не понравилась при знакомствѣ, исчезла. Физиономія его казалась ей очень симпатичной.

— Знаешь, Вѣра,—заговорила Соня,—Федоръ Васильевичъ будетъ на маскарадѣ и говорить, что обязательно насъ узнаетъ, хотя я ему и не говорила въ какихъ костюмахъ мы будемъ. Пожалуйста не говори и ты. Онъ ужасно хитро выпытываетъ.

— Ну, вотъ, Софія Михайловна, почему же хитро? Я просто любопытствовала.

— Любопытство—порокъ,—замѣтила Вѣра.

— Право, было бы интереснѣе на вечерѣ быть въ кругу знакомыхъ. Мы бы, я думаю, смогли весело провести время. Вы какого мнѣнія относительно этого, Вѣра Николаевна?

— Я съ вами вполне согласна. Дѣло за маленькимъ: узнайте, и мы будемъ тогда въ кругу знакомыхъ.

— А! Вы также однѣхъ мыслей съ Софіей Михайловной. Отлично же! Первой моей задачей на вечерѣ будетъ,—отыскать васъ. Это я сумѣю сдѣлать.

— Смотрите не ошибитесь,—замѣтила Соня. Всѣ засмѣялись.

— Не беспокойтесь не ошибусь.

— Насчетъ этого вы ловки?

— Когда нужно будетъ, Софія Михайловна, я буду ловокъ.

— Однако, пора и домой,—проговорила Вѣра, ни къ кому отдѣльно не обращаясь, а такъ, для всѣхъ. Сдѣлала она это съ цѣлью: ей хотѣлось, чтобы Соня и Федоръ Васильевичъ, который ей уже нравился, ее проводили.

— Домой, такъ домой.—Сказала Соня, видимо угадавъ желаніе Вѣры.—Вы Федоръ Васильевичъ, конечно, насъ проводите?

— Обязательно. Это—моя священная обязанность.

— Даже священная!

— Ну конечно. Вообразите, что кто нибудь вздумаетъ обидѣть два... Ну какъ вамъ сказать. Два эфирныя прелестныя существа...

— Вы можетъ быть еще что нибудь прибавите,—перебила его Соня. Разговоръ принялъ игривое направленіе. Перебрасываясь шуточками,

комплиментами, незамѣтно дошли до дома Сони, а потомъ и до дома Вѣры.

— А я все-таки васъ узнаю на вечерѣ—проговорилъ Федоръ Васильевичъ, прощаясь съ Вѣрой и крѣпко пожимая ей руку.

— Посмотримъ. Ай! руку больно.

— Развѣ? Я такъ слабо...

— Всего хорошаго.

— Спокойной ночи!

— Удивительное дѣло, — подумала Вѣра, входя въ свою комнату. — Подрядчикъ а какой симпатичный. Миша такъ предубѣжденъ противъ ихъ, и столько наговорилъ мнѣ. Да; но вѣдь и Миша не ясновидецъ и ошибаться въ людяхъ можетъ, какъ обыкновенный смертный. Последняя фраза промелькнула у нея гдѣ то тамъ, далеко въ головѣ, глубже того мѣста, гдѣ происходитъ процессъ обыкновеннаго мышления.

* * *

Наступилъ, наконецъ, и день маскарада. Къ полудню Соня была уже со своимъ костюмомъ у Вѣры. Настроение у обѣихъ было великолѣпное: шутили, остряли, смѣялись. На балъ онѣ рѣшили отправиться отъ Вѣры.

Костюмъ Сони былъ оригиналенъ: лѣсная фея.

— Подъ низъ,—сообщила Соня, раскладывая свой костюмъ.—я надѣну трико тѣльнаго цвѣта, а сверху вотъ это платье изъ газа. Просвѣчивать сильно не будетъ, такъ какъ много складокъ. На головѣ будутъ цвѣты, тутъ ленты.

Въ половинѣ восьмого Соня и Вѣра начали одѣваться, а въ девять были въ зданіи собранія. Передъ входомъ онѣ одѣли маски. Вечеръ уже начался. Публики было много. Раздѣвшись, Соня и Вѣра начали пробираться въ общій залъ!

— Ишь—ты, какъ наглядно вырядились! — Состриль кто то въ толпѣ про Соню, а мамаша благовоспитаннаго семейства косо и недружелюбно на нее посмотрѣла. Соня, хотя и надѣялась, что будетъ просвѣчивать плохо, но все таки просвѣчивало.

Кавалеры нашлись. Начали танцовать вальсъ, потомъ другой танецъ, потомъ еще и еще. Вѣра немного устала. Желая отдохнуть она направилась въ сосѣднюю комнату, гдѣ было меньше народа. Вѣра прошла нарочно мимо Федора Васильевича; онъ ее не узналъ. Только что Вѣра переступила порогъ, какъ услышала надъ ухомъ чей-то голосъ; замѣтно нетрезвый.

— Эхъ и ножки же у тебя, маска! Хочешь красненькую? Поѣдемъ...

Вѣра растерялась. Выручилъ Федоръ Васильевичъ. Онъ узналъ ее уже давно, но не подавалъ виду. Оттолкнувъ грубо нахала, онъ подошелъ къ Вѣрѣ.

— А вотъ я васъ и узналъ, Вѣра Николаевна. Долженъ признаться съ большимъ трудомъ.

Вѣра искренно обрадовалась ему. Она была довольна, что Федоръ Васильевичъ выручилъ ее изъ столь неприятнаго положенія. Конечно ей было теперь не до того, чтобы скрываться, отпираться, что это именно она, говорить не своимъ голосомъ и т. д.

— Да я думаю, пора бы узнать. Мы съ Соней здѣсь слишкомъ давно.

— Какъ вамъ правится балъ? Весело-ли?

— Ахъ, да. Я все время танцую еще не пропустила ни одного танца; немножко устала.

— Сейчасъ будетъ мазурка. Я надѣюсь,—вы не откажетесь пройти со мною одинъ туръ?

— А если откажусь?—въ голосѣ Вѣры послышались игривыя нотки.

— О! Конечно я буду слишкомъ огорченъ; но не буду терять надежды и все таки попробую васъ упросить. Вы можетъ быть будете нѣсколько добрѣе.

Какъ разъ, когда Федоръ Васильевичъ договаривалъ послѣднїе слова, оркестръ грянулъ мазурку. Федоръ Васильевичъ поднялся и расшаркался, приглашая Вѣру. Танцевалъ Федоръ Васильевичъ легко, красиво; во время останавливался, ловко подхватывалъ за талю и съ шикомъ поворачивалъ. Когда онъ подхватывалъ Вѣру, чтобы повернуть, она чувствовала себя какъ въ люлькѣ: съ одной стороны его высокая, колесомъ, хотя немного мягкая грудь, а съ другой—удобно расположенная рука...

Мазурка кончена. Вѣра подъ руку съ Федоромъ Васильевичемъ пошли гулять. Встрѣтились съ Соней. Она шла съ однимъ изъ знакомыхъ нѣмцевъ.

— А! Вотъ вы гдѣ! А мы васъ ищемъ по всѣмъ комнатамъ. Ты незнакома, Вѣра?—проговорила Соня, показывая на нѣмца.—Это господинъ Штифельманъ; прекомическій господинъ, который очень плохо понимаетъ по русски и котораго можно въ глаза ругать онъ будетъ улыбаться. Въ общемъ мужчина симпатичный.

— Весьма лестная рекомендація,—отозвался Федоръ Васильевичъ.

— На вечеръ становится скучновато,—продолжала Соня, не обративъ вниманія на реплику подрядчика.—Вѣра, ты какого мнѣнія насчетъ предложенія Федора Васильевича?

— Какого предложенія?

— А вы еще не передали, Федоръ Васильевичъ?

— Нѣтъ еще. Я полагалъ, что Вѣра Николаевна знаетъ.

— Слушай, Вѣра, эти господа достали гдѣ-то превосходную тройку, саночки. Ёдемъ кататься!

— Какъ кататься? Куда кататься?—Вѣра немножко смутилась.

— Какъ кататься? Ну конечно на саняхъ, по улицѣ, за городъ! Уговорили! Согласна! Ёдемъ!

Соня подхватила Вѣру подъ руку и потащила одѣваться. Кавалеры не заставили себя ждать.

Вѣра можетъ быть и не поѣхала бы кататься, если бы она внимательно посмотрѣла на Стебеля. Въ его глазахъ снова появилось какое то неприятное выраженіе. Но Вѣра не посмотрѣла и поѣздка состоялась.

* * *

Мягко скользятъ сани по гладко укатанной дорогѣ. Морозный вѣтеръ бьетъ въ лицо. Приятно, когда сани вдругъ смаху подскочатъ на бугоркѣ. Духъ захватить, а потомъ какъ будто что то оборвется...

Вѣра сидитъ рядомъ съ Стебелемъ. Онъ крѣпко держитъ ее рукой, прижимая къ себѣ. Вѣрѣ это приятно. Напротивъ сидитъ Соня съ нѣмцемъ... Катаются уже долго, больше часа.

— Господа, я окончательно замерзла — заявляетъ рѣшительно Соня. — Я хочу грѣться.

Мягко скользятъ сани по гладко укатанной дорогѣ...

— О! вы замерзаете? Ja, ja, es ist sehr kalt, — отозвался Штифельманъ на слова Сони. — Ну такъ што. we deu wir, какъ это говорить по-русски, въ ресторанъ gehen; немножко trinken это пить шампанскъ...

Всѣ засмѣялись смѣшному выговору Штифельмана. Предложеніе однако одобрили и приняли. У Вѣры мелкнуло было минутное колебаніе, но здравый смыслъ взялъ верхъ.

— Почему бы и не поѣхать? — подумала она. — Федоръ Васильевичъ трезвый, да онъ такой симпатичный; нѣмецъ тоже трезвый; да, наконецъ, я же не маленькая!

Въ ресторанѣ заняли отдѣльный кабинетъ. Когда раздѣвались, Вѣра чувствовала себя довольно неловко. Ее смущали взгляды постороннихъ людей. Оставшись, однако, со своими, она оправилась.

— Господа,—заговорилъ Федоръ Васильевичъ,—я предложилъ бы основательно поужинать. Я думаю,—всѣ достаточно проголодались? Что касается меня, то я адски хочу ѣсть.

Ѣсть хотѣли всѣ и естественно, что согласились поужинать; нѣмецъ настоялъ на томъ, чтобы передъ ужиномъ распить бутылочку, дабы обогрѣться. Вѣрочка выпила полстаканчика. Настроение приподнялось. Подали ужинъ и къ ужину какое то сладенькое вино, которое очень понравилось Вѣрѣ. Она выпила его нѣсколько рюмочекъ. Стало совсѣмъ весело. Щеки ея разгорѣлись, глазки заблестѣли. Она была удивительно хороша. Послѣ ужина распили еще бутылочку. Потомъ начали, какъ малыя дѣти, играть въ жмурки, въ прятки. Было очень весело. Внезапно, какъ то случайно Соня и нѣмецъ куда то исчезли. Въ комнатѣ осталась Вѣра съ подрядчикомъ. У Вѣры кружилась немного голова. Она присѣла на диванъ. Ф. Васильевичъ подсѣлъ къ ней, взялъ ея руки и началъ цѣловать.

— Вѣра Николаевна, Вѣрочка,—заговорилъ Стебель задыхающимся голосомъ,—я васъ люблю. Скажите слово и я буду вашъ на вѣкъ.

Вѣра бессмысленно улыбнулась. Что то хотѣла отвѣтить, но не успѣла: Федоръ Васильевичъ обнялъ ее и сталъ цѣловать. Вѣра почти не сопротивлялась. Потомъ произошло что то странное, неожиданное: Федоръ Васильевичъ навалился на Вѣрочку, зажалъ ей ротъ...

* .. *

Дней черезъ десять начались въ школѣ занятія. Соня не пришла въ первый день давать уроки; не пришла ни во второй, ни въ третій дни; она куда то исчезла изъ города. Вѣрѣ приходилось работать и за себя и за Соню. За время которое прошло послѣ маскарада, она сильно измѣнилась: похудѣла, осунулась. Подъ глазами появились большіе синяки.

Первые три дня послѣ бала Вѣра находилась въ какомъ то забытѣ. Она чувствовала, что съ ней что то случилось; однако она не могла оцѣнить насколько страшно это случившееся. Въ головѣ носились постоянно обрывки мыслей. „Случилось, ну что же—несчастіе могло случиться со всякой, какъ нибудь обойдется“, и Вѣра снова какъ будто спокойна. Все таки такое внѣшнее спокойствіе, временное отупѣніе не могло продолжаться долго. Вѣра начала постепенно собираться съ мыслями, приходитъ въ себя, а по мѣрѣ возвращенія умственныхъ силъ, приходило и сознание горечи своего положенія. И странное дѣло, первые два дня Вѣра совершенно не вспоминала о Мишѣ. Какъ будто его совсѣмъ не существовало. На третій день ей случайно попала въ руки карточка Миши Она вздрогнула. Какая то мысль пришла ей въ голову. На лицѣ ея появилась злобное выраженіе.

— А онъ развѣ святой?—прошептала она. — Развѣ онъ невинный?..

Вѣра снова погрузилась въ состояніе отупѣнія. Въ такія тяжелыя для нея минуты къ Вѣрѣ подходилъ ея братъ, бралъ ее за руки и, заглядывая ласково въ глаза, спрашивалъ:

— Вѣрочка, что съ тобой? Ты нездорова?

— Здорова,—обрывисто отвѣчала Вѣра, отстраняла отъ себя брата и принималась ходить по комнатѣ. Коля оставался въ недоумѣніи, не понимая, въ чемъ дѣло, почему сестра сердится, когда онъ ее такъ любить и хочетъ пожалѣть.

Подъ Новый годъ Вѣра получила письмо отъ Миши. Когда Коля, взявшій письмо отъ почталіона, вошелъ въ комнату сестры, онъ засталъ Вѣру, ходившей изъ угла въ уголъ.

— Вѣрочка тебѣ письмо,—робко проговорилъ Коля; онъ сильно сталъ побаиваться сестры.

— А? Что? Какое письмо?

— Не знаю; вотъ.

Вѣра взяла письмо. Сердце ея сильно забилося. Она узнала руку.

— Письмо отъ Миши,—подумала она,—а я ему не послала и поздравленія.

Быстро вскрывъ конвертъ, Вѣра принялась читать.

«Славная моя Вѣруся,—писалъ Миша,—что за причина твоего молчанія? Ты больна? Ты на меня сердишься? Если я въ чемъ провинился передъ тобой,—прости меня. Я страшно мучаюсь. Догадки одна другой страшнѣе приходятъ мнѣ въ голову. Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Вѣра! Дорогая моя напиши что нибудь, разсѣй мои мрачныя думы»... Вѣра не можетъ дальше читать. Глаза заволакиваются... Упали первая тяжелыя слезинки...

Вѣра зарыдала...

Прошло много времени. Вѣра не замѣтила, какъ къ ней подошелъ братъ, обнялъ ее и сталъ уговаривать, глядя своими ручонками по волосамъ и щекамъ.

— Милая Вѣрочка, сестрица моя не плачь, успокойся. Выпей воды,—Коля старательно подносить ей стаканъ съ водой. Вѣра выпила воды. Немного успокоилась. Крѣпко поцѣловавъ Колю, она отослала его гулять, а сама взялась за ручку писать письмо Мишѣ.

— Да, да,—думала она,—я должна ему все объяснить. Я не могу, я не имѣю права отъ него скрывать. Онъ такой добрый.

Вѣра пробуетъ писать, однако у нея ничего не выходитъ. Слова не такія, выражаютъ не то, что нужно. Помучившись и ничего не написавъ, Вѣра откладываетъ ручку.

— Нѣтъ, я не могу писать. Нѣтъ слова. Онъ не пойметъ.

Вѣра рѣшила отложить до приѣзда Миши. Она лучше объяснитъ ему при первомъ свиданіи сама.

* * *

Время текло. Вѣра начала замѣчать за собой нѣкоторыя странности. Сначала она думала, что это такъ-себѣ, пройдетъ. Однако положеніе ухудшалось. Пришлось обратиться къ доктору.

— Раздѣньтесь, сударыня,—говорилъ докторъ такой низенькій, толстенный, съ лысиной.—Мнѣ нужно осмотрѣть васъ получше.

Вѣрѣ стыдно. Она краснѣетъ, а все таки раздѣваться нужно.

— Такъ, такъ. Да, безъ всякаго сомнѣнія,—замѣчаетъ докторъ, осматривая Вѣру. Слова доктора словно молотомъ бьютъ ее.

— Неужели чтонибудь плохое—мелькаетъ у нея въ головѣ?

— Давно вы занимаетесь своей профессіей?—вдругъ спрашиваетъ докторъ.

Ноги Вѣры подкосились. Докторъ помогъ ей сѣсть на стулъ.

— Онъ принимаетъ меня за продажную женщину. Значить у меня...—Она не доканчиваетъ своей мысли. Ей страшно даже подумать о названіи своей болѣзни. Докторъ замѣтилъ свою оплошность.

— Не можетъ быть? Съ вами несчастье? Васъ обманули?

— Да, я учительница.—чуть слышно отвѣчаетъ Вѣра.

Теперь докторъ понялъ въ чемъ суть, и принялся ее уговаривать.

— Полноте, не нужно такъ сильно отчаиваться. Эта болѣзнь при теперешнихъ средствахъ и способахъ борьбы съ ней вполне излѣчима и даже въ сравнительно короткій срокъ. Не думайте пожалуйста о всякихъ стрѣлянιάхъ и иныхъ способахъ лишенія жизни. Если мы будемъ стрѣлять изъ за такихъ пустяковъ, то насъ слишкомъ не надолго хватить. Будьте стойки, а я вамъ даю слово, что вы въ скоромъ времени будете здоровы.

Докторъ и еще говорилъ что то, но Вѣра его не слушала.

— Да, больна .. излѣчима...—Мелькало у нея въ головѣ...

Придя домой, Вѣра сѣла не раздѣваясь на кровать. Долго просидѣла, она крѣпко задумавшись. Наконецъ на что то рѣшилась.

Было далеко за полночь, когда Вѣра поднялась съ кровати.

— Да, да; я такъ сдѣлаю.—шептала она, раздѣваясь.

* * *

Прошелъ годъ. Не такъ давно Вѣра была уличена въ распутствѣ и должна была получить на руки желтый билетъ. Не довольствуясь своимъ маленькимъ городомъ, Вѣра, отдавъ брата въ пріютъ, перебралась въ большой городъ, гдѣ поле ея дѣятельности могло быть шире.

Вѣра была красива. Число ея поклонниковъ было огромно. За ней бѣгали и адвокаты, и студенты, и гимназисты, и почтенные отцы семействъ. Всѣ жаждали получить ея ласкъ...

Вѣра никому не отказывала.

Первое время Вѣра съ удивленіемъ замѣчала, что нѣкоторые гости ея снова приходятъ къ ней и совершенно здоровы. Потомъ она о чемъ то догадалась. Съ тѣхъ поръ ни одинъ не уходилъ здоровымъ.

Многіе гости и теперь еще приходили къ ней во второй разъ, но уже не за ласками, а затѣмъ, чтобы выместить на ней свою злобу за болѣзнь. Они ее били, били страшно, по лицу.. всей ладонью, съ лязгомъ... Послѣ удара по щекѣ оставался отпечатокъ пальцевъ...

А Вѣра... Вѣра радовалась. Она была удовлетворена. Нагло смѣясь въ глаза своимъ клентамъ, она дико кричала, указывая на дверь.

— Вонъ! Мерзавецъ! Такъ тебѣ и надо. Одинъ подлецъ уничтожилъ мою жизнь, а теперь я радуюсь что могу разрушить сотни чужихъ.

— Знай, какъ это сладко! сладко! Вонъ!

— Мерзавецъ!

Клиентъ въ ужасѣ пятился къ дверямъ и уходилъ, напуганный и потрясенный словами Вѣры, а Вѣра бросалась на кровать въ подушки и рыдала...

— Миша! Миша!—гсворила она сквозь рыданія.—прости меня. Прости! Я не виновата. Я только мщу имъ за тебя и за себя...

Харбинъ 1914 г.

Студентъ **Ив. Мартьяновъ.**

Ночныя тѣни.

Сколько ихъ бродить ночами
Съ бѣлыми, красными перьями,
Тѣхъ, что когда то мечтами
Были и дивными феями.
Длинная ихъ вереница
Вьется въ огнѣ фонарей,—
Синія блѣдныя лица.
Чернь подведенныхъ очей.
Возлѣ кружится съ улыбкой
Грязный разряженный хамъ:
Похотью дразнить онъ липкой
Тѣла поруганный храмъ
Хохотъ, огонь папиросы,
Хитрое денегъ бряцанье.
Послѣ... рассыплются косы,
Губы понижегъ лобзанье..
Кружатся, бродятъ ночами
Тѣни въ огнѣ фонарей,
Путають съ ночи лучами
Наглые зовы очей.

Гр. Ш—ко.

Молодое вино.

Стихотвор. въ прозѣ.

Посвящаю «Зайцу».

Знаешь, мнѣ иногда представляется, что ты—вино! Молодое вино!
А я—виночерпій! Ну, вотъ, ты смѣшся.. чего ты?

Ты—янтарно-прозрачная влага на днѣ чеканнаго кубка! Я долженъ
нести тебя моему властелину, но я не хочу...

Зачѣмъ ему молодое вино? Я дамъ ему вино старое; достану со
дна темнаго погреба Пусть насладится имъ, если онъ захочетъ!

Старое вино перебродило, а молодое—бродить и потому я люблю
тебя, и буду пить кубокъ за кубкомъ до самаго дна.

Вяч. Игнатовичъ.

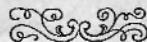
* * *

Ты попрежнему та и не та ..
Смѣхъ колышетъ высокую грудь.
Развѣ новое счастье мое не мечта?
Развѣ можно забыть что-нибудь?

Пусть забвенія нѣтъ. Пусть мечту и обманъ
Ты даришь мнѣ цѣлуя меня,—
Снова жадной рукой обниму я твой станъ
И забуду про прозрачность дня

Счастья долгаго нѣтъ .. А любовь и тоска
Разлетятся въ далекій туманъ,
Пусть лишь жарче ласкаетъ и нѣжить рука,
Пусть лишь дольше продлится обманъ.

Александръ Жуковский.

Съ Рождествомъ
Христовымъ

III.

Наша герои.

Война промелькнула, какъ злая страница,
И гдѣ-то исчезла вдали...
На блѣдныя лица, усталыя лица
Страданія тѣни легли..

Они-ль передъ нами, чей видъ молодецкій
Враговъ устрашалъ, что гроза?
Глядятъ такъ довѣрчиво, кротко, по-дѣтски
Блестящіе болью глаза.

И странно смущаютъ рѣчами своими,
Что снова хотятъ воевать...
И хочется низко склониться надъ ними
И руки у нихъ цѣловать.

Курсистка **Татіана Б.**

Изъ жизни, исканій и наблюдений студенчества.

Въ разное время своей литературной дѣятельности мнѣ приходилось получать отъ студентовъ и отъ курсистокъ письма,—представляющія свой интересъ, и иногда—большой интересъ. „Письмо“ есть въ сущности древнѣйшая и прекраснѣйшая форма литературныхъ произведеній,—естественная, простая, искренняя; и которая можетъ обнять всякое рѣшительное содержаніе. Не невѣроятно, что самая „письменность“, т. е. литература, возникла именно изъ „писемъ“. Разумѣется, письмо особенно хорошо—такое, которое не предназначалось для печатанія, которое есть просто частное письмо. Не придерживаясь никакой системы и порядка, я буду время отъ времени вынимать изъ своего архива такія письма учащейся молодежи, которыя дадутъ кое-что для будущей истории нашего общества,—и шепнуть что-нибудь дѣльное на ухо теперешнему студенту, теперешней курсисткѣ.

В. Розановъ. 22 ноября 1914 г.

I

Уважаемый Василій Васильевичъ!

Посылаемъ вамъ случайно попавшую къ намъ въ руки повѣстку, «Христіанскаго студенческаго кружка», надѣясь, что она, быть можетъ, окажется для васъ не безынтересной. Кружокъ этотъ существуетъ въ Петроградѣ уже года четыре и является однимъ изъ отдѣленій «Всемирнаго студенч. христіанскаго союза». Центръ этой организаціи—Америка. Во главѣ Петроградскаго отдѣленія стоитъ братъ Николай.—Сообщаемъ эти свѣдѣнія потому, что, можетъ быть, вы не знаете о существованіи этого кружка. Членовъ въ немъ мало (на собраніяхъ бываетъ человѣкъ 40—60 обоюдо пола разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, преимущественно специальныхъ) и «шуму» онъ не производитъ. По крайней мѣрѣ, въ большой публикѣ о немъ мало кто знаетъ. Составъ посѣтителей непостоянный: нынче бываютъ одни, въ слѣдующее собраніе—другіе. Есть, конечно, ядро постоянныхъ и, повидимому, очень ревностныхъ членовъ, среди которыхъ преобладаютъ инославные. Общій духъ собраній—протестантско-сектантскій. Послѣ рефератовъ, обычно очень туманныхъ и на самыя общія темы («Сущность религіи», «Жизнь въ Богѣ» и т. п.), бываютъ жидкія и безтолковыя пренія, а въ промежуткахъ подъ фисгар-

монію поють какіе-то «псалмы», водянисто-мистическаго содержанія, сильно смахиваючіе на „духовныя пѣсни“ баптистскихъ собраній. Пишущему эти строки приходилось бывать на этихъ собраніяхъ въ прошломъ году—въ качествѣ любопытствующаго посѣтителя. На прежнихъ повѣсткахъ обозначалась только тема реферата и фамилія референта. Прилагаемая же при семъ повѣстка приглашаетъ на какое-то «*молитвенное*» собраніе—говорить о какой-то «недѣлѣ молитвы за студенчество всего міра». Очень хотѣлось бы знать, что *вы* обо всемъ этомъ думаете.

Личное впечатлѣніе: нѣкоторые изъ руководителей кружка показались намъ (т. е. мнѣ и моимъ товарищамъ) неискренними и подозрительными въ смыслѣ своей «ревности». Сытый выхоленный видъ, очень приличная одежда,—какъ то не вяжутся съ проповѣдью самыхъ радикальныхъ требованій Евангелія. Мы склонны думать, что въ этой организаціи, находящейся подъ покровительствомъ богатыхъ и сильныхъ людей, есть тепленькія мѣстечки.—Подробность: въ мѣстѣ собранія иконы нѣтъ, и никто не крестится, хотя большинство посѣтителей все-таки православные, а иногда даже приглашаются православные священники (о.о. Егоровъ, Агѣевъ и др.)—для прочтенія реферата.

Въ общемъ—тамъ ужасная скука, духовная мертвенность, а главное—невыносимая фальшь; и все это отзывается чѣмъ то въ высшей степени не русскимъ. Всѣ болѣе или менѣе, побывавъ тамъ разъ, уже не бываютъ вторично. Извините за длинное сообщеніе.

Студентъ Историко-филологическаго института

А. К—ѣевъ ¹⁾.

В. О. Университет. набереж. 11.

3 февр. 1914 г.

II

Глубокоуважаемый Василии Васильевичъ!

Я сознаю, что пожалуй стыдно говорить теперь о чемъ-нибудь другомъ, какъ не о войнѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ *свое* такъ иногда подступаетъ, что забываешь о самомъ великомъ и святомъ. Я задамъ вопросъ можетъ быть самый трафаретный, но вѣдь люди любятъ не одно тысячелѣтіе, а между тѣмъ не устали любить и каждому хочется самому лично любить.

Вотъ живетъ-живетъ человѣкъ, да вдругъ остановится и спроситъ—*зачѣмъ я живу?* Не подумайте, что это праздный вопросъ празднаго человѣка. Бывало идешь полемъ вечеромъ, издалека доносится вечерній звонъ колокола. На душѣ станетъ вдругъ этакъ тихо и хорошо. И вдругъ снова влѣзетъ въ душу этотъ вопросъ: *куда* несется этотъ звонъ—въ *пустоту!* И почувствуешь вдругъ такое щемящее одиночество на землѣ,—и всю маленькую ее такъ кажется и жаль-бы въ кулакъ. А тамъ всюду кругомъ пустота, пустота и пустота. «Работайте»,—скажете

¹⁾ Авторъ письма мнѣ вовсе неизвѣстенъ. В. Р—въ.

вы. Хорошо, я работаю,—учусь, роюсь въ пыльныхъ фоліантахъ. Кончу — буду учительницей, какъ нибудь проживу и умру,—и *нѣтъ* меня, какъ будто не было вовсе. Иногда идешь по землѣ и думаешь:—сколько миллионъ людей по ней прошли, каждый думалъ, можетъ и плакалъ, идя; и ушелъ изъ—пустоты въ пустоту

Господи, можетъ все сонъ? Но зачѣмъ это острое сознаніе, отчего я чувствую всеѣмъ своимъ существомъ, ощущаю свое бытіе, и мало-малыски не могу разъяснить—*откуда я?* Хорошо, можетъ быть великимъ человекомъ быть? Онъ умретъ, но будетъ жить его идея. Какъ то на Кавказѣ (мой отецъ—офицеръ) присутствовала я, маленькой дѣвочкой, при перекличкѣ; вызываютъ геройски погибшаго солдата: *Архиповъ?* Солдаты въ одинъ голосъ отвѣчаютъ:—*Есть!?*¹⁾ Что-то великое это вѣчное—*есть*. Но вѣдь его ужъ—*нѣтъ*, и въ *пустоту* говорятъ и въ пустоту поютъ вечернюю молитву солдаты. Да развѣ они одни? Я люблю вечеромъ пойти въ церковь—но мнѣ стыдно, мучительно стыдно перекреститься. Мнѣ кажется, что все это одна эстетика. Знаете, я думаю, что идолопоклонство имѣетъ глубокое жизненное оправданіе. Порой мнѣ бы хотѣлось сдѣлать самой себя бога и молиться и плакать передъ нимъ, не смотря на то, что я его сдѣлала своими руками.

Я уже знаю, что вы можете отвѣтить на все мои разглагольствованія: «пора вамъ замужъ или вы истеричка».

Но какъ бы мнѣ хотѣлось сказать вамъ, во I-хъ, что я никого не люблю, и во II-хъ—вѣдь это тоже человекъ выдумалъ. Зачѣмъ я выйду замужъ?—я больной и издерганный человекъ по природѣ и нарожу такихъ же больныхъ и неврастениковъ?! Неужели это будетъ высокое исполненіе моего призванія? Въ чемъ высота, гдѣ святость? А жить такъ, какъ живетъ большинство,—это еще болѣе безцѣльно, по гадко. Что это за штука—радость жизни?! Посмотрите въ природѣ *никто* не смѣется.²⁾ Видали-ли вы когда нибудь хоть одну—собаку, которая бы *смѣялась*? Нѣтъ, все и все сосредоточены. Я видѣла разъ дома суку около своихъ щенятъ. Большія глаза были безмысленны и устала. Я отпрянула отъ нея въ испугѣ.

II не одна она, исполняя свое назначеніе, безмысленна и устала.

И нигдѣ нѣтъ въ природѣ смѣха, чистаго смѣха. Щенокъ—и тотъ сосредоточенно и молча сосетъ молоко своей матери.

Теперь намъ говорить, что нынѣшняя война есть война за мирную цивилизацию, покой;—Боже, развѣ страданіе можетъ быть мирно?

Вѣдь если прислушаться къ звукамъ жизни—то услышишь одинъ вопль. Иногда онъ интенсивнѣе, иногда онъ превращается въ тихіе

¹⁾ До чего трогателенъ и величавъ обычай! Вотъ на чемъ люди воспитываются! И, какъ изъ слѣдующихъ писемъ видно, это присутствіе маленькой дѣвочки на такой выкликѣ аукнулось на всю жизнь въ ея сердцѣ.

В. Р-въ

²⁾ Поразительное наблюденіе и мысль, вѣроятно никогда никому не приходившая въ голову.

В. Р-въ.

утомленные вздохи, а гдѣ-же пресловутое ликование? Въ рѣшеніи этого вопроса человѣчество идетъ черепашьими шагами. Оно какъ-то боится подойти къ честному его рѣшенію и то забавляетъ себя какимъ-то *Übermensch*'омъ, то еще чѣмъ нибудь этакимъ высокимъ и прочее такое. А если вдуматься въ психологию этихъ мыслителей—то увидимъ, что въ сущности это была ихъ лазейка, въ которую они спрятались, когда ихъ честное сознание спрашивало—*зачѣмъ ты живешь?*

А вмѣстѣ съ тѣмъ никто не хочетъ уйти изъ жизни. И думается, что и сегодня человѣкъ готовъ для своего закрѣпленія въ *пустомъ* соорудить пирамиды и сфинксовъ.

Эхъ, кабы мы всѣ, весь нашъ маленькій міръ, доросъ и сказалъ—*Довольно!* Устроень былъ-бы міровой костеръ и все человѣчество сожгло себя! Осталась бы груда дымящихся костей, промежъ которыхъ выросли можетъ-быть цвѣты; вотъ и былъ бы міровой памятникъ всѣмъ людямъ. А такъ какъ *мы живемъ*, постоянно измышляя новые предлоги для жизни,—это ужъ какъ-то черезчуръ скучно.

Господи, гдѣ же смыслъ? или это—вѣчное безсмысліе?!

Простите, что такъ долго и широковъщательно изложила вамъ то, что просилось вонъ.

В. М—ова.

Москва, 27 сентября 1914 г.

III¹⁾.

Бьюсь объ закладъ, что, отвѣчая на мое письмо, вы представляли себѣ тощую и сухую зрѣлую дѣву, которая тяготится своей дѣвственностью. Вы вонъ даже рѣшили, что меня зовутъ Варварой. Но мнѣ 19 л. и зовутъ меня Вѣрой (отчество отгадали). Съ утра встала я ужъ очень чего-то радостной. Сегодня была хорошая погода (а я отъ нея всецѣло завишу). Ахъ, я такъ всему радовалась—и ребятамъ на дворѣ, и собакамъ, всему, всему, и кстати и некстати смѣялась. А ваше письмо рѣшило участь моего сегодняшняго настроенія. Ужъ очень тепломъ отъ него повѣяло.

А тутъ еще ночью удалось рѣшить одну логическую задачу. Словомъ, счастье со всѣхъ концовъ сразу привалило.

Итакъ, надо *a tout prix* выходить замужъ хоть за лавочника, продавать съ нимъ подсолнухи и стараться всучить фальшивый гривенникъ покупателю! Изъ за чего??!

Скажите, чѣмъ же я лично гарантирована отъ того-же? . . . ²⁾.

Во II-хъ, я страшно лѣнива, — и если мнѣ надо встать и пройти въ другую комнату поѣсть, то я лучше пролежу до вечера, уткнувши носъ въ подушку, чѣмъ рѣшусь встать. «Полюби меня черненькой, бѣленькой меня всякъ полюбитъ». А исканіе (мужа и потомъ въ мужъ? *В. Р.*) связано съ неестественностью,—это значить: ходи на ципочкахъ, вы-

¹⁾ Всѣ, кромѣ перваго, слѣдующія письма—безъ помѣтки чисель и безъ личнаго обращенія,—какъ-бы брошенные въ почтовый ящикъ почти безъ адреса. *В. Р—ва*

²⁾ Слѣдуетъ рассказъ о видѣнныхъ случаяхъ крайне несчастныхъ, разстроенныхъ семей. *В. Р—ва.*

тянувъ шею, и молись на него! Изъ-за чего? Такъ ломать себя я не могу, понимаете — не могу, и—*не хочу*. Потому-что какая я ни на есть, но я ужъ сложилась. Что-жъ еще?

Сказать вамъ самое главное—что я любила уже, что израсходовала массу чувства, забыла свое самолюбие, но не могла сломить себя—это скучно для другого.

Выгорѣло нутро не метафизически, а реально. Жаловаться на свою бѣдную дѣвичью участь—это скучно и по меньшей мѣрѣ глупо.

Эхъ, Василии Васильевичъ, не пишите ка вы лучше такимъ, какъ я.

Вѣдь я маленькій никудышъ человѣкъ. Мы вѣдь ни на что большее неспособны. Иной большой человѣкъ озлится и смажетъ кого надо по физиономіи, а мы будемъ въ безсиліи плевать на полъ.

И никакой тоски у насъ быть не можетъ. Есть у насъ мерихлюндишка, да и только. И плакать мы по большому не умѣемъ—все больше всхлипываемъ да сморкаемся. И любить не умѣемъ. Оттолкнулъ меня человѣкъ, котораго я любила,—ну и надо было отойти съ оскорбленнымъ достоинствомъ. А я вотъ прилипла (не въ реальности) да и молчу, а то ною, да этакъ нудно, нудно, нудно про себя¹⁾.

Нѣтъ силы порвать сразу: все—нѣтъ, да—и есть²⁾ маленькія ниточки воспоминанія. А вѣдь любви-то—нѣтъ.

А просто—канитель. Идешь по улицѣ, все свои маленькія примѣты—„полная ведра“—а вѣдь расфилософствуешься иной разъ, лежа на койкѣ, такъ вонь до какихъ вершинъ дойдешь: Бога нѣтъ, міра нѣтъ, меня нѣтъ,—[вмѣсто этого всего, есть только? *В. Р.*] міръ логики, идей, сущностей. Глаза горятъ, щеки покраснѣются.

Охъ мы, пустоцвѣтики.

Жалкіе мы людишки, только жалѣть насъ тоже не слѣдъ.

Мы вѣдь любимъ ласку и жмуримся, какъ коты на солнцѣ.

Такихъ людей въ древности со скалы бросали.

Охъ, правильно дѣлали.

А если добро мы дѣлаемъ кому, то вовсе не изъ-за идеи добра,—такъ, просто безъ всякой цѣли. И добро,—конечно тоже маленькое, незамѣтное. И въ Бога мы и вѣримъ, и не вѣримъ.

Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.

Такъ и я—папа ушелъ на войну, и молюсь—кому не знаю, такъ молюсь да и только.

И въ молитвѣ тоже бѣдность чувства, тѣ же выраженія и тоже одна молитва: Господи, Владыко живота моего, духъ праздности... и пр.

¹⁾ Есть *типы* любви,—русской, нѣмецкой, французской, итальянской, испанской, англійской; у славянъ, я думаю, опять-же,—русской, польской, сербской. Изучить и понять эти типы — въ высшей степени интересно и, можетъ быть, важно. Не менѣе, чѣмъ языкомъ и грамматикой, чѣмъ обычаями и народными пѣснями, народы характеризуются *типомъ* любви юношей и дѣвушекъ, мужей и женъ. Отъ того, извиняясь передъ авторомъ, я не выпускаю изъ письма этихъ „жалобъ любви“, столь могучихъ и характерныхъ. *В. Р.—въ.*

²⁾ Письма нигдѣ не имѣютъ *поправокъ* и я оставляю небрежности синтаксиса какъ онѣ есть. *В. Р.—въ.*

Небось, продернуло васъ (простите за фамильярность) отъ нуднаго письма.

Но вѣдь пишу, рассчитывая больше не получать писемъ.

А вѣдь Господи, какъ любишь людей, а въ особенности ребятъ.

«Барышня, дай тетрадочку», вопить мальчикъ, и съ такой радостью отдаешь тетрадку, что несешь въ рукахъ.

Но не умѣю говорить съ интеллигентными, все больше съ рабочими, дворниками,—и не надо дѣлать усилія, чтобы говорить съ ними. На курсахъ дружу не съ курсистками, а швейцарами. И они меня немножко любятъ, распоясываются—всякіе тамъ есть. Я съ дѣтства всегда съ солдатами, прислужкой бесѣдовала. А думала одна. Ну вотъ и все; спасибо за хорошее слово, хотѣлось-бы сказать вамъ, какъ говоришь съ простыми:—дорогой мой, хорошій,—а не смѣю. В. М—ва.

IV.

Итакъ, почему я вамъ написала?

Да, еще предупреждаю: я не ваша поклонница. Но прежде, чѣмъ отвѣтить, скажите: вѣрите вы въ слово? Знаете, въ это человѣческое слово! Памятники ставятъ иногда дуракамъ. А вотъ *слову* никто не ставитъ. «Языкъ мой врагъ мой», такъ народъ формулировалъ свое отношеніе къ *слову*—грубо, но вѣрно. Въ человѣческой рѣчи столько синонимовъ, выборъ и употребленіе которыхъ *фатально* связано съ настроеніемъ... Словомъ—нельзя обмануть, ибо отъ каждаго слова—*паръ* его,—только данному слову присущи *паръ*—идеть, и вмѣстѣ—*мелодія настроенія*. Вступленіе, какъ будто, длинновато... Курсистка... Скажи имъ: «Розановъ».—«Ахъ, Розановъ, да помилуйте, да это безобразіе, вѣдь у него женщина—самка», и поѣдетъ, и поѣдетъ.

А я когда начинаю читать кого-нибудь новаго, то прежде ударяетъ меня эта *мелодія*—независимо отъ формы. Признаюсь, любопытно стало мнѣ, что за человѣкъ радостный, сознаетъ свою радость, и радость отъ того не уменьшается («эй вы, *зелененькіе*»¹⁾), который подчасъ нарочно облакаетъ мысль въ грубую форму,—не отъ бѣдности, а отъ какой то (только русскимъ присущей) стыдливости говорить красиво. Русскій человѣкъ, любя, скорѣй выругается, чѣмъ погладить.

Единственнымъ гурманомъ слова былъ Тургеневъ, котораго инстинктивно не люблю, пусть-же убирается онъ къ французамъ—старый баринъ, со всеми своими женскими статуэтками и прочимъ литературнымъ скарбомъ.

А главное—живой вы человѣкъ, а кто же не почуветъ живого человека и не полюбитъ его?!

Да, вы говорите—прочетъ «Дѣти луннаго свѣта»²⁾. Представьте,

¹⁾ Восклицаніе ямщика, обращенное къ лошадаямъ, переданное мною при описаніи поѣздки въ Саровскую пустынь. В. Р—ва.

²⁾ Для пониманія примѣровъ *неудержимо* распадающихся семей, какія корреспондентка рассказала мнѣ въ предыдущемъ письмѣ, я рекомендовалъ ей прочетъ книгу мою: «*Люди луннаго свѣта*» (она прочла въ письмѣ—«*Дѣти л. св.*»). В. Р—ва.

еще раньше справлялась в курсовой библиотекѣ, но, къ позору Курсовъ—вась тамъ нѣтъ въ заводѣ. Талантлива-ли моя мать? вы спрашиваете. Она очень чутка къ литературѣ. дѣлаетъ подчасъ очень продуманныя замѣчанія, но это глупое нѣмецкое воспитаніе (она нѣмка) сбило ее съ пути. Любитъ до страсти музыку (дѣдушка мой композиторъ, но не для публики, а для себя). Сама играетъ, сколько себя помню, но *творить* не можетъ. Я очень скверная—до страсти люблю наблюдать людей, по цѣлымъ мѣсяцамъ одного и того же человѣка, и когда съ нимъ заговариваю, то уже знаю всего его. Зачѣмъ я такъ дѣлаю? Коплю куда-то, чувствую, что никогда не забываю то, что сдала къ себѣ въ архивъ.

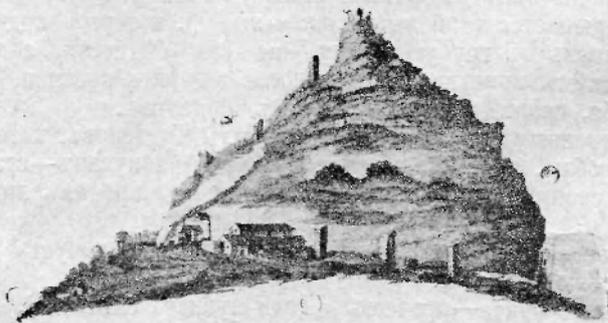
Но вообще жить я долго не буду. Знаете, я часто вижу сны, что умираю—безъ боли, безъ страданія; около меня всѣ, кого я люблю, примиренные, —на дворѣ лѣто. И вдругъ мучительно сверлитъ въ головѣ—да ты вѣдь ничѣмъ себя *не закрѣпила!* Прсыпаюсь и снѣшу работать:—нервно, скоро. Два раза я при смерти была (воспаленіе легкихъ и плевриты). А на видъ никто не скажетъ, что я чѣмъ-нибудь болѣла. Если умру при жизни папы и мамы, то это будетъ скверно, очень каждый изъ нихъ любитъ меня. Папа у меня сынъ мужика, 11-ти лѣтъ остался круглымъ сиротой и вышелъ самъ на дорогу, никому не кланяясь. Ваши объясненія относительно рассказанныхъ исторій брака можетъ быть и вѣрны, но, знаете,—«что въ имени тебѣ моемъ?» Фактъ остается фактомъ, а я, не гоняясь за научными терминами, одной любовью доискалась истины.

В. М—ва.

Бога ради, не считайте меня декаденткою. чѣмъ заслужила я вашу немилость? Терпѣть я ихъ не могу.

А вѣдь какое это красивое слово «другъ»! И какое все-таки счастье жить! И какая отъ земли теплота идетъ!¹⁾

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Последнія двѣ строки—приписка „вверхъ ногами“ при началѣ письма,—очевидно передъ тѣмъ, какъ запечатать письмо. Не помню, но м. б. это—въ отвѣтъ на подпись въ моемъ письмѣ,—„вашъ другъ“, или „напишите мнѣ о вашей семьѣ, какъ другу“. Не помню. *В. Р—ва.*

Когда кончится общеевропейская война?

Сперва, еще в августѣ мѣсяцѣ газеты на перебой доказывали, что Германія, проигравъ на молніеносномъ ударѣ, будетъ просить о мирѣ въ сентябрѣ, а въ октябрѣ ужь обязательно. Торгово-промышленный кризисъ, скудость съѣстныхъ припасовъ и пр. заставятъ Германію, а за ней и Австро-Венгрію признать себя побѣжденными. Не выдержать нѣмцамъ столь неравной борьбы!.. На дворѣ ноябрь, а о мирѣ что-то не слышать. Правда, нѣмецкая дипломатія подѣзжала къ Франціи, сулила ей какія то «компенсаціи», но была быстро и рѣзко «отшита». Какъ бы въ отвѣтъ на эту неудачу имп. Вильгельмъ поднялъ на Россію Турцію.

Итакъ,—война продолжается. Видные Русскіе публицисты убѣждены, что она кончится, дай Богъ, къ веснѣ. При этомъ приводится много различныхъ соображеній на счетъ ожесточенности германцевъ, ихъ упорства воевать «до конца»..

Къ поднятому вопросу мы подойдемъ совершенно съ другой стороны. Война прекратится тогда, когда Россію достаточно истощать. Этотъ взглядъ, если не всѣмъ, то весьма многимъ можетъ показаться страннымъ, почему требуетъ извѣстныхъ поясненій, которыя мы съ охотой и даемъ. Предупреждаемъ,—многое у насъ будетъ недоговореннымъ, но все недоговоренное въ свое время получить полное, исчерпывающее объясненіе въ рядѣ специальныхъ статей.

Итакъ,—какъ только надъ австро-германскимъ горизонтомъ начали скопляться зловѣщія, черныя тучи,—какъ только въ воздухѣ запахло порохомъ.—еще ранней весною текущаго года можно было ясно уловить въ путаницѣ дипломатической игры, въ вакханаліи биржевыхъ спекуляцій и въ тактикѣ желтой прессы (въ одномъ Петроградѣ на каждыя три Русскихъ газеты приходится девять желтыхъ!) можно было уловить весьма ощутимые признаки приближающейся катастрофы... Загрохотали

орудія, продажныя души спѣшили увѣрить всѣхъ и cadaго, что война съ Германіей—сущій пустякъ,—что ея воиственность, разбившись о стойкое сопротивление Бельгии, выдохлась... Общественное мнѣніе убаюкивалось, вниманіе Русскаго общества старательно отвлекалось и нынѣ всѣми средствами отвлекается отъ вопроса государственной важности: да что же представляетъ настоящая война, *кто противъ кого воюетъ?* Вопросъ поставленъ ребромъ, онъ ошеломляетъ умъ,—и теряешься, какъ его понимать, серьезенъ онъ или шутка...

Серьезенъ.

Что такое война вообще, если смотрѣть на нее съ высоты птичьяго полета? Прежде всего *натравливаніе*, затѣмъ—*самоистребленіе* и, наконецъ, *истощеніе*.

Буастъ въ XVIII вѣкѣ писалъ: «война—процессъ, который разорять даже тѣхъ, кто его выигрываетъ».

Далѣе,—что такое Россія? Православная Монархія, Царское Неограниченное Самодержавіе,*— государство единственное на земномъ шарѣ не конституціонное,—единственное въ цѣлости своей, въ толщѣ своей нравственно (*религіозно*) сильное и матеріально богатѣйшее.

Ближе къ фактамъ: больше всѣхъ воюетъ (теряетъ убитыми, ранеными,—и денежныя затраты) Россія. Она дерется нынѣ на три фронта,— западный—германскій, юго западный—австрійскій и южный—турецкій.

Русская армія является сильнѣйшей на земномъ шарѣ. Англійскій флотъ является могущественнѣйшимъ на земномъ морѣ. Французская авіація является первой по своей численности и своей совершенности.

Армія (на сушѣ), флотъ (на морѣ), авіація (въ воздухѣ),—все это первое, все это могущественнѣйшее. Все это—на нашей сторонѣ.

Боже, спаси Россію, сохрани ей крѣпость духа, укрѣпи оставшіяся силы въ борьбѣ съ подлымъ, коварнымъ, жестокимъ и гнуснымъ врагомъ! Дай бодрость, дай вѣру, окрыли надеждами...

Что бы тамъ ни было, а Святая Русь довольно стойко справляется со своими врагами. Австро-Венгрія нами почти разбита,—завоеванная Галиція отнынѣ разъ и навсегда останется за нами, какъ исконно Русская, славянская земля. Германцамъ Варшавы не видать, какъ не видать своихъ имъ ушей. Ихъ разстроенныя полчища безпорядочно отступаютъ за границу нашихъ владѣній и, Богъ дастъ, обратятся въ позорное, неизбѣжное бѣгство (послѣднія телеграммы подтверждаютъ это предположеніе, близкое къ осуществленію). Что касается Турціи, то первые шаги доблестной Русской арміи показали, чѣмъ кончится грязная авантюра блистательной Порты, возвращенной гнуснымъ политиканствомъ про-

*) Русскій Императоръ однимъ росчеркомъ пера можетъ *навсегда* распустить г. думу, такъ наз. „парламентъ“ или созвать его, когда онъ хочетъ и въ какомъ Ему угодно составѣ. М.

дажнаго правящаго класса пашей (младотурецкаго толка). Поговариваютъ о Китаѣ...

Возможно. Упорные враги Руси святой, видя, что сломить нашу Державу натравленными народами нельзя,—что силы наши слишкомъ велики, слишкомъ стихійны,—что благословеніе Божіе еще сіяетъ надъ нашей многострадальной землей,—что она еще повоюетъ, поспоритъ,—возможно, что упорные враги Руси Святой и Церкви Христіанской поднимутъ на насъ и Китай... Тѣмъ болѣе, что тамъ вотъ ужъ третій годъ сидятъ такіе же услужливые и податливые какъ, на примѣръ, и въ Турціи,—съ такою же талмудической моралью арестанскихъ ротъ.

Но — *великъ Богъ Христіанскій.*

19—9—XI—14

М. Михайловичъ.

Гармонія мірового хаоса.

III.

Развитіе міра и протоплазмы.

Очеркъ Вяч. Игнатовича.

Жизнь міра—настолько сложна, настолько разнообразна, что охватить ее всю на нѣсколькихъ страницахъ не только трудно, но и невозможно. Поэтому, какъ и прежде, приходится довольствоваться наиболѣе интересными выкладками и наиболѣе живыми вопросами.

Жизнь видимаго неба настолько загадочна, что многіе вопросы въ ней до сихъ поръ остаются открытыми. Тайны жизни и размноженія протоплазмы еще въ сѣдую древность весьма интересовали человѣка, но только уже въ болѣе позднее время ученые постигли *механику* жизни, не проникнувъ, однако, въ ея *сущность*.

И въ самомъ дѣлѣ! Мы знаемъ жизнь въ ея проявленіяхъ, во всѣхъ видахъ ея размноженія, но о сущности всѣхъ этихъ явленій никто сказать ничего не можетъ. Даже о самой механикѣ жизни все время идутъ безконечные споры, которые пока не приводятъ къ какому либо соглашенію.

Такъ, напр., извѣстный профессоръ Петроградскаго университета, г-нъ Гоби—довольно широко распространяется о такъ называемыхъ въ мірѣ растений «тайнобрачныхъ», въ то время какъ профессоръ Юрьевскаго университета, г. Кузнецовъ доказываетъ, что тайнобрачныхъ—*не* существуетъ.

Отсюда видно, что даже такіе, собственно, второстепенные вопросы, какъ существованіе тайнобрачныхъ, касающіеся только механики жизни, не говоря уже о сущности, зачастую являются спорными.

О сущности жизни и жизненныхъ явленій—мы не знаемъ ровно ничего.

Кое-какіе проблески существуютъ, но они тонуть среди массы другихъ неразрѣшенныхъ вопросовъ.

Жизнь—это движеніе. Въ мірѣ покоя нѣтъ.

Характерно то, что всѣмъ движеніемъ міра руководить одна сила, что всѣ движенія подчинены одному закону. Эта сила и этотъ законъ есть *всемірное тяготѣніе*.

Солнце, луна, звѣзды, земля, которыя мы видимъ и знаемъ, находятся въ вѣчномъ и постоянномъ движеніи—и сколько бы мы времени ни слѣдили, изъ года въ годъ эти движенія слѣдуютъ въ одномъ объемѣ, въ одномъ направленіи.

Въ строіиомъ движеніи міра единственное исключеніе представляютъ *кометы*. Но это исключеніе видимое.

На мой взглядъ кометы являются самыми отдаленными *планетами* другихъ неизвѣстныхъ намъ солнечныхъ системъ. Въ силу слишкомъ отдаленнаго разстоянія отъ своей системы, вращаясь на слишкомъ большомъ радіусѣ отъ своего солнца, они попадаютъ въ сферу вліянія сосѣдней системы и, подчиняясь этому вліянію, получаютъ неправильное движеніе.

Встрѣтивъ на своемъ пути чужую солнечную систему, силой своей инерціи и притяженіемъ встрѣченныхъ тѣлъ, комета начинаетъ какъ-бы блуждать и лавировать между ними, пока не найдетъ свободнаго выхода изъ системы. Этимъ блужданіемъ и можно объяснить, почему при послѣдующемъ очередномъ появленіи кометы путь ея уже нѣсколько не тотъ, который былъ при предыдущемъ ея визитѣ.

Движеніе кометъ всегда чрезвычайно велико по сравненію съ движеніемъ планетъ. Зависитъ это обстоятельство оттого, что, во-первыхъ, радіусъ ихъ отъ своего солнца слишкомъ великъ, а, во-вторыхъ, что, входя въ сферу вліянія встрѣченной системы, онѣ подвержены притяженію новаго солнца, что еще болѣе увеличиваетъ ихъ скорость. Такимъ образомъ, приближаясь къ новой солнечной системѣ, комета начинаетъ приобретать все болшую скорость, которая увеличивается до момента прохожденія кометы мимо солнца и по страшной инерціи возвращается къ первоначальной за сферой вліянія системы.

Обыкновенно комета выдѣляетъ пары и когда она пролетаетъ въ сферѣ вліянія новаго солнца, то пары заряжаются электричествомъ, которымъ окружено солнце. Два однородныхъ электричества отталкиваются и пары кометы, слѣдуя за ней, образуютъ хвостъ.

Итакъ, видимое нестройное движеніе кометъ—является на самомъ дѣлѣ стройнымъ и закономѣрнымъ.

Случается такъ, что кольцо туманности, вслѣдствіе отсутствія болѣе крупнаго притягивающаго центра (при образованіи небесныхъ тѣлъ), не стягивается. Тогда не образуется и небеснаго тѣла—и кольцо остается

въ такомъ состояніи на вѣчныя времена, если его состоянія не измѣнитъ какая-либо внѣшняя причина.

Таково кольцо мелкихъ планетъ, лежащее между Марсомъ и Юпитеромъ.

Причину нашего *зодіакальнаго свѣта* нѣкоторые ученые видятъ, именно, въ этомъ кольцѣ мелкихъ планетъ, которое, по ихъ мнѣнію, окружаетъ землю. Отсюда становится довольно яснымъ происхождение *зодіакальнаго свѣта*, т. е., того слабого свѣта, который наблюдается на небѣ послѣ восхода и захода солнца во время равноднствій, являющагося слѣдствіемъ отраженія лучей солнца этимъ кольцомъ мелкихъ планетъ.

Какъ и всѣ планеты, солнце также вращается вокругъ своей оси, а потому верхніе слои газовъ, окружающихъ его, на экваторѣ отстаютъ больше, чѣмъ на полюсахъ.

Въ зависимости отъ этого на Солнцѣ, подобно тому какъ и на Землѣ, происходитъ вихревыя движенія въ среднихъ поясахъ—въ фотосферѣ. Они извѣстны подъ именемъ *солнечныхъ пятенъ*.

Интересно, что эти вихри въ фотосферѣ Солнца передаются черезъ пространство въ 150 милліоновъ километровъ на Землю. Электрическія разряженія на Солнцѣ проявляются на Землѣ тѣмъ, что наши магнитныя стрѣлки приходятъ въ сильныя колебательныя движенія (образуются земныя магнитныя токи).

Отсюда видно, что, несмотря на такое колоссальное разстояніе, какъ 150 м. кил., Земля, однако, довольно сильно связана съ Солнцемъ, и ни одно изъ его проявленій не проходитъ безслѣдно для Земли. Быть можетъ такія катастрофы на земной поверхности, какъ Мессинское землетрясеніе, изверженіе Везувія и др. были исключительно слѣдствіемъ воздѣйствія солнца на земную оболочку.

Интересной является поверхность солнца, представляющая безчисленное количество яркихъ зеренъ или *гранулъ*, плавающихъ въ значительно темной средѣ.

Гранулы эти достигаютъ большихъ размѣровъ, иногда въ 2—3 тысячи кил. Состояніе ихъ—капельножидкое. Они двигаются съ весьма большою скоростью и своимъ движеніемъ образуютъ громадныя волны. Пятна солнечныя играютъ довольно большую роль въ жизни Земли: такъ—въ тотъ годъ, когда на Солнцѣ наблюдается наибольшее количество пятенъ, на землѣ происходитъ множество магнитныхъ теченій и бурь.

Пятна на Солнцѣ появляются періодически, черезъ каждыя 11 лѣтъ. Наибольшее количество пятенъ было въ 1906 году, наименьшее—въ 1911 году. Слѣдовательно въ 1915 году опять будетъ *maximum*.

На Солнцѣ также наблюдается атмосфера. Можно замѣтить надъ фотосферой слой розоватаго цвѣта газовъ, называемый—*хромосферой*.

Что касается до жизни Земли, то здѣсь особенно интереснымъ является ея вулканическая дѣятельность. Какъ я уже говорилъ, внутренность земного шара представляетъ собою газообразное тѣло, сверху, надъ нимъ—жидкое, а надъ жидкимъ—твердое или кора.

По теории Ньюкомена, — внутренность Земли есть тѣло твердое, однородное. Я не привожу здѣсь подробностей его гипотезы, какъ мало вѣроятной.

Во время образованія поверхности Земли, когда ея кора была еще мягкой, послѣдняя прорывалась подъ давленіемъ газовъ, которые вмѣстѣ съ лавой выбрасывались наружу, образуя холмъ, кратеръ и внутренніи ходы въ глубину, подъ земную кору.

Съ развитіемъ земли число вулкановъ увеличивалось и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась и ихъ величина съ энергіей. Это вполне понятно, такъ какъ чѣмъ плотнѣе съ теченіемъ времени становилась оболочка, тѣмъ сильнѣе должно было быть напряженіе внутренней силы и отсюда результаты прорыва почвы были больше. Первоначальная кора должна была представлять собою сплошную массу бугорковъ, т. е. то, что мы теперь называемъ сопками, затѣмъ различныхъ гейзеровъ и ключей.

Въ настоящее время вулканическая дѣятельность является весьма слабымъ отголоскомъ этой вулканической дѣятельности, которая была въ началѣ жизни земли.

Не всегда силы огня были страшнымъ явленіемъ на землѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ можно назвать благодѣтельными для человѣка, какъ напр.: горячіе ключи, различные гейзеры.

Наисильнѣйшимъ проявленіемъ вулканическихъ силъ или силъ огня нужно считать землетрясенія и изверженія вулкановъ. Послѣднія являются поистинѣ грознымъ явленіемъ на поверхности земли. Вспомнимъ недавнее Мессинское землетрясеніе, а за нимъ катастрофу съ вулканомъ на одномъ изъ Зондскихъ острововъ, когда хлынувшая вода въ расколовшіся пополамъ вулканъ смыла населеніе береговъ въ количествѣ 40.000 человѣкъ.

Послѣ этой катастрофы нѣсколько дней солнце не проникало на землю и царила ночь, такъ какъ тучи пепла долго не могли осѣсть и носились въ воздухѣ.

Кромѣ силъ огня, еще большую роль въ жизни Земли играютъ силы воды.

Иногда является вопросъ откуда получила вода тѣ растворы химическихъ веществъ, которые и есть главные въ разрушительномъ дѣйствіи воды?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ. Когда земля еще только образовалась, то въ силу царящей тогда большой температуры вода была въ стадіи кипѣнія и ударяясь о стѣны первозданныхъ горъ разбѣдала ихъ, такъ сказать, и впитывала въ себя разнообразныя минеральныя продукты.

Извѣстно, что чѣмъ вода становится холоднѣе, тѣмъ легче всякія минеральныя включенія начинаютъ осаждаться на дно.

Разрушительныя дѣйствія воды происходятъ двоякимъ образомъ. Во первыхъ, чисто химическимъ путемъ, когда вода въ горныхъ породахъ разбѣдаетъ пласты и даетъ ходъ для всей массы воды, и, во вторыхъ, механически, когда въ образовавшийся ходъ вода непрерывно

просачивается и увеличивает отверстие своимъ треніемъ, постоянной шлифовкой. Кромѣ того, замерзая въ пробурвленномъ отверстіи и расширяясь при этомъ—она разрываетъ ходъ.

Такимъ образомъ, образовались долины, проталины, ложбины. Разрушительная дѣятельность воды особенно значительна въ скалистыхъ мѣстностяхъ.

Растворяющая сила воды крайне велика и немного существуетъ горныхъ породъ, которыя могутъ ей противостоятъ.

Силы воды, такъ же, какъ и силы вулканическія, являются не только разрушающими, но и созидающими. На ровномъ пространствѣ они отлагаютъ многое изъ того, что влекутъ за собой теченіемъ и, такимъ путемъ, образуютъ острова, островки, мели и пр. Собственно говоря, и здѣсь происходитъ круговоротъ дѣйствія силы. Разрушая—силы воды влекутъ за собой матеріалъ, изъ котораго на подходящемъ мѣстѣ, такъ сказать строятъ, созидаютъ новыя, наносныя образованія.

Наряду съ разрушающими силами огня и воды являются *силы возбудительныя*, а именно—вѣтеръ, который постояннымъ теченіемъ обвѣтриваетъ, шлифуетъ горныя породы.

Эта невидимая жизнь земли завершается еще *силой животной*, которая почти всегда является созидающей (кораллы, лучистки).

Жизнь протоплазмы, главнымъ образомъ, интересна со стороны ея размноженія.

И здѣсь возникло и возникаетъ много разногласій. Я, лично, стою на точкѣ зрѣнія профессора Кузнецова и если буду касаться здѣсь вопроса о «тайнобрачныхъ», то съ освѣщенія этого ученаго.

Міръ животный и растительный представляетъ одну общую схему строенія и изыскивать въ немъ всевозможныя исключенія, другими словами, перекраивать то, что было создано сотнями тысячъ лѣтъ, не имѣетъ никакого смысла.

Все подчинено одному стройному закону—растительный міръ въ своемъ направленіи, животный—въ своемъ—и они создаютъ одинъ *гармоничный* аккордъ, въ который вноситъ рѣзкій диссонансъ не слѣдуетъ.

Старыя теоріи нѣмецкой закройки отживаютъ свой вѣкъ и каждый день идутъ новыя вѣянія нашей Русской науки, которая разбиваетъ своими изслѣдованіями всѣ выдумки нѣмецкихъ мастеровъ.

Я опять принужденъ въ самыхъ краткихъ словахъ охватить сущность жизни протоплазмы, что является весьма труднымъ и неблагоприятнымъ.

Современная біологія стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что міръ растительный и міръ животный есть вѣтви одного гигантскаго генеалогическаго дерева и произошли отъ одной и той же клѣтки. Объ этомъ я довольно подробно говорилъ въ прошломъ очеркѣ, гдѣ указывалъ на слабыя стороны этого взгляда.

Моей гипотезой, о которой я также говорилъ, является то положеніе, что міръ растительный и міръ животный совершенно различнаго происхожденія; они развились совершенно изъ различныхъ клѣтокъ, только ихъ сущность подобна одна другой, да, такъ сказать, матеріаль первичный, изъ котораго они созданы, общъ.

Исходя изъ этого положенія, я и буду говорить о жизни протоплазмы (въ отдѣльности—о животныхъ и растеніяхъ).

Въ виду того, что мнѣ придется говорить о человѣкѣ также, я забѣгу впередъ и скажу, что человѣкъ также является совершенно самостоятельной вѣтвью, имѣющею свое первичное происхожденіе, какъ напр. и міръ растительный, свою исторію развитія но объ этомъ подробно я изложу въ V главѣ—«О происхожденіи человѣка».

При какихъ условіяхъ возможна жизнь та, которую мы наблюдаемъ теперь?

Прежде всего—тепловыя условія.

Бѣлокъ заполняющій всѣ клѣтки организмовъ, претерпѣваетъ температуру въ среднемъ отъ 0° до 50°. Слѣдовательно, всѣ физиологическіе процессы могутъ совершаться въ предѣлахъ этой температуры.

Если же организмъ одѣтъ въ предохранительную оболочку, напр. въ *цисту*, то этотъ предѣлъ увеличивается и можетъ достигать разницы отъ—200° до +130°.

Растенія въ своихъ сѣменахъ достигаютъ даже—253°.

Отсюда мы видимъ, что приспособляемость къ температурѣ живого бѣлка при различныхъ обстоятельствахъ весьма значительна.

За тепловыми условіями слѣдуютъ условія питательныя. Безъ пищи немислимъ никакой процессъ обмѣна веществъ, т. е. тотъ процессъ, на которомъ зиждется жизнь клѣтки, какъ морфологической единицы. Клѣтка, путемъ сложныхъ химическихъ превращеній пищи внутри организма, принимаетъ ее уже въ видѣ матеріала, подобнаго основному веществу клѣтки, взаимнѣ утраченнаго. Здѣсь большую роль играетъ кислородъ, т. к. только благодаря соединенію нѣкоторыхъ составныхъ веществъ организма съ кислородомъ и возможенъ процессъ обмѣна веществъ. При воздѣйствіи кислорода являются продукты окисленія, которыя и выдѣляются организмомъ. Процессъ воспріятія кислорода и есть сущность дыханія; въ этомъ случаѣ исключеній нѣтъ.

Въ зародышевомъ состояніи животное и растеніе питается различнымъ матеріаломъ. Напр., куриное яйцо имѣетъ оболочку бѣлковую (само же яйцо есть то, что называется желткомъ). Бѣлокъ служитъ предметомъ питанія зародившагося организма. Сѣмя растенія, помимо зародыша, очень часто также имѣетъ запасъ питательнаго вещества (но не всѣ сѣмена, напр: фасоль—не имѣетъ). Возьмемъ сѣмена злаковъ. Тамъ также имѣется бѣлокъ, но не тотъ, который подъ этимъ терминомъ существуетъ. И составъ, и даже внѣшность его другая. Въ ботаникѣ онъ носитъ названіе—*эндосперма* и состоитъ почти сплошь изъ крахмала, и только въ совсѣмъ ничтожной долѣ, собственно, бѣлка.

Это также отчасти даетъ подтвержденіе высказанному мною взгляду въ прошломъ очеркѣ о различности происхожденія животнаго и растительнаго царства.

Теперь о клѣткѣ, какъ о морфологической единицѣ.

Современная наука не знаетъ жизни *вне клѣтки*. Клѣтка не дѣлима въ этомъ значеніи.

Въ нашъ періодъ жизни, который я считаю *третьимъ*, морфологической единицей организмовъ является клѣтка.

Я сейчасъ упомянулъ терминъ «третій періодъ».—Дѣло въ томъ, что я дѣлю жизнь на *четыре* періода. Само слово жизнь я понимаю, какъ органическую матерію, противоположную неорганической, каковы бы формы и проявленія этой матеріи ни были. *Первый періодъ* или періодъ *первичный*,—когда органическая и неорганическая природы были въ состояніи хаоса, т. е. полной неустроенности («неустроенности»—съ современной точки арѣнія).

Второй періодъ, или періодъ *переходный*,—когда изъ хаоса начинается образовываться стройная міровая система, до того момента, когда отдѣльныя небесныя тѣла остыли до такой степени, что стала возможной жизнь въ видѣ организмовъ, видимыхъ нами.

Третий періодъ, или періодъ *потенціальный*,—тотъ, въ которомъ мы живемъ. Онъ длится со дня образованія перваго организма, до существованія послѣдняго и наконецъ:

Четвертый періодъ, или періодъ *коматозный*,—который начнется тогда, когда, вслѣдствіе сильнаго охлажденія планеты, организмы не въ состояніи будутъ имѣть ту форму, которую имѣютъ теперь, и преобразуются въ *иныя*.

Но вернемся къ темѣ

Клѣтки бываютъ различныхъ величинъ и формъ. Обычно они малы, когда представляютъ самостоятельный организмъ, и только въ тканяхъ многокѣлочныхъ организмовъ достигаютъ иногда довольно большихъ размѣровъ

Есть исключеніе. Такъ водоросль *Saulegra* представляетъ одну сплошную клѣтку. Она водится въ Черномъ морѣ и является большой рѣдкостью. Но такіе организмы весьма не велики по величинѣ и совершенно не приспособлены къ жизни. Наоборотъ,—многокѣлочные организмы живучи и достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ, напр: баобобы или папоротники каменноугольнаго періода.

Объясняется это тѣмъ, что въ многокѣлочномъ организмѣ каждый отдѣльный комплексъ клѣтокъ несетъ опредѣленную функцію, напр: одинъ—защитную, другой—питательную, третій—половую и т. д. Въ однокѣлочномъ же организмѣ всѣ эти функціи лежатъ на дѣятельности одной клѣтки.

Естественно отсюда, что одна клѣтка не можетъ развиваться такъ, какъ цѣлый комплексъ ихъ.

Но что такое клѣтка?

Клѣтка—это участокъ протоплазмы, окруженный оболочкой и имѣющій въ себѣ болѣе твердое съ нѣсколькими инымъ химическимъ составомъ тѣло или ядро. Оно отличается отъ всей прочей протоплазмы тѣмъ, что содержитъ въ себѣ еще вещества бѣлка, богатаго фосфоромъ.

Ядро является наименѣе существеннѣйшей частью клѣтки. Безъядерныхъ клѣтокъ живыхъ—не существуетъ. Правда, бываютъ случаи, что ядро теряется клѣткой съ теченіемъ времени,—бываетъ, что ядро атрофируется, но все же въ первоначальномъ развитіи клѣтки ядро несомнѣнно было.

Какимъ образомъ произошла первая клѣтка, я говорилъ въ прошломъ очеркѣ, а теперь на очереди вопросъ, какъ клѣтка размножится?

Съ этимъ вопросомъ тѣсно связана жизнь протоплазмы, ибо если бы протоплазма не размножалась, то жизнь быстро бы замерла на землѣ, и послѣдняя представляла бы собою мертвое тѣло. Но мы знаемъ, что уже много тысячелѣтій жизнь не только не замираетъ, но развивается съ значительнымъ ростомъ въ числѣ и объемѣ.

Какъ же протоплазма размножается?

Есть два способа размноженія: половой и бесполой.

Къ бесполому способу размноженія относится, во первыхъ способъ *дѣленія*. Клѣтка дѣлится на двѣ совершенно равнозначущія. Дѣленію клѣтки всегда предшествуетъ дѣленіе ядра, а послѣднему—дѣленіе *центрозома*.

Центрозома, дѣлясь на двѣ, отходитъ къ полюсамъ ядра, затѣмъ, такъ сказать, растягиваетъ ядро. Въ серединѣ ядра образуется перетяжка и, наконецъ, оно разрывается. Разорвавшись ядра отходятъ къ противоположнымъ концамъ клѣтки посреди которой, въ свою очередь, образуется перетяжка—и клѣтка раздѣляется на двѣ.

Слѣдующая форма бесполого размноженія—*вегетативная*, т. е. размноженіе *почками*.

Что касается *полового* способа размноженія, то и здѣсь происходитъ дѣленіе клѣтки на двѣ дочернія, но ему предшествуетъ половой актъ, *копуляціи*, т. е. слияніе двухъ клѣтокъ или особей—мужской и женской. Это свойственно для простѣйшихъ организмовъ.

У Metazoa же происходитъ болѣе сложный рядъ процессовъ.

Мужская и женская клѣтки являются образованіемъ болѣе сложнымъ различнымъ не только по формѣ, но и по существу матеріи.

Женская половая клѣтка или *макрогамета* представляетъ довольно крупное тѣло (по сравненіи съ мужской клѣткой), имѣющее большой запасъ желтка, какъ питательнаго вещества. Кромѣ того, она неподвижна, такъ какъ перегружена желткомъ.

Мужская половая клѣтка или *микрогамета*,—болѣе мелкое по величинѣ образованіе, почти лишенное желтка, весьма подвижно. Попадаютъ и въ немъ крупинки желтка, но уже какъ исключеніе. Интереснымъ является происхожденіе и развитіе макрогаметы и микрогаметы, которое аналогично одно другому.

Въ яичникѣ, съ одной стороны, и сѣменникѣ—съ другой, наблюдаются три *зоны*: зона *зачатковая*, зона *роста* и зона *созрѣванія*.

Въ зонѣ зачатковой мужскія и женскія половыя клѣтки дѣлятся простымъ дѣленіемъ, съ образованіемъ каждой новой клѣткой четырехъ *хромозомъ*, при чемъ каждая хромосома расщепляется вдоль.

Въ зонѣ роста и мужскія и женскія клѣтки увеличиваются въ размѣрахъ и переходятъ въ *сперматоциты* и *ооциты* перваго порядка.

Далѣе аналогія уже нарушается.

Въ женской половой клѣткѣ развитіе макрогаметы происходитъ такъ: ооцитъ перваго порядка дѣлится на два ооцита втораго порядка, изъ которыхъ одно получается большимъ по величинѣ, а другое меньшимъ, именуемымъ *редукціоннымъ тѣльцомъ*. Затѣмъ, ооцитъ втораго порядка и редукионный пузырекъ дѣлятся въ свою очередь, на двѣ части каждая. Образуется три редукионныхъ тѣльца и одна клѣтка съ запасомъ желтка, которая и является макрогаметой или яйцомъ (*Ovum*).

Въ мужской головой клѣткѣ развитіе макрогаметы происходитъ слѣдующимъ образомъ: сперматоцитъ перваго порядка дѣлится на двѣ клѣтки, именуемыя сперматоцитами втораго порядка, а каждый изъ двухъ послѣднихъ дѣлится въ свою очередь—даютъ четыре *сперматиды*, а сперматиды преобразуются въ сперматозоидъ. Такъ образуется микрогамета или живчикъ (*Jermatzoon*).

Подобный процессъ образованія мужской и женской половой клѣтки наблюдается у лошадиной *аскариды*.

Оплодотвореніе происходитъ слѣдующимъ путемъ: живчикъ проникаетъ въ яйцо либо при помощи *микротиле*, либо черезъ какое иное отверстіе въ яйцо, которое послѣ этого покрывается плотной оболочкой, предохраняющей его отъ вторженія прочихъ живчиковъ. Наступаетъ стадія покоя.

Здѣсь начинаетъ играть большую роль центрозома, благодаря дѣятельности которой оплодотворенное яйцо начинаетъ дѣлиться, при чемъ процессъ дѣленія повторяется многократно.

Постепенно образуется изъ раздѣлившихся клѣтокъ полый шаръ, именуемый *бластуломъ*.

Въ дальнѣйшемъ развитіи одинъ бокъ шара, начинаетъ впячиваться въ середину шара. Образуется полушаріе, состоящее изъ двухъ рядовъ клѣтокъ. Это полушаріе начинаетъ удлиняться, а клѣтки его соответственнымъ размноженіемъ—вырабатывать зачатки отдѣльныхъ органовъ.

Въ то время, какъ у животнаго въ зародышѣ не замѣчается и признаки какихъ либо будущихъ органовъ—у растенія—они уже ясны, именно:—корень, стебель и листъ. Здѣсь сказывается громадная разница между царствомъ животнымъ и царствомъ растительнымъ.

Самъ зародышъ въ сѣмени растенія крайне малъ и съ внѣшней стороны напминаетъ маленькій бугорокъ на нижней части сѣмени.

Интереснымъ является актъ оплодотворенія у растеній. Современ-

ная наука далеко ушла въ своихъ наблюденіяхъ надъ этимъ актомъ и открыла удивительныя вещи.

Органомъ, гдѣ развиваются мужскіе половые продукты у цвѣтковыхъ растений является *тычинка* которая состоитъ изъ двухъ связанныхъ между собою *пыльниковъ* на одной ножкѣ. При созрѣваніи—пыльничекъ лопається. т. е. иногда открывається своими боковыми, щелями а иногда разрывается верхняя его часть.

Созрѣвшая *пыльца* или половые продукты этого мужского полового органа переносятся различными способами (посредствомъ вѣтра, насѣкомыхъ и т. п.) на женскіе половые органы. Интересно то, что обыкновенно послѣднія бываютъ защищены отъ оплодотворенія пылью собственной растенія.

Органомъ, гдѣ развиваются женскіе половые продукты—является *пестикъ*, на которомъ имѣется рыльце съ *плодникомъ*; въ послѣднемъ и созрѣваютъ женскіе половые продукты или *ствяночки*, или *яички*.

Надо еще сказать что у растенія разновременно созрѣваютъ половые продукты; если сперва созрѣли яички, то пыльца еще не созрѣла и яички оплодотворятся пылью другого однороднаго растенія и наоборотъ: когда созрѣла пыльца—яички не могутъ еще ее принять. Этимъ само растеніе озаботилось отъ косога оплодотворенія.

Какъ же происходитъ самъ актъ оплодотворенія?

Какъ только созрѣвшая пылинка упадетъ на зрѣлое и влажное рыльце, она выпускаетъ трубочку, которая такъ сказать просвѣрливаетъ оболочку рыльца и достигнувъ зародышеваго мѣшка изливаетъ свое содержимое.

Весьма интереснымъ наблюдается явленіе, аналогичное съ тѣмъ, что мы видимъ у животныхъ, когда на одно яичко попадаетъ нѣсколько пылинокъ.

Здѣсь происходитъ слѣдующее. Между пылинками происходитъ борьба въ стремленіи добраться до яичника. Болѣе сильная, жизнеспособная пылинка одерживаетъ верхъ и первая добирается по столбику, до яичника и доставляетъ свою трубочку...

Въ заключеніе скажу: жизнь міра такъ, какъ она есть сейчасъ—является временной, только одной эпохой и—кто знаетъ, черезъ тысячи лѣтъ, какимъ измѣненіямъ какимъ трансформациямъ она подвергнется.

Можно одно сказать, что жизнь міра и протоплазма вѣчна.

Постичь же, что такое *вѣчность*—врядъ ли возможно для человеческого ума.

Одинъ знаменитый ученый такъ опредѣлилъ это слово: Свѣтъ въ одну секунду проходитъ разстояніе въ 300,000 километровъ. Отъ нашего Солнца свѣтъ доходитъ въ теченіе $3\frac{1}{2}$ лѣтъ. Вотъ если вы возьмете кубъ со сторонами, равными этому разстоянію, наполните его до

верху чернилами и будете писать цифру за цифрой до послѣдней капли чернилъ, то и эта величина не опредѣлитъ вѣчность.

Этотъ отвѣтъ весьма остроуменъ, но онъ въ тоже время показываетъ, сколь слабо наше представленіе, о нѣкоторыхъ вещахъ, смыслъ которыхъ иногда представляется весьма яснымъ.

Въ слѣдующей главѣ, озаглавленной «Смерть міра и протоплазмы», я покажу, что и жизнь протоплазмы вѣчна, какъ вѣчна жизнь міра что жизнь *должна* продлиться вѣчно, въ какой бы формѣ она ни была представлена, и какую бы форму она не приняла.

Н. Г. Чернышевскій.

(Къ 25-лѣтню дня смерти: 17 окт. 1888 г. — 1914 г.) *.

Четверть вѣка минуло съ тѣхъ иоръ, какъ ушелъ отъ жизни Н. Г. Чернышевскій...

Окончивъ Саратовскую семинарію, Н. Г., всегда поражавшіи развитіемъ товарищей и преподавателей,—поступаетъ (въ 1846 году) въ Петроградскій Университетъ; затѣмъ учительствуетъ недолгое время въ родномъ Саратовѣ.—Съ 1854 года мы снова видимъ Ч. въ Петроградѣ—сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», «Современника»: до 58 года,—до выступленія Добролюбова,—въ качествѣ литературнаго критика—публициста,—а позднѣе специально въ области политико экономическихъ статей, политическихъ журнальныхъ обзорѣній за 1859—60—61 года.

Эта работа Чернышевскаго, **)—его неустанное требованіе въ горячее предреформенное время *освобожденія* крестьянъ *съ землею*,—поддержанное и Герценомъ,—эта работа продолжалась до 62 года...

Къ этому времени прижимки бюрократизма, смѣнившіе правительственныя «допущенія»,—неудовлетворительное броженіе «снизу» создали поворотъ въ Русской внутренней политикѣ,—поворотъ назадъ...

Закрѣтъ «Современникъ», въ іюнь 1862-го года сосланъ Чернышевскій,—на 21 годъ вырванъ изъ жизни!.. Туго приходится Русскому «свободному» слову, на его краткомъ, жизненномъ пути: «отъ типографскаго станка до цензорской квартиры!» (Н. А. Некрасова).

Два года пробылъ Чернышевскій въ Петропавловской крѣпости, потомъ приговоренъ былъ къ 7-лѣтней каторгѣ и поселенію; съ монгольской—границы Ч. перевели въ Вилжуйскъ и только въ 1883 году возвратили въ Россію: сначала въ Астрахань, а затѣмъ за годъ до смерти, 60 лѣтнимъ старикомъ (Ч. родился въ 28 году)—и въ Саратовъ.

*) Статья предназначалась въ октябрьско-ноябрьскую книгу «Вѣстныхъ Водъ», но была доставлена въ редакцію слишкомъ поздно, — почему и печатается въ декабрьскомъ №-рѣ

Прим. ред.

**) Оригинальные экономическіе трактаты, переводы изъ Милля съ комментаріями, восхитившими въ свое время Карла Маркса.

Чернышевскій продолжалъ *писать* и въ ссылкѣ, по многое былъ вынужденъ тотчасъ же уничтожать; долгіе годы, лучшіе годы онъ былъ *внѣ* жизни... Несмотря на это, богатаго по глубинѣ и разнообразію — литературнаго наслѣдства Чернышевскаго — болѣе, чѣмъ достаточно для силъ одного человѣка.

Однимъ изъ камней — преткновенія идейныхъ споровъ Русскихъ 60-ыхъ годовъ, старымъ яблокомъ раздора 40-ыхъ — славянофиловъ и западниковъ — являлся вопросъ о нашей *общинѣ* и ея роли въ дѣлѣ развитія Русской жизни.

Чернышевскій, правовѣрный «западникъ» — въ своихъ политико-экономическихъ статьяхъ стоялъ *за* общину, — выступая съ проповѣдью преимущества «народнаго благосостоянія» надъ «національнымъ богатствомъ», — справедливаго *распредѣленія* надъ величиной *производства*. Это справедливое *распредѣленіе*, — по ариметическимъ выкладкамъ Ч-го, лучше достигается именно на общинныхъ земельныхъ участкахъ; здѣсь благосостояніе трудящихся массъ выше, — по сравненію съ частновладѣльческимъ хозяйствомъ, болѣе, м. б., *выгоднымъ* въ смыслѣ общей выработки цѣнностей.

Подробное пониманіе «народнаго благосостоянія» сводитъ это понятіе къ понятію блага отдѣльной *живой* личности. По мнѣнію Ч-го, и пѣль «правительства — польза индивидуальнаго лица».

Обращаясь къ «общинѣ» съ точки зрѣнія ея пригодности такъ или иначе способствовать скорѣйшему переходу Россіи къ новому экономическому строю, — Чернышевскій *не* хотѣлъ видѣть въ этой общинѣ чего-нибудь абсолютно положительнаго и специфически-Русскаго; по его мнѣнію, — община, какъ старѣйшая форма хозяйственныхъ отношеній, совпала въ Россіи съ *возможнымъ* переходомъ и на *Западъ* отъ капиталистическаго строя — къ иному... И въ этомъ отношеніи Россія — будетъ, м. б. въ состояніи *перешагнуть* черезъ капитализмъ къ — коммунизму. Идеализации же общины, Русскаго крестьянства, — какъ у славянофиловъ или у Герцена — въ послѣдніи періодъ дѣятельности, — мы у Чернышевскаго не встрѣчаемъ... *Расторговавшійся* крестьянинъ — по его словамъ — одинаково буржуа, будь онъ Русскій, французскій или англійскій, — или, какъ иронически отзывался Глѣбъ Успенскій, — «...Русскій заяцъ точно такой же заяцъ, какъ заяцъ — англійскій»...

Община Чернышевскаго ячейка будущихъ, — лучшихъ, отношеній — въ земледѣльческой жизни!.. Эти же отношенія онъ пытался проповѣдывать и въ другихъ областяхъ, — въ идеальной швейной мастерской — «на кооперативныхъ началахъ» [— какъ сказали бы теперь], — которой — посвященъ пропагандистскій романъ Черныш — го «Что дѣлать?..»

Это полу-художественное произведеніе, какъ въ фокусѣ, отразило въ себѣ современныя *идеи*, увлекавшія автора, — идеи 60-ыхъ годовъ: Русскій «разумный — эгоизмъ», философію Фейербаха, утилитаризмъ Бентама, — нашъ «фурьеризмъ»...

Нехудожественная тенденціозность романа не является показателемъ того, что самъ авторъ ставилъ условіемъ литературы — учительство, проповѣдь: диссертация Чернышевскаго.

«Эстетическія отношенія и дѣйствительность»,—(явившаяся какъ-бы реакціей противъ односторонней абстрактности нѣмецкой эстетики 40-ыхъ годовъ),—требовала въ искусствѣ, подобно критикѣ Добролюбова—*одного*: правды... А *правда* такъ или иначе есть въ «Что дѣлать?»

— Положительный идеаль автора,—идеаль «разумной, счастливой для *всѣхъ* жизни на справедливыхъ трудовыхъ началахъ»—рисуетъ въ знаменательныхъ *снахъ* героини—Вѣры Павловны... «Сны» эти являются *утопической*—частью романа и ставятъ его въ рядъ немногочисленныхъ Русскихъ утоній... Сама-же исторія Вѣры Павловны,—ея уходъ изъ родительскаго дома, фиктивный бракъ, эгоистическае самопожертвованіе ради «собственнаго» якобы блага героевъ женскіе порывы къ самостоятельности и разумному труду—списаны съ натуры 60-ыхъ годовъ, хотя и напоминаютъ порой «утопію»... Даже фантастичная смерть Лопухова въ каналѣ, добровольное удаленіе съ горизонта жены и друга—находить себѣ реальную подкладку въ недавнемъ прошломъ толстовскаго „Живого трупца“ и его жизненнаго прототипа.

Въ грѣзахъ Вѣры Павловны,—послѣ темныхъ подваловъ съ скованными параличомъ людьми—наступаетъ свѣтлое освобожденіе чловѣка... (1 ый сонъ).

На принципѣ свободнаго и общаго—обновить міръ!

Въ романѣ Чернышевскаго отразилась еще одна черта міровоззрѣнія 60-ыхъ годовъ, —упоминавшаяся идея «разумнаго эгоизма», нравственнаго утилитаризма,—смѣнившая собой идеалистическія теоріи 40-ыхъ...

Понятія—«нравственность», «добро», «долгъ» замѣнялись принципами «пользы», «выгода»—для себя, для другихъ, для *всѣхъ*!

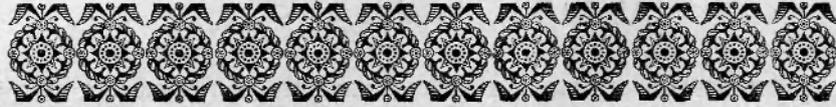
Поэтому и герои «Что дѣлать?» всѣ свои самоотверженные поступки стремятся объяснять *личной* выгодой: «*мнѣ* это пріятно и полезно!».

Но, конечно, сущность дѣла не въ подведеніи чувства, побужденія или поступка подъ ту или иную теоретическую рубрику,—а въ самомъ побужденіи, въ самомъ *дѣлѣ*.

„*Эгоистомъ*“,—полагающимъ душу за други своя потому-что ему это было „пріятно“, потому-что онъ не могъ поступить иначе,—былъ самъ Чернышевскій...

Вѣра Воскресенская.

Что подарить дѣтямъ на Рождество.

Критическій набросокъ.

Что подарить дѣтямъ своимъ на Рождество?— Вопросъ, который заставляетъ серьезно призадуматься многихъ отцовъ и матерей. Чуть ли не каждый день почталіонъ приноситъ рекламные листки и брошюрки то одного, то другого юркаго книгоиздательства. Въ яркихъ и сочныхъ выраженіяхъ предлагаютъ почтенному папашѣ за баснословно низкую цѣну чуть ли не цѣлую бібліотеку популярныхъ книгъ и журналовъ съ необычайно художественными рисунками въ краскахъ и безъ оныхъ,— приспособленныхъ для чтенія всѣхъ возрастовъ, отъ 9-ти до 90 лѣтъ включительно,—принаровненныхъ къ различнѣйшимъ наклонностямъ, привычкамъ и вкусамъ дѣтей. И все это дешево, и все это модно, и все это популярно, и все это, конечно, прогрессивно-радикально, и, главное, въ разсрочку!

Идешь въ книжный магазинъ,—и пораженный глазъ обывателя неотразимо пригвождается къ ярко-желтому аршинному плакату, на которомъ красными буквами іероглифическаго начертанія прописаны заглавія сочиненій дѣтскаго содержанія, наиболѣе усиленно рекомендуемыя для приобрѣтенія за наличный разсчетъ.

Раскрываешь газету и видишь вмѣсто обычныхъ объявленій внушительные трактаты о несомнѣнномъ превосходствѣ одного

издательства вадъ другимъ. „Только у Бикермана можно приобрести дешево и хорошо книги дѣтскаго содержанія!“ Строкою ниже:— „Только у Цикерблоха можно купить, не будучи обманутымъ, дорогія дѣтскія книжки по сходной цѣнѣ!“ Двумя строками ниже:— „Сюда, идите скорѣе сюда, къ намъ,— вмѣсто рубля восемь копѣекъ. Выдающіеся писатели въ краскахъ,— вмѣсто рубля восемь копеекъ!..“

Папаша начинаетъ усиленно потѣтъ, но терпѣливо читаетъ дальше:— „Необыкновенно, безпримѣрно, ново, небывало,— фактъ, а не реклама! Дѣтская энциклопедія! Все обнимаетъ, все объясняетъ— дешево и сердито Небывало, ново, безпримѣрно, необыкновенно, реклама, а не фактъ!..“

Папаша пораженъ, мамаша въ восторгѣ

— Вотъ!!!— оба разомъ тыкаютъ въ газету, прорываютъ въ ней дыру и, довольные, летятъ въ переднюю.

— Остановитесь, не спѣшите, мои славные милые старички.

— Помилуйте,— что вы!.. Понимаете-ли вы,— дѣтская энциклопедія..

Старички мои возмутятся. Я ихъ усажу на диванъ, обоимъ дамъ въ руки по стакану холодной отварной воды и продолжу:

— Знаю, понимаю и сочувствую.. Въми фибрами своей души соглашаюсь съ вами, что вашъ безцѣнный Вовочка и не менѣе цѣнная Ниночка, какъ только вы имъ купите энциклопедію и какъ только они раскроютъ ее, такъ сейчасъ узнаютъ, что сахаръ бѣлый, твердый и сладкій. Не спорю съ вами, познанія ихъ будутъ чрезвычайно быстро расти.— на слѣдующій день они уже будутъ знать, что уголь бываетъ древесный и каменный, первый изъ нихъ мажется, второй колется. Вѣдь это же замѣчательно,— скажете вы. Согласенъ!.. На третій день они узнаютъ, что Россія, собственно говоря, не Россія, а нѣчто иное,— что Россія по настоящему занимаетъ лишь одну Московскую губернію, а все остальное— Великая Финляндія, Великая Польша, Великая Бѣлорусскія, Великая Литва, Великая Малороссія, Великая Грузія, Великая Арменія, Великая Татарія, Великая Калмычина, Великая Тунгузія, Самоѣдина и прочая, чортъ ихъ возьми!.. На четвертый день вашъ несравненный Попочка, то бишь, Вовочка пойметъ, что жисть ему будетъ не въ жисть, если евреи не получаютъ равноправія.. На пятый день онъ потопитъ въ ваннѣ самую большую

куклу Ниночки... На шестой подстрѣлить изъ пистолета няньку, а на восьмой въ вашей спальни покусится на самоубійство черезъ повѣшеніе и оставить на имя отца въ лѣвомъ карманѣ своей тужурки записку такого содержанія:—«Можешь успокоиться, старая базла, твою энциклопедію прочель до конца»...

Если я увижу, что мои славные, милые старички упадутъ въ обморокъ и выпустятъ изъ рукъ своихъ стаканы съ водой, я осторожно позову горничную и, распорядившись, чтобы она убрала опасные черепки,—тихо удалюсь во—своеси.

А на слѣдующій день я имъ пошлю свою визитную карточку, на обратной сторонѣ которой черкну:

— Вспомните о родныхъ нашихъ Русскихъ писателяхъ, завѣщавшихъ намъ вѣчно новые, вѣчно прекрасные идеалы правды и любви.

М. С-й.

О современномъ писательствѣ.

Литературныя замѣтки.

Получилъ съ десятокъ писемъ. Спрашиваютъ, почему пишу „о современномъ писательствѣ“, а не о современной *литературѣ*?

Наивные люди! Очень просто, пишу о современномъ писательствѣ исключительно потому, что литературы въ наше время нѣтъ,—литературы въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаю я. Со смертью Льва Толстого, послѣдняго великаго художника слова и мысли, умерла Русская литература,—осталось одно *современное писательство*, о которомъ я иногда и прохаживаюсь въ своихъ замѣткахъ. А пройтись, именно, пройтись необходимо! Останавливаться на-долго, писать специальные трактаты о свистопляскѣ Мовшей Сѣверяниныхъ, Виленкинахъ, Богоразовъ, Нарбутовъ—прежде всего смѣшно, затѣмъ нецѣлесообразно и, наконецъ, глупо. Похвально сосредоточивать свое вниманіе на вещахъ и явленіяхъ, заслуживающихъ этого вниманія,—на вещахъ серьезныхъ, умныхъ, трезвыхъ. И если мнѣ приходится говорить о современномъ писательствѣ, то только по обязанности журналиста, взявшаго на свои плечи неблагодарный трудъ рыться въ толстыхъ и тонкихъ, дешевыхъ и „дорогихъ“ книжкахъ передовыхъ служителей всяческихъ идей. Вѣдь надо же кому нибудь одергивать нахаловъ, такъ безцеремонно съ грязными руками залѣзающихъ въ вашу квартиру, въ вашъ кабинетъ, въ вашу дѣтскую, въ *душу вашу!*

То подъ видомъ моднаго журнальчика—„распространеннаго и самаго интереснаго, съ массою рисунковъ“, то подъ видомъ сенсационнаго романа или пресловутаго „окончанія графа Амори“, то подъ видомъ рекламнаго бульварнаго листка—они, вотъ эти самые представители современнаго писательства, лихимъ наскокомъ ловятъ васъ на каждомъ перекресткѣ, въ каждой книжной лавкѣ. Васъ загоняютъ въ уголъ и ласково, съ милой улыбкою, говорятъ:

— Вѣдь вы человѣкъ культурный, — несомнѣнно сочувствуете прогрессивному движенію, — движенію къ свѣту, впередъ!.. И вдругъ не читали „Позорныхъ цѣпей“ Фрунфельзона?! Непремѣнно, непремѣнно прочтите, — о ней всѣ такъ много говорятъ...

И вы, очертя голову, пристыженный, летите къ Вольфу или къ Ясному и покупаете „Позорныя цѣпи“ Фрунфельзона. О томъ, будете ли вы читать эту книгу или отдадите на кухню, говорить не будемъ. Фактъ на лицо, — книга куплена, спросъ на нее есть, „писатель“ торжествуетъ, „писатель“ сладко облизывается и поглаживаетъ свой бумажникъ.

Эта одна изъ тѣхъ сценокъ, которая приходится наблюдать довольно часто и которая вызываютъ невольный крикъ возмущенія.

Подумать только, — что читала наша „интеллигенція“, наша учащаяся молодежь всѣхъ возрастовъ и наклонностей! Какой шель систематическій развратъ Русской души!..

Служеніе истинѣ, красотѣ и благу отошло въ область преданія. На это служеніе стали смотрѣть какъ на что то ретроградное, отсталое. Направо и налево внушалась мысль искать новые пути... Въ чемъ? *Новые* пути... Да ихъ не можетъ быть ни новыхъ, ни старыхъ. Вести человѣчество къ добру можно только одной дорогой — служеніемъ добру. И чѣмъ проще будетъ это служеніе, чѣмъ оно понятнѣе, ближе будетъ толпѣ, тѣмъ вѣрнѣе вы будете закрѣплять въ сердцахъ окружающихъ свѣтлое понятіе добра.

Но горе еще въ томъ, что „добро“ всѣ понимаютъ по разному. Человѣчество въ этомъ отношеніи старательно разбито на множество лагерей, бесконечно и ожесточенно враждующихъ между собою.

Въ литературѣ я, лично, добромъ, какъ помнитъ читатель, называю служеніе истинѣ, красотѣ и благу, — служеніе искренное, даже безсознательное. Талантъ, если онъ дѣйствительно, талантъ, отмѣченъ свыше, а не раздутъ бульварными листками, — всегда служитъ только истинѣ, только красотѣ и благу. Его душа такъ чиста, такъ широка, что творить превзятое она не можетъ, она не въ силахъ, — если она — душа таланта. И вотъ въ этомъ одна изъ величайшихъ трагедій современной жизни. Какъ только на сѣромъ фонѣ нашей обыденщины начинается вырисовываться личность, не умѣщающаяся въ рамки того или другого шаблона, такъ сейчасъ же появляется цѣлая шайка ловцовъ, которая и ловитъ въ разставленные сѣти несчастнаго смѣльчака. Если онъ молодъ, если крылья его еще не окрѣпли, если взоръ не достаточно острый, если поступь еще не тверда, — дни его сочтены. Его задушатъ раньше, чѣмъ онъ успѣетъ взмахнуть своими едва оперившимися крыльями. Сотни рукъ протянутся къ нему, — каждый будетъ тянуть къ себѣ, — каждый, захлебываясь, будетъ убѣждать другого, что *онъ* его лагеря, что *онъ* сочувствуетъ ихъ программѣ, а не какой-либо другой... И талантъ скомканъ, талантъ обезличенъ, крѣпко опутанъ тенетами и лжи, и предубѣжденія, и векселями. Талантъ погубленъ, талантъ стертъ съ лица земли!..

Вотъ вамъ вторая стенка жизни нашихъ дней.

Если и хватаетъ силъ разорвать крѣпкіе путы лести и соблазна, угрозъ и принужденія, — если хватаетъ силъ превозмочь чары слонскаго бѣса, — то неравная борьба и въ этомъ случаѣ кончается печальной трагедіей. Дерзкаго упряма *выбрасываютъ* за бортъ жизни, клеймятъ прозвищемъ „мракобѣса“ — и „общественное мнѣніе“ отворачивается отъ него. *Отверженный*, съ оплеванными идеалами, съ глубоко оскорбленной душой, непонятый толпою (толпою, а не ловцами), непризнанный ею, съ опущенными руками отступаетъ онъ передъ гогочущимъ Хамомъ.

„Общественное мнѣніе“... Это-та клоака бульварныхъ листовъ и журналовъ, „тонкихъ“ и „толстыхъ“, „новыхъ“ и „старыхъ“, которая сотнями щупальцевъ своихъ, точно спрутъ, точно паукъ, обвиваетъ съ ногъ до головы русскаго обывателя и внушаетъ ему, упорно вдавливая въ его податливый мозгъ: „вотъ тотъ то *нашъ*, читай его, кади ему... А *этотъ!*.. О, *этотъ* — низкій человѣчекъ, гаситель свободной мысли, передовыхъ идей, сознательной жизни!“ И наглый хохотъ, и грязная ругань, и ядовитая, злостная клевета, и бѣшенный крикъ: „вонъ его, — онъ не нашъ!“ Какъ будто талантъ можетъ быть чьимъ-нибудь, — какъ-будто талантъ въ силѣ и въ правѣ обслуживать какіе то интересы однихъ или какіе то интересы другихъ...

Хохотъ и ругань, — но чаще бываетъ — тишина, „полный штиль“, полное забвеніе, какъ будто бы и не было и нѣтъ *его*, дерзнувшаго остаться самимъ собою, дерзнувшаго сохранить душу свою и сердце свое „въ чистотѣ“, — дерзнувшаго не пойти на поводу прогрессивно-радикальнаго, идейнаго передовика, славнаго борца за всѣ свободы, имѣющіяся на землѣ и подъ землею, — какого-нибудь псевдонима, вроде Долинна *) или Вл. Азова. **)

Тихій погромъ, своеобразный бойкотъ — замалчивать, ни гу-гу. Съ корнемъ вырвать изъ памяти Русскаго человѣка именно „низкихъ ретроградовъ“. Крѣпче, вѣрнѣе задушить, — до смерти задушить. . Вотъ *подлинный* идеалъ ловцовъ и гребцовъ, направляющихъ „общественное мнѣніе“.

Д. И. Стахѣевъ... Кто знаетъ изъ современной, съ позволенія сказать, интеллигенціи этого выдающагося Русскаго писателя, кто читалъ его замѣчательные романы — „Наслѣдники“ и особенно — „Духа не угашайте“? Никто, — я убѣжденъ что если опросить тысячу человѣкъ „изъ публики“ — кто слыхалъ о Стахѣевѣ, „подниметь руку“ одинъ. Онъ, *этотъ* „одинъ“ выступить и скажетъ: „я слыхалъ“. Я *слыхалъ* — и только. А вѣдь Д. И. Стахѣевъ *живъ!* Понимаете ли вы — Стахѣевъ живъ и... мертвъ. Стахѣевъ задушенъ, крѣпко, вѣрно, — до смерти задушенъ.

*) Подъ этой фамиліей скрывается еврей Искозь.

**) Псевдонимъ еврея Ашкинази.

М. С.

М. С.

„Меня достаточно **травили**“,—писалъ Стахѣвъ одному изъ своихъ друзей *).

Читатель, вдумайтесь въ эти слова и со сдавленнымъ стономъ въ груди (чтобъ, Боже избави, не услышалъ Ното повус!) *завернитесь въ тогу.*

Мих. Спасовскій.

*) См. „Историческій Вѣстникъ“ № 10 за октябрь 1914 года. стр. 171-ая.
М. С.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію „Вешнихъ Водъ“.

„Оранжевая книга“. Сборникъ дипломатическихъ документовъ. Переговоры отъ 10 до 24 іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Петроградъ. 1914. Стр. 59. Цѣна—75 коп.

В. А. Мелиховъ. Культъ императоровъ въ римской поэзіи золотого вѣка. Харьковъ. 1915 г. Стр. 51. Цѣна—40 коп. Серьезный трудъ, полный интересныхъ свѣдѣній, документальныхъ данныхъ, подлинныхъ цитатъ,—весьма цѣнный для всѣхъ, изучающихъ исторію поэзіи. Выяснивъ возникновеніе культа императоровъ въ Римѣ, В. А. Мелиховъ попутно, довольно обстоятельно, излагаетъ, какъ относились къ божественности императоровъ поэты Вергилій, Горациі, Овидій и Проперцій.

Сибирскій студентъ. Ежемѣсячный журналъ, издающійся въ гор. Томскѣ. № 1 (май) и № 2 (августъ). 1914 г. Отдѣльн. нумеръ 36 коп. Удивительные люди! Собираются издавать студенческій журналъ, по крайней мѣрѣ на вывѣскѣ пишутъ—„Сибирскій студентъ“, а получается Аллахъ ихъ вѣдаетъ что. Не то непониманіе намѣченной цѣли, не то преднамѣренное взнуздываніе извѣстной части молодежи на „вставай, подымайся“,—не то холостой выстрѣлъ по неопредѣленному направленію.

Что такое студенчество? Если идетъ рѣчь о Русскомъ студенчествѣ, о его здравомыслящемъ ядрѣ,—то это прежде всего крайне неуравновѣшенная душа, болѣзненно чуткая и пытливая, съ одной стороны, и бесконечно широкая, бесконечно свободная, честная и беззабѣтная,—съ другой. Русскій студентъ—прежде всегда Русскій человекъ со всѣми его достоинствами и недостатками, но къ этимъ плюсамъ и минусамъ студенчество относится съ присущей ему смѣлостью. Помните у Алексѣя Толстого:—„Коль любить такъ безъ разсудка... Коли пирь, такъ пирь горой“... Вчера онъ, подзуживаемый, ходилъ съ краснымъ флагомъ и тянулъ „варшавянку“, а сегодня, отрезвленный, возвращенный Родинѣ своей, стоитъ на колѣняхъ передъ Дворцомъ и со слезами восторга, плечо-о плечо съ рабочимъ, офицеромъ, мужикомъ

въ лаптяхъ и дамой съ отчаяннымъ эспри на шляпѣ—ноетъ народный гимнь— „*Боже, Царя храни!*“ Вчера онъ праздну балагурилъ объ европейскомъ равноправіи, а сегодня съ молитвой на ледѣньющихъ устахъ умираетъ героемъ на полѣ брани за свою горячо любимую Русь Святую!

Не такъ понимаютъ Русское студенчество господа сибиряки. По ихъ авторитетному мнѣнію, Русское студенчество должно прежде всего разрушить „старые жертвенники“, затѣмъ, свергнувъ „прежние кумиры“ и черезъ то превратившись въ „передовую, радикальную интеллигенцію“, слиться съ „трудовой массой“ и „на развалинахъ обветшалаго строя“ приобщиться къ „демократическимъ слоямъ“. Какъ все это старо, какъ все это ложно и нудно до тошноты! Накидывать петлю на Русское студенчество и тащить его на арканѣ сокрушать жертвенники, тѣ самые жертвенники, священный огонь которыхъ охранялся такими титанами мысли и слова, какъ Пушкинъ, Тургеневъ, Достоевскій,— тащить, чтобы заслужить милостивую кличку „передового, радикальнаго интеллигента“,—какая узость!..

Не долго существовалъ „Сибирскій студентъ“. Взмошелъ въ маѣ и, не расцвѣтая, завялъ въ августѣ. Sic transit gloria mundi!

Миръ его праху.

Проф. И. А. Сикорскій. Современная всесвѣтная война 1914 года. Причины войны и устраненіе ихъ (Сборъ отъ продажи въ пользу семействъ раненыхъ). Кіевъ. 1914 года. Цѣна не указана.

В. Будрихъ. Изъ Пятигорья въ Балкарию. Пятигорскъ. 1914 г. Цѣна 30 коп. Хорошо изданная брошюра въ 32 страницы съ художественно исполненными иллюстраціями-видами кавказской природы. Авторъ увлекательно описываетъ свое маленькое путешествіе по вѣтви Владикавказской жел. дороги: Котляревская—Нальчикъ. Автору удалось бывать на знаменитыхъ Голубыхъ озерахъ и въ Балкарскихъ аулахъ. Для туристовъ, для всѣхъ любителей горной природы брошюра В. Будрика доставитъ не одну минуту удовольствія.

Онъ же. Пѣсни волнь. Стихотворенія. Пятигорскъ. 1914 г. Цѣна 1 рубль. Изящно изданный томикъ мелодичныхъ—съ легкимъ налетомъ грусти, стихотвореній. Содержаніе томика разбито на девять отдѣловъ или частей. Въ нихъ авторъ касается многихъ задушевныхъ сторонъ мятущагося сердца человѣка. Трудно сказать, которыя главы наилучшія,—въ каждой изъ нихъ читатель найдетъ не мало строкъ, подходящихъ для своего настроенія. Написаны стихотворенія просто, мило,—безъ тѣни того дешеваго, трактирнаго новаторства, которымъ тамъ сильны разные Мовши Сѣверянины, Глинберги, Абрамовичи, Киссены и прочіе оскотители Русской поэзіи... Когда вамъ захочется отдохнуть, читатель, отъ свистопляски риноплетовъ-модерн, возьмите томикъ В. Будрика, прислушайтесь къ его мелодичнымъ „Пѣснямъ волнь“.

Розановъ В. В. Обонятельное и осязательное отношеніе евреевъ къ крови. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

Отмѣнное знаніе В. В. Розановымъ евреевъ дало ему возможность детально выяснитъ ихъ духовное міросозерцаніе и онъ доказываетъ, что религія евреевъ цѣликомъ основана на человѣческомъ жертвоприношеніи, какъ единственномъ обрядѣ, угодномъ ихъ божеству. Подъ давленіемъ жалости въ народѣ къ принесенію собственныхъ дѣтей въ жертву, іудейскіе мудрецы замѣнили для себя кровавое жертвоприношеніе обрѣзаніемъ, а по отношенію къ иноплеменникамъ оставили изувѣрный обрядъ въ силѣ. Вся религія ихъ покоится на почитаніи крови, причемъ кровь человѣческая обладаетъ магическою силою, приближающею евреевъ къ своему богу. Къ книгѣ приложены каббалистическія изслѣдованія раненій нанесенныхъ евреями Андрюшѣ Ющинскому и даются имъ толкованія нѣсколько иныя чѣмъ, встрѣчаются у другихъ авторовъ. Весьма важно описаніе очевидца еврейскаго убоя скота, какъ подтверждающее его священнодѣйственность.

Онъ же Европа и евреи. Спб. 1914. Цѣна 40 к.

Въ данной брошюрѣ авторъ говоритъ: „Слава Богу, Россія теперь не рабыня... она теперь „сама“ справится съ евреями и съ еврействомъ, которые слишкомъ торопливо рѣшили, что если накинули петлю на шею ея газетъ и журналовъ, то заглушили голосъ Россіи, страданіе Россіи, боль Россіи, униженіе Россіи .. что уже никто не услышитъ этого голоса, ея жалобы, ея страданія, ея боли, ея униженія. Но Русскій народъ имѣетъ умъ помимо газетъ и журналовъ... Злодѣянне надъ кроткимъ, тихимъ, никого не обидѣвшимъ мальчикомъ Андрюшею Ющинскимъ, разбудило его“... Въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ касается психологіи еврейства.

Они,—пишетъ о евреяхъ В. В. Розановъ —изгаживаютъ все къ чему касаются,—всякій домъ, куда входятъ, всякую семью, куда вкрадываются, всякую школу, куда ихъ впускаютъ; и прежде всего и яснѣе всего изгадили нашу когда то здоровую, прекрасную, „натуральную“ литературу своими смердящими „богоискательствами“, „богоборчествами“, „богостроительствами“, декадентствами, символизмами и всякимъ словеснымъ маргариномъ и всякимъ мысленнымъ онанизмомъ...

Фразы рѣзкія, но—увы! близкія къ истинѣ.

Онъ же. „Ангель Іеговы“ у евреевъ (Истоки израиля). Спб. 1914. Цѣна 30 к.

Въ этой брошюрѣ талантливый авторъ пытливо останавливается на сущности обрѣзанія у евреевъ и, между прочимъ, задаетъ интересный вопросъ:—При такой скованности, гнетѣ, въ чертѣ осѣдлости,—всякій народъ впалъ бы въ уныніе, тоску, безнадежность. У евреевъ—ни малѣйшаго подобія! „Отлично себя чувствуютъ“ въ нищетѣ, въ бояхъ, среди насмѣшекъ. Да что такое? Въ чемъ секретъ? Гдѣ источникъ?—Въ обрѣзаніи символирующемъ наличность у каждаго еврея ангела Іеговы.

Онъ же. Въ сосѣдствѣ Содома. (Истоки израиля). Спб. 1914. Цѣна 30 к.

Блестящая характеристика „гонимаго“ племени! „Жидки“—пишет В. В. Розановъ,—это лукавыя дѣвчонки, которыя среди насъ бѣгаютъ, ласкаются къ намъ, обольщаютъ насъ, входятъ въ дружбу и интимность съ нами, издають намъ журналы и газеты, курятъ палитросы „Бакунина“, интересуются одесскимъ городской головой, дѣлають „политику русскую“, какъ „свою европейскую политику“ и вообще всѣ „русскія дѣла“ дѣлають, какъ „свои дѣла“, съ жаромъ, пыломъ и безъ остановки...

В. В. Розанова нельзя пересказывать,—его нужно читать „въ подлинникѣ“.

Татьяна Берхманъ. Первые пѣсни. Сборникъ стиховъ. Петроградъ. 1914. Цѣна 60 коп. Грустные стихи, преобладаетъ элегическій тонъ. Жаль, что на первыхъ страницахъ встрѣчаются повторенія—и по содержанію, и по изложенію. Но въ дальнѣйшемъ авторъ вознаграждаетъ читателя рядомъ прекрасныхъ стихотвореній. Особенно хороши:

Я кудри свои голубой повиликой
Небрежной рукой убрала...

Или:

Отъ меня не требуй клятвъ и увѣреній,
Не проси признаній, къ счастью не зови.
Я любить умѣю тихо, безъ волненій.
Я боюсь жестокой, пламенной любви...

Хороша „Пѣсня“.

Молодая курсистка—поэтесса уже извѣстна въ студенческихъ кругахъ, какъ представительница здороваго литературнаго творчества.

И. А. Росницкіи. Повѣсть о моей любви. Стихи. Петроградъ. 1913. Цѣна 50 коп. Странное дѣло,—то же элегія, то же грустные наѣвы. Точно Н. Росницкіи не студентъ, а преклонныхъ лѣтъ старецъ. Большинство стихотвореній блѣдны, но есть и очень недурныя, какъ напр.,—„Передъ разсвѣтомъ“, „На зарѣ“. Не нужно только разбрасываться,—больше вниманія къ своей музѣ, больше строгости...

* * *

М. Гартевельдъ. Ночные соблазны. На алтарь солнечно радостнаго дня, его пѣснямъ, человѣческимъ упоеніямъ земнымъ—несутъ свои великіе и малые дары поэты современности, и въ общей однообразно колоритной сферѣ ихъ творчества отбѣняющимъ диссонансомъ приходитъ поэзія Гартевельда. Слышится грустная мелодія разочарованія—результата постиженія суетности и бренности нашего настоящаго. И потому властно зоветъ его царственная ночь, ея пьянящія чары... Тонкими, невидимыми и причудливыми нитями оплетаетъ она юную, но уже уставшую душу поэта. Въ красочномъ многообразіи твореній, въ нѣскольکو пестрящей мозаикѣ картинъ незамѣтно проходитъ основ-

ной мотивъ стиха Гартевельда—человѣческая усталость, раннее утомленіе радостями земли. Такія вещи, какъ — „Маскарадъ“, „Смерть“, вмѣстѣ съ претенціозными мыслями слегка философскаго оттѣнка, иногда гамлетовскія мысли скептицизма — „все лишь миражъ невѣдомыхъ картинъ“, — ядъ сомнѣній создаетъ уже, пожалуй, опредѣляющуюся поэтическую личность Гартевельда. Легкій флеръ мистики иногда опутываетъ его страницы („Маска смерти“, „Старуха“).

Ф. Рашковскій.

О книгахъ *В. В. Розанова* — „Обаятельное и осозательное отношеніе евреевъ къ крови“, „Европа и евреи“ и „Война 1914 года и Русское возрожденіе“ будетъ данъ пространный отзывъ въ январьской книгѣ „Вѣстникъ Водъ“.

Письмо въ редакцію.

По поводу статьи студента Вяч. Игнатовича—„Рожденіе міра и протоплазмы“.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ!

Прошу не отказать напечатать въ 3-емъ отдѣлѣ Вашего журнала „Вешня Воды“ мое настоящее письмо.

Я прочелъ статью Вяч. Игнатовича «Рожденіе міра и протоплазмы», которая меня весьма удивила и заставила взяться за перо, чтобы опровергнуть нѣкоторые доводы, приведенные авторомъ въ защиту его теории.

Оставляя въ сторонѣ цѣлый рядъ вопросовъ астрономическаго свойства, вполне правильно переданныхъ г-номъ Игнатовичемъ, но не раздѣляемыхъ мною вмѣстѣ съ нѣкоторыми учеными въ этой области, я перейду прямо къ послѣднему пункту его разсужденій.

Въ отвѣтъ на слова: „Жизнь существовала еще въ стадіи раскаленнаго состоянія планетъ“... и т. д. (на стр. 94) и тамъ же: «На ряду съ первоначальными частицами неорганизован. матеріи“... и т. д.; затѣмъ (стр. 96 и 97)—«Разъ жизнь *была всегда*, что нужно считать неизблжимымъ, то она и вездѣ...»,—«Она будетъ вѣчно...»—я долженъ поговорить.

Жизнь можетъ существовать только при извѣстныхъ условіяхъ и она всецѣло зависитъ отъ *температуры*.

Если говорить о томъ, что жизнь *вездѣ*, какъ это торжественно курсивомъ заявляетъ авторъ, то не понятно, почему спектральный анализъ Солнца не обнаруживаетъ признаковъ жизни, а Солнце въ этомъ отношеніи куда лучше изслѣдовано, чѣмъ Венера и т. д.

Но, по мнѣнію г-на Игнатовича, на Солнцѣ есть жизнь (это при пяти-то миллионѣхъ градусовъ!)

Далѣе, куда же дѣвалась жизнь на лунѣ? Луна остыла—и жизни конецъ. Астрономы улыбнутся, если имъ сказать, что тамъ есть жизнь.

Итакъ, температура—вотъ важный стимулъ жизни, о которомъ авторъ позабылъ.

Г-нъ Игнатовичъ и самъ себя, кстати, противорѣчитъ (вверху, 95 стр.). Если онъ устанавливаетъ, что жизнь можетъ существовать только при наличности «воздуха и воды», а въ концѣ статьи говоритъ, что жизнь «вездѣ», то этимъ допускаетъ и на Солнцѣ присутствіе воды и воздуха (?).

Уже твердо установлено, говоритъ—Гюмеръ, что на землѣ въ нѣкоторые періоды существованія не могло быть жизни». «Было время,—такъ принимаемъ мы по теоріи Канта—Лапласа—когда земля вращалась въ міровомъ пространствѣ въ видѣ огненной массы, когда все ея вещество колыхалась, какъ одно, огненно жидкое море; никакихъ признаковъ жизни тогда не проявлялось, никакихъ, даже, намековъ на жизнь, даже частицъ, изъ коихъ могли бы создаться элементы плазмы». Далѣе, мы читаемъ:—„Въ настоящее время наивысшей t° -рой, при которой организмы (одноклѣт. раст.) могутъ существовать— $+80^{\circ}$, а сѣменная бактерія при $+100^{\circ}$ ».

Г-нъ Игнатовичъ говоритъ: «Жизнь вѣчна». Читаю у Гельмгольца: „Можно ли представить себя, что живая субстанція вѣчна, подобно матеріи вообще т. е. тому веществу, изъ котораго состоитъ міръ? Безусловно—нѣтъ!».

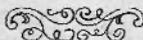
Гельмголецъ разбиваетъ этотъ послѣдній пунктъ разсужденій г-на Игнатовича, о формировкѣ протоплазмы изъ чего то таинственнаго,—непонятнаго, вѣроятно, и самому г-ну Игнатовичу.

Врядъ-ли протоплазма имѣла возможность когда то образоваться изъ какихъ либо особыхъ частицъ, а тѣмъ паче изъ частицъ мертвой матеріи, то почему же теперь не возникаетъ новыхъ существъ? Почему никому не удается приготовить живую матерію въ химическихъ лабораторіяхъ?

Я вполне солидаренъ съ мыслями Гюнтера, Гельмгольца и др. Я не говорилъ здѣсь лично отъ себя, хотя все, конечно, мнѣ хорошо извѣстно, но рѣшилъ привести дословныя фразы этихъ міровыхъ ученыхъ—все-же спокойнѣе опереться на слова великихъ людей.

Студентъ Юрьевскаго университета

А. Жуковъ.

Отвѣтъ на письмо г-на Жукова.

Съ удивленіемъ прочелъ я въ редакціи «Вешнихъ Водъ» письмо г-на Жукова и еще болѣе изумился своеобразнымъ доводамъ, которыми онъ меня засыпалъ, старательно пытаюсь опровергнуть мои взгляды на вѣчность жизни.

О томъ, что жизнь вѣчна, я пространно поговорю въ IV-ой главѣ моего очерка, озаглавленной „С м е р т ь м і р а и п р о т о п л а з м ы“, теперь же удовольствуюсь нѣкоторыми выкладками въ защиту моего ученія,—да, да, ученія, г-нъ Жуковъ! Даже не гипотезы...

Прежде всего—я никогда и нигдѣ *не говорилъ*, что протоплазма родилась изъ частицъ «неорганизованной матеріи»,—изъ частицъ, «какихъ то особыхъ». Я утверждалъ (на стр. 94 въ серединѣ), что въ первобытномъ хаосѣ наряду съ частицами неорганизованной матеріи *уже были* (слышите ли,—*были!*) частицы матеріи организованной. Я говорилъ, что вотъ эти то организованныя частицы и являются прародителемъ современной жизни на землѣ и на всѣхъ прочихъ планетахъ.

Какъ разъ о происхожденіи протоплазмы изъ *мертвыхъ* частицъ и трактуютъ Гельмгольцъ и др. почтенные ученые. Это „замѣчательное открытіе“—они сдѣлали, а не я,—нѣтъ, не я (избави меня Богъ отъ такихъ открытій). Я рѣшительно отрекаюсь отъ чести считать себя изобрѣтателемъ подобной несуразности.

Вотъ, именно, потому и не могутъ приготовить въ лабораторіи живую матерію, что идея произвольнаго зарожденія сама приготовлена въ лабораторіи изъ прогоркшаго матеріала.

Г-нъ Жуковъ приводитъ слова Гельмгольца: «можно ли представить, что живая субстанція вѣчна... Безусловно—нѣтъ!»

Но почему нѣтъ?!

Почему *ученый* Гельмгольцъ, толково, фактами, именно,—„учено“ упорно отказывается доказать свое положеніе, почему онъ предпочитаетъ довольствоваться одними лишь звучными фразами и двумя-тремя неопредѣленностями?

Я нахожу, что подобное заключение слишком поспѣшно и потому... опрометчиво.

Далѣе, г-нъ Жуковъ упоминаетъ теорію Канта-Лапласа. Какая же жизнь могла быть на планетахъ, въ частности на Землѣ, когда ихъ температура исчислялась въ милліонахъ градусовъ? Какая жизнь можетъ быть на Солнцѣ, коли тамъ нѣтъ воздуха и воды?..

Я отвѣчу такъ: во первыхъ, на солнцѣ *есть* атмосфера, въ какомъ бы состояніи она ни проявлялась. Будучи же одного, общаго для *всѣхъ* небесныхъ тѣлъ происхожденія можно сказать, что на Солнцѣ есть и вода и воздухъ, хотя бы изъ-за большой температуры—видоизмѣненные.

Да я и не ставилъ исключительнымъ стимуломъ жизни воду и воздухъ. Я сказалъ въ моемъ очеркѣ, что культура, въ которой развивается жизнь, *почти* всегда сводится къ двумъ основнымъ началамъ—воздуха и воды.

Я сказалъ — *почти*; вѣдь извѣстно, что сѣмена нѣкоторыхъ растеній проводили громадное количество времени въ безвоздушномъ пространствѣ и потомъ произрастали. На этомъ явленіи даже построена теорія, которая доказываетъ, что «если и есть жизнь на нѣсколькихъ планетахъ, то возможно, что сѣмена растеній и инфузоріи, покрытыя пастой, перенеслись черезъ безвоздушное пространство и посѣяли жизнь на тѣхъ планетахъ, гдѣ ея прежде не было». Также извѣстно и то (быть можетъ только незнакомо для г-на Жукова), что различные организмы, какъ-то: корненожки, бактерии, инфузоріи, коловратокъ, тардиградъ, угрицы изъ червей и др.—способны къ засыханію и оживленію при смачиваніи. Бактеріи, напр., сохраняютъ жизнеспособность, будучи подвержены засыханію въ течение 30 лѣтъ.

Итакъ, въ этомъ пунктѣ базированіе на моей «ошибкѣ»—слабо.

Что же касается до температуры, на которую такъ рьяно напираетъ г-нъ Жуковъ, то здѣсь дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ.

Вообще, понятіе тепла и холода, прежде всего, относительно. Мы знаемъ, что капля воды на раскаленной плитѣ, подъ вліяніемъ окружающихъ ее паровъ—начинаетъ вращаться и какъ бы бѣгаетъ по плитѣ. Капля же жидкаго воздуха брошенная въ сосудъ съ водой при 0°—начинаетъ быстро бѣгать по поверхности воды; для нея поверхность воды является такъ же раскаленной, какъ плита для капли воды. А между тѣмъ вода при 0° ужъ не такъ тепла (для насъ).

Пусть опредѣлитъ г-нъ Жуковъ, пусть объяснитъ онъ эти понятія—тепло, холодъ!

Я не говорю, что въ періодъ раскаленного состоянія планетъ жизньъ была аналогичная современной! Нѣтъ,—но я категорически утверждаю: для той первоначальной жизни, которую я имѣю ввиду—та колоссальная температура въ милліоны градусовъ была лишь теплой, какъ разъ такой, чтобы жизнь могла не только поддерживаться, но и развиваться. Да и столь большая температура образовалась не сразу, а *постепенно*, давая возможность первоначальной жизни *измѣниться* и войти въ новую фазу существованія и развитія приспособленной.

Г-нъ Жуковъ говоритъ,—«астрономы улыбнутся, услышавъ, что на лунѣ есть жизнь!»

За всю исторію астрономіи ученые уже не однажды улыбались и смѣялись,—однако, сравните современную астрономію съ первоначальной.

Я увѣренъ, что *на лунѣ жизнь въ полномъ развитіи*, но только въ совершенно *иной* формѣ и проявленіи, чѣмъ у насъ. На лунѣ теперь четвертый фазисъ жизни, *незнакомый* намъ, а потому и *неизвѣстный*, и *странный*, особенно для господъ Жуковыхъ.

Я увѣренъ, что ни г-нъ Жуковъ, ни его почтенные ученые не были на лунѣ, чтобы смѣло заявлять, тамъ—кладбище.

Я также не былъ (сознаюсь), но опять-таки, повторяю—температура и воздухъ не являются гранями жизни и смерти. Повторяю,—жизнь вдругъ изъ ничего появиться не могла. Она существовала еще въ періодъ первоначальнаго хаоса.

Пусть г-нъ Жуковъ попробуетъ что либо создать изъ ничего и прислать это къ намъ въ Петроградъ.

Студентъ Вяч. Игнатовичъ.

Рождественскій дѣдъ.

**МУЗЫКАЛЬНАЯ
ШКАТУЛКА.**

БЫТЬ МОЛОДЫМЪ.

Быть молодымъ — значить вѣчно томиться
Жаждою творческихъ мукъ,
Жизни и солнцу безмолвно молиться,
Съ утренней радостью трепетно слиться
Въ страстный, волнующій звукъ.

Быть молодымъ — значить въ чудо повѣрить,
Сказку изъ жизни создать,
Жизнь глубиною экстаза измѣрить,
Синюю Птицу поймать.

Быть молодымъ — значить съ юнымъ задоромъ
Жизни въ глаза посмотреть,
Грѣзы встрѣчая немеркнущимъ взоромъ,
Путь свой свершить по землѣ метеоромъ, —
Вспыхнувъ, сгорѣть!

Курсистка **А. А—това.**

Пойдемте за НИМЪ...

Отъ жизни мы получаемъ
все дурное, отъ искусства—
только счастье.

Сенкевичъ.

Если вы не знаете Андреева, если вы не были на концертахъ его Великорусскаго оркестра, — если ваша душа не замирала вмѣстѣ съ аккордами, то глухо рыдающими, то безудержно рвущимися на широкій просторъ Русскихъ степей, въ даль, къ

небу, — если на вашихъ глазахъ не наворачивались слезы восторга при этихъ звукахъ, при этихъ мелодіяхъ и пѣспяхъ, такихъ родныхъ, кровныхъ, бьющихъ васъ по самымъ затаеннымъ тайникамъ усталаго сердца, — если вы не знаете Андреева, то поспѣшите къ нему, пойдите за нимъ!..

Балалайка, — *никудашняя* „трехструнная“! Стоитъ-ли говорить о ней!! Такъ черствые, сухіе спектики брюзжали десять — двадцать лѣтъ тому назадъ, когда Василій Васильевичъ начиналъ мелодичными переливами будить сердца людей. Но снисходительныя усмѣшки, плоскія остроты, дешевая иронія господъ „авторитетовъ“

не сломили Андреева. Съ упорной энергіей, достойной удивленія весь беззавѣтно отдавшись великой работѣ по возрожденію и развитію *народной Русской музыки*, онъ съ гордо поднятымъ челомъ шелъ къ намѣченной свѣтлой цѣли.. А какъ было порой тяжело разбивать часто встрѣчавшіяся на его пути ледяныя глыбы равнодушія и снисходительныхъ усмѣшекъ! Какъ часто клокочущія волны незаслуженнаго, оскорбительнаго пренебреженія шума подкатывались къ его ногамъ, готовые вотъ-вотъ захлестнуть смѣльчака — баяна!..

Но судьба сохранила для Россіи Андреева. Его талантъ, развернувшись во всю мощь свою богатырскую, нынѣ сверкаетъ во всемъ его ослѣпительномъ, чарующемъ блескѣ.

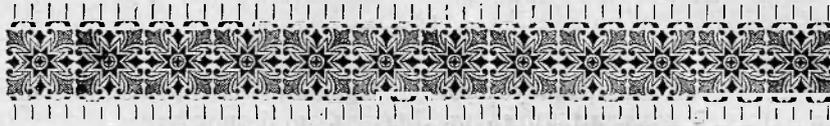
Значеніе Андреева и его знаменитаго, прославившагося на весь міръ Великорусскаго оркестра чрезвычайно велико. Онъ поднялъ балалайку, эту „никудашнюю завалящуюся трехструнку“ на такую высоту, извлекъ изъ ея *индрз* такую яркую, живую стихію нѣжныхъ звуковъ, что міръ ахнулъ и потрясающимъ громомъ аплодисментовъ — лавровымъ вѣнкомъ наградилъ вчерашняго „мечтателя“, вчерашняго „безумца“, сегодняшняго великаго художника.

Поспѣшимте, поспѣшимте къ Андрееву. Посмотримте на этого худого, невысокаго роста человѣка, съ блестящими выразительными глазами, — съ этимъ характернымъ сухимъ лицомъ и нервными движеніями стройной и гибкой фигуры. Поспѣшимте, — онъ стряхнетъ съ нашихъ душъ густо насѣвшую пыль обыденщины, онъ властно увлечетъ насъ въ сѣдую старину Русской жизни съ ея гриднями расписными, съ ея гусельниками переливчатыми, съ ея стрѣлами калеными, побоищами великими да пирами молодецкими, разудальными... Онъ раскроетъ вамъ душу Русскую, всколыхнетъ ее безпокойную и заставитъ васъ, хоть на полъ-часа Русскимъ быть, — сердцемъ всѣмъ своимъ Русь Святую любить и лелеять ее, красно солнышко!..

Солистъ Его Величества **Василий Васильевичъ Андреевъ**.
Основатель Императорскаго Великорусскаго оркестра.

Русскіе въ Англіи.

(Исторія одной поѣздки).

Какъ извѣстно, симпатіи Англіи къ Россіи растутъ теперь каждый день. Интересно прослѣдить, какъ зарождались эти симпатіи у англичанъ, такъ долго относившихся не только холодно, но и враждебно ко всему Русскому.

Въ 1910 году солистъ Его Величества В. В. Андреевъ заключилъ контрактъ съ предпринимателемъ и собственникомъ одного изъ обширнѣйшихъ театровъ въ Лондонѣ—„Coleseum“.

Онъ предполагалъ познакомить англичанъ съ его Великорусскимъ оркестромъ балалаечниковъ и пригласилъ меня для этой поѣздки въ качествѣ секретаря.

Мы очень волновались и долго бесѣдовали съ Андреевымъ по поводу предстоящей поѣздки и о томъ, какой успѣхъ насъ ожидаетъ въ странѣ, гдѣ никогда не слышали Русской народной музыки. Кромѣ того, насъ смущало и то обстоятельство, что англичане любягъ только „свое“ и очень скептически относятся къ иностранному искусству.

До дня нашего отъѣзда оставалось еще двѣ недѣли. Въ одинъ прекрасный день я получаю телеграмму отъ нашего лондонскаго агента съ сообщеніемъ, что директоръ, заключившій съ нами контрактъ, черезъ четыре дня прибудетъ въ Петроградъ съ специальной цѣлью послушать оркестръ до его выѣзда въ Лондонъ.

Контрактъ, заключенный на четыре недѣли, оставался въ силѣ и мы рѣшили съ Андреевымъ, что въ случаѣ музыка директору не пон-

Перепечатаваемъ цѣликомъ эти воспоминанія секретаря В. В. Андреева — изъ „Московского Листка“ № 42 - 3 за текущій годъ.

равится, то онъ уплатить условленные деньги за контрактное время и предложить намъ выѣздомъ въ Лондонъ не беспокоиться.

Разумѣется, игнорируя вопросъ денежный—являлся на сцену лишь вопросъ чести. Но всякія разсужденія по поводу наступающаго испытанія носили чисто академическій характеръ, и мы рѣшили терпѣливо ожидать.

На третій день послѣ помянутой телеграммы, я получилъ вторую телеграмму изъ Варшавы, въ которой секретарь директора лаконически писалъ: „Директоръ будетъ васъ слушать завтра половина четвертаго“.

Совершенно непривычная для насъ система переговоровъ окончательно поставила насъ втупикъ. Однако надо было готовиться.

Насталъ завтрашній день и минута въ минуту явился директоръ со своимъ секретаремъ. Директоръ—резервуаръ молчанія, величественнѣ всякаго олимпійца.

По окончаніи искуса, директоръ всталъ, надѣлъ цилиндръ и сказавъ сквозь зубы:—„Good by“—неизвѣстно кому, направился къ двери. Я догналъ секретаря и спросилъ:—ну, какъ, понравился ему оркестръ или нѣтъ?

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ,—завтра я васъ увѣдомлю.

Послѣ ухода этихъ господъ, мы окончательно рѣшили съ В. В., что заработали деньги, не работая.

Однако, наши предположенія не оправдались.

На слѣдующій день мнѣ было предложено пріѣхать въ гостиницу для полученія необходимыхъ суммъ по перевозкѣ всего оркестра въ 30 человекъ въ Лондонъ.

Съ перваго-же момента, покинувъ вокзалъ Victoria Station, въ Лондонѣ, мы вступили въ какой-то заколдованный лѣсъ. Насъ ослѣпила та несмѣтная масса электрическаго свѣта, который шелъ буквально со всѣхъ концовъ. Фонари, таксомоторы, сотни электрическихъ рекламъ на домахъ—все это до такой степени было качественно и количественно грандіозно, что прежде, чѣмъ начать хлопоты о багажѣ—мы всѣ стояли и любовались этимъ невиданнымъ зрѣлищемъ. Вскорѣ, однако, къ намъ подошелъ нашъ лондонскій агентъ и сообщилъ, что для Андреева и меня имѣется „автомобиль“, а для гг. артистовъ „taxi“: мы всѣ можемъ ѣхать и о багажѣ не беспокоиться,—имѣются люди, которые все знаютъ и все сдѣлаютъ.

Такъ какъ поѣздка эта нисколько насъ не утомила, то мы выразили любезному агенту наше желаніе посмотреть тотъ театръ, въ которомъ мы будемъ концерттировать.

— Ваше желаніе вполне совпадаетъ съ моимъ намѣреніемъ,—любезно отвѣтилъ намъ нашъ спутникъ, и черезъ нѣсколько минутъ передъ нами высился удивительной красоты дворецъ, съ грандіознымъ глобусомъ на верху башни, съ свѣтящейся надписью „Coliseum“. Весь фасадъ зданія освѣщенъ электрическими лампіонами и на подъѣздѣ электрическій транспарантъ, возвѣщающій о скоромъ пріѣздѣ знаменитаго Русскаго оркестра балалаечниковъ В. В. Андреева.

Василий Васильевич, увидавъ свое имя въ такомъ широкомъ масштабѣ, да еще въ „городѣ городовъ“,—потерялъ самообладаніе и сталъ сильно нервничать, и много стоило труда нашему агенту уговорить его зайти внутрь театра, въ которомъ шло представленіе.

Мы вошли, но пробыли тамъ не болѣе минуты. Андреевъ испугался одного вида этого страшнаго театра. Театръ вмѣщаетъ до 5,000 человѣкъ. Высота зала, благодаря куполу, доходитъ до 30 аршинъ.

— Ой, страшно!.. Я прямо таки готовъ сейчасъ вернуться въ Петроградъ,—со вздохомъ сказалъ Андреевъ, прося меня перевести на англійскій языкъ его испугъ нашему агенту. Тотъ засмѣялся и просилъ меня успокоить Андреева, причемъ, однако, замѣтилъ, что онъ отлично понимаетъ всю серьезность положенія Андреева.

Комнаты были для насъ приготовлены, и мы съ Андреевымъ отправились къ себѣ въ гостиницу. Андреевъ всю ночь не спалъ, и мы поболтали съ нимъ до утра о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ на насъ Лондонъ съ его 6-милліоннымъ населеніемъ.

Къ 12 часамъ дня мы всѣ собрались въ театрѣ для репетиціи. Встрѣтившій Андреева и меня „начальникъ сцены“, т.-е. по нашему режиссеръ, сразу обдалъ насъ своею холодною, объявивъ намъ, что мы слишкомъ рано пришли и что репетиція, „если она намъ необходима“, можетъ состояться не ранѣе окончанія репетиціи г-жи Иды Рубинштейнъ.

Эта танцовщица подъ вліяніемъ огромной рекламы, трактовалась въ Лондонѣ, какъ первоклассная знаменитость: тѣмъ болѣе, что повсюду кричали, что современный король Русской музыки А. К. Глазуновъ специально для нея написалъ „Танецъ семи покрывалъ“. Вотъ на этотъ-то танецъ мы и пришли. То подобострастное отношеніе, какое мы увидѣли среди мѣстнаго оркестра, во главѣ съ дирижеромъ и режиссеромъ, привело насъ къ мысли, что, во всякомъ случаѣ мы „первыми“ здѣсь не будемъ. Первенство принадлежитъ знаменитой неизвѣстности—Идѣ Рубинштейнъ.

Тѣмъ не менѣе мы расположились въ зрительномъ залѣ и смотрѣли репетицію. Возвращаться домой не стоило.

Танцы не ладилась. Ида нервничала и капризничала. Очевидно, увидѣвши самое себя въ томъ, что она есть центръ завтрашняго вечера, она продержала насъ въ ожиданіи слишкомъ полтора часа, послѣ чего режиссеръ съ усталымъ видомъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, что онъ желаетъ со мной говорить. Я всталъ съ мѣста и, вскарабкавшись на сцену (мнѣ не было предложено пройти черезъ дверь, ведущую на сцену), услышалъ вопросъ: сколько васъ, сколько нужно стульевъ?—Все это говорилось неохотно и черезъ плечо.

Началась репетиція. Я поднялся на мѣста въ галлерей, что приблизительно подобно хорошему шестому этажу и сталъ слушать, какъ звучитъ оркестръ. Полное разочарованіе, но я не считалъ возможнымъ сказать объ этомъ Андрееву, который уже успѣлъ повѣсить носъ на

квинту. Онъ прервалъ репетицію на половинѣ и рѣшилъ отдаться на волю Божію.

Наступилъ, наконецъ, и понедѣльникъ, 12 августа. Явились мы въ театръ, о нашемъ приходѣ доложили начальнику сцены, который не замедлилъ явиться и объявилъ, что съ этого момента мы обязаны подчиняться всѣмъ его требованіямъ, разумѣется во время пребыванія на сценѣ. Затѣмъ объявилъ, что никому, и даже г. Андрееву, не разрѣшается стоять за кулисами, что мы должны сидѣть въ своихъ комнатахъ и ждать звонка, послѣ котораго немедленно обязаны собраться на сценѣ, расположиться въ томъ порядкѣ, какъ того требуетъ г. Андреевъ, и затѣмъ сидѣть, пока сцену, т. е. кругъ не повернуть къ занавѣсу. Не разговаривать и не курить.

На мой вопросъ, какъ поступить Андрееву на случай требованія публикой повторенія, режиссеръ какъ-то кисло улыбнулся и заявилъ, что никакихъ повтореній у нихъ не полагается и что вообще въ нашемъ распоряженіи имѣется шестнадцать минутъ и всегда въ одно и то-же, точно указанное время.

Близится къ концу танецъ „семи покрываль“ и при почти полномъ безмолвіи со стороны аудиторіи, оканчиваетъ свой выходъ г-жа Рубинштейнъ.

Андреевъ, блѣднѣе смерти, едва держитъ въ рукахъ дирижерскую палочку. Завертѣлся кругъ и оркестръ подвезли къ рампѣ. Взялся занавѣсъ. Тишина. Ни хлопка. Справа выходитъ Андреевъ. Раздались какіе то два, три поощрительныхъ аплодисмента, и онъ началъ первый номеръ своей программы. По окончаніи по всему зрительному залу пошелъ какой-то странный шорохъ, похожій на шептанье. Аплодисментовъ никакихъ. Послѣ второго номера публика зашевелилась, раздались громкіе аплодисменты и этотъ возрастающій успѣхъ шелъ до исполненія оркестромъ нашей волжской „Эй, ухнемъ“. По окончаніи пѣсни, и когда послѣдняя нота замерла гдѣ-то вдали, въ залѣ одинъ моментъ была гробовая тишина и затѣмъ сразу эта тишина превратилась въ сплошную бурю аплодисментовъ. Англичанинъ, не привыкшій выражать свой восторгъ, на этотъ разъ измѣнилъ своему принципу и потребовали „encore“ (слово „bis“ у нихъ не употребляется).

Растерянный Андреевъ долго кланяется, смотритъ по сторонамъ, и не знаетъ, что дѣлать, повторять или нѣтъ. Режиссеръ спускается занавѣсъ, подбѣгаетъ къ Андрееву и говоритъ ему: „encore“. Занавѣсъ подъ немолчный громъ аплодисментовъ вновь взвывается и Андреевъ принужденъ играть еще разъ „Эй, ухнемъ“.

Вмѣсто шестнадцати минутъ, Андреевъ пробылъ на первый разъ на сценѣ тридцать шесть минутъ, чѣмъ понятнo нарушилъ порядокъ времени всей программы, но одновременно заложилъ сразу краеугольный камень своему англійскому успѣху.

Эти тридцать шесть минутъ оставались за нимъ на все время его пребыванія въ Лондонѣ.

В. В. Андреевъ.

На вечернемъ спектаклѣ повторилось буквально то же самое, нашъ лондонскій агентъ заявилъ: „Поздравляю васъ, г. Андреевъ, вы для Англии уже сдѣланы“, т. е. вы уже упрочились.

На другой день я съ жадностью накупилъ англійскихъ газетъ и началъ ихъ переводить Андрееву. Мнѣ въ голову никогда не приходило, что англійскіе музыкальные критики обладаютъ такой эрудиціей. То не были рецензій, съ похвалою или хулою. Это были статьи, съ детальнымъ разборомъ Русской народной музыки, описаніемъ народныхъ инструментовъ, и всѣ газеты безъ исключенія остановили свое особенное вниманіе на волжской: „Эй, ухнемъ“.

Андреева назвали „вдохновеннымъ“,—а оркестръ „клубомъ ху дожниковъ“. Такъ прошелъ дебютный день Русской пѣсни у нашей союзницы.

Театръ „Coliseum“ одинъ изъ самыхъ большихъ театралныхъ помѣщеній въ Лондонѣ.

До нашего приѣзда этотъ театръ не пользовался популярностью въ Лондонѣ и дѣла въ немъ не могли считаться хорошими. Ходили слухи, что одно время его хотѣли прикрыть изъ-за убыточности.

Я позволяю себѣ нѣсколько уклониться отъ прямой дороги и отвести читателя въ сторону.

Мнѣ хотѣлось бы лицъ, интересующихся театралнымъ вопросомъ, познакомить съ постановкою его въ Англии.

Театры въ Англии распредѣляются на оперные, драматическіе, опереточные и „Musik Hall“ („Музикъ Холлъ“).

Эти „musik hall“ представляютъ собою типъ театра, совершенно непринятаго у насъ въ Россіи.

Въ такомъ Musik Hall есть все, что можетъ быть предметомъ для сцены, т. е. драматическая вещь, актъ Шекспировской трагедіи, фокусникъ, скрипачъ, танцующій негръ, ніанистъ, балетъ, актъ изъ оперы, куплетистъ, рассказчикъ, оперетка и водевиль.

Въ такомъ „Musik Hall“—разрѣшается курить—вотъ исключеніе, которое разнитъ его отъ самаго обыкновеннаго театра.

Въ лѣтнее время посѣтители могутъ не сдавать своей верхней одежды въ гардеробъ, а могутъ брать ее съ собою или въ надѣтомъ видѣ или перекинувши черезъ руку.

Распространенный у насъ слухъ о томъ, что въ „Musik-Hall“ можно ѣсть и пить—не отвѣчаетъ дѣйствительности.

Въ Англии есть „Musik-Hall“, которые даютъ два представленія ежедневно.

Въ воскресенье—Англія увеселеніямъ не предается и музыка разрѣшается лишь благотворительнымъ учрежденіямъ, устраивающимъ концерты въ пользу бѣдныхъ приходскихъ богадѣленъ.

Воскресенье—день молитвы и спорта.

Съ утра всѣ города Англии въ праздничный день напоминаютъ городъ, покинутый жителями передъ входомъ въ него непріятеля.

Никакого движенія.

Торговля оканчивается съ субботы съ часа пополудни.

Все населеніе выѣзжаетъ въ „country“, что равносильно нашему выѣзду на дачу.

Самымъ излюбленнымъ спортомъ высшаго класса въ праздничные дни считается „гребной спортъ“.

Мнѣ пришлось совершить поѣздку на моторной лодкѣ въ старинный дворецъ, лежащій на Темзѣ въ 30 верстахъ отъ Лондона, и эта поѣздка произвела на меня неизгладимое впечатлѣніе.

Наша моторная лодка двигалась со скоростью черепахи, такъ какъ приходилось все время лавировать между тысячею лодокъ съ веселящимися „по своему“ ladies and gentlemen („дамами и кавалерами“).

Эти лодки, сдѣланныя изъ разныхъ дорогихъ деревьевъ, имѣютъ на своихъ сидѣніяхъ бархатныя подушки разныхъ цвѣтовъ, именныя вымпелы и такимъ образомъ представляютъ собою необычайно красивое зрѣлище.

Если погода позволяетъ, то это удовольствіе начинается съ 7—8 часамъ утра и длится до захода солнца.

Въ каждой такой лодкѣ имѣется складной столикъ, который перекидывается поперекъ лодки и сервируется съ полнымъ комфортомъ.

Во время завтрака, что обыкновенно бываетъ на Темзѣ въ определенное время, лодки окружаются громаднымъ количествомъ лебедей, которые принимаютъ дѣятельное участіе въ трапезахъ гуляющихъ.

Между прочимъ, мнѣ рассказывали, что эта красивая птица обладаетъ прекрасною зрительною памятью и подплываетъ для ѣды къ однимъ и тѣмъ же лицамъ.

Странное впечатлѣніе производятъ на незнакомаго съ обычаями страны несущіеся съ берега звуки рояля.

Я долго прислушивался къ прекрасно исполняемому вальсу изъ „Принцессы долларовъ“ и искалъ глазами мѣстонахожденіе инструмента, пока не получилъ объясненія отъ собственника моторной лодки.

— Это играютъ въ плавучей дачѣ,---сказалъ онъ мнѣ, указывая на громадную баржу съ двухъ этажнымъ домомъ на ней.

Такія плавучія дачи—принадлежность богатаго класса, раскинуты по берегамъ Темзы и недолго стоятъ на одномъ мѣстѣ.

Когда владѣльцамъ такой дачи дворца надобдается окружающіи ихъ видъ, то они вывѣшиваютъ сигналъ для курсирующихъ маленькихъ пароходовъ и послѣдніе, взявъ эту дачу на буксиръ, ведутъ ее до того мѣста, которое владѣльцы изберутъ для новой краткосрочной стоянки.

Послѣ завтрака начинается сладкое „far niente“—дама читаетъ романъ, кавалеръ—газету.

Сколько тутъ поэзіи!

А говорить, что англичане сухой и инертный народъ.

Только у однихъ англичанъ можно поучиться разумной во всѣхъ отношеніяхъ жизни.

Их девизъ— „въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа“.

Сухость натуры англичанина опровергается уже однимъ тѣмъ, что всякіи англичанинъ фанатическій поклонникъ цвѣтовъ.

Во всемъ мірѣ вы ни встрѣтите такихъ садовъ и цвѣтниковъ, какъ въ Англии.

Тотъ старинный замокъ, куда я направлялся въ моторной лодкѣ, построенъ въ XIII столѣтіи и славится своими садами.

По красотѣ и художественности видѣнныхъ мною клумбъ можно было-бы предположить, что въ томъ замкѣ живутъ люди, поклоняющіеся цвѣтамъ, какъ язычники поклонялись огню.

Представьте себѣ клумбу въ 1¹/₂—2 сажени въ діаметрѣ, засаженную геліотропомъ на кустахъ въ человѣческой ростъ!

Развѣ это не культъ?

Возвращаюсь къ первоначальному разсказу.

Послѣ нашего дебюта пришлось очень долго бороться съ бессонницей.

Намъ не спалось.

Мы проговорили съ Василюемъ Васильевичемъ до 5 часовъ утра.

Меня интересовали отзывы прессы.

Уже въ 8 часовъ утра я позвонилъ лакею и поручилъ ему принести мнѣ всѣ газеты, издающіяся въ Лондонѣ.

Привыкнуши въ Россіи къ 3—4 газетамъ, я былъ пораженъ, когда мнѣ принесли ихъ около двадцати.

Съ жадностью набросился я на чтеніе и переводъ ихъ.

Со средоточеннымъ видомъ слушалъ меня Василии Васильевичъ и вдругъ я увидѣлъ слезы на его глазахъ.

Я прервалъ чтеніе.

— Двадцать пять лѣтъ я лелѣялъ и холилъ нашу Русскую балалайку,—сказалъ онъ, и наконецъ, она, моя затаенная мечта—исполнилась. Мною взлелеянную балалайку услышала Англія и ее признала. Какое счастье! Теперь я не боюсь смерти—я знаю, что и безъ меня балалайка будетъ существовать и процвѣтать.

Англія не умѣетъ восхищаться „такъ себѣ“, я знаю, что англичанинъ дастъ ей предпочтеніе передъ мандалиной и будетъ на ней играть.

Радости и восторгамъ Андреева не было конца.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ телефоннымъ сообщеніемъ изъ конторы гостиницы о приходѣ какихъ-то господъ, желающихъ имѣть у меня „appointment“ (аудіенцію).

— Я присланъ изъ редакціи моей газеты,—началъ очень почтительнаго вида господинъ, просить васъ не отказать ознакомить меня съ исторіей возникновенія и дальнѣйшаго совершенствованія вашего дивнаго національнаго инструмента „балалайки“.

Моя газета, которая имѣетъ около 1¹/₂ милліона подписчиковъ хотѣла-бы ознакомить страну съ этимъ чуднымъ инструментомъ въ болѣе детальныхъ статьяхъ.

Мнѣ оставалось лишь благодарить и просить его запастись терпѣніемъ для выслушанія всѣхъ перепетій, которыя пережилъ Велико-русскій инструментъ до сегодняшняго дня.

Весѣда наша длилась около двухъ часовъ, послѣ чего г. Бридлей всталъ и, горячо пожавъ мнѣ руку, сказалъ:

— Моя совѣсть въ томъ порука, что Англія сумѣетъ оцѣнить вашу музыку, и я надѣюсь, что ваше пребываніе продлится здѣсь на очень долгое время.

Хотя я и увѣрялъ его, что мы приглашены лишь на четыре недѣли, тѣмъ не менѣе, онъ упорно повторялъ свое, утверждая, что англичане не любятъ говорить „зря“, и онъ остается при своемъ убѣжденіи, что Лондонъ насъ скоро не выпуститъ.

По его уходѣ я вновь вернулся къ газетамъ. Цѣлые столбцы были посвящены вчерашнему появленію Андреева, цѣлыя тирады по адресу читателей съ настойчивымъ приглашеніемъ ихъ непременно быть въ Coliseum'ѣ, присовокупляя при этомъ, что кто изъ лондонцевъ не пойдетъ послушать Андреева, тотъ не будетъ имѣть права сказать, что онъ знакомъ съ Русскимъ народомъ и его душой.

Въ этотъ-же день я получилъ на имя Андреева до сорока писемъ, преимущественно отъ дамъ съ поздравленіемъ въ успѣхъ и благодарностью за чарующіе звуки балалайки.

Откуда только брались восторги и словоохотливость холоднаго англичанина?!

Пришлось заводить канцелярію.

Всѣ письма требовали того или другого отвѣта.

Корректность англичанъ къ корреспонденціи вошла въ поговорку.

Началась новая эра нашей жизни, такъ скоро смѣнившая „ту неопредѣленность“, съ которой мы жили наканунѣ.

Неузнаваемъ былъ во второй день концерта г. Крокетъ (Stage-manager—начальникъ сцены)—режиссеръ. Его предупредительности не было конца.

Меня спрашивали, удобно-ли намъ въ отведенныхъ намъ уборныхъ, не нужно-ли поставить г. Андрееву кушетку для отдыха, не привыкъ-ли онъ къ тишинѣ передъ концертомъ (въ этомъ случаѣ можно для него отвести другую уборную, болѣе отдаленную и проч.).

Словомъ, я чувствовалъ, что колоссальный успѣхъ вчерашняго дебюта сдѣлалъ насъ „хозяевами положенія“.

Спартанскія правила сцены были сразу нарушены.

Мнѣ было предложено пользоваться ключомъ отъ двери на сценѣ, ведущей въ зрительный залъ.

Небывалое отступленіе отъ правилъ, напечатанныхъ на плакатахъ, развѣшанныхъ на всѣхъ уборныхъ.

Выходъ въ этотъ вечеръ сопровождался громкими аплодисментами, къ которымъ, какъ мнѣ говорилъ г. режиссеръ, Coliseum совершенно не привыкъ и вообще, какъ онъ выразился, англичане не любятъ забѣгать впередъ—они любятъ платить по „заслугамъ“.

Давно касса Coliseum'a не видала аншлага о томъ, что „всѣ билеты проданы“.

Успѣхъ Андреева росъ съ каждымъ концергомъ.

Публика, привыкшая посѣщать Coliseum, совершенно отстала, такъ какъ должна была уступить мѣсто богатому классу, который съ быстротою неуловимой разбиралъ билеты по записямъ и на долю прежнихъ посѣтителей (рабочаго класса и служащихъ) ничего не оставалось, кромѣ верховъ.

Въ зрительномъ залѣ стали преобладать фраки, смокинги и декольте дамъ.

Нарядъ полиціи распорядился у подъѣзда порядкомъ между безчисленными автомобилями и кэбами, запружавшими улицу.

Наша „балалайка“ дала Лондону тонъ.

Прошлая недѣля.

Въ субботу меня попросили въ контору за иолученіемъ недѣльнаго гонорара. Въ Англии всѣ расчеты производятся по субботамъ (какъ со служащими, такъ и съ домовладѣльцами) и кассиръ, элгантный, молодой англичанинъ во фракѣ и цилиндрѣ, предложилъ мнѣ пересчитать деньги и просилъ указать ему, въ какихъ деньгахъ я желалъ-бы получить на будущее гонораръ. Онъ всегда будетъ такъ готовить его, чтобы мнѣ было удобно для расплаты съ оркестромъ. Онъ при этомъ заявилъ, что служить уже четвертый годъ въ Coliseum'ѣ и никогда онъ съ такимъ удовольствіемъ не выплачивалъ артистамъ деньги, съ какимъ онъ платилъ за неслыханное наслаженіе, испытанное имъ въ теченіе недѣли отъ Русской музыки.

Звонокъ главнаго директора прервалъ нашъ разговоръ.

Директоръ спрашивалъ, застанетъ-ли онъ меня въ конторѣ, ему необходимо со мною говорить.

Вскорѣ онъ явился, сіяющій радостью.

— Я пользуюсь своимъ правомъ по контракту,—началъ онъ,—и продолжаю вашъ ангажементъ еще на четыре недѣли, но вы сдѣлали бы мнѣ большое удовольствіе, если-бы согласились остаться свыше этихъ вторыхъ четырехъ недѣль — еще на четыре.

Я выразилъ на это согласіе г. Андреева и тутъ же подписалъ желаемый контрактъ, т. е. съ этого дня намъ оставалось пребыть въ Лондонѣ одиннадцать недѣль.

Съ самаго ранняго утра буквально ежедневно я былъ занятъ перепиской съ невѣдомыми мнѣ корреспондентами и корреспондентками и переговорами съ лицами, являвшимися съ разными предложеніями и просто для интервьюированія.

Въ короткое время недѣльнаго пребыванія на мое имя, какъ menager'a, пришли многочисленныя предложенія торговыхъ фирмъ о предоставленіи имъ монопольнаго права торговли балалайками и другими Русскими національными инструментами, какъ-то: домрами, гуслями и проч., причемъ всѣ эти фирмы ставили условіемъ, чтобы на

каждомъ такомъ инструментѣ стояла бы подпись Василя Васильевича Андреева.

Англичане, при всей своей медлительности, въ дѣлахъ являются самыми энергичными и быстрыми работниками.

Вслѣдъ за полученіемъ писемъ ко мнѣ уже явился уполномоченный самой крупной музыкальной фирмы Брейткопфъ и Герталь, представителемъ которой является въ Москвѣ Россійское издательство С. А. Руссевицкаго, и предложилъ мнѣ не откладывать разрѣшенія возбужденнаго имъ въ письмѣ вопроса о монопольной продажѣ балалаекъ и такъ убѣдительно доказывалъ всю основательность его предложенія, что я убѣдилъ г. Андреева подписать контрактъ съ этой фирмой.

Уполномоченный, получивъ контрактное письмо, тутъ же заказалъ на три тысячи рублей разныхъ инструментовъ и предложилъ впередъ деньги, отъ чего г. Андреевъ уклонился.

Казалось, что большого въ смыслѣ успѣха желать нечего.

Но это было только слабое начало того, что представляло перерезить и перечувствовать намъ въ этой прекрасной культурной Англіи.

Уже черезъ два дня послѣ подписанія мною контракта о дальнѣйшемъ пребываніи нашемъ въ Лондонѣ, на кинематографическомъ полотнѣ сцены появился портретъ Андреева въ натуральную величину съ объявленіемъ, что „Царскій оркестръ В. В. Андреева остается въ театрѣ Coliseum на болѣе продолжительный срокъ“.

При появленіи этой картины зрительный залъ огласился долго несмолкаемыми аплодисментами. Упомянувъ о кинематографическомъ полотнѣ, я считаю нужнымъ объяснить, что въ программу каждаго „Musik-Hall“ входитъ одинъ номеръ кинематографа, а въ антрактѣ (больше одного не бываетъ), на этомъ полотнѣ объявляется программа будущей недѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ показываются объявленія разныхъ торговыхъ фирмъ (только въ краскахъ).

Въ теченіе первой же недѣли выясняется вкусъ англичанъ.

Они охотно слушали салонную музыку, исполняемую оркестромъ, но приходили въ ражъ, когда начиналась наша народная пѣснь.

Особеннымъ ошеломляющимъ успѣхомъ пользовалась волжская— „Эй, ухнемъ“.

Ее приходилось повторять по четыре и даже по пяти разъ.

При ея исполненіи трудно было предположить присутствіе въ театрѣ пятитысячной толпы. Гробовое молчаніе и при послѣднихъ замирающихъ въ далеки звукахъ пѣсни какое-то столпотвореніе. Среди аплодисментовъ неистовые свистки (высшая мѣра похвалы).

Мы были, впрочемъ, о томъ предупреждены однимъ журналистомъ, что свистъ въ английскихъ театрахъ имѣетъ противоположное значеніе, чѣмъ у насъ въ Россіи.

Постепенно популярность Андреева росла и на улицѣ Лондона.

Къ намъ появлялись музыканты съ просьбой дать ноты нѣкоторыхъ Русскихъ народныхъ пѣсней. Многие изъ нихъ приносили набро-

санную на слухъ пѣсню на копирную бумагу — для провѣрки. Вскорѣ въ самыхъ фешенебельныхъ ресторанахъ, какъ, на примѣръ, въ „Savoу-Hotel“, въ „Caletou-Hotel“ раздавалась во время ужина заунывная мелодія „Эй, ухнемъ“.

При появленіи нашемъ въ этихъ ресторанахъ прерывалась музыка оркестра и, въ знакъ уваженія къ Андрееву, начинали играть тутъ же „Эй, ухнемъ“, причемъ публика любовно провожала глазами своего любимца до его стола и очень часто тутъ же аплодировала ему при исполненіи № 4 (порядковый номеръ „Эй, ухнемъ“ въ ренетурномъ спискѣ пьесъ, исполняемыхъ оркестромъ Андреева).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ю. М.

Страничка исторіи изъ жизни В. В. Андреева и его Императорскаго Великорусскаго оркестра.

Василій Васильевичъ Андреевъ родился въ городѣ Бѣжецкѣ, Тверской губерніи, въ интеллигентной семьѣ Русскихъ и тѣломъ и душой людей. Съ первыхъ лѣтъ своей сознательной жизни онъ пристрастился къ музыкѣ, чутко искалъ въ ней отзвуковъ своему настроенію. Проводя лѣто въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, въ имѣніи своихъ родителей, молодой Андреевъ живо столкнулся съ народной Русскою пѣсней, полюбилъ ее, — полюбилъ ее какъ-то сразу и ужъ никогда не позабывалъ ее, не отходилъ отъ нея. Одновременно съ этимъ онъ познакомился и съ игрою на балалайкѣ. Простой, но мелодичный инструментъ быстро увлекъ Андреева. Промелькнули дни, недѣли и онъ ужъ превосходить своего учителя — крестьянина въ искусствѣ игры.

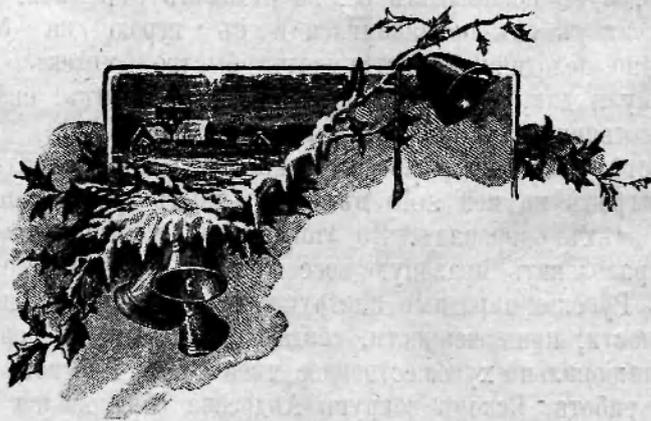
Вмѣстѣ съ собою Андреевъ привезъ въ Петроградъ и балалайку, сыгралъ на ней solo въ одномъ-двухъ музыкальныхъ кружкахъ — и всѣхъ очаровалъ. Но этого мало, у Андреева задачей было не развлекать праздную веселящуюся столичную публику, а возродить Русскіе народные инструменты, извлечь ихъ изъ мрака первобытности, приниженности, создать самобытный оркестръ, — развить національно-художественное творчество Русскаго люда. И закипѣла работа. Вскорѣ вокругъ Андреева образовался кружокъ изъ его учениковъ для совмѣстной игры.

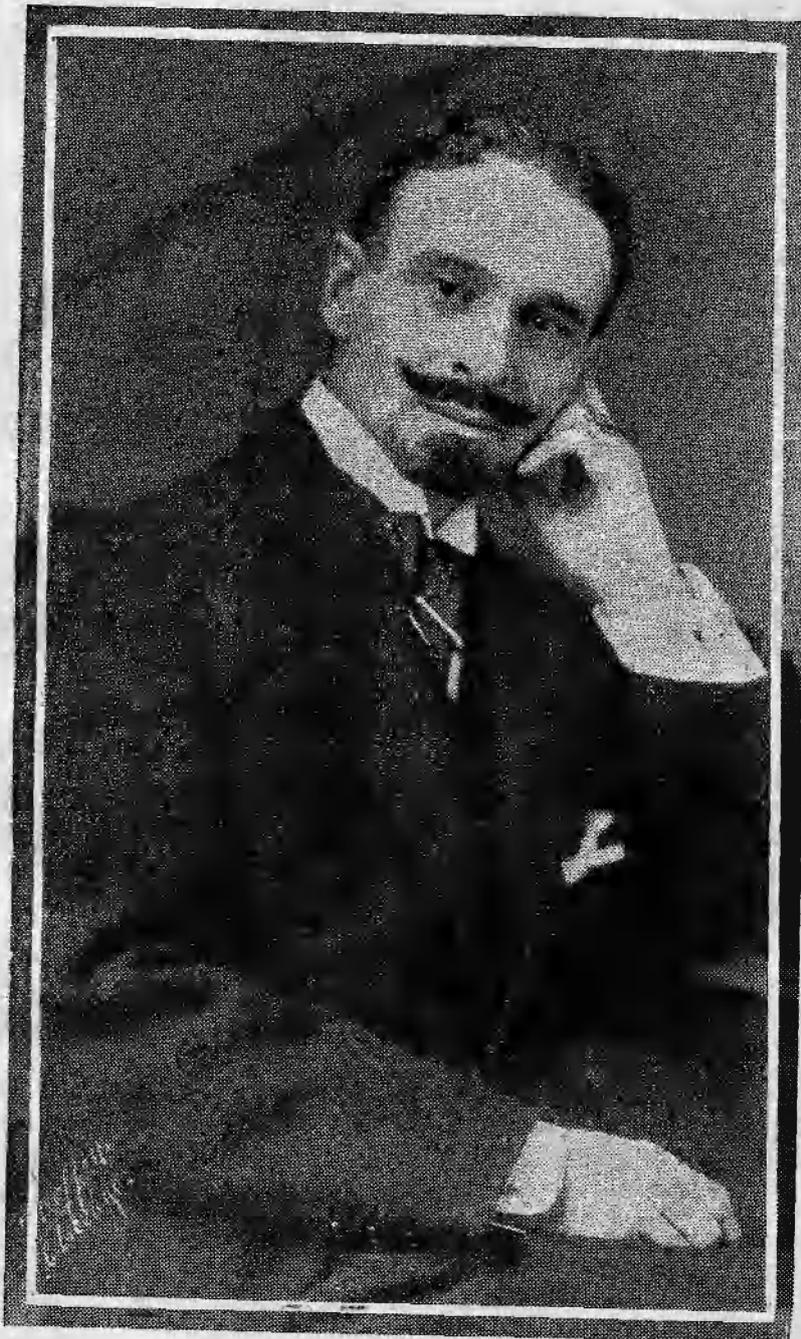
Мысль — создать разновидности балалаекъ вскорѣ находить свое осуществленіе. Андреевъ детально изучаетъ исторію Русской музыки и вообще всѣ музыкальные инструменты, бывшіе въ обиходѣ у Русскаго народа. Появляются въ его кружкѣ домры и

гусли (1888—9 гг.). Съ введеніемъ въ балалаечный ансамбль этихъ инструментовъ и съ увеличеніемъ числа исполнителей до 16 человѣкъ, В. В. Андреевъ далъ своему хору названіе *Великорусскаго оркестра*, такъ какъ всѣ инструменты, входящіе въ его составъ, принадлежатъ средней и сѣвернымъ полосамъ Россіи.

Появляется разнообразная музыкальная литература. Оркестръ Андреева уже исполняетъ вещи симфоническаго характера. Даровитые его сотрудники—В. Т. Насоновъ, Н. П. Фоминъ и Н. И. Приваловъ составляютъ цѣнные сборники народныхъ пѣсенъ для балалайки, пишутъ прекрасную школу—самоучитель А директоръ петроградской консерваторіи, извѣстный композиторъ А. К. Глазуновъ специально написалъ и инструментовалъ большую „Русскую Фантазію“, посвятивъ ее Великорусскому оркестру.

Въ настоящее время оркестръ Андреева располагаетъ обширнымъ репертуаромъ произведеній Русскихъ и иностранныхъ композиторовъ, куда входятъ пьесы симфоническаго, опернаго и салоннаго стилей.

В. В. Андреевъ.

Гекторъ Берліозъ.

28 ноября исполнилось 111 лѣтъ со дня рожденія одного изъ величайшихъ французскихъ композиторовъ, творца программной музыки—Гектора Берліоза.

По окончаніи консерваторіи, на стипендію, полученную вмѣстѣ съ наградой за сочиненную кантату „Сарданпаль“, Берліозъ отправился въ Италію, гдѣ случайное знакомство съ извѣстной ирландской артисткой миссъ Смитсонъ дало ему сильныя впечатлѣнія, подъ влияніемъ которыхъ онъ написалъ свое первое колоссальное произведеніе—Фантастическую симфонію.

Миссъ Смитсонъ, ставшая впоследствии его женой, была тѣмъ живымъ источникомъ вдохновенія Берліоза, который вмѣстѣ съ его природной страстностью и оригинальностью натуры—создалъ изъ Берліоза одного изъ величайшихъ творцовъ музыки всего міра.

Стремясь расширить предѣлы инструментальной музыки, Берліозъ не придерживался строго опредѣленной формы, а подчинялся исключительно своему оригинальному вдохновенію. Онъ высоко цѣнилъ реальность, звукоподражаніе, декламацию и черезъ это его великолѣпно задуманныя и эффектные вещи поражаютъ своими красками и высокимъ достоинствомъ инструментовки.

Насколько мощны и грандіозны его произведенія говоритъ то обстоятельство, что его программныя драматическія вокально-инструментальныя симфоніи, являются среднимъ между девятой симфоніей Бетховена и оперой Вагнера.

Произведенія Берліоза вообще поражаютъ своей колоссальной величиной, такъ какъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности, по своему объему равняется массѣ маленькихъ сочиненій.

Для поясненія той фантастичности его произведеній, которыми онъ проникнуты, я приведу программу къ его «Фантастической симфоніи», предпосланную самимъ Берліозомъ.

Эта «Фантастическая симфонія» или «Эпизодъ изъ жизни артиста» (ор. № 14) написана была Берлиозомъ въ 1830 году, подъ вліяніемъ его страстной любви къ Генриеттѣ Смитсонъ. Вотъ ея содержаніе.

«Молодой музыкантъ, одаренный болѣзненной чувствительностью и пылкой фантазіей, въ порывѣ любовнаго отчаянія отравляется опиумомъ. Доза наркотина оказывается слишкомъ слабой, чтобы повлечь за собой смерть, и юноша лишь впадаетъ въ глубокий сонъ, сопровождаемый странными видѣніями, во время которыхъ его чувства, переживанія, воспоминанія воплощаются въ его больномъ мозгу въ музыкальные образы и мысли. Даже любимая женщина и та стала для него мелодіей, назойливой мыслью, которая его всюду преслѣдуетъ и всюду слышится.

I. Мечты. Страсть. Largo. Allegro agitato appassionato assai. Religiosamente.

Сперва онъ вспоминаетъ душевную тревогу, смутную страсть, тоску, безпричинную радость, испытываемая имъ передъ тѣмъ, какъ встрѣтитъ ту, которую ему было суждено полюбить; затѣмъ—огненную страсть, которую она въ немъ пробудила, и мучительныя страданья, безумныя вспышки ревности, приливы нѣжности, религіозныя утѣшенія.

II. Балъ. Allegro non troppo.

Онъ встрѣчается на балу съ любимой среди шума праздничныхъ ликованій.

III. Сцена на лонѣ природы. Adagio.

Какъ-то вечеромъ, за городомъ, въ полѣ, онъ слышитъ двухъ переэликающихся на свирѣляхъ пастуховъ; этотъ пастушечій дуэтъ, лоно природы, тихій шелестъ деревьевъ, качаемыхъ вѣтромъ, нѣсколько взыхнувшихъ лучей надежды—все вмѣстѣ озаряетъ его сердце необычайнымъ покоемъ, придаетъ его мыслямъ болѣе легкій, радостный строй; но она снова появляется, сердце его сжимается отъ тоскливыхъ предчувствій: не обманетъ-ли она его снова?

Одинъ изъ пастуховъ опять наигрываетъ свою наивную мелодію, но другой уже не отвѣчаетъ. Солнце садится... Отдаленный грохотъ грома... Одиночество... Молчаніе.

IV. На пути къ казни. Allegro non troppo.

Ему снится что онъ убилъ ту, которую любилъ, что онъ приговоренъ къ смерти, что его ведутъ на казнь. Шествіе идетъ подъ звуки марша, то глухого и дикаго, то торжественнаго и звонкаго; заглушенный мѣрный звукъ шаговъ внезапно смѣняется самые громкіе взрывы марша. Подъ конецъ на мгновеніе появляется *idée fixe*, словно послѣднее воспоминаніе любви, прерванное роковымъ ударомъ топора.

VI. Сонъ въ ночь шабаша. Larghetto.

Allegro assai.

Онъ видитъ себя на шабашѣ, среди отвратительнаго сборища призраковъ, вѣдьмъ, всякаго рода чудовищъ, явившихся на его похороны.

Странные звуки, стоны, взрывы смѣха, далекие крики, которымъ какъ будто вторять другіе крики. Врывается опять *мелодія любимой*; но она потеряла свой характеръ благородства и скромности, теперь это

только обыкновенная, легкомысленная, гротескная танцевальная мелодія: это *она*, пришедшая на шабашъ... Ревъ радости при ея появленіи... Она присоединяется къ діавальской оргіи...

Похоронный звонъ, народя-бурлескъ на *Dies irae*. Рондо шабаша. Сатанинскій хороводъ кружится вихремъ, оргія достигаетъ своего апогея. Одновременно рондо шабаша и *Dies irae*!!

Изъ числа другихъ произведеній Берліоза упомянемъ: драматическую симфонію «Ромео и Джульетта», драматическую легенду «Фаустъ», ораторію «Дѣтство Христа», увертюру къ байроновскому «Корсаръ», симфонію «Гарольдъ въ Итали», «Requiem», кантату «5-ое мая» (на смерть Наполеона). Этотъ великій инструменталистъ замѣчательнъ и какъ писатель о музыкѣ и безпристрастный критикъ. Изъ его сочиненій отличимъ: *Voyage musical en Allemagne et en Italie*, „*Les grotesques de la musique*“.

Студентъ Вяч. Игнатовичъ.

Театръ и музыка.

19-го ноября въ театрѣ А. С. Суворина состоялась генеральная репетиция пьесы Артура Пинеро: „Берегитесь заgrimированныхъ женщинъ“. Артистка Н. Н. Музиль Бороздина совершенно оправилась отъ болѣзни и свою роль провела заразительно весело. Второй актъ, сложный по постановкѣ, ужинъ и балъ (въ фойе опереточнаго театра) въ присутствіи опереточныхъ артистокъ и ихъ поклонниковъ прошелъ очень стройно. Кромѣ Н. Н. Музиль-Бороздиной въ пьесѣ участвуютъ г-жи Карчагина-Александровская, Троянова, Кирова, Натанская, Чудовская, Никитина и др. Мужской персоналъ—въ лицѣ гг. Нерадовскаго, Боронихина, Хворостова, Гарина, Чубинскаго, Урванцова, Глинскаго и др. Въ антрактахъ были сдѣланы снимки фотографомъ Оцупъ. Режиссируетъ пьесу Ев. Павл. Карповъ.

— 21 го ноября было весело безъ затѣй, по старинному. Развеселила всѣхъ почтенная юбилярша, пьеса Дьяченка „Гувернеръ“ справившая свой 50-лѣтній юбилей. Конечно, вся суть въ исполненіи, а разыграли „Гувернера“ прекрасно, да и поставили хорошо. Г. Валуга, типичнѣйшій ш-г Дагсу, былъ героемъ вечера. Пьеса имѣла большой успѣхъ.

Юбилей пьесы.

(„Гувернеръ“, Дьяченка).

Эта пьеса Дьяченка, полувѣковой юбилей которой удачно отметили въ Суворинскомъ театрѣ самая кажется популярная изъ множества пьесъ плодовитаго автора. Теперь имя Дьяченка почти забыто, а большой публикѣ и совсѣмъ неизвѣстно, а вѣдь нѣкогда онъ былъ, если не властителемъ думъ, то уже навѣрное властителемъ репертуара. Александринскій театръ былъ наводненъ, заполоненъ имъ. „Я могу сравнить г. Дьяченка съ безсмѣннымъ пономаремъ съ Александринской сцены“, писалъ покойный А. С. Суворинъ, негодуя на такое засилье.

Только оперетка съ г-жой Лядовой могла соперничать съ пьесами Дьяченка. „Примѣнительно“ къ нему не только составлялся репертуаръ, но и приглашались актеры... Увы,— все преходяще. Слава—дымъ.

Талантъ у Дьяченка былъ небольшой, въ чемъ же причина такого успѣха? Онъ былъ опытнымъ „закройщикомъ“ пьесъ, умѣлъ „дѣлать“ роли, его пьесы казались театральными даже на сценѣ, но именно эта дутая театральность и нравилась невзыскательной публикѣ. Она охотно наполняла театръ—какъ же не поставить доходнаго автора? Это понятно, но не менѣе понятно и то что какъ только общій уровень вкуса повысился, пьесы Дьяченка исчезли почти безслѣдно.

Какъ я ужъ говорилъ „Гувернеръ“—одна изъ самыхъ популярныхъ его пьесъ. Причиной тому эффектная роль „гувернера“ m-r Darcy соблазнившая даже такого большого артиста, какъ В. В. Самойловъ. Послѣ него эту роль играли самые „настоящіе“ французы: Гитри и Петипа. Мы видѣли Петипа въ „Гувернерѣ“ сравнительно недавно все въ томъ же Суворинскомъ театрѣ. Это было, если не ошибаюсь, послѣднее его выступленіе въ Петроградѣ. Нечего и говорить, что игралъ онъ неподобно, и его горделивое „citoyen de Paris, parisien pur sang“ до сихъ поръ звучитъ въ моей памяти, какъ крикъ Шантеклера.

На юбилейномъ спектаклѣ роль Дарси игралъ г. Валуа, игралъ какъ умный, талантливый актеръ. Онъ не былъ конечно такимъ завзятымъ парижаниномъ, какъ Петипа, ему, можетъ, не хватаетъ живости жестовъ, но французамъ все таки онъ казался несомнѣннымъ, что самое главное. Превосходная приживалка Перецетуня—г-жа Корчагина-Александровская. Ея сочный, яркій талантъ такъ легко и свободно „развертываетъ“ подобныя роли, создавая цѣльный, законченный до послѣднихъ мелочей типъ. Жестокою генеральшу значительно смягчила г-жа Свободина-Барышева: надо быть построже. Что до Машеньки,—г-жа Косырева была довольно мила, робка, но черезчуръ робко и играла: не было ни вспышекъ молодой страсти, ни горячности въ монологахъ. Хороши г. Чубинскій (отецъ Машеньки), г. Хворостовъ (ея дядя), г. Денисовъ (кучеръ генеральши), Генеральскій сыночекъ вышелъ у г. Бертельса не только безхарактернымъ, но и придурковатымъ, и это было очень кстати.

Г. Карповъ поставилъ пьесу во вкусѣ 70-хъ годовъ, сохранивъ тогдашнюю обстановку и костюмы. Въ общемъ—цвѣтъ „Новое Время“,—„Гувернеръ“ произвелъ пріятное впечатлѣніе и пять актовъ промелькнули, какъ одинъ.

„Берегитесь заgrimированныхъ женщинъ!“

Эту тему, вѣроятно, использовалъ для проповѣди не одинъ англійскій насторъ, а Пинеро сдѣлалъ изъ нея легкую комедию.

Правда, онъ далеко не польстилъ „заgrimированнымъ женщинамъ“, но врядъ ли кто станетъ ихъ бояться, посмотрѣвъ его пьесу.

Пусть эти шансонеточныя феи, столь обольстительныя со спены, и вульгарны, и необразованы, и легкомысленны, если вмѣстѣ съ Пинеро въ облакъ золотой пудры, словно видѣніе неожиданнаго счастья, такого подсмотрѣть, что онѣ такое у себя дома когда маски сброшены и не передъ кѣмъ играть роль. Не въ томъ сила. Вѣдь человѣкъ, попавшій въ ихъ кокетливый будуаръ, сначала увидѣлъ ихъ на эстрадѣ, въ ореолѣ театральнаго обмана, страстнаго такого опьяняющаго, такого призывнаго и доступнаго. Каждому кажется, что „она“ поетъ и танцуетъ только для него, улыбается только ему, и каждый изъ этихъ мотыльковъ готовъ подчасъ рискнуть всѣмъ, чтобы сгорѣть съ ней въ одномъ пламени, но только скорѣй, какъ можно скорѣй... Разочарованіе, расплата, разбитая жизнь? Но кто думаетъ объ этомъ, когда передъ глазами неотступно стоитъ чарующій призракъ созданный театральными огнями...

У красавицы Лили, „звѣзды“ легкаго жанра, два поклонника. Одинъ— „старый“, для котораго нѣтъ закулисныхъ тайнъ, который давно примирился и съ невозможной „мамашей“ Лили, и съ циничной болтовней ея подругъ, и со всѣми кафе-шантанскими правами, столь дикими для свѣжаго человѣка. Онъ, еще такъ недавно блестящій гвардейскій капитанъ, любитъ Лили безумно, хоть для него ужъ нѣтъ иллюзій и театральныхъ обмановъ, и не менѣе безумно ее ревнуетъ ко всѣмъ и каждому, а въ особенности къ молодому лорду, появившемуся въ будуарѣ „звѣзды“. Да и сама Лили чувствуетъ, что полюбила этого красиваго мальчика, который смотритъ на нее съ такимъ нѣмымъ обожаніемъ. Мамаша и прочіе доброжелатели очень поощряютъ новый романъ Лили, находя, что капитанъ давно „выдохся“ и вообще ни къ чему не пригоденъ. Поэтому на веселый ужинъ въ честь Лили капитана рѣшено не приглашать. Ужинъ затянулся до утра и кончился объясненіемъ Лили молодого лорда. Да, она его любитъ, но ей жаль его, и она не хочетъ, чтобы онъ „запутался въ ея сѣтяхъ“. Какъ видите авторъ отдастъ должное и доброму сердцу „загримированныхъ женщинъ“... Въ самый разгаръ любовнаго великодушія является капитанъ. Онъ все видѣлъ, слѣдилъ за Лили всю ночь, переодѣвшись лакеемъ. Взбѣшенная Лили осыпаетъ его грубыми ругательствами, которыхъ сама потомъ стыдится. А капитанъ, убитый сознаніемъ, что нелюбимъ болѣе, рассказываетъ тутъ же какъ онъ разбилъ свою жизнь и карьеру изъ-за этой мишурной звѣзды, поднявшейся до театральнаго неба изъ нѣдръ мелочной лавочки. Лили погрязена его исповѣдью и, рѣшившись загладить свою вину, объявляетъ лорду, что выйдетъ замужъ за капитана. Однако и въ капитанѣ происходитъ переворотъ. Въ послѣднемъ актѣ онъ приводитъ къ Лили лорда и возвращаетъ ей и ея слово и возлюбленнаго. Неправда, что Лили разбила его, капитана, жизнь: онъ самъ виноватъ во всемъ, потому что у него не было силы воли. А такіе люди должны гибнуть. И капитанъ уѣзжаетъ въ Аргентину...

Вся пьеса,—какъ удачно отмѣчаетъ „Новое Время“,—разсыпается

дождем картинокъ и забавныхъ сценокъ изъ быта „звѣздъ“ и ихъ позолоченныхъ поклонниковъ. Знакомство Лили съ лордомъ заняло первый актъ, ужинъ въ честь Лили—цѣлыхъ двѣ картины второго акта, да еще и добрый кусокъ третьяго. И собственно пьеса начинается чуть не къ концу спектакля. Правда, петроградская публика съ удовольствіемъ отмѣчала всѣ подробности ужина въ ресторанѣ („хоть посмотрѣть!“), но это случайное обстоятельство не могло скрасить длину пьесы. Къ ея достоинствамъ принадлежатъ веселые, бойкіе діалоги, которыми авторъ сыплетъ, какъ изъ рога изобилія.

Мы не разъ видѣли г-жу Музиль-Бороздину въ роли „актрисы“, съ удовольствіемъ посмотрѣли и теперь. Она отлично разобралась въ Лили и съ большимъ искусствомъ показала въ ней и хорошее, и дурное, мастерски воспользовавшись каждымъ авторскимъ штрихомъ. „Мамашу“ сыграла конечно презабавно г-жа Корчагина-Александровская. Изъ пустой рольки г-жа Кирова сдѣлала просто игрушку: ея безшабашная „Дженъ“, лучшая подруга Лили, была самой жизнью. Отличный капитанъ—г. Нерадовскій; его ревность такъ мучительна, его великодушіе такъ просто. Мнѣ понравился и г. Воронихинъ въ роли молодого лорда.

Надо отдать справедливость г. Карпову:—заканчиваетъ рецензентъ „Новаго Времени“,—ночной кутежъ былъ поставленъ до того реально, что намъ, трезвенникамъ, прямо завидно становилось...

— Попалъ почти случайно на „Дочь народа“ въ **театрѣ попечительства о народной трезвости** и остался очень доволенъ. Это былъ вечеръ г-жи Ведринской. Она выбрала пьесу г-жи Анненковой-Бернаръ, пьесу, какъ сказано въ афишахъ, „разрѣшенную для постановки только г-жѣ Ведринской“. Кѣмъ разрѣшенная: цензурой или авторомъ? Какъ слышно „Дочь народа“ уже одиннадцать лѣтъ принята на Императорскія сцены и, если не удосужилась все еще туда попасть, то принятіе показываетъ, что вина проволоочки не въ цензурѣ. Да и что ей было бы запрещать? Во всякомъ случаѣ пьеса увидѣла наконецъ свѣтъ рампы, хотя быть можетъ на одинъ только вечеръ, разрѣшенная именно г-жѣ Ведринской.

„Дочь народа“, это—Жанна д'Аркъ. Послѣ Шиллера, на первый взглядъ, трудно взяться за сюжетъ, героиней котораго была бы Жанна. Но Шиллеръ такъ мало церемонился съ исторіей, столько сочинилъ, прибавилъ и искажилъ въ ея исторіи, не искаживши, впрочемъ, самаго характера Жанны—такова сила крупнаго таланта,—что можно попытаться взяться снова и за „Орлеанскую дѣву“. Такую попытку сдѣлала г-жа Анненкова-Бернаръ и по всему удачно рѣшила задачу. Во-первыхъ, она вѣрно слѣдуетъ исторіи, а во-вторыхъ, даетъ богатую канву для артистки съ талантомъ. Недостатокъ пьесы—отрывочность ея картинъ и большое число ихъ, не менѣе десяти. Это утомляетъ и расхолаживаетъ. Но исторія Жанны такъ изумительна, такъ реально-фантастична, что понимаешь автора, которому жалко опустить ту или другую черту этой дѣвушки. Отправная точка автора и отношеніе къ Жаннѣ по-

няты уже изъ заглавія: крѣпость народнаго духа поставлена въ ключъ свода, выстроеннаго зданія. Это хорошо, совсѣмъ хорошо.

Я въ этой коротенькой замѣткѣ не буду касаться пьесы и художественныхъ взглядовъ автора. Достаточно сказать,—писать далѣе г. М-е въ „Новомъ Времени“,—что пьеса заставляетъ задуматься, какъ вчерашняя исполнительница этой пьесы, г-жа Ведринская заставляетъ васъ быть тронутымъ. Такое чувство не всегда выносишь изъ театра. Современный репертуаръ таковъ, что вы сейчасъ же забываете то, что видѣли, едва оставляете залу; и исполнительское дарованіе не помогаетъ. Но вотъ Жанна, вотъ это легендарная и историческая фигура, это олицетвореніе народной вѣры, которая двигаетъ горами, и въ самомъ дѣлѣ подняла на ноги полузадушенную страну. Какъ это хорошо, трогательно и глубоко! Какъ это волнуетъ, помимо даже возможнаго отношенія къ переживаемымъ современнымъ событіямъ! И когда вы притомъ еще имѣете такую хорошую артистку, какъ г-жа Ведринская, съ ея рѣдкимъ по задушевности голосомъ,—„хорошій голосъ, рѣдкость у женщины“,—сказалъ еще Шекспиръ!—съ ея правдивою интонацією, когда, словомъ, видишь передъ собою актрису съ серьезнымъ дарованіемъ, то чувствуешь себя хорошо. Я вчера провель нѣсколько прекрасныхъ часовъ и за это благодарю дорогую историческую Жанну, благодарю автора, напомнившего мнѣ о ней и прекрасную артистку, трогательно передавшую именно тотъ образъ, который представлялъ себѣ всякій. Умѣнье дать такой ясный образъ, всѣмъ одинаково близкій, есть дѣло истиннаго таланта. До сихъ поръ я и не зналъ, что у насъ послѣ Стрепетовой есть трагическіе таланты. Тѣмъ лучше для театра и для всѣхъ.

„Дочь народа“ поставлена г. Долиновымъ, тщательно и исполняется артистами попечительства съ должнымъ подъемомъ. Почти всѣ были на своихъ мѣстахъ, начиная съ короля—г. Морвиля, королевы Изабеллы и остальныхъ главныхъ лицъ. Женскія роли, однако, ведены были тоньше и законченнѣе, вплоть даже до совсѣмъ маленькихъ ролей—подругъ Жанны.

Театръ былъ полонъ, а г-жа Ведринская получила массу цвѣтовъ. Вызывали, кажется, автора, но послѣдній не выходилъ.

— Прошло 13 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ впервые выступилъ г. Алчевскій. Онъ обратилъ вниманіе на себя, несмотря на свою неподготовленность, былъ принятъ на Маринскую сцену. На послѣдней онъ оставался недолго, переселившись въ Парижъ, сдѣлавшій изъ него артиста. Его талантъ развился, и вчера, когда мы слышали г. Алчевскаго въ **Народномъ домѣ**, должны были признать, что заграничная его репутація заслуженна. Его пріятно слушать, и по праву вчера въ „Гугенотахъ“ онъ имѣлъ шумный, неподдѣльный успѣхъ. Его большой голосъ—лирико-драматическій теноръ съ перевѣсомъ въ послѣднюю сторону. По силѣ и отчасти по тембру онъ напоминаетъ г. Ершова, но безъ горлового оттѣнка нослѣдняго, притомъ онъ вообще владѣеть звукомъ лучше премьеры Маринскаго театра. Его голосъ гибче и звукъ

разностороннѣе. Исполненіе какъ вокальное, такъ и сценическое,—тщательно обдуманное и выдержанное. Въ этомъ именно и сказывается школа, которой порой недостаетъ нашимъ артистамъ. Необходимо, чтобы намѣренія согласовались съ выполненіемъ. Привычка г. Алчевскаго къ школѣ противоположна привычкамъ артистовъ нашей сцены. Уже одна строгость его ритмики производить прекрасное впечатлѣніе; ибо что такое музыкальное исполненіе безъ ритма. Уже первымъ выходнымъ романсомъ Рауля онъ безусловно покорилъ залъ.

Вчерашній спектакль въ Народномъ домѣ вообще заслуживаетъ одобренія. Гг. Каченовскій и Астровъ, два очень хорошіе баса, исполняли Сен-Бри и Марсея. Въ рукахъ г-жи Виренъ находилась партія Маргариты. Менѣе выдержана роль Валентины у г-жи Марковой: видимо она была не въ голосѣ. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ г-жа Розова, исполнительница пажа. Эта начинающая пѣвица съ замѣчательно красивымъ по тембру голосомъ, ровнымъ и звучнымъ. Она безусловно даровита. Такой залѣтой и небольшой партіи, какъ Урбанъ, она дала жизнь и рельефъ; это можетъ сдѣлать только настоящее дарованіе. Оно особенно цѣнно потому, что г-жа Розова очень недавно на сценѣ. Мы едва ли ошибемся, думая, что ее ожидаетъ очень хорошая карьера.

(„Н. Вр.“).

— Г-жа Ванъ-Брандтъ не появлялась у насъ болѣе года и естественнo ея выступленіе возбуждало большой интересъ. Пріятно отмѣтить, что отзывы иностранной серьезной критики, въ частности бельгійской, объ ея спектакляхъ за границей, не оказались преувеличенными. Успѣхъ, постоянно сопутствующій талантливой пѣвицѣ, не вскружилъ ей голову и она, не „покладая рукъ“, продолжала работать надъ своимъ дарованіемъ. Результаты налицо. Мелодичный голосъ ея чаруетъ тембромъ, онъ выравненъ во всѣхъ регистрахъ, какъ одна нота. Предѣльные ноты не страшатъ пѣвицу—она ихъ беретъ легко, безъ малѣйшаго напряженія. Въ аріи перваго дѣйствія г-жа Ванъ-Брандтъ блеснула цѣлымъ колоратурнымъ фейерверкомъ. Отличная отчетливая гамма и безконечная трель въ финалѣ.

Благодаря правильной постановкѣ звука, ея голосъ заполнялъ весь грандіозный залъ и ее вездѣ одинаково хорошо было слышно.

Ея Виолетта—живое лицо; она трогаетъ. Зритель вѣритъ ея радостямъ и ея горю. Публика вызывала г-жу Ванъ-Брандтъ безконечно, забрасывая цвѣтами. Публики было очень много.

Слѣдующій спектакль артистки—„Цирюльникъ“.

Къ концертамъ В. В. Андреева.

Состоявшійся въ Михайловскомъ театрѣ первый въ этомъ сезонѣ концертъ нашего Императорскаго Великоорусскаго оркестра подъ управленіемъ его основателя солиста Его Величества В. В. Андреева опять воскресилъ въ Петроградскомъ обществѣ огромный интересъ къ

національному Русскому мелодичному инструменту, а богатая и разнообразная программа концерта была выполнена съ истинною художественностью подъ управленіемъ талантливаго дирижера. В. В. Андреевъ—прекрасный и страстный вдохновитель умѣетъ давать такое разнообразіе динамическихъ и ритмическихъ оттѣнковъ, что очарованные слушатели совершенно забываютъ, что передъ ними играетъ простенькій, примитивный инструментъ. . Первое выступленіе въ этомъ сезонѣ было сплошнымъ бурнымъ триумфомъ для „творца Русской балалайки“... Публика восторженно аплодировала ему послѣ каждого номера. Очередной второй концертъ съ совершенно новой программой состоится въ пятницу, 5 декабря, и опять въ томъ же Михайловскомъ театрѣ. Въ этомъ сезонѣ всѣ сборы полностью отдаются въ личное распоряженіе Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны на нужды нашихъ больныхъ и раненыхъ воиновъ.

— **Театръ Сабурова** открылся двумя спектаклями: утреннимъ, въ пользу лазарета служащихъ на Сѣверо-Западныхъ жел. дор., причемъ была поставлена комедія „Маленькая шоколадница“, и вечернимъ, на которомъ возобновили комедію Тестини „Пришла, увидѣла и побѣдила“. Въ обоихъ спектакляхъ выступила съ большимъ успѣхомъ Е. М. Грановская. Публики было много.

— **Въ обществѣ имени гр. А. Д. Шереметева** въ воскресенье 16 ноября г. А. Коптяевъ прочиталъ очередную лекцію по исторіи музыки. Лекція была посвящена недавно скончавшемуся композитору А. Лядову.

Лекція сопровождалась исполненіемъ нѣсколькихъ оркестровыхъ миниатюръ и одною болѣе крупною по размѣрамъ картинкой „Волшебное озеро“, прекрасно исполненныхъ оркестромъ, подъ управленіемъ г. Хессина. Затѣмъ слѣдовала фортепіанная пьеса и пѣсни—дѣтскія и народныя (въ гармонизаціи Лядова). Пьесы исполнены г жою Ф. Гольденблюмъ, а вокальные номера — г жами Калининой, Грипичъ и Бѣлявской. Аудиторія съ интересомъ прослушала программу до ея конца, и исполнители имѣли хорошій успѣхъ.

Московскіе театры.

Большой театр.

— А. М. Балашова во время командировки въ Маринскомъ театрѣ выступить въ балетѣ „Волшебное озеро“, а г-жа Карсавина и г. Владимировъ въ то же время въ Москвѣ—въ балетѣ „Спящая красавица“.

— Декорации балета „Конекъ Горбунокъ“ будутъ готовы въ декабрь. Это сильно волнуетъ кордебалетъ, всѣ расчеты котораго основаны на томъ, чтобы бенефисъ состоялся передъ праздниками. Репетиціи балета „Конекъ Горбунокъ“ уже идутъ полнымъ темпомъ и, если академикъ-художникъ К. А. Коровинъ успѣетъ къ декабрю закончить писаніе декораций, то мечта кордебалета относительно бенефиса можетъ осуществиться, и труженики балета получатъ свой праздничный подарокъ.

— 17-го ноября для перваго абонементна сѣ участіемъ Л. В. Собиннова въ партіи Левко была дана опера „Майская ночь“. Партію Ганны пѣла г-жа Павлова. Театръ былъ полонъ.

— О. И. Шаляпинъ возвратился изъ Петрограда 16. Первая гастроль артиста предполагается въ оперѣ „Князь Игорь“ въ партіи Владиміра Галицкаго. Въ дальнѣйшимъ г. Шаляпинъ выступить въ операхъ: „Донъ-Кихоть“, „Севильскій цирюльникъ“, „Жизнь за Царя“ и „Русалка“.

— Дирекція *Императорскихъ* театровъ съ началомъ войны уничтожила договоръ съ фотографомъ австрійскимъ подданнымъ г. Фишеромъ и запретила ему продажу репродукцій въ фойѣ *Императорскихъ* театровъ. Въ дирекцію поступило много предложеній отъ Русскихъ фотографовъ на полученіе права продажи въ *Императорскихъ* театрахъ репродукцій, въ виду чего рѣшено въ ближайшемъ будущемъ устроить конкурсъ.

— При дирекціи *Императорскихъ* театровъ образована специальная коммиссія по исправленію либретто оперъ какъ Русскихъ, такъ и переводныхъ. Въ первую очередь будетъ пересмотрѣно либретто оперы „Жизнь за Царя“, въ которомъ имѣется много недочетовъ въ виду того, что текстъ написанъ нѣмцемъ, грѣшившимъ по части Русскаго языка.

— Извѣстной Московской танцовщицѣ босоножкѣ Журѣ Алинь—Е. О. Могилевской данъ въ Маринскомъ театрѣ открытый дебютъ, который состоится въ балетѣ „Египетскія ночи“.

— Бенефисъ оркестра далъ сбора отъ продажи программъ около девятнадцати тысячъ рублей. За вычетомъ всѣхъ расходовъ, на долю оркестрантовъ придется около четырнадцати тысячъ.

— Гастроли тенора Д. А. Смирнова отложены на декабрь.

— Выяснилось, что декорации балета „Конекъ-Горбунукъ“, которыя пишутся академикомъ К. А. Коровинымъ, будутъ закончены къ началу декабря, на устройство машинной части въ балетѣ отниметь много времени и поэтому предположеніе поставить балетъ 7-го декабря, въ бенефисъ кордебалета осуществиться не можетъ.

— Декорации для оперы „Хованщина“ пишутся по эскизамъ К. А. Коровина въ Петроградѣ и въ дубликатахъ будутъ переданы въ Москву. Для оперы же „Садко“ декорации будутъ писаться г. Коровинымъ здѣсь, причѣмъ дубликаты будутъ переданы въ Мариинскій театръ.

— Декорации для оперы „Карменъ“, писанныя въ Петроградѣ художникомъ г. Аллегри, будутъ переданы въ Москву.

— Возобновляемый балетъ „Донъ-Кихотъ“ пойдетъ частью въ сборныхъ декорацияхъ.

— Установленный въ *Императорскихъ* театрахъ сборъ за контрамарки въ пользу *Императорскаго* Русскаго Театральнаго Общества для образованія фонда помощи призваннымъ на дѣйствительную службу запаснымъ сценическимъ дѣятелямъ и ихъ семьямъ почти за полтора мѣсяца выразился въ суммѣ 2,317 рублей.

— Спектакль 21-го ноября въ пользу убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ собралъ совершенно полный театръ. Была возобновлена опера „Фра Діаволо“ съ участіемъ А. В. Неждановой въ партіи Церлины и Л. В. Собинова—въ заглавной. Артистка по требованію публики повторила арію передъ зеркаломъ, а г. Собиновъ—серенаду. Сборъ со спектакля далъ около десяти тысячъ рублей, изъ которыхъ половина поступить въ особый фондъ для оказанія помощи раненымъ и больнымъ воинамъ и ихъ семьямъ.

— Съ окончаніемъ гастролей въ Москвѣ Л. В. Собинова послѣдній въ декабрѣ уѣдетъ на гастроли въ Петроградъ и въ январѣ возвратится въ Москву.

— Бенефисъ опернаго хора театра предполагается въ половинѣ января. Съ участіемъ Л. Г. Собинова пойдетъ опера „Манонъ“.

— Въ видахъ поощренія оркестрантовъ театра дирекція *Императорскихъ* театровъ предполагаетъ помимо одного обычнаго ежегоднаго бенефиса оркестра дать еще и другой. Возможно, что эта мѣра будетъ проведена въ текущемъ сезонѣ.

— 23 ноября на балетѣ „Волшебное зеркало“ въ ложѣ управляющаго конторой Императорскихъ театровъ находился японскій посолъ г. Мотона съ супругой. Публика, узнавъ о присутствіи въ театрѣ посла дружественной державы, потребовала исполненія японскаго гимна и устроила послѣ восторженную овацію.

— 6 декабря состоится симфонический концерт оркестра съ участіемъ Ѳ. И. Шаляпина и Петроградскаго вокальнаго квартета гг. Сафронова, Чупрынникова и бр. Кедровыхъ. Часть сбора поступитъ въ пользу состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны лазарета артистовъ Императорскихъ театровъ.

Театръ Корша.

— Слѣдующей премьерой будетъ инсценировка „Анна Каренина“, въ которой заняты: г-жи Валова—Китти, Кречетова—заглавная роль, Радкевичъ—Долли, гг. Всеволодскій—Левинъ, Горичъ—Баренинъ, Кригеръ—Облонскіи и Чаринъ—Вронскій.

Театръ К. Незлобина.

— Свою новую пьесу г. Арцыбашевъ отдаетъ театру К. Незлобина.

— Слѣдующей премьерой послѣ пьесы „Изумрудный паучокъ“ до рождественскихъ праздниковъ пойдетъ новая пьеса г. Арцыбашева „Война“, которая начата авторомъ еще въ прошломъ году и поэтому къ переживаемому моменту никакого отношенія не имѣетъ. Въ дальнѣйшемъ намѣчена постановка въ одинъ спектакль двухъ трехъактныхъ пьесъ: „Дамская война“ Скриба и „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“ Куликова. Обѣ пьесы ставить будетъ К. Н. Незлобинъ.

— Въ концѣ ноября возобновились спектакли пьесы „Сафо“, которые были прерваны по случаю карантина въ квартирѣ г-жи Жихаревой.

— Слѣдующая премьера „Война“ пойдетъ 7-го декабря.

— Дирекція театра возобновила арендный договоръ съ Министерствомъ Двора еще на одинъ годъ.

— Артистка г-жа Жихарева съ окончаніемъ сезона выходитъ изъ состава труппы и переходитъ на службу къ провинціальному антрепренеру г. Синельникову.

— Если пьеса „Война“ не будетъ разрѣшена цензурой, то очередной постановкой будутъ пьесы „Дамская война“ и „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“.

Театръ С. И. Зимина.

— Въ „Гугенотахъ“ 16-го ноября въ партіи Рауля впервые выступилъ г. Лебедевъ. Артистъ прекрасно справился съ вокальной стороной партіи и въ сценическомъ отношеніи былъ вполне на мѣстѣ. Пріятное впечатлѣніе произвелъ г. Хохловъ—Неверъ. Театръ былъ полонъ.

— 17-го ноября. Девятое, представленье оперы „Галька“ съ участіемъ г. Дыгаса въ партіи Іонтека прошло съ прежнимъ успѣхомъ и сдѣлало театру хорошій сборъ.

— 18-го ноября второе выступленіе К. Д. Лебедева въ заглавной партіи въ оперѣ „Фаустъ“ прошло съ большимъ успѣхомъ.

— Опера „Аскольдова могила“ для перваго абонементна пойдеть 25-го ноября. Введенныя Русскія пѣсни въ оперу будутъ напечатаны отдѣльнымъ изданіемъ. Предполагавшаяся же постановка оперы „Клара Миличъ“ Кастальскаго отложена на январь.

— Первая гастроль въ оперѣ „Демонъ“ баритона Г. А. Бакланова прошла съ рѣдкимъ успѣхомъ. Артистъ выступилъ въ заглавной партіи. Исполненіе арии второго дѣйствія „Не плачь, дитя“, сопровождалась долго несмолкавшими аплодисментами и требованіями повторенія. Публика въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не давала продолжать спектакль, требуя повторенія этой арии. Въ виду того, что артистъ чувствовалъ себя нездоровымъ и даже боялся за окончаніе спектакля, онъ не могъ удовлетворить желаніе публики. Артисту поднесли лавровый вѣнокъ. Партію Тамары съ заслуженнымъ успѣхомъ провела С. И. Друзякина. Театръ былъ полонъ включительно до приставныхъ мѣсть.

— Начались подготовительныя работы по постановкѣ оперы Ипполитова-Иванова „Руѣ“, первое представленье которой намѣчено въ первой половинѣ декабря. Главныя партіи въ оперѣ разошлись между г-жами Петровой-Званцевой, Друзякиной, Роговской, гг. Дамевымъ и Шевелевымъ.

— Интересъ ко второй гастроли Г. А. Бакланова въ заглавной партіи оперы „Риголетто“ и выступленіе въ первый разъ артистки Л. Я. Липковской въ партіи Джильды, несмотря на возвышенныя цѣны, собралъ совершенно полный зрительный залъ.

Гастролеровъ публика принимала очень тепло. Оба артиста имѣли большой заслуженный успѣхъ. Исполненіе во всѣхъ отношеніяхъ было превосходнымъ.

— Съ 12-го декабря Г. А. Баклановъ выступить въ шести гастрольныхъ спектакляхъ оперъ: „Риголетто“, „Демонъ“, „Евгени Онѣгинъ“, „Фаустъ“, „Тоска“ и „Кармень“. Въ числѣ этихъ гастролей четыре будутъ даны для абонементна.

— В. Д. Рѣзниковъ ведетъ переговоры съ дирекціей о сдачѣ театра со всей труппой на Великій постъ и Пасху, причемъ предполагаетъ дать итальянскихъ гастролеровъ. Участіе на это время Г. А. Бакланова лишено всякаго основанія, такъ какъ артистъ на это время связанъ контрактомъ съ королевской оперой въ Мадридѣ, куда и уѣзжаетъ въ началѣ января.

— На дняхъ М. М. Ипполитовъ Ивановъ въ присутствіи артистовъ, занятыхъ въ оперѣ „Руѣ“, проигрывалъ ее. Опера пойдеть передъ праздниками. Въ главныхъ партіяхъ заняты: г-жа Друзякина—за-

главная партія, Петрова Звонцева—Ноэми, гг. Дамаевъ—Рувимъ и Шевелевъ—Ваазъ.

Художественный театръ.

14-го ноября для утренняго спектакля возобновили пьесу А. П. Чехова „Вишневый Садъ“ съ прежнимъ составомъ исполнителей.

— Для слѣдующаго очереднаго абонементнаго возобновляютъ пьесу „Три сестры“.

— Начались подготовительныя работы по постановкѣ Пушкинскаго спектакля. Роль Сальери въ пьесѣ „Моцартъ и Сальери“ будетъ играть А. С. Станиславскій.

— Первый спектакль премьеры „Смерть Пазухина“ переносится на начало декабря, причемъ генеральная репетиція пьесы намѣчается 2-го декабря. Для абонементныхъ спектаклей пойдетъ пьеса „Три сестры“. Въ Пушкинскомъ спектаклѣ заняты: въ „Каменномъ гостѣ“: г жи Германова—Донна Анна, Барановская—Лаура, гг. Грибунинъ—Лепорелло, Качаловъ—Донъ Жуанъ и Стаховичъ—Донъ Карлосъ; въ „Моцартъ и Сальери“: гг. Гейротъ—Моцартъ и Станиславскій—Сальери; въ „Пиръ во время чумы“: гг. Берсенева—юноша, Леонидовъ—предсѣдатель и Массалитиновъ—священникъ. Въ постановкѣ спектакля дѣятельное участіе принимаютъ художникъ А. Бенуа, В. И. Немировичъ-Данченко и К. Станиславскій.

— Премьера „Смерть Пазухина“ намѣчена къ постановкѣ 3 го декабря. Въ роли Пазухина выступитъ Л. М. Леонидовъ.

Никитскій театръ.

— 15-го ноября возобновили оперетту „Три мушкетера“. Въ постановкѣ замѣтенъ шаблонъ.

— Изъ трехъ постановокъ театра наиболѣе удачна оперетта „Гейша“, которая дѣлаетъ театру прекрасные сборы.

Московскій драматическій театръ.

Въ слѣдующей очередной премьерѣ „Мендель Спивакъ“ въ главныхъ роляхъ выступятъ: г жи Блюменталь-Тамарина—тетка, Буткова—Блюмка, Полевицкая—Ханеле, гг. Борисовъ—заглавная роль, Волжинъ—Мейеръ и Южный—музыкантъ.

— Новая пьеса изъ современной жизни „Духъ безпокойный“ кн. Барятинскаго включена въ репертуаръ театра.

— Одной изъ слѣдующихъ постановокъ будетъ комедія „Соломенная шляпка“.

— Дирекція Петроградскаго театра „Музыкальная драма“ ведетъ переговоры объ арендѣ театра на Великій постъ подъ спектакли оперы.

„Мендель Спивакъ“.

Новая пьеса г. Юшкевича „Мендель Спивакъ“, поставленная 22 го ноября въ Московскомъ Драматическомъ театрѣ, имѣла несомнѣнный внѣшній успѣхъ. Вызовы автора начались послѣ второго акта, и авторъ выходилъ и раскланивался съ многочисленной публикой, переполнившей зрительный залъ.

Русской публикѣ уже порядочно пріѣлась „лапсердачная литература“ изъ черты осѣдлости, но такъ какъ московскіе евреи со всѣмъ національнымъ жаромъ поддерживаютъ творчество своихъ единоиленниковъ, то можно заранѣе предсказать, что пьеса, проникнутая специфическимъ еврейскимъ духомъ и рисующая еврейскій бытъ, будетъ имѣть успѣхъ.

Однако, можемъ ли мы сказать, что успѣхъ г. Юшкевича основывался на дѣйствительныхъ художественныхъ достоинствахъ его пьесы? Положимъ, этотъ писатель сдѣлалъ шагъ впередъ сравнительно съ его драмами болѣе ранняго періода, вродѣ „Короля“ или „Mieserere“: въ этой его пьесѣ больше простоты и непосредственности. Тѣмъ не менѣе, дарованіе автора и тутъ не увеличилось, не углубилось,—по-прежнему онъ такъ же высоко мнитъ о себѣ и по-прежнему онъ такъ же мало даетъ зрителямъ.

Когда начался первый актъ, то мы сначала впали въ великое уныніе: со сцены раздалась хорошо знакомая намъ аффектированная и напыщенная декламація такихъ же аффектированныхъ и напыщенныхъ фразъ, какъ въ пресловутомъ твореніи г. Юшкевича „Mieserere“, провалившемся въ Художественномъ театрѣ. Передъ нами была умирающая отъ голоду семья Дувиды Мейера,—она плачетъ стонетъ и проклинаятъ. Тутъ же какая-то необыкновенная красавица Блюмка, вичурно и нудно повѣствующая о своей красотѣ и о мечтахъ своихъ, о новой чудесной жизни. Все это страшно длинно, скучно.. и, какъ оказалось, ненужно. Красавица Блюмка исчезаетъ со сцены, чтобы явится въ послѣднемъ актѣ и проплясать тамъ какой-то стилизованный танецъ,—вотъ и вся ея роль. Что же касается до Дувиды и его голодной семьи, то къ нимъ приходитъ Мендель Спивакъ, герой драмы, даетъ имъ четвертакъ на хлѣбъ, на чай и папирсы, а затѣмъ дѣлится съ ними и четырьмя рублями, полученными имъ отъ его матери. Послѣ этого Дувидъ со своими присными безнадежно переходитъ въ ряды статистовъ, поздравляющихъ Спивака съ рожденіемъ сына.

Да, у Спивака родился сынъ послѣ десяти лѣтъ его совмѣстной жизни съ женою; Богъ, наконецъ, благословилъ его бесплодный бракъ. Спивакъ счастливъ, хотя ему не чѣмъ жить, такъ какъ его прогнали изъ больницы, гдѣ онъ былъ служителемъ. Онъ мечтаетъ о томъ, какъ онъ будетъ растить и воспитывать свое дѣтище. Самъ Спивакъ безгранично добрый человекъ, готовый послѣднюю свою рубашку раздѣлить съ нищимъ. Понятно, что всѣ его близкіе и друзья рады его радостью. И вокругъ него царилъ бы безоблачный счастье, если бы..

Вотъ въ этомъ „если бы“ и вся драма: ребенокъ родился хилымъ и слабымъ. На фонѣ всеобщаго веселья рѣзкимъ контрастомъ выдѣляется безумный страхъ матери за свое дитя. Спивакъ не такъ поддается злымъ предчувствіямъ: онъ надѣется. Къ тому же, ему при протекціи добраго эконома удастся опять получить мѣсто въ больницѣ. Но вотъ среди радостнаго праздника бѣдняковъ, устроеннаго въ честь новорожденнаго, ребенокъ умираетъ.

Вотъ и вся драма.

Она построена на одномъ мотивѣ—безумной любви отца къ своему малюткѣ. Да, этотъ мотивъ трогателенъ и благодаренъ, но лишь какъ эпизодъ. Нельзя растягивать его на четыре акта: самъ авторъ это чувствуетъ и уснащаетъ основную фавулу ненужными и скучными добавленіями. Почти весь первый и третій актъ (у эконома больницы) совершенно лишніе, за исключеніемъ сценъ съ Менделемъ. Это вода, который писатель разводитъ произведеніе. Впечатлѣніе расплывается, ослабѣваетъ и вниманіе.

Затѣмъ авторъ вдается въ излишнюю сладость. Его Спивакъ пересахаренъ. Наконецъ, у г. Юшкевича нѣтъ способности создать яркій и сильный эффектъ: онъ все боится, что публика не достаточно расстрогается, и вотъ онъ тянетъ и тянетъ безъ конца. Сцена послѣ смерти ребенка такъ длинна и вымучена, что впечатлѣніе сглаживается, и изъ театра уходишь только съ досадой на автора, который не сдумѣлъ, какъ слѣдуетъ, закончить своего произведенія.

Итакъ, что же представляетъ изъ себя пьеса драма? Это *comédie larquoise*, это старая сантиментальная мѣщанская драма, въ которой ново лишь то, что она происходитъ въ еврейской средѣ. Чтобы создать эффектъ, авторъ прибѣгаетъ къ музыкѣ и танцамъ. видную роль въ пьесѣ играютъ мелодіи, наигрываемыя на скрипкѣ музыкантомъ Мойшеле. Не къ чести автора: одной изъ такихъ мелодій зрители аполодировали и требовали *bis'a*.

Для режиссера пьесой данъ благодарный бытовой матеріалъ, и Драматическій театръ его использовалъ превосходно. Получилась яркая, жизненная картина въ общемъ, среди нея выдѣлялись отдѣльныя, очень типичныя фигуры. Великолѣненъ г. Борисовъ—Мендель Спивакъ; артистъ обычно въ своемъ исполненіи любитъ сгущать краски, но тутъ онъ провелъ роль въ такихъ мягкихъ задушевныхъ тонахъ, вложилъ въ нее столько естественности и теплоты, что онъ далъ новое содержаніе пьесѣ и значительно способствовалъ ея успѣху. Остальныя роли имѣли лишь второстепенное значеніе, и потому на ихъ исполнителяхъ въ отдѣльности нѣтъ надобности задерживаться,—всѣ были на мѣстѣ. Выдѣлимъ г-жу Блюменталь-Тамарину (тетка Нохима) и г. Южнаго (музыкантъ Мойшеле). „М. Вѣд.“.

— Въ Московскомъ драматическомъ театрѣ днемъ 23 ноября на содержаніе этапнаго лазарета, отправившагося на театръ военныхъ дѣйствій, состоялся концертъ, устроенный С. Н. Коншиной. Театръ былъ полонъ. Выступившіе артисты балета г-жа Маклецова-Андерсонъ,

гг. Жуковъ, Кузнецовъ и Новиковъ имѣли выдающійся успѣхъ. Остальные участники концерта гг. Минѣевъ, Радинъ, Респей и другіе принимались очень тепло.

Сергіевскій народный домъ.

— Ближайшей новинкой будетъ комическая опера „Каморра“, либретто которой написано С. И. Мамонтовымъ, а музыка—опернымъ дирижеромъ г. Эспозито. Содержаніе либретто рисуетъ пребываніе русскихъ въ Неаполѣ. Репетиціи оперы на полномъ ходу. Въ постановкѣ дѣятельное участіе принимаетъ С. И. Мамонтовъ.

Драматическій театръ П. Струйскаго.

Новая инсценировка романа „Камо грядеши“ Сенкевича оказалась неудачной. Общее исполненіе оставляло желать многого.

Концертъ въ пользу склада Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Въ началѣ января 1915 г. состоится концертъ. наниста В. Ружицкаго при участіи артистки оперы Зимина Н. П. Кошицъ въ пользу склада Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны въ Москвѣ.

Циркъ Саламонскаго.

Первая гастроль популярнаго клоуна Анатоля Дурова привлекла въ циркъ много публики. Артистъ по обычаю выступилъ съ дрессированными животными и юмористическими куплетами на политическія и общественныя злобы дня безпощадно высмѣивая между прочимъ, кайзера и его союзниковъ. Артистъ имѣлъ успѣхъ.

Театральное общество.

На состоявшемся на-дняхъ въ Петроградѣ собраніи совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества окончательно разрѣшенъ вопросъ о перенесеніи совѣта въ Москву. На предстоящемъ очередномъ съѣздѣ делегатовъ Общества вырабатываемый объ этомъ проектъ получить утвержденіе.

ВОЙНА И ТЕАТРЪ.

— Состоявшійся днемъ 16-го ноября въ Колонномъ залѣ „Эрмитажа“ концертъ-чай привлекъ много представителей высшаго московскаго общества. Продажей цвѣтовъ и конфетъ завѣдывали г-жи Лосева, Чижова и другія. Программа концерта была составлена интересно. Изъ участниковъ программы отмѣтимъ артистовъ: Большого театра —

г-жу Лучезарскую, театра С. И. Зимина— г-жу Закревскую и Сергеевскаго народнаго дома—г-жу Козловскую. Весь сборъ поступить на покупку теплыхъ вещей для воиновъ передовыхъ позицій.

— Концертъ 23-го ноября въ Большомъ залѣ Благороднаго Собранія съ участіемъ артистовъ Императорскихъ театровъ: А. В. Неждановой, Л. В. Собинова, В. Р. Петрова, московскихъ театровъ г-жъ: Гзовской, Друзякиной, г. Бочарова и другихъ собралъ совершенно полный залъ. Всѣхъ исполнителей принимали очень тепло. А. В. Нежданова исполнила арію изъ второго акта оперы „Лакме“ и много романсовъ на bis. Л. В. Собиновъ— арію изъ новой оперы Вагнерова „1812 годъ“ и по требованію публики—арію Ленскаго изъ оперы „Евгеній Онѣгинъ“ и много на bis. Г-жа Гзовская прочитала нѣсколько стихотвореній, относящихся къ моменту. Остальные участники концерта вполне содѣйствовали рѣдкому художественному успѣху. На память о концертѣ всѣ участники получили жетоны съ изображеніемъ гренадерскаго значка. Сборъ на подарки нижнимъ чинамъ гренадерскаго корпуса дѣйствующей арміи достигъ восьми тысячъ рублей.

Памяти Яна Крейза.

Въ концѣ октября геройской смертью на полѣ брани погибъ молодой талантливый скрипачъ Янъ Крейза.

Еще одна тяжелая утрата, еще одна жертва кровопролитной, бессмысленной битвы народовъ. Янъ Крейза только начиналъ входить въ силы, его талантъ только начиналъ раскрываться во всей его удивительной глубинѣ, обѣщавшей многого въ будущемъ, но смерть внезапно подкралась къ нему и унесла его жизнь.

Мнѣ много разъ приходилось слышать его дивную игру, я много разъ видѣлъ его, засыпаннаго цвѣтами среди бури рукоплесканій и восторговъ...

Петроградская публика хорошо знаетъ этого скрипача по его выступленіямъ въ Павловскѣ, гдѣ онъ занималъ постъ концертмейстера.

Благодаря ему Павловскій оркестръ умѣлъ хорошо сыгратъ въ короткое время—и составлялъ рѣдкій ансамбль.

И въ частной жизни Янъ Крейза былъ симпатичнѣйшимъ человекомъ.

Миръ его праху.

В. И.

Новыя теченія.

I.

ЕДАВНО мнѣ попались въ руки произведенія новаго французскаго композитора Мориса Равеля, а именно—Gaspard de la nuit.

Въ особенности „замѣчательна“ третья поэма „Scarbo“, къ которой въ видѣ предисловія авторъ предпосылаетъ слѣдующій текстъ: „Je regarda sous le lit, dans la cheminée dans le dahüt; personne. Je ne put comprendre par où il s'était introduit par où il s'était évadé“ *).

Вотъ ужъ поистинѣ достойное содержаніе, чтобы передавать его въ благороднѣйшемъ изъ искусствъ! Неужели же всѣ человѣческія чувства изсякли, что нечего больше изложить и осталось одно „смотрѣніе подь кровать“?

Если это такъ — то печально.

Но я не думаю.

Однако, всѣ современные композиторы новаго теченія, очевидно, пришли къ подобному заключенію и загромоздили музыкальный рынокъ такими твореніями, что невольно разводишь руками.

Я не говорю исключительно о французскихъ композиторахъ, не говорю о прославленномъ „Дебюсси“ и его сподвижникахъ. Среди Русскихъ произведеній встрѣчаются также „перлы“ музыкальнаго творчества. Возьмемъ хотя бы многія изъ сочиненій Скрябина.

Быть можетъ, они и готовятъ великую революцію въ музыкѣ, но пока они представляютъ собою одну загадку, подчасъ даже совершенно неинтересную.

*) Онъ посмотрѣлъ подь кровать, въ каминъ;—никого. Онъ не могъ понять какъ онъ проникъ, какъ онъ исчезъ.

Новое теченіе захватило общество, какъ и вообще все новое,—и привилось довольно прочно. Вѣдь у насъ то и цѣнится, что мало понятно, такъ-какъ кто знаетъ, „быть можетъ подь этимъ мало-понятнымъ и, собственно не особенно интереснымъ — таится великая сила, великій смыслъ; будемъ ждать, когда мы поймемъ, когда наконецъ умы наши просвѣтятся“...

Поймемъ же мы не тогда, когда умы наши просвѣтятся, а когда намъ дадутъ пищу для души, когда перестанутъ подсовывать дешевый по содержанию, но дорогой по цѣнѣ суррогатъ.

II.

Говоря о Скрябинѣ, я долженъ еще сказать слѣдующее: конечно, всякое исканіе новыхъ формъ и попытки разрѣшить возникшія новыя проблемы—не есть зло, и въ этомъ отношеніи Скрябинъ потрудился не мало.

Однако послѣ тѣхъ формъ, содержанія, приемовъ, которыми наградили насъ великіе творцы старой музыки—можно ли чего либо добиться?

Нѣсколько лѣтъ прошло въ упорномъ исканіи „новаго“, нѣсколько лѣтъ бесплодной работы; а въ результатѣ?

Сравнимъ, однако, для поясненія вотъ эти искательства, воплотившіяся въ „искательства подь кроватью“, съ какимъ либо изъ произведеній строгаго Бетховена или эфирнаго Гайдна?

Это то же самое, что сравнить дивныя кисти Рафаэля и мазню современныхъ декадентовъ, кубистовъ и проч.

Послушайте, окунитесь въ море звуковъ и чувствъ Concertstück'a Вебера, полныхъ то грусти, то драмы, то игривости, переплетенной съ восторгами, и вспомните угрюмый, тяжелый и неуклюжій прелюдъ Скрябина или дикій безалаберный концертъ для кларнета—Дебюсси.

Натыкаешься на подобные звуки и мысли, и невольно думаешь, либо авторъ потерялъ всякое уваженіе къ искусству, которому служить,—либо онъ не понимаетъ смысла, и значенія служенію красотѣ..

Не смотря на мое крайне отрицательное отношеніе къ новымъ твореніямъ и ихъ авторамъ, я все же нѣсколько оправдываю господъ „новаторовъ“ тѣмъ, что, во-первыхъ, врядъ-ли суррогатъ современной

музыки сознательный, а во-вторых, если онъ сознательный, то что-жь? вѣдь жить надо... А это—самое главное, такъ сказать,—альфа и омега Скрябинныхъ, Дебюсси и прочихъ...

III.

Нѣсколько дней тому назадъ мнѣ довелось бесѣдовать съ однимъ директоромъ частной музыкальной школы, профессоромъ Петроградской Консерваторіи.

Когда я затронулъ вопросъ о новой музыкѣ, то почтенный профессоръ, захлебываясь, въ изощренныхъ выраженіяхъ началъ доказывать, что классики устарѣли, что они свое отжили,—что теперь вся сила въ молодомъ и свѣжемъ...

На мой вопросъ—почему же, однако, всѣ музыкальные педагоги учатъ своихъ учениковъ и воспитываютъ ихъ на твореніяхъ такихъ отцовъ музыки, какъ Бахъ, Моцартъ, Гендель, Бетховенъ. если они устарѣли и потому ничего дать не могутъ, а не воспитываютъ на Рихардѣ Штраусѣ (что еще ничего), Дебюсси, Скрябинѣ и прочихъ съ позволенія сказать, „модернистахъ“,—профессоръ консерваторіи промчалъ что-то неопредѣленное.

Въ концѣ концовъ, я понимаю, можно восторгаться и Прокофьевымъ и Равелемъ, съ его смотрѣніемъ подъ кровать, но зачѣмъ же преждевременно (если только когда либо и будетъ время) хоронить Баха, Бетховена и пр. колоссовъ міра?

Твореніямъ безсмертныхъ „старыхъ“ авторовъ не грозитъ, конечно, никакая „полная отставка“. Объ этомъ можетъ говорить развѣ только выжившій изъ разума старый профессоръ, преклонившій свою сѣдую голову передъ моднымъ „творчествомъ“ слабосильныхъ декадентовъ.

Въ твореніяхъ великихъ Бетховена, Гайдена, Палестрина, Генделя вы всегда найдете свѣжія краски и новые оттѣнки. Слушая сегодня, вы найдете то, чего вы не замѣтили вчера. Каждое новое исполненіе одной и той-же вещи—дастъ вамъ новое настроеніе, новые чувства.

Не то въ произведеніяхъ декадентствующихъ авторовъ. Ихъ музыка—музыка одного дня. Только на сегодня, на спросъ,—чего требуетъ толпа и за что она щедро отсыпаетъ пятаки...

Если даже на первый разъ васъ и заинтересуетъ „новое“ произведеніе декадентствующаго автора, то въ послѣдующій разъ вы не дослушаете и до половины. Сразу бросится во вниманіе отчаянная дѣланность письма. Ни намекъ на свободный полетъ чувства, фантазіи...

Канканируетъ такая свобода формъ, которая привела бы всѣхъ великихъ старцевъ музыки и въ ужасъ и въ негодованіе.

Удивительно, какъ не можетъ уложиться форма въ головѣ современныхъ декадентовъ. Пишутъ они... Ну, да Господь съ ними, — пусть ихъ пишутъ, бумага выдержитъ.

Студентъ **Вл. Игнатьевъ.**

НЕКРОЛОГИ.

Павшіе въ бою.

I. Паль въ бою полковникъ *Александръ Григорьевичъ Христіани*. Покойный въ офицеры былъ произведенъ 22 юня 1892 года въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, по окончаніи же Академіи служилъ на должностяхъ по генеральному штабу, затѣмъ 26 февраля 1908 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба первой гвардейской пѣхотной дивизіи, въ этой должности А. Г. пробылъ до назначенія его въ прошломъ году командиромъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ.

II. Скончался отъ полученныхъ въ сраженіи ранъ полковникъ генеральнаго штаба *Александръ Ивановичъ Егоровъ*. Покойный участвовалъ во многихъ сраженіяхъ въ войну съ Японіей, причемъ, вывавшись въ декабрѣ 1904 г. исполнить порученіе для нападенія въ тылъ японскаго расположенія на желѣзную дорогу у гор. Фынъ-Хаунъ-Чена, проникъ въ тылъ непріятели въ долину р. Ялу, подошелъ къ желѣзной дорогѣ, собралъ цѣнныя свѣдѣнія и готовился произвести нападеніе на желѣзную дорогу и складъ припасовъ, но въ это время былъ окруженъ японцами, сражаясь съ которыми, былъ раненъ въ обѣ ноги и взятъ въ плѣнъ, успѣвъ передать нашимъ цѣнныя собранныя имъ свѣдѣнія. За оказанныя отличія въ названную кампанію онъ получилъ пять боевыхъ орденовъ и золотое оружіе. А. И. въ офицеры произведенъ 12 августа 1896 года въ 21-ую конно-артиллерійскую батарею, по окончаніи же академіи служилъ на разныхъ должностяхъ по генеральному штабу до Японской войны, во время которой былъ въ чинѣ есаула въ пятомъ Сибирскомъ казачьемъ полку. Послѣ похода А. И. опять перешелъ въ генеральный штабъ и вскорѣ окончилъ офицерскую кавалерійскую школу. Послѣднее время до начала настоящихъ военныхъ дѣйствій А. И. служилъ въ штабѣ туркестанскаго военнаго округа.

III. Убитый въ бою съ непріятеlemъ и награжденный за свой выдающійся подвигъ орденомъ св. Георгія 4 ст. командиръ 4-й батареи 28-й артиллерійской бригады подполковникъ *Павелъ Сергѣевичъ Бъ-*

лоусовъ, былъ сынъ надворнаго совѣтника, уроженецъ Волынской губ., родился въ 1875 г., окончилъ ровенское реальное училище и Константиновское артиллерійское училище и, кромѣ того, будучи уже офицеромъ, прошелъ курсъ Михайловской артиллерійской академіи и офицерской артиллерійской школы. Службу офицеромъ П. С. началъ съ 1898 г. въ 33 артиллерійской бригадѣ, затѣмъ, окончивъ академію, съ производствомъ за отличные успѣхи въ наукахъ въ чинъ капитана, перешелъ въ 24-ю артиллерійскую бригаду, прослуживъ въ которой четыре года, былъ произведенъ въ подполковники съ назначеніемъ командиромъ 4 батареи 28 артиллерійской бригады.

IV. Убитый въ сраженіи съ непріателемъ и награжденный за выдающіяся боевыя отличія орденомъ св. Георгія 4-й степени штабс-капитанъ 28-й артиллерійской бригады *Викторъ Евгеньевичъ Измайловичъ* происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Витебской губерніи, родился 21 сентября 1871 года, въ офицеры произведенъ 8 августа 1899 г., по окончаніи Константиновскаго артиллерійскаго училища, въ 28 ю артиллерійскую бригаду. В. Е. участвовалъ въ минувшей войнѣ съ Японіей, причеиъ въ одномъ изъ сраженіи былъ контуженъ въ голову; за отличія въ названную кампанію онъ имѣлъ три боевыхъ ордена.

V. Убитый въ сраженіи съ непріателемъ и награжденный за свой геройскій подвигъ орденомъ св. Георгія 4 ст. поручикъ 28-й артиллерійской бригады *Автономъ Иларіоновичъ Дружилоскій* уроженецъ Ковенской губерніи, образование получилъ въ поневиѣжскомъ реальномъ и Константиновскомъ артиллерійскомъ училищахъ, въ офицеры произведенъ три года назадъ въ 28 артиллерійскую бригаду; отъ роду ему было всего лишь 24 года.

VI. Убитый въ сраженіи и награжденный за свой выдающійся подвигъ орденомъ св. Георгія 4 й степени подпоручикъ пѣхотнаго Волжскаго полка *Всеволодъ Сергѣевичъ Потуловъ* имѣлъ отъ роду всего лишь 21 годъ, только въ прошломъ году онъ одѣлъ офицерскіе погоны по окончаніи Александровскаго военнаго училища. В. С. былъ сынъ капитана, происходилъ изъ дворянъ Рязанской губерніи, до поступления въ военное училище окончилъ Суворовскій кадетскій корпусъ; за текущую войну кромѣ св. Георгія былъ уже награжденъ двумя боевыми орденами.

VII. Убитый въ сраженіи съ непріателемъ и награжденный за свой выдающійся подвигъ орденомъ св. Георгія 4-й степ. поручикъ пѣх. Вяземскаго полка *Сергій Николаевичъ Бѣлонинъ* въ минувшую войну съ Японіей, будучи тогда нижнимъ чиномъ, за выдающуюся храбрость и мужество получилъ два георгіевскихъ креста 4 и 3 степени. С. Н. сынъ надворнаго совѣтника, уроженецъ Владимірской губерніи, родился въ 1881 году, образование получилъ въ ковровскомъ техническомъ желѣзнодорожномъ училищѣ и въ Виленскомъ пѣхотномъ конкерскомъ училищѣ.

VIII. Убитый в сражении с неприятелем и награжденный за свой выдающийся подвиг орденом св. Георгия 4 степени капитан пехотного Вяземского полка *Иванъ Николаевичъ Рудановскій* происходил из потомственных дворян Казанской губернии, родился в 1868 г., в офицеры произведенъ в 1890 г. по окончаніи 2 кадетскаго корпуса и Константиновскаго военнаго училища в Вяземскіи полкъ.

IX. Геройски павшій в бою полковникъ *Аркадій Степановичъ Давыдовичъ* в офицеры произведенъ 7 августа 1893 г. по окончаніи 2-го военнаго Константиновскаго училища в 38-й пехотный Тобольскій полкъ, а в слѣдующемъ году перешелъ в лейбъ-гв. Лиговскій полкъ, здѣсь онъ прослужилъ до 8 апрѣля 1910 г., послѣ чего в чинѣ капитана по домашнимъ обстоятельствамъ уволился отъ службы. В сентябрѣ 1910 года А. С. вновь опредѣлился в службу в одинъ изъ пехотныхъ полковъ, в которомъ и служилъ до дня своей славной смерти. В чинѣ полковника онъ былъ произведенъ только в маѣ сего года.

X. Убитъ поручикъ артиллеріи *Борисъ Ивановичъ Левицкій*. Покойный, находясь в составѣ батареи, подъ убійственнымъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ на позиціи мужественно и храбро выполняя свой долгъ, выручилъ свою пехоту, но вмѣстѣ съ другими погибъ геройскою смертью. За этотъ подвигъ онъ награжденъ орденомъ св. Георгия 4 степ. Б. И. сынъ военнаго врача, 15 июня 1908 г. выпущенъ подпоручикомъ в 10-ю артиллерійскую бригаду. Здѣсь онъ пробылъ до 9 апрѣля 1912 года, послѣ чего, прослуживъ около года в 27 артиллерійской бригадѣ, перешелъ в бригаду, в которой нашелъ свою геройскую смерть.

XI. 15 ноября скончался сенаторъ генералъ-отъ артиллеріи *Флорентій Николаевичъ Платоновъ*, почетный членъ Александровской военно-юридической академіи. Покойный родился в Москвѣ в небогатой семьѣ в 1839 году. По окончаніи курса в первомъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ онъ началъ службу во 2-й гренадерской артиллерійской бригадѣ прапорщикомъ. Пробылъ в артиллеріи до 1868 года, находясь преимущественно в фейерверкерской окружной школѣ преподавателемъ математики (арифметики и геометрии) и фортификаціи. В 1868 г. покойный поступилъ в военно-юридическую академію в которой кончилъ курсъ по первому разряду в 1871 году и былъ прикомандированъ къ московскому военно-окружному суду. В 1871 году онъ былъ назначенъ военнымъ слѣдователемъ казанскаго военно-окружнаго суда, тогда только открытаго. Затѣмъ прошелъ всѣ должности военно-судебнаго вѣдомства до председателя московскаго военно-окружнаго суда включительно. В кампанію 1878—1879 годовъ былъ в составѣ военно-полевого суда, находясь в Рущукѣ, затѣмъ в Варнѣ в должности председателя полевого суда дѣйствующей арміи в отрядѣ его императорскаго высочества наследника цесаревича. Начальникомъ штаба былъ тогда П. С. Ванновскій. Съ нимъ установились добрыя и

хорошія отношенія и онъ цѣнилъ Ф. Н., назначалъ его въ бытность военнымъ министромъ на отвѣтственные и нелегкія порученія. Такъ въ 1833 году, когда покойный былъ военнымъ судьей московскаго военно-окружнаго суда, ему было поручено производство обширнаго слѣдствія о злоупотребленіяхъ Шостенскаго порохового завода по переустройству его для изготовленія новыхъ сортовъ пороха. Въ бытность свою военнымъ судьей и прокуроромъ Ф. Н. преподавалъ въ московскомъ юнкерскомъ училищѣ исторію и военную администрацію, а по преобразованіи этого училища въ училище съ военно-училищнымъ курсомъ (нынѣ Алексѣевское военное училище) онъ остался въ немъ преподавателемъ общаго законовѣдѣнія и военноуголовнаго. Въ 1897 году покойный былъ назначенъ начальникомъ военно юридической академіи, которая по его ходатайству, была наименована Александровской. Когда въ 1905 году была образована комиссія по сдачѣ Портъ-Артура, на генерала Платонова было возложено по Высочайшему повелѣнію дѣлопроизводство комиссіи. Въ это же время покойный былъ назначенъ сенаторомъ и въ послѣднія девять лѣтъ принималъ дѣятельное участіе въ первомъ департаментѣ Сената.

Н. А.

(Н. Вр.)

XII. Умеръ отъ полученныхъ въ сраженіи ранъ полковникъ *Авреліанъ Мечиславъ Феликсовичъ Вильчинскій*. Покойный участвовалъ въ походѣ противъ Японіи и только въ началѣ этой войны былъ назначенъ командиромъ пѣхотнаго полка, до этого же онъ провелъ всю свою службу въ 151 пѣхотномъ Пятигорскомъ полку А. Ф. былъ сынъ офицера, уроженецъ Гродненской губерніи, образование получилъ въ Михайловской воронежской военной гимназіи, въ Павловскомъ военномъ училищѣ и въ офицерской стрѣлковой школѣ, въ офицеры произведенъ 8 августа 1881 года, чинъ же полковника получилъ лишь въ октябрѣ прошлаго года.

XIII. Скончался отъ тяжелыхъ ранъ полученныхъ въ сраженіи съ непріятелемъ, полковникъ *Антонъ Романовичъ Будиловичъ*. Покойный участвовалъ въ войнѣ съ Японіей въ должности командира бригаднаго обоза, за отличія, оказанныя тогда, имѣлъ орденъ св. Анны 2-й степ. съ мечами. А. Р. былъ сынъ священника Гродненской губерніи, родился въ 1859 году, въ офицеры произведенъ по окончаніи Варшавскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища 16 апрѣля 1878 года въ 6-й стрѣлковый батальонъ, затѣмъ онъ служилъ во 2 и въ 3 стрѣлковыхъ батальонахъ (нынѣ полка) и въ 1 стрѣлковомъ полку, съ производствомъ же его въ прошломъ году въ полковники онъ былъ переведенъ въ 150 пѣхотный Таманскій полкъ, здѣсь онъ служилъ до назначенія его въ началѣ текущей войны командиромъ пѣхотнаго полка.

А. Р. въ 1899 г. окончилъ курсъ офицерской стрѣлковой школы, а два года назадъ выдержалъ „отлично“ экзаменъ на должность уѣзднаго воинскаго начальника.

XIV. Убитъ въ сраженіи съ непріятелемъ полковникъ генеральнаго штаба *Евгеніи Константиновичъ Криницкій*. Покойный участвовалъ въ войнѣ съ японцами, причемъ въ сраженіи подъ Вафангоу 1 июня 1904 г. былъ раненъ ружейною пулею навывметъ въ ногу. За оказанныя отличія онъ получилъ тогда два боевыхъ ордена. Окончивъ въ 1900 году Николаевскую академію Е. К. перешелъ на службу по генеральному штабу, гдѣ занималъ разныя должности въ штабахъ строевыхъ частей, а также при штабѣ виленскаго военного округа, а съ 1912 года онъ былъ прикомандированъ къ казанскому военному училищу для преподаванія военныхъ наукъ, въ этой должности онъ пробылъ до назначенія его въ началѣ текущей войны начальникомъ штаба одной изъ стрѣлковыхъ дивизіи.

XV. Убитъ въ сраженіи съ врагами полковникъ *Владиміръ Карловичъ Кончевскій*. Покойный образованіе получилъ въ одесскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ и въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Во время японской кампаніи В. К. былъ въ 7 и 8 стрѣлковыхъ полкахъ, причемъ ему неоднократно приходилось временно командовать этими полками. По окончаніи Японской войны онъ служилъ въ 72 пѣхотномъ Тульскомъ полку до назначенія его въ октябрѣ прошлаго года командиромъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ, сражаясь во главѣ котораго онъ погибъ смертью героя. Кромѣ японской войны В. К. участвовалъ въ походѣ противъ Китайцевъ.

XVI. Убитъ въ сраженіи съ непріятелемъ полковникъ *Адольфъ Фердинандовичъ Пфунгстенъ*. Покойный происходилъ изъ дворянъ Восточной Сибири. Окончивъ въ 1902 г. Николаевскую академію. А. Ф. перешелъ на службу по генеральному штабу. Во время Японской кампаніи онъ былъ для порученій сначала при управленіи генераль-квартирмейстера Манчжурской арміи, а потомъ при управленіи генераль-квартирмейстера при главнокомандующемъ; по окончаніи войны А. Ф. состоялъ два года штабъ офицеромъ для порученій при штабѣ 8-го армейскаго корпуса, послѣ же этого былъ: начальникомъ штаба Кубанской пластунской бригады, а затѣмъ 22-й пѣхотной дивизіи; во время же текущей войны онъ былъ назначенъ командиромъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ. А. К. за оказанныя отличія въ войнѣ 1904—1905 гг. былъ награжденъ нѣсколькими боевыми орденами и чиномъ подполковника.

XVII. Скончавшійся отъ полученныхъ въ бою тяжелыхъ ранъ полковникъ *Николай Владиславовичъ Марковъ* только за мѣсяцъ до войны былъ назначенъ командиромъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ, до этого же онъ провелъ всю свою службу отъ чина подпоручика до чина полковника въ лейбъ гвардіи Кексгольмскомъ полку. Н. В. былъ сынъ статскаго совѣтника, происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Курской губерніи, родился въ 1868 году, окончилъ Орловскій Бахтина кадетскій корпусъ и Павловское военное училище, изъ котораго и былъ выпущенъ офицеромъ 9 августа 1898 года.

XVIII. Скончался отъ полученныхъ въ сраженіи ранъ полковникъ *Александръ Эдуардовичъ Александръ*. Покойный происходилъ изъ дворянъ Тифлисской губерніи, родился въ 1861 году, въ офицеры былъ произведенъ по окончаніи Тифлискаго пѣхотнаго юнкерскаго училища 23 мая 1883 года въ четвертый кавказскій стрѣлковый батальонъ и черезъ два года послѣ этого принялъ участіе въ походѣ въ Закаспійскій край. Въ четвертомъ батальонѣ А. Э. пробылъ до 9 февраля 1902 года, послѣ чего служилъ шесть лѣтъ въ первомъ кавказскомъ стрѣлковомъ батальонѣ, а затѣмъ перешелъ въ 130 пѣхотный Херсонскій полкъ, гдѣ и былъ до назначенія его въ началѣ текущей войны командиромъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ.

ШАХМАТЫ.

ШАХМАТЫ.

Подъ редакціей студента Юрія Михайловича Эттингера.

Приступая къ редактированію шахматнаго отдѣла, считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, освѣщающихъ характеръ постановки дѣла, котораго буду, вообще, придерживаться.

Основная цѣль—предоставить читателямъ возможно лучшее изъ этой области въ смыслѣ качества матеріала, новизны,—установить правильныя понятія изъ теории и общепринятой практики. вмѣстѣ съ тѣмъ, давая широкую инициативу сотрудничеству, если только оно заслуживаетъ интересъ...

Задача большая, трудная, выполняемая успѣшно лишь при солидной поддержкѣ со стороны тѣхъ кто любитъ благородное искусство мысли, желаетъ ему успѣха, процвѣтанія.

Работая дружно, энергично, можно превзойти и самыя смѣлыя гигантскія ожиданія.

Историческій очеркъ.

Шахматная игра, вѣдущаяся между двумя партнерами, является одной изъ совершеннѣйшихъ игръ на доскѣ шашками (существуютъ уклоненія—втроемъ и вчетверомъ, но основанныя на тотъ же принципъ нормальной борьбы между двумя лицами).

Само слово „шахматы“ происходитъ отъ персидскаго шахъ—царь, король и другаго арабскаго „матъ“ что значитъ „умеръ“—и вмѣстѣ взятое принято за названіе игры, а также и за формулу, произносимую при выигрышѣ партіи, хотя обыкновенно игрокъ сдается раньше, признавая бесполезность дальнѣйшаго въ виду неизбежнаго конца.

Попытки изслѣдователей точно указать время и мѣсто возникновенія шахматъ оказывались по большей части безплодны, разнорѣчивы въ виду давности происхожденія и коллективнаго сложенія путемъ работы многихъ поколѣній, почему вполне понятно, что имя первоначальнаго создателя затерялось въ пыли вѣковъ... Мнѣнія ученыхъ крайне различны! Одни полагаютъ, что родина шахматовъ Греція (грекъ

Паламидъ), Одиссей Гомеръ, другіе называли Лидію, Ксерзесъ, Вавилонъ, но необходимо замѣтить, что высказываемые взгляды мало обосновывались, отличаясь голословнымъ утвержденіемъ предполагаемой истины.

Впервые болѣе достовѣрныя свѣдѣнія появляются въ началѣ XVII вѣка.

Ученый Адамъ Олеарій, посланный въ Персію черезъ Россію Фридрихомъ III, заявляетъ, что шахматы изобрѣтены въ Вавилонѣ, ссылаясь на старинную голландскую книгу герцога, въ которой называется въ царствѣ Фараона Ельмарабата нѣкіи Филаметръ, однако достовѣрность указанія, какъ будто имѣющаго историческую подкладку, опровергается тѣмъ, что въ длинныхъ спискахъ царей Вавилона, Ассиріи, Ново персидскаго и Халдейскаго царствъ не встрѣчается такого или сколько-нибудь похожего имени.

Другимъ тоже довольно вѣскимъ утвержденіемъ пользуется версія, что шахматы вышли изъ Индіи—и это оказывается чуть-ли не самымъ достовѣрнымъ, мотивируясь тѣми обстоятельствами, что тутъ цѣлая масса легендъ (браминъ Сесса, сынъ Дагера, Штапиръ и т. д.), да кромѣ того сама разстановка фигуръ—точная копія расположенія индійскаго войска, какимъ оно изображается въ древнихъ героическихъ поэмахъ.

Изъ Индіи, такъ думаютъ, шахматы перешли въ Персію ко времени Сассанидовъ (Хезрей I, Анашаравана 501—519), становится извѣстными въ Византіи при Дворѣ Юстиніана Великаго; тогда же игра эта прививается въ Турціи и Аравіи.

По этому поводу много спорили, утверждая, что въ Аравіи игра существовала раньше, какъ самостоятельная, самобытная; итальянецъ Феличе Паллотъ 400 лѣтъ назадъ горячо убѣждалъ въ этомъ, приводя своими доводами—богато одаренный умъ араба, его пылкую фантазію, а также историческими данными—культура, духовныя богатства перешли къ нимъ отъ древнихъ финикійцевъ и Сассанидовъ.

У европейскихъ народовъ шахматы стали извѣстны въ X и XI в., распространившись черезъ сарацинъ, мавровъ (Италія, Португалія), также рыцарями крестовыхъ походовъ такъ сильно, что попали въ Англию, Шотландію, Норвегію.

Въ Россіи появленіе шахматовъ относится къ XIII в. посредствомъ тевтонскихъ и ливонскихъ рыцарей или татарскимъ нашествіемъ.

Въ Азіи—Китаѣ очень давно 450 г. по Р. Х., въ Японіи, Сіамѣ также давно и только въ Новомъ Свѣтѣ сравнительно весьма недавно; объясняется практичностью американцевъ.

Вообще историки дѣлятъ шахматную игру на три періода:

Первый или древній—шахматы Индіи, начала V в. до Р. Х.; второй—средневѣковый—VI до XV столѣтія и послѣдній отъ 15-го вѣка. Въ эти промежутки шахматы подвергались разнообразнымъ измѣненіемъ, дополненіямъ—и шахматы одного періода по своему

характеру, составу довольно резко отличаются от другого. Наше время можно справедливо считать пышнымъ расцвѣтомъ богини Каиссы.

Задачи.

К. А. Дмитриева (Петроградъ).

БѢЛЫЕ: Кре¹, Фе² п.е⁶ и g⁵.
 ЧЕРНЫЕ: Крг⁸, пе¹, g⁷ и h³.
 мать въ три хода
 БѢЛЫЕ: Крг², Фg¹, Сg⁵, Сг⁵, Ке⁴,
 п. с⁴ h⁴.
 ЧЕРНЫЕ: Крf³, Ла⁶, Лb³, Са² п.d²,
 e⁵, e⁶ и g⁵.
 Мать въ два хода.

Шотландскій гамбитъ.

Игроки по перепискѣ съ Девр. по ок-
 тябрь 1914 г.

В. И. Султанъ-Беевъ—К. А. Дмитриевъ.

1) e ² —e ¹	e ⁷ —e ⁵
2) Кg ¹ —f ³	Кb ⁸ —c ⁶
3) d ² —d ⁴	e ⁵ : d ⁴
4) Cf ¹ —c ¹	Кg ⁸ —f ⁶
- 4) Этимъ черные переводятъ игру въ дебютъ двухъ копей.

- 5) О—О Кf⁶ : e⁴

Черные получаютъ болѣе спокойную партию. Принято также: 5... Cf⁸—c⁵, послѣ чего обычно 6. e⁴—e⁵, d⁷—d⁵; 7. e⁵ : f⁶, d⁵ : c⁴, 8. Лf¹—e¹, Сс⁸—e⁶; 9. Кf³—e⁵ и т. д.

6) Лf ¹ —e ¹	d ⁷ —d ⁵
7) Сс ⁴ —d ⁵	Фd ⁸ —d ⁵
8) Кb ¹ —c ³	Фd ⁵ —d ⁸

8. Такъ игралъ Рети (черные) противъ Шпильмана, причѣмъ выгадалъ хорошее продолженіе.

- (Ю. Э.).
9) Ле ⁴ : e ⁴	Cf ⁸ —e ⁷
10) Кf ⁴ : d ⁴	f ⁷ —f ⁵
11) Ле—f ⁴	О—О
12) Кd ⁴ : c ⁶	на 12 Сс ¹ —e ³ поел.
- Се⁷—d⁶, 13. Кd⁴ : c⁶, b⁷ : С⁶ и у черн. два слона и открыта линия b.
12) —	Лd ⁸ : d ¹
13) Кс ³ : d ¹	b ⁷ : c ⁶
14) Лf ⁴ —c ⁴	Сс ⁸ —d ⁷
15) Кd ¹ —c ³	Ла ⁸ —b ⁸
16) Кс ³ —a ⁴	Лf ⁸ —f ⁶
17) Сс ¹ —e ³	Се ⁷ —d ⁶
18) b ² —d ³	Сd ⁷ —e ⁶
19) Ка ⁴ —c ⁵	

Лучшаго хода у бѣлыхъ нѣтъ, если напр., 19. Ле⁴ : c⁶, Се⁶—d⁵; 20. Ле⁶—a⁶ и Cd⁶ : h²+

19) —	Се ⁶ : С ⁴
20) Ке ³ —d ⁷	f ³ —f ⁴
21) Се ³ —d ⁴	

Единственно! При всякомъ другомъ отвѣтѣ бѣлые отдадутъ фигуру.

21) —	Лf ⁶ —g ⁶
22) Кd ⁷ : b ⁵	Сс ⁴ —d ⁵
23) g ² —g ³	С ⁶ —С ⁵
24) Cd ⁴ —c ³	

Немедленно проигрываетъ! Лучше отступить слономъ на b², что, однако, результата не мѣняетъ, послѣ h⁷—h⁵—h⁵ черные открываютъ убійственный огонь по королевскому флангу противника.

24) —	f ⁴ : g ³
25) h ² : g ³	Cd ⁶ : g ³
26) Крг ¹ —f ¹	Сg ³ : f ⁴
27) Крf ¹ —e ²	Лg ⁶ —e ⁶ +
28) Кре ² —f ¹	Cd ⁵ —f ³

Сдался.

(Примѣчанія К. А. Дмитриева).

Недурная иллюстрація къ тому, какъ можно медленнымъ, упорнымъ давленіемъ использовать незначительное позиционное преимущество.

Хроника

Шахматисты, застрявшие въ Мангеймѣ (нѣмецкой крѣпости), среди которыхъ находятся Флямбергъ, Малютинъ, Рабиновичъ, Ванштейнъ, переведены въ Баденъ-Баденъ, гдѣ начали между собой Турниръ.

По этому случаю А. Алехинъ назначилъ сеансъ одновременной игры съ тѣмъ, чтобы вырученныя съ него деньги пожертвовать своимъ коллегамъ. Поступокъ, которому можно послѣдовать многимъ нашимъ маэстро.

ЖИВЫЯ

ИСКОРКИ.

Приключенія англичанки въ странѣхъ московитовъ.

Вродѣ какъ бы переводъ съ иностраннаго.

(Продолженіе).

ИЗЪ ВСѢХЪ своихъ спутницъ Гарриэтъ болѣе всего подружилась съ графиней Сумбекой Платовой, дикой и неустрашимой дочерью Дона. Графиня Сумбека служила въ гвардіи Русской Императрицы (гвардія называется Вѣдомствомъ Императрицы Маріи). Извѣстно, что въ Россіи существуетъ войско изъ казачекъ... Сама Гарриэтъ видѣла французскую газету эпохи начала Русско-японской войны, въ которой былъ рисунокъ, изображавшій нѣсколькихъ представительницъ этого войска, несущихся верхомъ на коняхъ въ казачей формѣ, дополненной вѣрообразнымъ кокошникомъ вмѣсто папахи. Сумбека Платова была одною изъ самыхъ храбрѣйшихъ и поэтому была удостоена многихъ военныхъ знаковъ отличія, какъ то: Двуглаваго Орла, Шифра и другихъ. Миссъ Гарриэтъ познакомилась съ храброю казачкой слѣдующимъ образомъ: однажды, во время одного изъ пикниковъ неосторожная Гарриэтъ слишкомъ отдалилась отъ своихъ спутниковъ, увлекшись собираніемъ степныхъ ягодъ, называемыхъ кавунами. Вдругъ послышалось ужасающее рычаніе подобное раскатамъ грома. Гарриэтъ вздрогнула, припомнивъ, что въ Русскихъ степяхъ теперь благодаря заботамъ харьковскаго общества акклиматизаціи полезныхъ иностранныхъ животныхъ, водятся львы.

Харьковъ—это столица южнорусскихъ степей, основанная бандитомъ Харьковъ, который предварительно выкопалъ среди необитаемой степи гигантскіе подземные ходы, облицованные кирпичемъ и ведущіе къ

подваламъ жидовскихъ домовъ и синагогъ. а потомъ уже выстроилъ надъ ними городъ. Все это недавно открыла археологическая комиссія. Всѣходы г. Харекъ усыпаль жужелицей. Явно находчивый бандитъ еще задолго до открытия донецкихъ копей добывалъ въ нихъ уголь и обрабатывалъ его въ жужелицу для посыпки своихъ ходовъ.

Дѣйствительно, изъ зарослей ковыля черезъ минуту выскочилъ громадный, хотя и замѣтно акклиматизировавшійся, левъ; акклиматизація была замѣтна по тому, что онъ былъ худъ до невѣроятности. (Извѣстно, что животныя, заключенныя въ питомники, согласно древне-русскому закону о колодникахъ, питаются главнымъ образомъ, добровольнымъ подаянемъ со стороны публики). Но храбрая дѣвушка не растерялась,— выхватила револьверъ, съ которымъ не разставалась никогда, и выстрѣлила въ льва. Дѣвушка не промахнулась, но пуля, какъ полагается въ подобныхъ случаяхъ, только отскочила отъ толстаго черепа чудовища, еще болѣе приведеннаго въ ярость своею раной. Къ ужасу Гарриэтъ въ ея шестизарядномъ револьверѣ не было болѣе пуль. И заряжать его и бѣжать было уже поздно. Къ счастью, левъ настолько акклиматизировался въ Россіи и такъ ознакомился съ нравами и обычаями Русскихъ животныхъ, что вмѣсто того, чтобы прыгнуть на свою жертву, онъ поднялся на заднія лапы и пошелъ къ ней. Видя это, Гарриэтъ попробовала спастись бѣгствомъ; но, къ несчастью, она была одѣта въ модный костюмъ того времени, съ юбкой до того узкой, что едва можно было переставлять ноги. Едва успѣвъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, Гарриэтъ споткнулась и упала. Безъ сомнѣнія, она погибла бы, если бы не Сумбека Платова. Услыхавъ рычаніе льва, храбрая казачка бросилась туда и поспѣла какъ разъ во время, чтобы спасти дѣвушку. Левъ, бросившійся на Гарриэтъ, встрѣтилъ остріе пики графини Сумбеки и, пытаясь добраться до своего неожиданнаго врага, самъ насквозь прокололъ себя пикой (Этотъ способъ охоты, какъ узнала впоследствии Гарриэтъ, называется рогатиной и служить любимымъ увеселеніемъ фрейлинъ при Русскомъ Дворѣ) Гарриэтъ бросилась на шею своей спасательницы, но не могла поцѣловать ее до тѣхъ поръ, пока не догадалась снять своей шляпки.

Гарриэтъ и графиня Сумбека подружились между собой и, по Русскому обычаю, побратались, обязываясь называться посестримами. Обрядъ посестримства производится въ Россіи слѣдующимъ образомъ: связываютъ шитыми полотенцами верхушки двухъ, стоящихъ рядомъ, березокъ. украшаютъ ихъ лентами національныхъ цвѣтовъ и флагами, посрединѣ кладутъ вѣнокъ, сдѣланный изъ кукушкиныхъ слезъ,—и обѣ посестримы ходятъ кругомъ и поютъ пѣсню, въ которой выражаютъ сожалѣніе по тому поводу, что у кукушки нѣтъ кумы, а именно:

Ты кукушка ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся кумушка,
Покумимся, голубушка,

Чтобы жить намъ, не браниться,

Чтобъ другъ съ дружкой не свариться.

(Послѣдняя строка заключаетъ въ себѣ закліаніе—угрозу нарушившимъ обѣтъ посестримства, что онѣ въ такомъ случаѣ окончатъ жизнь, сварившись). Затѣмъ онѣ должны поцѣловаться сквозь березки, и если это имъ удастся, считаются посестримами на всю жизнь и особенно на Троицу.

Другой Русской подругой Гарриетъ была графиня Ольга Строганова, мрачная и таинственно-загадочная красавица лѣтъ сорока, румяная и круглолицая блондинка. Она была совсѣмъ не похожа на Русскую. Не обладала аршиннымъ крючковатымъ носомъ, ушами лопухомъ и не смахивала на старую вѣдму, хотя ей какъ это было ранѣе сказано, было болѣе тридцати лѣтъ. Гарриетъ у себя въ Англии и на континентѣ встрѣчала множество Русскихъ, называвшихся по большей части Розами и поэтому хорошо знала, на что похожи Русскія. Но эта Русская положительно ставила ее втупикъ своею наружностью.

Исторія жизни графини Ольги была чрезвычайно мрачна и потрясающа. По Русскому обычаю ее выдали замужъ. Мужъ ея, графъ Строгановъ, старый бояринъ, жилъ близко города Славянска на верху крутой горы, на самой высокой вершинѣ Урала. Онъ былъ страшный восточный ревнивецъ и деспотъ. Графъ заперъ свою молодую жену въ теремъ и приставилъ къ ней семь старыхъ нянь и двѣнадцать дуэни, называемыхъ по Русски старыми коргами. И въ его теремѣ высококомъ, словно пташка въ западнѣ, изнывала въ злой неволѣ графиня Ольга. Единственной ея радостью былъ ея маленькій сынъ, которому она дала старинное Русское имя Переяслава, въ честь одного изъ своихъ предковъ, призваннаго вмѣстѣ съ Ермакомъ для основанія Руси. Жизнь графини Ольги была ужасна — у ней было все, чего бы она ни захотѣла, а кругомъ, въ рудникахъ ея мужа, раздавались стоны рабочихъ, лишенныхъ даже самой безграмотной и безтолковой прокламаціи. Они задыхались безъ передовой литературы! Графиня Ольга, подкупивъ своихъ приставницъ тайкомъ помогала несчастнымъ рабочимъ, принося имъ цѣлыя узды брошюръ и прокламацій. Но ея злодѣй мужъ узналъ объ этомъ. Узналъ, что Ольга, вопреки адату, шаріату и газавату, безъ чадры и не отворачиваясь лицомъ къ стѣнѣ, говорила съ посторонними мужчинами. Въ ужасной ярости онъ повелѣлъ ей надѣть подвѣчный нарядъ и ждать смерти. Но когда злодѣй потрясая кинжаломъ вошелъ къ своей невинной жертвѣ, то на встрѣчу ему вышелъ ихъ двухлѣтній сынъ, Переяславъ, съ заряженными браунингами въ обѣихъ рукахъ и заявилъ:— „Въ качествѣ культурнаго гражданина девятнадцатаго столѣтія, я не могу допустить семейной тираніи, какъ пережитка среднихъ вѣковъ!“ Старый тиранъ было пораженъ. Онъ увидѣлъ, что и его сынъ, единственное существо въ мірѣ, которое онъ еще любилъ, не одобряетъ его поступковъ. Въ неистовой ярости графъ выскочилъ на улицу, поймалъ множество воробьевъ и галокъ и, привязавъ къ ихъ хвостамъ биксфор-

довъ шнуръ и по фунту динамита, поджогъ и пустиль птицъ на избы рабочихъ. Раздались ужасающіе взрывы, забушевалъ пожаръ. Уцѣлѣвшіе рабочіе, желая отомстить злодѣю, схватили его, привязали къ вершинамъ двухъ деревьевъ и разорвали пополамъ. Послѣ этого они стали называться Древянами.

Гай Д'Аръ.

(Продолженіе слѣдуютъ).

Подайте мальчику на хлѣбъ!...

Галлерея современ- ныхъ типиковъ.

Штрихи студента Мих — Сп.

Курсистки.

Нюрочка.

Скорѣ толстая, чѣмъ полненькая, скорѣ блѣдная, чѣмъ розовевъкая, Нюрочка въ своей черной фалдистой юбкѣ и черной же шелковой кофточкѣ производила впечатлѣніе типичной курсистки нашихъ дней.

Точнѣе выразиться, — Нюрочка представляла одну изъ наиболее яркихъ разновидностей типа современной курсистки, конечно, высшихъ

женскихъ курсовъ. Фребеличекъ и проч. совсѣмъ не было въ нашемъ кружкѣ.

Я говорю, — въ нашемъ кружкѣ. Это не вѣрно. Среди насъ вообще не было современныхъ курсистокъ, — ихъ какъ то не переваривали. Онѣ были терпимы лишь на общихъ собраніяхъ кружка, куда входъ былъ свободенъ для всѣхъ желающихъ посмотрѣть на насъ и послушать наши рефераты.

Вотъ на одномъ то изъ такихъ собраній мы и познакомились съ Нюрочкой.

О Нюрочкѣ мы слышали давно. Надо сказать, — она среди своихъ товарищей и знакомыхъ пользовалась большимъ авторитетомъ. Къ ней внимательно прислушивались, заранѣе соглашались, что она скажетъ или даже подумаетъ, — усердно кивали въ тактъ на каждое ея заявленіе или замѣчаніе относительно того или другого новаго лица.

Чѣмъ такъ всѣхъ прельщала и обвораживала Нюрочка, я, лично, затрудняюсь объяснить. Размахистой ли, угловатой, съ развальцемъ походкой она внушала почтеніе окружающимъ,—сильнымъ ли голоскомъ своимъ, переходившимъ иногда въ высокій фальцетъ, покоряла она сердца товарищей,—ножками ли своими, обутыми въ плохо скроенные, но крѣпко сшитые бапки склоняла во прахъ узколобыя головушки близкихъ,— не знаю. Но фактъ на лицо,—съ Нюрочкой считались.

Вѣрнѣе же—обаяніе Нюрочки, которое она разносила съ собой повсюду, покоилось на ея передовыхъ убѣжденіяхъ. Нюрочка была сознательнымъ товарищемъ, Да еще какимъ! Крайнимъ, страстнымъ, съ глубоко прогрессивнымъ и несомнѣнно радикальнымъ мышленіемъ,—убѣжденнымъ, искреннимъ и, главное, схватывающимъ на лету и быстро усваивающимъ любя, самыя животрепещущія, самыя сложныя социальныя проблемы. Не даромъ же она такъ гордилась своими познаніями въ области марксизма. Карлъ Марксъ, первую книжку «Капитала» котораго она усвоила въ совершенствѣ,—былъ богомъ ея.

Вѣдь это—не фунтъ изюма!

Какъ сейчасъ помню нашу первую встрѣчу съ ней. Это было 1-го октября. Мы собрались въ домъ №. милой Русской женщины, сильно сочувствующей молодежи, ея порывамъ, надеждамъ, мечтамъ.

Засѣданіе было закрытое. Собрались немногіе,—человѣкъ двѣнадцать студентовъ, членовъ нашего кружка, и пять-шесть представительницъ прекраснаго пола. Среди послѣднихъ была и Нюрочка, попавшая на собраніе къ намъ черезъ свою подругу раевку, Олю, рѣчь о которой будетъ у насъ впереди.

Знакомимся.

— Здравствуйте... Очень пріятно,—раскланиваемся мы.

Нюрочка снисходительно скользнула взглядомъ по нашимъ фізіономіямъ и, протягивая намъ свою пухлую руку, чуть улыбается.

Разговоръ завязался.

— М-м-м-м-м... Вы на раевскихъ курсахъ?...

Нюрочка разсмѣялась.

— Ну, да...

Мы почему то тоже разсмѣялись.

Настроеніе повышалось.

Разговоръ оживлялся.

— Вы... М-м-м м-м... Оканчивать курсы собираетесь...

— Я еще второй годъ... Да...

Она опять улыбнулась, широко и довольно.

Мы были въ восторгѣ отъ Нюрочки. Кто-то хотѣлъ еще съ ней о чемъ-то поговорить, кто то хотѣлъ даже аплодировать Нюрочкѣ. Уже раздалась два три шлепка... Но звонокъ председателя возвѣстилъ о началѣ засѣданія. Пришлось угомониться и прервать пріятную бесѣду съ Нюрочкой.

Черезъ тринадцать дней мы сторонкой узнали (да простить насъ въ этомъ Аллахъ!), что наша компанія не понравилась Нюрочкѣ. Ее страшно огорчило, что мы за весь вечеръ ни единымъ словомъ не обмол-

вились о товарищах-марксистах-большевиках, загубленных режимомъ въ Кутумарской тюрьмѣ. Намъ, дѣйствительно, и въ голову не пришло произносить зажигательныя рѣчи и съ фуражкой обходить ряды своихъ слушателей (увы! такіе ужъ мы никудышные люди). А вѣдь вотъ подите жъ,—Нюрочка серьезно разсердилась на насъ, не влюбилась насъ, обругала черносотенцами, и стала появляться лишь на концертныя отдѣленія нашихъ засѣданій.

А появлялась она по обыкновенію съ Чижиномъ (такъ прозвали мы чижикообразную подругу Нюрочки)

Характерны были ея визиты. Приоткроешь дверь, всунешь въ образовавшееся отверстіе голову, обведешь блуждающимъ взглядомъ гостиную и исчезнешь. Вся эта сцена брала мгновений пять-шесть, не больше. Затѣмъ, немного погодя, вторично—уже распахивалась дверь и степенно, вся цѣликомъ, подъ ручку съ Чижиномъ входила Нюрочка. Общій поклонъ тѣла по неопредѣленному направленію, въ видѣ привѣтствія (очевидно), и проворный нырокъ куда-нибудь въ уголь. Тутъ онѣ вдвоемъ, иногда, впрочемъ, къ нимъ присаживалась еще Оля, сидѣли не вставая до конца концертнаго отдѣленія.

Изрѣдка, по приглашенію хозяйки, и Чижикъ и Нюрочка оставались ужинать. Но послѣднее случалось рѣдко.

Вотъ и все, что мы можемъ сказать о Нюрочкѣ.

— Мало,—бросить читатель.

— Извиняемся,—мы вѣдь описываемъ не типы, а всего только типики.

О л я.

Натура чрезвычайно сложная,—настолько сложная, что даже пытли- вому математику едва ли удалось бы разобраться въ ней.

Когда я познакомился съ Олей или съ Лелей, какъ она любила себя называть—такъ вотъ говорю, когда я познакомился съ ней, а это было два съ половиной года тому назадъ, Оля была яркой монархисткой. По крайней мѣрѣ называла себя монархисткой. Да и какъ было не по- вѣрить,—она тщательно собирала наиболее красиво исполненные фотографическіе портреты (на открыткахъ) какихъ то лохматыхъ артистовъ съ безумно развитыми носами, а при встрѣчѣ съ «знаменитостью»—плакала. По крайней мѣрѣ, она мнѣ такъ сама рассказывала:

— Какъ увижу, такъ и заплачу!..

Въ добавокъ ко всему этому она почитывала жеденовскую «Грозу», одно названіе которой приводитъ въ бѣшенство многихъ полицейскихъ полковниковъ.

Ясно,—Оля была «монархисткой».

Но время шло. Текли часы, дни, недѣли, мѣсяца, а за ними и годы.

Оля начинала видимо «лѣвѣть», краснѣть, но только очень странно.

Прежде всего она какъ-то вдругъ почувствовала непреодолимое тяготѣніе къ... евреямъ.

Когда ее спрашивали, что же, именно, ее прельщаетъ въ достойныхъ потомкахъ Гуды, она неизмѣнно отвѣчала:

— Такъ!..

И сейчасъ же хихикала. При чемъ глаза ея, маленькіе и узкіе, въ такія минуты быстро бѣгали по сторонамъ, точно искали чего.

Вторымъ симптомомъ...

Но позвольте васъ познакомить съ Олей. Худенькая, пожалуй, стройненькая, средняго роста, смугленькая. Все было бы сносно, если бы не ея неуклюжія, красныя руки, желтовато-сѣрая кожа лица и шеи, и несносныя боли въ боку, спинѣ и кажется въ ногѣ.

— Какой?

— Не помню.

Красноту рукъ и ихъ неуклюжесть она — увы! ничѣмъ не могла излечить, да и не пыталась. Очевидно, помнила горьковское: «Рожденный ползати, летати не можетъ». Зато лицо и шея... Да съ, тутъ Оля не скупилась на средства и, несмотря на свою феноменальную скаредность всегда имѣла при себѣ довольно вмѣстительную баночку дорогихъ бѣлилъ. Эти то бѣлила, какъ потомъ оказалось, и покоряли сердца ея поклонниковъ. Вотъ что значить въ нашъ вѣкъ своевременно запастись патентованнымъ средствомъ какого-нибудь Мовши Иванова!

Что касается ея болѣстей, то послѣднія лѣчились просто, — по утрамъ Оля ретиво глотала толокно, а по вечерамъ исправно намазывалась различными майскими бальзамами. Но объ этомъ не принято громко говорить въ приличномъ обществѣ, а по сему мы и ограничимся, именно, тѣмъ, что хотѣли сказать.

И такъ, вторымъ симптомомъ... Впрочемъ, стоитъ ли говорить о второмъ симптомѣ, не лучше ли перейти прямо къ третьему, благодаря которому, Оля зѣло удачно, на правахъ сѣвннй дѣвушки, устроилась безвозмездно у одной скучающей патронессы. Безвозмездно, — это значить, что ни Оля, ни патронесса не давали другъ другу ни копейки денегъ. Патронесса содержала Олю, давала ей кровать въ какой то комнатѣ, кормила ее, — а Оля должна была въ уплату за эту благотворительность быть alter ego патронессы.

Когда вы нечаянно спрашивали ее, — а какого она мнѣнія о такомъ-то явленіи или о такомъ-то лицѣ, — Оля сейчасъ же устремляетъ вопросительный взглядъ на свою патронессу...

Квинтъ эссенціей Оли была ея «жениховая» манія. Всякій реалистъ или первокурсникъ студентъ, имѣвшій неосторожность повстрѣчаться съ Олей на улицѣ и проводить ее хотя бы одинъ два квартала, какъ несчастный немедленно попадалъ въ число ея жениховъ.

— Ахъ, какъ они всѣ мнѣ надоѣли!..

Оля влетаетъ въ гостиную и съ размаха кидается въ глубокое кресло.

— Что такое?

— Да вотъ всѣ эти мальчишки... Только выйдешь съ курсовъ, какъ сейчасъ же подвертывается то тотъ, то другой, то третій... Не дадутъ

ни на минуту остаться одной... А порой такъ хочется подумать о какой-нибудь прочитанной лекціи...

— Который же сегодня повстрѣчался?

— Да Шурка Кривопуній,—этотъ, знаете, аристократъ, родовитый сынокъ,—ходить всегда въ такой фуражкѣ съ большими круглыми полями...

— Это что жъ новый?... Который по счету?..

— Какой новый,—ихъ много... А можетъ и новый. Много ихъ что-то, всѣхъ не упомнишь. Сегодня, кажется, къ вамъ обѣщался притти Коликъ Плющпердовскій... Ахъ, вотъ типъ! Влюбленъ по уши!! Я ужъ ему два раза отказывала, а онъ все ходитъ и ходитъ, точно тѣнь... Бѣдный, я ему...

И пойдетъ, и полетитъ, и понесется.

А попугай,—ехидный, злой, несносный какаду нѣтъ-нѣтъ да и заоретъ:

— Марѹшка,—дзинь подъ столъ, окаянная!.. Марѹшка,—дзинь подъ столъ, непутевая!...

Послѣдній разъ я видѣлъ Олю недавно, недѣли три тому назадъ. Она опять «поправѣла»,—читаетъ «Вечернее Время», ругаетъ Проппера жидомъ, подтягиваетъ народному гимну на манифестаціяхъ и тщательно избѣгаетъ сборщиковъ и сборщицъ денежныхъ пожертвованій въ пользу раненыхъ. Я даже слышалъ какъ она однажды напѣвала новую пѣсенку изъ двухъ словъ:—«Я патриотка» на мотивъ известной вѣнской шансонетки—«O, meine purre».

Возвращеніе.

(Несомнѣнный фактъ).

Сенью пришла пора Саклитюхѣ возвращаться домой, т. е. въ наши мѣста. Съ ней вмѣстѣ отправилась Сенька Петровна и Трифонъ.

Сенька Петровна закупила въ деревнѣ разнаго гостинца, которымъ думала угостить и одарить Барабанова, Таньку—Треугольникъ, Бѣленькаго, Анисью и Анейку.

Везла она съ собой три десятка яицъ, полсотни сушеныхъ малиновыхъ лепешекъ собственнаго производства,—десятка четыре коржиковъ, жареныхъ на сметанѣ, и большой горшокъ свѣжаго меда.

Въ ожиданіи поѣзда изъ Ржева, всѣ трое довольно чинно сидѣли на скамейкѣ станціи и грызли подсолнухи.

Съ шумомъ и грохотомъ подвалилъ поѣздъ.

Трифонъ вскарабкался на площадку вагона 3-го класса, чтобы скорѣе принять пакеты, но произвелъ эту операцію такъ неудобно, что горшокъ съ медомъ, основательно ударившись о ручку вагона, расплзся въ разныя стороны, а медъ густой и душистый—обильно потекъ сперва на голову Саклитюхѣ, затѣмъ по ея лицу и, наконецъ, забрался ей за шиворотъ.

— Тришка, чортъ!—завопила Саклитюха не своимъ голосомъ,—размазня гороховая, куда тянешь, окаянный?..

Трифонъ и самъ былъ озадаченъ подобной оказіей.

— Размазня это—ты!—Убѣдительно произнесъ онъ.

Сенька Петровна, озаботившись состояніемъ своихъ прочихъ пакетовъ, жалобнымъ голосомъ просила:

— Трифонъ, голубчикъ, не раздави яйца, не раздави яйца то!

Паровозъ лихо, по деревенски свистнулъ и такъ же лихо ринулся впередъ. Саклитюха, вся взлохмаченная, липкими руками уцѣпилась за ручку и повисла, крича:

— Тришка, чортъ, помоги, говорятъ!..

Трифонъ осторожно поискалъ сухое Саклитюхино мѣсто и кое какъ помогъ ей взобраться.

— Совсѣмъ медовый пряникъ,—ехидно произнесъ онъ и съ удовольствіемъ лизнулъ Саклитюху по щекамъ. На его языкъ оказалась изрядная порція желтаго меда.

— Хорошій медъ,—даже не восчитать!

— Погоди, Тришка, ломовикъ, я тебя омою, дуракъ...—Отвѣтила Саклитюха, обтираясь сколько могла рукавомъ, отчего послѣдній сразу залоснился, какъ полированный.

Они всѣ трое ввалились въ вагонъ и усѣлись на лавкѣ.

Какъ разъ я съ товарищемъ возвращались съ этимъ поѣздомъ изъ Великихъ Лукъ. Сидѣли въ томъ же самомъ вагонѣ.

Веселая компанія заинтересовала насъ.

Трифонъ, очевидно, принялъ за хорошее предзнаменованіе, видя съ какимъ интересомъ мы ихъ разглядываемъ, и, поерзавъ нѣсколько на своемъ мѣстѣ, взглянулъ на Саклитюху, потомъ на Сеньку Петровну и, наконецъ, обратился прямо ко мнѣ:

— А, вы, баринъ, отколѣ ѣдете?

— Оттуда, вотъ!—Отвѣтилъ я, показывая рукой въ окно.

— А хорошо тамъ?—Хихикнулъ онъ, прищуривъ глаза.

— Хорошо... Тамъ курортъ и лѣченія разныя. Вотъ тоже медомъ лѣчатся. Говорятъ, помогаетъ очень...

— А—а,—протянулъ Трифонъ и сталъ крутить махорку.

Саклитюха злобно взглянула на меня.

— Чего ты?.. Можетъ самъ любишь медъ, такъ я покормлю...

Сказать по совѣсти, я даже испугался ея энергичнаго тона; когда же она, взявъ оловянную грязную ложку, наскобила ею съ шеи поряточно меда и протянула мнѣ—я грустно взглянулъ на моего товарища.

Но меня выручилъ Трифонъ.

— А вы кто будете, чиновникъ?—Спросилъ онъ.

— Нѣтъ, братецъ,—отвѣтилъ я, отодвигаясь отъ Саклитюхи,—я—студентъ.

— А, скубентъ, учитесь... Но все-же, кто вы такой?

— Я—медикъ...

— А, мѣдникъ! Понимаю. Это хорошее занятіе. Вотъ мой племянникъ, Егоръ,—тоже мѣдникъ и хорошо работаетъ. Онъ по кастрюлямъ ловокъ. Ахъ, какъ ловокъ!.. То есть во какъ!..

Я сконфузился и молчалъ.

— А это—вашъ товарищъ?.. А они кто же будутъ?

— Онъ—оптикъ.

— А... А! Они—коптикъ! Такъ—понимаю.

У меня былъ знакомый одинъ коптикъ. Онъ во Ржевѣ работаетъ въ коптильнѣ купца Синькина. Хорошо зарабатываетъ.—хорошо... Да—а...

Мой товарищъ даже побагровѣлъ отъ злости, но молчалъ.

— А вотъ, господинъ мѣдникъ, скоро и станція. Не грѣшно бы прикупить пару бутылокъ пивца. Оно въ дорогѣ никогда не лишнее.

— Отчего же? Можно...—Произнесъ я и мысленно рѣшилъ перебраться въ другой вагонъ, но Трифонъ уже протягивалъ мнѣ цѣлую горсть мѣдяковъ, говоря, что тутъ ровно тридцать копеекъ.

— Сходите, пожалуйста, а я за это съ вами подѣлюсь. Вы, вѣроятно, малость пьете? Мой Егорка, такъ тотъ—малость не малость, а дуетъ здорово,—п пиво и водку! Всѣ мѣдники пьютъ, такъ ужъ и вы не отказывайтесь, а то можете у васъ денегъ нѣтъ, такъ я угощу. Вы, ужъ, того, не стѣсняйтесь... Вонъ.—Саклитюха, та хорошо пьетъ, хотя слаще меда, говоритъ, ничего нѣтъ!..

Поѣздъ остановился, и мнѣ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ идти за пивомъ.

— Хоть ты и баринъ, а все же возьми себѣ сдачу,—сказалъ Трифонъ, неожиданно переходя на ты, вѣроятно при видѣ бутылокъ.

Какъ я ни отговаривался, а все же Трифонъ денегъ не взялъ.

Саклитюха мигомъ откупорила бутылку и, доставъ стаканъ весьма сомнительной чистоты, налила съ пѣной и однимъ залпомъ осушила до дна.

Трифонъ искоса поглядѣлъ на нее.

— Саклитюха, дай мнѣ стаканъ,—сначала надо барчуковъ утопить...

— Обожди, Тришка,дохлый!.. Для барчуковъ другая бутылка: вотъ я свою изопью и дамъ имъ.

— Э—э! Саклитюха! Какая ты баба бѣдовая, голова медовая! А я что буду пить? Шалишь,—дай стаканъ, говорятъ!

— Отвяжись!.. Еще стакашекъ выпью и дамъ!

Но Трифонъ уже ловилъ ее за руки, силясь отнять бутылку и однимъ недовкимъ движеніемъ опрокинулъ непочатую бутылку прямо въ лукошко съ яйцами. Раздался зловѣщій трескъ, и яйца превратились въ одну безформенную желтую массу, забрызгавъ Сеньку Петровну. У ней даже слезы показались на глазахъ отъ досады и обиды, но изумленіе было слишкомъ велико, и она уставилась на Трифона. Я съ товарищемъ отъ души захохотали, глядя на ихъ нѣмыя фигуры.

Трифонъ полѣзъ свободной рукойъ въ свои волосы.

— Эхъ, какъ оно!..—Произнесъ онъ недоумѣвающе.

Саклитюха разсвирѣгла, увидѣвъ что ея ситцевое платье оказалось забрызганнымъ пивомъ и яйцами. Даже платокъ сползъ съ головы, обнаруживъ ея трепанное убранство послѣ порціи меда.

Въ эту минуту вошелъ кондукторъ. На его новомъ мундирѣ блестящими пятнами отражался Саклитюхинъ медъ, о который онъ прикасался всюду.

Лицо кондуктора выражало крайнюю досаду и злость.

— Вы тутъ чего безобразите, ребята?—Обратился онъ къ Трифону и Саклитюхѣ.

— Чѣмъ испачкали вагонъ? Эй, ты, косолапый, покажи, что везешь?

Въ этотъ моментъ онъ замѣтилъ битыя яйца и осколки бутылки, которыя валялись на полу.

— Что вы тутъ дѣлаете, чортъ васъ возьми!?—закричалъ онъ съ сердцемъ.

Трифонъ въ испугъ пододвинулся къ Саклитюхѣ. Та смѣло приняла вызовъ кондуктора.

— Чего дѣлаемъ?—Передразнила она его,—развѣ не видишь—ѣдемъ... А ты чего разлаялся? Что мы тебѣ—мѣшаемъ?

— Вылѣзай вонъ отсюда!—Рявкнулъ кондукторъ и было взялъ Саклитюху за руку, но тотчасъ же отдернулъ,—рукавъ Саклитюхи былъ весь въ меду.

— Вылѣзай!..—Закричалъ онъ снова, оглядываясь и ища глазами другого кондуктора.

— Ишь, блажить!—Невозмутимо сказала Саклитюха и полѣзла въ нижній карманъ, откуда, пошаривъ, вытащила проездной билетъ и подала его.

— На возьми,—говорила она,—и не блажи. Разлаялся, какъ дворняга моего кума Трифона. Видишь билетъ!?—Значить ѣдемъ, а куда—тамъ написано.

Поѣздъ подошелъ къ станціи, и кондукторъ, оставивъ въ покоѣ Саклитюху, долженъ былъ по долгу службы выйти на платформу.

Я думалъ, что все случившееся такъ и останется, но къ моему интересу вдругъ показался въ дверяхъ кондукторъ, за нимъ шелъ оберъ, а за оберомъ виднѣлась громадная фигура жандарма.

— Это которые?—Спросилъ оберъ.

— Да, вотъ, эти господа,—показалъ кондукторъ на Трифона, Саклитюху и Сеньку Петровну.

— И вагонъ испачкали какой то дрянью, и намусорили отчаянно... Мнѣ весь костюмъ испортили. Прошу ихъ честию сойти отсюда, а они не слушаются.

Жандармъ взялъ Трифона за руку и мигомъ поставилъ его на ноги. Тотъ оробѣлъ.

— Вылѣзай на станцію!—Грозно окрикнулъ его жандармъ и толкнулъ къ дверямъ.

Трифонъ поспѣшилъ исполнить столь свирѣпое приказаніе. Не то было съ Саклитюхой.

Ни грозный окрикъ жандарма, ни примѣръ Трифона на нее не подѣйствовало. Вынувъ снова билетъ изъ кармана она подала его жандарму, говоря:

— Я деньги платила... Такъ тебѣ и вылѣзу! Утри-ка носъ.

Жандармъ схватилъ ее за плечо, но также мигомъ отдернулъ руки и покраснѣлъ.

— Чѣмъ ты вымазалась, баба?—Пробасилъ онъ. Маршъ отсюда, слышишь или нѣтъ?

Но Саклитюха не двигалась.

— Ишь, разлаялся, — заголосила она, — чего блажишь? Я испугалась тебя, что ли? Сказала не уйду, так не уйду. А тронешь, так я сама так зайду, что жена вѣкъ не узнаетъ...

Но тутъ жандармъ загребъ ее обѣими руками и вышхнулъ за дверь.

Саклитюха почти съѣхала со ступеней вагона, продолжая неистово ругаться.

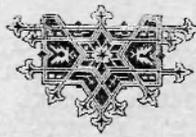
Сенька Петровна безъ словъ бросилась вслѣдъ за ней, желая, очевидно, раздѣлить съ ними ихъ судьбу.

Я думалъ, что они вернуться, но поѣздъ давно отошелъ, а ихъ все еще не было.

Когда зажгли въ вагонѣ свѣчи, то я замѣтилъ на противоположной скамьѣ въ углу два свертка, оставленные Сенькой Петровной.

Тамъ, вѣроятно, были малиновыя лепешки, приготовленія собственныхъ ея рукъ и коржики, жареные на сметанѣ.

Студ. Вл. И.

Оплезанный міръ.

Я исполню завѣтъ футуриста,
Я разрушу обители сектъ,
И одѣну въ нарядъ золотистый
Обнаженный уродъ-интеллектъ.

Я сожгу все наслѣдіе предковъ,
Подожду, чтобы пламень утихъ;
Справить тризну по нимъ изъ объѣдковъ
Мой полночный безсолнечный стихъ.

Я войду, умирая отъ раны
За ограду въ могилы кладбищъ,
И открою я въ нихъ рестораны
Лишь для тѣхъ, кто ограбленъ и нищъ.

Я стащу съ неба солнце апрѣлье,
Для земли будетъ день роковой
И поднимется шумъ и веселье,
Будетъ скрежетъ зубовой и вой.

Прилетятъ разозленные боги
Прекратятъ мой кощунственный пиръ.
И повѣшенный ими за ноги,
Я взгляну на оплеванный мiръ.

Студ. Зиновій Березанскіи.

Самый шумный инструментъ во всемирномъ концертѣ.

Случай.

Было то въ сѣренькомъ городѣ Брацловѣ. Время—далеко за полночь.

На главной улицѣ свѣтятся окна высокаго одноэтажнаго дома. Эта — квартира судьи мѣстнаго уѣзднаго суда, Николая Ивановича Орлова.

У него гости — все свои сослуживцы. Здѣсь и высокій мрачный прокуроръ. Его и виѣ суда можно было признать за такового, — призванный осуждать, онъ хорошо вошелъ въ свою роль. Его глаза всегда пристально останавливались на собесѣдникѣ, какъ бы выискивая его недостатки. Рядомъ съ нимъ — предсѣдатель суда, Макаръ Андреевичъ Болотниченко, веселый господинъ, со свѣтлыми смѣющимися глазами, шутникъ и балагуръ.

Напротивъ, — лысый господинъ, низкаго роста, съ брюшкомъ, любитель большой компаніи и веселыхъ собраній. Онъ и на охоту и на карты, — не прочь и выпить съ друзьями. Его любятъ. Это — судья, Иванъ Ивановичъ Савченко. Играютъ въ винтъ. Всѣ на веселѣ, конечно.

Идетъ непринужденная бесѣда. Особенно отличается Макаръ Андреевичъ, предсѣдатель. Онъ сегодня въ духѣ, ему карта идетъ. Больше всего рассказывалось забавныхъ исторій и анекдотовъ. Богъ вѣсть какимъ путемъ разговоръ перешелъ на текущія дѣла, а затѣмъ заговорили о писцѣ Полпгоцкомъ.

Послѣдній уже три десятка лѣтъ служить въ судѣ, отличается исполнительностью и... своеобразной памятью. Перепишетъ, бывало, бумагу до конца, но все содержаніе ея позабудетъ—такъ и подпишетъ, не зная что подписывалъ. Какъ разъ объ этой особенности его и заговорили сейчасъ у судьи.

Прокуроръ, хмурясь, высказалъ мысль о томъ, что если дать Полигоцкому собственный приговоръ то и его онъ пожалуй перепишетъ—и подпишетъ, не смущаясь нисколько.

— Вотъ мысль,—подхватилъ онъ вслухъ и, обращаясь къ хозяину дома, живо добавилъ,—знаете, Николай Ивановичъ, напишемте - ка приговоръ, да и дадимъ ему переписать. Посмотримъ,—подпишетъ-ли ее Полигоцкій!

— А и въ самомъ дѣлѣ интересно,—отозвался Орловъ,—попробуемъ...

Рѣшили, сдѣлали. Черезъ два дня дали Полигоцкому переписать приговоръ самому себѣ. Въ немъ говорилось, что приговорили его, Полигоцкаго, къ лишенію должности за нерадѣніе по службѣ (нашли таки!) и къ ссылкѣ его на десять лѣтъ въ Сибирь на поселеніе.

Писецъ переписалъ приговоръ. Собрали подписи, судьи подписали. Дали ему. Ничего,—подписалъ, не провѣривши, да и отправилъ собственноручно вмѣстѣ съ другими бумагами стряпчему для провѣрки (такое тогда, положеніе было, теперь и должность стряпчаго упразднена).

По всей вѣроятности, шутка не должна была выходить изъ стѣнъ суда и уже ни въ коемъ случаѣ не должна была дойти до стряпчаго, но писецъ постарался отправить бумаги непосредственно на домъ стряпчему.

Что произошло дальше, мало интересно. Секретарь съѣлъ отъ вскипѣвшаго стряпчаго два шлепка по физиономіи, переварилъ ихъ и вскорѣ успокоился. Полигоцкій, когда ему читали черновую приговора, долго плакалъ, сокрушенно просилъ у всѣхъ помилованія, потомъ раза три вздохнулъ облегченно, о чемъ-то подумалъ сосредоточенно и... пошелъ домой.

На слѣдующій день, какъ передають старожилы Брацлова, онъ такъ-же лихо подмахиваль входящія и исходящія бумаги какъ сіе продѣлываль годъ-два тому назадъ. А судьи—вдругъ вспомнили о чемъ-то неотложномъ въ этотъ день и дружно разошлись каждый по своимъ дѣламъ.

Курсистка А. Т—нко.

Младо-туронь.—Неужели Россія совсѣмъ меня не боится?

ТЕЛЕГРАММЫ *).

Нашихъ корреспондентовъ.

Село Броварки, Мозолевокой волости, Кременчугскаго уѣзда, Полтавскокой губерніи. Вашъ корреспондентъ бесѣдовалъ съ мѣстнымъ помѣщикомъ Е. А. Мамчищемъ, которому мировой судья 4-го участка В. Я. Исаевичъ разсказалъ слѣдующіи довольно характерный (запротоколенный) случай.

Какъ только пронеслись слухи о мобилизаціи, исчезъ одинъ іудей. Послѣ тщательныхъ обысковъ еврейскихъ жилищъ, его нашли дома—на кровати, зашитаго въ перину. Пришлось разрѣзать еврейское добро и извлечь исчезнувшаго патріота. Всего въ пуху его вели по улицамъ въ полицейскій участокъ. Говорятъ,—усмѣхнулся Е. А. Мамчищъ,—что іудей былъ зѣло сконфуженъ всеѣмъ происшедшимъ съ нимъ.

Примѣчаніе редакціи. За достовѣрность послѣдней фразы въ телеграммѣ—редакція журнала не ручается.

Запросы изъ провинціи.

V.

М. Г. Поднятая общеевропейская война все длится, требуя новыхъ жертвъ. По приблизительнымъ подсчетамъ съ іюля мѣсяца въ бояхъ погибло со стороны всеѣхъ воюющихъ армій, взятыхъ вмѣстѣ свыше

*) Данныя двѣ телеграммы по условіямъ времени пришли съ большимъ запозданіемъ.

Ред.

милліона арійцевъ, а то и больше. Естественнымъ является вопросъ,— да когда же кончится это безумное самоистребленіе? Наши газеты по этому вопросу даютъ самыя разнорѣчивыя толкованія. Конечно, не ихъ дѣло рѣшать вопросы о войнѣ или мирѣ,—на это есть Русскій Царь, П о м а з а н н и к ъ Б о ж і й!.. Въ настоящемъ письмѣ я не имѣю въ виду вопросъ—когда будетъ заключенъ миръ между Россіей и Германіей. Отнюдь нѣтъ,—меня интересуеетъ совершенно другая область... Въ сущности, мы воюемъ не съ германцами, не съ австріяцами и не съ турками. Эти несчастныя народности являются лишь слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ международныхъ интригановъ, для которыхъ выгодно.. Чѣмъ больше будутъ разоряться арійцы, чѣмъ старательнѣе они будутъ рѣзать другъ друга, тѣмъ прочнѣе, выше и пышнѣе будетъ разцвѣтать могущество Сіона на развалинахъ гоевскихъ царствъ.

Если въ Вашемъ молодомъ студенческомъ Русскомъ журналѣ есть какія-либо статьи по этому вопросу, будьте любезны выслать эти №№ съ ближайшей почтой наложеннымъ платежомъ.

Примите увѣренія и пр.

А. Мелковъ.

г. Воронежъ.
18-го ноября, 1914 года.

VI.

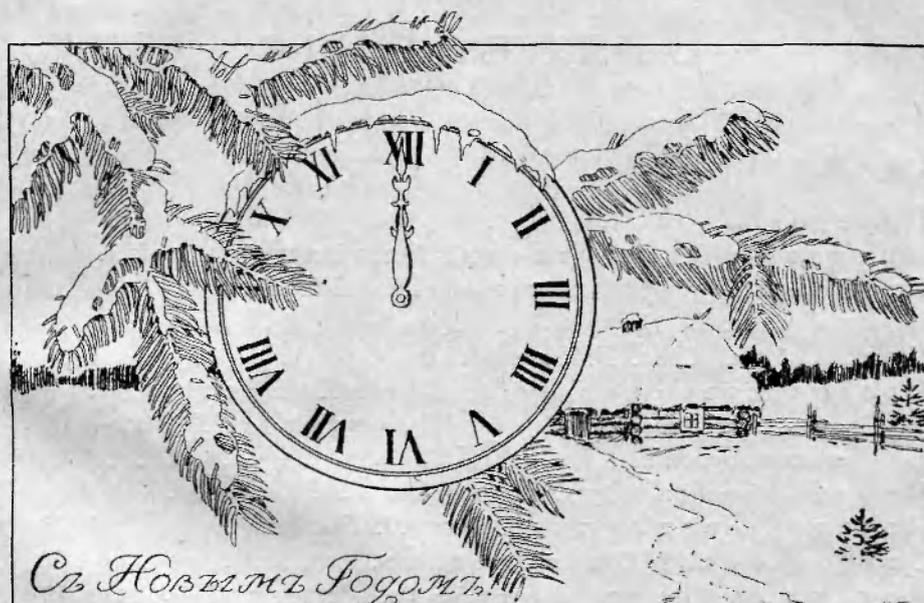
М. Г. Иногда на страницахъ Вашего журнала, въ отдѣлѣ— „Запросы изъ провинціи“ пишутъ объ евреяхъ. Вотъ и я хочу кое о чемъ спросить васъ:—почему евреи говорятъ на жаргонѣ^{*)}? Почему въ этомъ жаргонѣ всегда и вездѣ, во всѣхъ государствахъ, гдѣ жили евреи, заложенъ *нѣмецкій* языкъ,—только онъ и больше никакой? Почему?.. И въ Америкѣ, и во Франціи, и въ Испаніи, и въ Японіи, и въ Россіи евреи во всѣ времена (даже до Рожд. Хр., напр., въ Греціи и въ Римѣ) они говорили и упорно продолжаютъ говорить между собою исключительно на нѣмецкомъ языкѣ (жаргонѣ) и другого языка не хотятъ признавать. Почему?... Не найдутся ли въ составѣ Вашей редакціи студенты-филологи, которые и объяснили бы это довольно

^{*)} Жаргонъ—исковерканный нѣмецкій языкъ съ примѣсью специфически еврейскихъ словъ.

странное явление. (Кто у кого научился нѣмецкому языку (жargonу) — нѣмцы у евреевъ или наоборотъ, принимая во вниманіе древнее происхожденіе жаргона. Какая связь между нѣмецкимъ языкомъ (*нѣмцами*) и евреями?). Объ этомъ никогда не возбуждался вопросъ...

П. Захаровъ.

24-го ноября. 1914 г.
Москва.

Съ Новымъ Годомъ!

Конецъ редакціонной части.

Редакторъ-Издатель М. М. Спасовскій.

Издательница: А. В. Спасовская.

Оглавление.

	I.	стр.
Передовая.		11
Дневникъ Отечественной войны 1914 года.		14
Въ Варшаву. (Изъ личныхъ впечатлѣній). <i>Взры В.</i> . . .		26
Война Стих. <i>В. Будрикъ</i>		33
Послѣ боя Стих. <i>В. Будрикъ</i>		33
Пророчество святаго Андрея Христа ради юродиваго о судьбѣ Царьграда. <i>Геросхи- монаха Антонія</i>		34
Передъ боемъ. Стих. <i>В. Будрикъ</i>		38
Подвигъ священника. Стих. <i>В. Будрикъ</i>		38
Студенческій Справочникъ.		39
Памяти студента Голубева. Студента <i>П—нко</i> . . .		42
Свѣтлой и славной памяти студента-офи- цера, Голубева, павшаго въ бою 6 окт. 1914 г. Профессора <i>И. А. Сикорскаго</i>		43
Правда ли? (Письмо въ „Новое Время“)		46
Письмо въ редакцію. Студ. <i>Леонида Батай</i>		50
<i>Л. А. Кассо</i> . (Некрологъ)		51
А р г о р о в		53
II.		
Изъ тихаго оута. Романъ курсистки <i>А. Чемодановой</i> . . .		57
Нашимъ героямъ. Стих. <i>В. Будрикъ</i>		78

	стр.
Для новыхъ бурь. Стих. студента <i>Александра Жуковскаго</i>	78
Колесо жизни. Посвящается В. Ю. Я. Студента <i>Юрія Чуткаго (Эттингера)</i>	79
Пѣсни осени. Стих. студ. <i>И. Руссена</i>	81
Хмурья скалы на темный заливъ надвигаются. Стих. студента <i>И. Руссена</i>	81
Осенніе сумерки. Стих. <i>Н. Тхоржевскаго</i>	82
Какъ много насъ. И всѣ мы одиноки. Стих. Студента <i>Гр. III—нко</i>	82
Изъ дневника незамѣтной личности. (Посвящено забытой жизнью). <i>Наталии Несытовой</i>	83
Изъ пѣсень крестьянина. Посвящаю дорогой и глубокоуважаемой Любви Михайловнѣ Воробьевой 1. И не плакаль бы	90
2. Ночью темною. Стих. <i>Петра Горемыки</i>	91
Жизнь. Стих. <i>Н. Дунинъ-Барковскаго</i>	91
На нарахъ. Разсказъ арестанта <i>Николая Аф. Пospлoвa</i>	92
Безконечно-родной, безконечно любимой. Стих. курсистки <i>А. А—товой</i>	99
Тамъ, гдѣ нѣтъ этой пыли и шума. Стихотв. студента <i>Александра Жуковскаго</i>	99
Коверъ изъ листьевъ. Элегія. Стих. студента <i>Зиновія Березанскаго</i>	100
Свадебное шествіе розъ. Студ. <i>Вяч. Игнатовича</i>	101
Въ тюрьмѣ. Стих. <i>Н. Дунинъ-Барковскаго</i>	105
Напѣвы лютни. Шотландская мелодія. Стих. студента <i>Зиновія Березанскаго</i>	106
Въ Бельгіи. Стих. <i>Никол. Горинъ</i>	106
Бѣгство изъ нѣмецкаго плѣна. (Фактъ). <i>Г. Шило</i>	107
Утро въ деревнѣ. Стих. <i>Марины Несытовой</i>	116
Вдохновеніе. Стих. <i>Марины Несытовой</i>	117
Забытая скамья. Стих. <i>Марины Несытовой</i>	119
Изъ жизни. (Фантазія). Стих. студента <i>Южнаго</i>	121
Затворилися двери моей кельи печальной. Стих. студента <i>Меласа</i>	121

	стр.
Покоряйся велѣньямъ Судьбы. Стих. студ. <i>Зиновія Березанскаго</i>	123
Старо, какъ мѣръ. Стих. <i>Зиновія Березанскаго</i>	124
Вѣрочка. Разказъ студента <i>Ив. Мартынова</i>	125
Ночныя тѣни. Стих. студ. <i>Гр. Ш—ко</i>	140
Молодое вино. Стихотв. въ прозѣ. Посвящаю „Зайцу“. <i>Вяч. Игнатовича</i>	141
Ты попрежнему та и не та... Стих. студ. <i>Алек- сандра Жуковскаго</i>	141

III.

Наши герои. Стих. курсистки <i>Татіаны Б.</i>	145
Изъ жизни, исканій и наблюденій студен- чества. <i>В. В. Розановъ</i>	146
Когда кончится общеевропейская война? <i>М. Михайловичъ</i>	153
Гармонія мірового хаоса. Развитие міра и прото- плазмы. Очеркъ студ. <i>Вяч. Игнатовича</i>	156
Н. Г. Чернышевскій. (Къ 25-лѣтію дня смерти 17 окт. 1888 г.—1914 г.). <i>Вѣры Воскресенской</i>	167
Что подарить дѣтямъ на Рождество. Крити- ческіи набросокъ студ. <i>М. С-аго</i>	170
О современномъ писательствѣ. Литературныя замѣтки <i>Мих. Спасовскаго</i>	173
Книги, поступившія для отзыва въ редак- цію „Вешнихъ Водъ“	177
Письмо въ редакцію. По поводу статьи студента Вяч. Игнатовича—„Рожденіе міра и протоплазмы“. Студента Юрьевскаго университета <i>А. Жукова</i>	182
Отвѣтъ на письмо гна Жукова. Студента <i>Вяч. Игнатовича</i>	184

Музыкальная шкатулка.

Быть молодымъ. Стих. курсисткой <i>А. А—това</i>	189
Пойдемте за нимъ...	190

Русскіе въ Англии. (Исторія одной поѣздки). <i>Ю. М.</i>	193
Страничка исторіи изъ жизни В. В. Андреева и его Императорскаго Велико-русскаго оркестра	205
Гекторъ Берліозъ. Студента <i>Вяч. Игнатовича</i>	208
Театръ и музыка	211
Памяти Яна Крейза. <i>В. И.</i>	226
Новыя теченія. Студента <i>Вл. Игнатьева</i>	227

Некрологи.

Павшіе въ бою	233
-------------------------	-----

Шахматы.

Шахматы. Подъ редакціей студента Юрія Михайловича Эттингера	241
---	-----

Живыя искорки.

Приключенія англичанки въ странѣ москвитовъ. (Вродѣ какъ бы переводъ съ иностраннаго). <i>Гай Д'Ара</i>	247
Галерея современныхъ типиковъ. Штрихи студента Мих—Са	251
Возвращеніе. (Несомнѣнный фактъ) Студентъ <i>В. И.</i>	256
Оплеваный міръ. Стих. студ. <i>Зиновія Березанскаго</i>	260
Случай. Курсистка <i>А. Т—нко</i>	262
Телеграммы. (Отъ нашего корреспондента)	265
Запросы изъ провинціи. <i>П. Захарова</i>	265
Карикатуры	270

Съ январьской (V-ой) книги „Вешнихъ Водъ“ начнется печатаніемъ большая оригинальная научная статья извѣстнаго психіатра профессора П. И. Ковалевскаго — „Психологія Русской націи“.

ВЕШНЯЯ ВОДА

единственный в России большой Русский научно-литературно-художественный студенческий журнал.

Продается в Петроградъ: на *Невскомъ пр.* в книжных магазинах: М. О. Вольфа, Б. Мелье, „Нового Времени“, Н. П. Карбасникова, Сытина, „Поучения“, М. А. Яснаго (бывш. М. В. Попова).

На *Литейномъ пр.* в книжн. магаз. В. Г. Погодина (Лит., 8), А. Ф. Прокофьева (Лит., 30), Н. В. Базыкина (Лит., 51), Родионова (Симеон., 3).

На *Петроградской сторонѣ:* в книжн. магаз. П. П. Глѣбова (Большой пр., 35), Н. И. Федорова (Большой пр., 45), „Учитель“ (Большой пр., 4), „Новый Путь“ (Большой пр., 1), „Жизнь“ (Большой пр., 3), „Учебное Дѣло“ (Большой пр., 6), В. П. Анисимова (Большой пр., 90), Ив. Загряжскаго, „Энергія“ (Большой пр., 59), „Книжный Посредникъ“ (Большой пр., 80).

На *Васильевскомъ Островѣ* в книжн. магаз: „Естествоиспытатель“ (3 лин., 48), „Наука“ (7 лин., 36 и 11 лин., 42), И. П. Захарова (5 лин., 14), М. П. Егорова (6 лин. Андр. рын., 32). Кроме того в кн. маг. Я. Башмакова (Итальян., 31), Пассажъ (кіоскъ Наумовой), Ф. Л. Смирнова (Суворовскій пр., 25 и Больше-Охтенскій пр., 108), Н. В. Быстрова (Суворовскій пр., д. 1-а), „Путь“ (Знаменская, 2) и в *Лѣсномъ* у Л. А. Дубининой (Уг. 2-го Муринскаго пр. и Болотной ул., д. 41-8) и у А. П. Веревичева (Старонарголовскій пр., д. 32, кв. 1. тел. 295).

Въ **Саратовѣ** в кіоскахъ газеты „Волга“. Въ **Казани** в книжн. магаз. Я. Башмакова. Въ Москвѣ, въ Одесѣ, въ Харьковѣ, въ Ростовѣ-на-Дону в книжн. магаз. „Нового Времени“.

Подписная цѣна: на 1 годъ—4 руб., на $\frac{1}{2}$ года—2 р. 50 коп. Подписка на журналъ продолжается в теченіе **всего** года.

Отдѣльныя №№ ра выписывать (оптомъ и в розницу) только изъ Главной Конторы „Вешнихъ Водъ“.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи журнала „**Вешняя Вода**“: Петроградъ, 7-я Рождественская ул., д. 4, кв. 13. Телефонъ 67-74. Редакторъ-Издатель М. М. Спасовскій.

6 й
годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914—15 г.
(ПОДПИСНОЙ ГОДЪ съ СЕНТЯБРЯ).
на дѣтскій Литературно-Художественный
и НАУЧНЫЙ журналъ для семьи и школы

24 № иллюстрированныхъ журнала и 30 безплатныхъ приложеній.
МОСКВА.
Александровская ул., д. 8.

„ДОБРОЕ УТРО“

Журналъ одобренъ многими инспекторами и педагогами народныхъ училищъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ 3 руб., на 1/2 г. 1 руб. 75 к., на 3 мѣс. 1 руб., на 1 мѣс. 25 к., За границу 6 руб. въ годъ.

Все наши юные подписчики и подписчицы за любовь къ чтенію и къ нашему журналу получаютъ:

24 № БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА. **30** БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ: **20** № иллюстрированного приложения (для младшихъ братьевъ и сестеръ), содержащія: „Сказки всѣхъ временъ и народовъ“.—10 слѣдующихъ премій:—1) **КНИГА РУССКИХЪ СКАЗОНЪ**—роскошное изданіе со сказками В. А. Жуковскаго и другихъ авторовъ. 2) Книгу сказокъ **АНДЕРСЕНА**—незамѣнимый подарокъ дѣтямъ. 3) Собраніе сочиненій **М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**—съ портретами и биографіей. 4—6) 3 стѣнные **КАРТИНЫ** изъ жизни животныхъ, растений и народовъ по **БРЕМУ**. 7) **АЗБУКА-ПРИРОДА** для самообученія и обученія въ школѣ и дома. 8) **КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА**—съ хронологическими указаніями. 9) **Альбомъ открытокъ для раскрашивания**. 10) **МАЛЕНЬКІЙ КОЛЛЕКЦИОНЕРЪ**—роскошное изданіе.

Журналъ будетъ подраздѣленъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) Худож. снимки съ картинъ лучшихъ художн. 2) Литературный. 3) Научный. 4) Веселая страничка: игры, шарады, задачи и загадки. 5) Отдѣлъ дѣтскихъ рукодѣлій. 6) Обзоръ дѣтской литературы. Въ теченіе года въ журналъ будетъ объявлено нѣсколько конкурсовъ, посвященныхъ дѣтскому творчеству: Самостоятельныя сочиненія на заданныя темы. Рисунки. Задачи. Журналъ печатается на лучшей бумагѣ.

Въ этомъ году журналъ будетъ выходить подъ редакціей:

Г. Д. Дѣева—Хомяковскаго, Н. В. Покровскаго и С. А. Разсадина.

Въ журналѣ изъявили согласіе принять близкое участіе: Е. Н. Опочининъ, В. А. Гиляровскій, Н. В. Ченцовъ, М. Н. Денисовъ, С. Д. Дрожжинъ, И. А. Бѣлоузовъ, Н. В. Гиляровская, В. А. Семѣновъ, А. А. Александровъ, Г. А. Вяткинъ, Н. В. Оросло, Н. И. Столешниковъ, П. Г. Георгіевъ, С. Н. Кошаровъ, В. В. Панинъ, М. П. Воронцовъ, Н. Е. Каменскій, С. С. Розановъ, О. П. Каумакъ, Т. Щепкина-Куперникъ, Н. П. Чеховъ, Л. С. Сергѣевская, П. И. Гонцовъ, Е. В. Третьяковъ, С. П. Полтавскій, В. Н. Лазаревъ, В. А. Щуренковъ, Д. П. Варлыгинъ, И. А. Рѣпинъ, В. Вячеславскій, Д. Г. Смагинъ, Ф. Черновъ, Н. Рязановъ, А. П. Кастальскій, Н. Печужевъ, С. Д. Фоминъ, И. Г. Устиновъ, С. С. Степановъ, И. С. Трубянь, А. Кулаковъ и мн. др. Въ отдѣлѣ рисунковъ **В. Н. Денисовъ (Дени), Г. В. Галанинъ, А. Семеновъ, С. Ш. Михайловъ, Орловъ-Валери** и др.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: цѣна 1 стр. 30 р. на 1/2 15 р. 1/4 стр. 8 р. стр. пет. 50 к. и 30 к.

Кромѣ конторы редакціи, подписка принимается также въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Въ магазинѣ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ (Неглинный проѣздъ), **КАРБАСНИКОВА** (Моховая ул.), К-рахъ **МЕТЦЛЬ** (Мясницкая ул.), К-ра объявл. **В. К. ГИЛЯРОВСКАГО** (Столешниковъ пер.), К-ра журнала „**БУДИЛЬНИКЪ**“ (Тверская ул., Сытинскій пер. д. 5), а также во всѣхъ книжн. магазинахъ и почтово-телеграф. учрежденіяхъ Россіи и за-границей.

Редакторъ **Н. Покровскій.**

Издательница **И. Кочетова.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ
на ежемѣсячный историко-литературный журналъ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

издающіися наслѣдниками А. С. Суворина.

подъ редакціей Б. Б. Глинскаго.

(ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Подписная цѣна за годъ 10 рублей серебромъ съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 рублей. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается разсрочка по четвертямъ года безъ повышения годовой платы.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій пр., д. 40, и въ отдѣленіяхъ главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Въ связи съ переживаемыми военными событіями, редакция „Историческаго Вѣстника“ приложить всѣ старанія, чтобы печатаемья на страницахъ статьи отвѣчали историческимъ запросамъ переживаемаго политическаго дня.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ и его свѣтлость герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбергскій.

Въ 1915 году имѣются къ напечатанію романы, повѣсти, рассказы и драматическія произведенія слѣдующихъ авторовъ: Марка Басанина, В. П. Буренина, М. Г. Веселковой-Кильштетъ, П. П. Гнѣдича, Ф. Е. Зарина-Несвицкаго, Н. А. Лаппо-Данилевской, В. Микуличъ, А. П. Плетнева, П. Н. Потапенка, В. Я. Свѣтлова, Г. Т. Сѣверцева-Пошлова, В. В. Уманова-Каплуновскаго, Е. С. Шумигорскаго, І. І. Ясинскаго, и мн. др.

Изъ числа воспоминаній, имѣющихся въ распоряженіи редакціи „Историческаго Вѣстника“, будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующіе мемуары: „Санъ-Стефано“ записки гр. Н. П. Игнатъева.—„Записки“ Н. В. Исакова.—„Воспоминанія“ К. А. Манна.—„Императорскій посоль и дворянская опека“ Н. Н. Фирсова.—„Радецкій, Скобелевъ и Драгомировъ“ С. А. Драгомировой.—„Дворянскія гнѣзда“ Б. Б. Глинскаго.—„Воспоминанія о С. Ѳ. Шараповѣ“ С. К. Эфрона (Литвина).—„Четыре записки изъ жизни декабристовъ“ И. В. Погоржанскаго.—„Встрѣчи и знакомства“ А. И. Соколовой.—„За 30 лѣтъ“ В. Б. Бертенсона.—„Изъ записокъ за 47 лѣтъ“ Е. К. Андреевскаго.—„Изъ воспоминаній о Н. К. Михайловскомъ“ Н. Б. Рейнгарда.—„Театральныя мелочи“ М. В. Щепкина.—„Изъ рассказовъ П. И. Вейнберга“ М. В. Шевлякова.—„Изъ воспоминаній о пребываніи русскаго экспедиціоннаго отряда въ Критѣ“ М. М. Мариной.—„Силуэты“ П. А. Россіева.—„Изъ воспоминаній украинскаго актера“ К. И. Ванченко.—„Мозаика“ С. И. Уманца.—„Изъ литературныхъ воспоминаній“ А. Г. Шиле.—„Изъ пронылыхъ сношеніи съ Германіей“ П. Юдина.—„Изъ жизни московской прессы 80-хъ годовъ“ А. С. Серебряковой и мн. др.

Въ приложеніи къ журналу въ 1915 году будутъ даны:

Историческая лѣтопись, гдѣ въ систематическомъ порядкѣ будетъ дѣлаться обзоръ событій на всѣхъ театрахъ современной войны. „Лѣтопись“ будетъ иллюстрирована многочисленными портретами главныхъ и выдающихся дѣятелей войны.

„Долоресъ“. Драма въ пяти дѣйствіяхъ В. П. Буренина.

Переводный историческій романъ Е. Домольдеръ „Садовникъ маркизы Помпадуръ“.

Обзоръ историч. журнал. будетъ составлять А. А. Измайловъ.

Въ каждой книжкѣ будетъ печататься историческій фельетонъ Е. С. Шумигорскаго: „Изъ записной книжки историка“.

Въ остальныхъ отдѣлахъ—научномъ публицистическомъ, географическомъ, этнографическомъ, критики и библиографіи, мелочей истории—принимаютъ участіе до ста литераторовъ и ученыхъ.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1915 годъ.

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ

ВЪ РОССІИ. На 12 м.—10 р.; 11 м.—9 р. 50 к.; 10 м.—9 р.; 9 м.—8 р. 50 к.; 8 м.—7 р. 50 к.; 7 м.—6 р. 50 к.; 6 м.—5 р. 50 к.; 5 м.—5 р.; 4 м.—4 р.; 3 м.—3 р.; 2 м.—2 р.; 1 м.—1 р.

ЗА ГРАНИЦУ. На 12 м.—20 р.; 11 м.—19 р.; 10 м.—17 р. 50 к.; 9 м.—16 р.; 8 м.—14 р. 50 к.; 7 м.—13 р.; 6 м.—11 р. 50 к.; 5 м.—10 р.; 4 м.—8 р.; 3 м.—6 р.; 2 м.—4 р.; 1 м.—2 р.

Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какого мѣсяца высылать газету.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двенадцатыхъ праздниковъ.

Для годовыхъ подписчиковъ **допускается разсрочка платежа:** для служащихъ по третямъ, чрезъ нхъ казначеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1 мая и 2 руб. къ 1 сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги.

Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп.

За перемѣну адреса взимается каждый разъ 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ Редакціи (МОСКВА, Тверская, уг. Пименов. пер., д. 64—2, кв. 23); въ ПЕТРОГРАДѢ—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и П. Метцль и К^о, Морская, 11, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ ПАРИЖѢ—*Agence Havas, Place de la Bourse.*

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ *Московскихъ Вѣдомостей* въ Петроградѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ.

Плата за объявленія: передъ текстомъ 40 коп., послѣ текста—20 коп. со строки петита или за мѣсто, занимаемое ею въ одну колонну, за каждый разъ.

Стоимость отдѣльныхъ №№ *Моск. Вѣд.* 5 коп.

Редакторъ-издатель Б. В. Назаревскій.

Открыта подписка на 1915 годъ

Х ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

на газету

Х ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКОЕ ЗНАМЯ“

ВѢСТНИКЪ СОЮЗОВЪ РУССКАГО НАРОДА.

издаваемый А. И. ДУБРОВИНЫМЪ.

Выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, въ формѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Направление газеты: за ВѢРУ ПРАВОСЛАВНУЮ, ЦАРЯ САМОДЕРЖАВНАГО, ОТЕЧЕСТВО НЕРАЗДѢЛЬНОЕ И „РОССІЯ ДЛЯ РУССКИХЪ“

„Русское Знамя“, будучи вѣрнымъ истолкователемъ великихъ началъ исповѣдуемыхъ Союзомъ Русскаго Народа, ставитъ своей ближайшей задачей правдивое и безпристрастное изложение и освященіе текущихъ событій, строго обоснованное разоблаченіе злоупотребленій, незаконной и произвола чиновниковъ и общественныхъ дѣятелей, и выясненіе истинныхъ нуждъ Государства и Русскаго Народа, права котораго умышленно попираются въ угоду инородцамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ

по всей Россіи съ доставкой въ Петроградъ: на годъ—6 р., 11 м. 5 р. 60 коп., 10 м.—5 р. 20 к., 9 м.—4 р. 75 к., 8 м.—4 р. 30 к., 7 м.—3 р. 85 к., 6 м.—3 р. 30 к., 5 м.—2 р. 75 к., 4 м.—2 р. 20 к., 3 м.—1 р. 65 к., 2 м.—1 р. 10 к., 1 м.—55 коп., ЗА ГРАНИЦУ: на ГОДЪ—12 р., 11 м.—11 р. 20 к., 10 м.—10 р. 40 к., 9 м.—9 р. 50 к., 8 м.—8 р. 60 к., 7 м.—7 р. 70 к., 6 м.—6 р. 60 к., 5 м.—5 р. 50 к., 4 м.—4 р. 40 к., 3 м.—3 р. 30 к., 2 м.—2 р. 20 к., 1 м.—1 р. 10 к.

За перемѣну адреса 20 коп. почт. марками.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ г. ПЕТРОГРАДѢ: въ конторѣ редакціи Шпалерная, д. 26, и въ магаз. „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ Невскій, 40, Гвард. Экон. О-во Б. Коношечная 21, книжная торговля Т-ва И. Д. Сытина Невскій, 68, и во всѣхъ Отдѣлахъ Союза Русскаго Народа всей Имперіи.

Кромѣ того въ МОСКВѢ подписка принимается: у предсѣдателя Минскаго Отдѣла А. В. Вопилова—Волхонка, собств. торг; у товарища предсѣдателя Волхонско-Пречистенскаго Отдѣла И. П. Рыбанова—Марьиной Роща, Ямская ул., 2-й пробѣзд., д. Ягунова, кв. 14—16 въ ОРЛѢ Карачевская ул. д. Померанцева въ Губернск. Отд. Союза Русск. Народа. Въ полученіи денегъ выдаются квитанціи.

Розничная продажа: въ РОСТОВѢ-на-ДОНУ—въ киоскѣ И. С. Нинитина. Темерницкая ул., Таганрогскій пр., противъ дома Хохладжева. У Харчева: уг. Таганрогскаго пр. и Большой Садовой ул., газетный киоскъ. **НОВОЧЕРКАССКЪ:** у Н. П. Чиннинова уг. Платовскаго и Московскою ул. **ПОЛТАВА:** Киоскъ Союза Русск. Народа. **ВИТЕБСКЪ:** у М. А. Наумова Спасская ул. 1-я ч., д. Бѣльченко. **МУРОМЪ:** Отдѣлъ Союза Русск. Народа. И во всѣхъ желѣзнодорож. киоскахъ контрагентства „А. С. Суворинъ и К^о“.

Подписываться можно на всѣ сроки, но не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, не меньше какъ на одинъ мѣсяць, не далѣе конца года и по возможности сообщать Не бандероли предыдущей подписки.

Годовая подписка считается только съ 1 Января.

При подпискѣ съ 1-го Января на годъ допускается разсрочка платежа: 1-го Января—3 р., 1-го Мая—2 р. и 1-го Августа—1 рубль.

При желаніи подписаться въ разсрочку, необходимо обязательно указывать на пероводѣ о томъ, что это взносъ въ разсрочку, въ противномъ случаѣ контора вынуждена будетъ считать ихъ подписчиками на опредѣленные сроки, соответственно количеству присланныхъ денегъ и условіямъ подписки на сроки.

Лица, подписавшіяся въ разсрочку и не внесшія денегъ въ указанные выше сроки, лишаются права на разсрочку и будутъ зачислены согласно присланной суммѣ на срочъ — по тарифу.

При перемѣнѣ адреса и взносахъ въ уплату по разсрочкѣ, подписчики сообщаютъ прежній адресъ и обязательно № подписного билета или бандероли, подъ которой высылается газета.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ слѣдуетъ, обозначать требование на самомъ переводѣ, а не въ отдѣльномъ письмѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1915 годъ

7 г. изд.

7 г. изд.

на большую политическую, общественную и литературную газету

З Е М Ц И Н А,

съ ежемѣсячнымъ иллюстрированнымъ приложеніемъ

издаваемую въ Петроградѣ подъ редакціей С. К. Глинки-Янчевскаго (С. Глинка). ЗАДАЧИ „ЗЕМЩИНЫ“. Осуществленіе правыхъ, царско-народныхъ началъ. Защита Русскаго народа отъ иноплеменнаго и иудейскаго засилья. Борьба съ революционными и масонскими покушеніями на русскую государственность. Въ переживаемые нынѣ тревожные дни, когда все поглощено мыслями о войнѣ, собственные корреспонденты и военные обозрѣватели даютъ свѣжій, интересный матеріалъ. По окончаніи же войны, какъ и прежде „ЗЕМЩИНА“ получитъ свободу слова, не связаннаго военной цензурою, опять посвятитъ себя борьбѣ за истинныя права русскаго народа противъ непомѣрныхъ прихизаній его захребетниковъ и освѣщенію всей земской жизни.

ПОДПИСНАЯ цѣна въ Россіи: На 1 г.—6 р.; 6 м.—3 р.; 3 м.—1 р. 50 к.; 1 м.—50 к. **Допускается разсрочка:** 2 р.—при подпискѣ; 2 р.—къ 1 апрѣля и 2 р. 1 июля.

Цѣнамъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ, сельскимъ священникамъ и народнымъ читальнямъ, при непосредственномъ обращеніи въ контору газеты, дѣлается скидка 10% съ подписной цѣны.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ: Петроградъ. Шпалерная. 48. а также въ почтово-телеграфныхъ конторахъ и отдѣленіяхъ, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и др.

307—3 1.

ВЯЧ. ИГНАТОВИЧЪ

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

„Иль можетъ быть“. Романсъ для сопрано. Слова Эммы Гейдеррихъ. Ц. 40 коп.

„Romance melancolique“ (sans paroles). Ц. 30 коп.

„Romance triste“ (sans paroles). Ц. 30 коп.

Изданія Соколова (Петроградъ, Гостиный Дворъ. 1).

ГОТОВИТСЯ КЪ ИЗДАНИЮ:

„Romance lirique“ (sans paroles). Ц. 30 коп.

„Сопата—1914-ый годъ“. Ц. 1 рубль.

РУССКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ.

Имѣется обширный выборъ книгъ по *еврейскому* вопросу.

КАТАЛОГЪ БЕЗПЛАТНО.

Съ требованіями обращаться: Петроградъ, Невскій, 104.

Ник. Дм. Дунинъ-Борновскому.

Подписка на 1915 годъ на журналъ „ДЪЯТЕЛЬ“

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Правительственныя распоряженія.	7) Свѣдѣнія о дѣятельности благо-
творительныхъ учреждений.
2) Статьи литературнаго, экономиче-
скаго, гигиеническаго, педагогическаго
и медицинскаго содержания.	8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи
и другихъ странахъ.
3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія
и другія статьи бытового, нравствен-
наго и историческаго содержания.	9) Свѣдѣнія о дѣятельн. Обществѣ
трезвости въ Россіи и за границею.
4) Письма изъ провинціи.	10) Протоколы Казанскаго Общества
трезвости.
5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни.	11) Критика и библиографія.
6) Изъ жизни и печати.	12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля, съ приложеніемъ №№
газеты Русь Православная и Самодержавная за прежніе годы
за годъ 5 руб. Полугодовая подписка не принимается.

Журналъ за 1904 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства народ.
просвѣщ. въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902,
1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909 по 1912 гг.
платятъ 30 рублей и получаютъ всѣ изданія бесплатно.

Адресъ редакціи: Казань.

Черезъ редакцію журнала „Дѣятель“ можно пріобрѣтать
книги, допущенныя Ученымъ Комитетомъ для бесплат-
ныхъ народныхъ читаленъ и народныхъ чтеній.

Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи	
Императоръ Александръ II. Изд. 3-е. Проф. А. И. Александрова . . .	— р. 20 к.
Отчего гибнутъ люди. Вино-ядь. Защитникамъ умѣреннаго упо- требленія вина. Русскимъ матерямъ. За сотню	2 „ — „
Слова отца Іоанна Ильича Сергіева противъ пьянства. За сотню	1 „ — „
Вино для человѣка и его потомства — ядь. За сотню	2 „ — „
Спиртные напитки, какъ располагающая причина къ разнаго рода заболѣваніямъ человѣка. проф. И. М. Догеля. (Одобрен. Ученымъ Комит.)	2 „ 30 „
Знаніе и довѣріе какъ лекарство. Его же.	— „ 30 „
Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ (некрологъ съ портретомъ проф. А. И. Александрова)	— „ 10 „
Исторія Казани. Э. Фукса	— „ 50 „
Развалины Болгаръ и древніе Болгары. Э. Т. Турнерелли	— „ 50 „
Письма С. А. Рачинскаго духовному юношеству о трезвости.	— „ 30 „
Царь и народъ. Русь православная въ Саровѣ. Архим. Андрея	— „ 10 „
О любви Божіей па страшномъ судѣ Христовомъ. Архим. Андрея	— „ 30 „
Современныя задачи сельскаго пастыря. Н. М. Троицкаго.	— „ 30 „

Редакторъ-Издатель А. Т. Соловьѣвъ.

Открыта подписка на 1915 годъ на духовный журналъ

„СТРАННИКЪ“

(56-й годъ изданія)

съ бесплатнымъ приложеніемъ

Общедоступной Богословской Библіотеки.

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1915 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служить въ теченіе болѣе *полустолѣтій*. При журналѣ, въ качествѣ бесплатнаго приложения издается „Общедоступная Богословская Библіотека“ (издано уже 35 томовъ), имѣющая своею цѣлью сдѣлать вполне доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы. По отзыву одного обозрѣвателя современной духовной литературы „приложения“ „Странника“ представляютъ собою то цѣнное и солидное, что надолго останется въ русской богословской наукѣ и будетъ необходимою настоятельною принадлежностью всякаго сельскаго и городскаго священника“.

Въ 1915 году подписчикамъ будутъ даны приложения:

Четвертый и пятый томъ извѣстнаго сочиненія Проф. А. П. Лопухина:

Виблейская Исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Изд. 2-е. Цѣль настоящаго изданія дать русскому образованному обществу такую книгу, въ которой оно, знакомясь въ общедоступномъ изложеніи съ лучшими результатами новѣйшихъ библейско-апологетическихъ изслѣдованій и открытій, находило бы для себя надлежащую опору въ борьбѣ съ явно и тайно вторгающимся къ намъ рационализмомъ и отрицаніемъ и укрѣпилось въ убѣжденіи, что какия-бы бури не вздымалъ духъ новѣйшаго невѣрія, онъ безсиленъ пошатнуть ту непреборимую скалу, на которой покоится вѣковѣчная истина Св. Писанія. 1-е изданіе сего сочиненія почти все распродано несмотря на сравнительно высокую его цѣну (26 руб. за три тома), что служитъ лучшей для него рекомендаціей.

Журналъ по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печ. листовъ (до 200 стр. въ книжкѣ).

Цѣна: а) въ Россіи за журналъ „Странникъ“ съ приложеніемъ 2-хъ томовъ „Общедоступной Богословской Библіотеки“ восемь (8) рублей съ пересылкой; б) за границей 11 р. съ пересылкой.

Примѣчан. а) Въ *отдельной* продажѣ для неподписчиковъ цѣна „Богословской Библіотеки“ 2 р. 50 к. за томъ безъ перес. и 3 р. съ перес.

б) Желаящіе имѣть выпуски „Библіотеки“ въ *изящномъ* англійскомъ переплетѣ благоволятъ прилагать по 50 к. за выпускъ.

в) *Новые подписчики*, желающіе получить вышедшіе три тома „Библейской Исторіи“, прилагаютъ при выпискѣ *всѣхъ* по 1 р. 25 к. за томъ (въ перепл. 1 р. 75 к.) а при выпискѣ на *выборъ* по 1 р. 50 к. (въ перепл. по 2 р.).

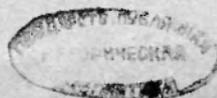
Адресоваться: **Въ Редакцію духовнаго журнала „СТРАННИКЪ“**

Петроградъ, Невскій пр., № 182.

За Редактора С. Артемьевъ.

Издательница Р. А. Артемьева урожд. Лопухина.

Обм. 400—2—1.

Х ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

Х ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

на большую ежедневную политическую и литературно-общественную газету

„СИМБИРЯНИНЪ“

←• Выходить въ Симбирскѣ. •→

Газета уделяетъ большое вниманіе жизни Симбирскаго края и Средняго Поволжья.

== ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ съ 1 числа наждаго мѣсяца. ==

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 5 руб. за годъ; 2 руб. 75 коп.—за ½ года; 1 руб. 50 коп.—за 3 мѣс.; 50 коп.—1 мѣсяць.

Духовенству, народнымъ учителямъ, народнымъ библиотекамъ, кооперативамъ и сельскимъ обывателямъ—3 руб. въ годъ.

Редакторъ-издатель А. Оедоровъ.

425--3-1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную газету

СВОБОДА и ПОРЯДОКЪ.

Девизъ газеты: Кто не противъ насъ, тотъ уже съ нами.

Подписная цѣна съ пересылкой: на 1 годъ—2 руб., на ½ года—1 р., на мѣсяць 17 коп. Цѣна №—1 коп. Перемѣна адреса 30 коп.

Подписка принимается въ Конторѣ газеты: Петроградъ, Шпалерная ул., д. 30. Тел. 170-47.

Редакторъ Е. А. Боркъ, урожд. Шабельская.

Издатель докторъ А. Н. Боркъ.

Обм. 4 2-1.

Матьяна Берхманъ.

ПЕРВЫЯ ПѢСНИ.

СБОРНИКЪ СТИХОВЪ.

Петроградъ. 1914. Цѣна 60 к.

Продается во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ и въ редакціи „Вешнихъ Водъ“. Выписывающіе изъ редакціи, за пересылку (наложеннымъ платежомъ) приплачиваютъ 20 коп.

Цѣна 70 коп.

*(Съ пересылкой наложеннымъ
платежомъ—95 коп.).*